

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Т. А. ЗОТОВА

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В РОССИЙСКОМ МУЗЕЕВЕДЕНИИ

МОСКВА
2026

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

Т. А. ЗОТОВА

КОНЦЕПЦИЯ
«ЖИВОГО МУЗЕЯ»
в российском музееведении

МОСКВА
2026

УДК 069.01
ББК 79.10
3-88

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук Окороков А. В.;
доктор культурологии Рыбак К. Е.

Зотова Т. А.

3-88 Концепция «живого музея» в российском музееведении : монография /
Зотова Татьяна Анатольевна ; Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт
Наследия, 2026. — 392 с.

DOI 10.34685/HI.2025.18.21.003

ISBN 978-5-86443-528-1

Монография обращается к изучению музееведческих идей и музейных практик, сложившихся в культурном контексте России в конце XIX — начале XXI вв. и получивших условное определение «живой музей». Рассматриваются идеальные и реальные проекты «живого музея» Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, В. Н. Всееволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова конца XIX — первой трети XX вв. Значительное внимание в издании уделяется прообразам и прототипам технологий «живого музея», относящимся к тому же периоду, но малоизученным в современных исследованиях. Пролегает становление понятия «живой музей» в музееведческом дискурсе России в 1980–2020-е гг. Характеризуются наиболее влиятельные современные концепты и методики, связанные с мягкой музееификацией объектов культурного наследия и созданием зон свободного общения и действия (зон «живого музея») в музейных экспозициях. В результате анализа формулируется культурологическая модель и обобщающая трактовка понятия «живой музей», разрабатывается методика творческого (динамичного) подхода к сохранению наследия. В завершающем разделе рассматривается современный опыт Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев (Институт Наследия) в проектировании зон «живого музея», а также предлагается типология актуальных приёмов, средств и объектов, использующихся для создания интерактивных зон в российских музеях. Книга предназначена для сотрудников российских музеев, практиков в области сохранения культурного и природного наследия, студентов и аспирантов, проходящих подготовку по специальностям «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов».

УДК 069.01
ББК 79.10

DOI 10.34685/HI.2025.18.21.003
ISBN 978-5-86443-528-1

© Институт Наследия, 2026
© Зотова Т. А., 2026
© Правообладатели изображений

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	7
-----------------------	---

РАЗДЕЛ 1.

Генезис российской концепции «живого музея» в исследованиях и музейной практике конца XIX — второй половины XX вв.

ГЛАВА 1.

Основные прообразы «живого музея» в публикациях последней трети XIX — первой трети XX вв.	30
--	----

Прообраз первый: выставка или музей	32
---	----

Прообраз второй: этнокультурные и исторические территории	40
--	----

Прообраз третий: природные объекты	45
--	----

Краткие выводы к главе 1	53
--------------------------------	----

ГЛАВА 2.

Ключевые идеи и проекты «живого музея» в конце XIX — первой трети XX вв.	54
---	----

Проект первый: идеальный «активный музей»	
---	--

Н. Ф. Фёдорова	54
----------------------	----

Проект второй: идеальный «живой музей Лавры»	
--	--

П. А. Флоренского	61
-------------------------	----

Проект третий: реальный «живой художественный	
---	--

музей-театр» В. Н. Всеволодского-Гернгросса	70
---	----

Проект четвёртый: идеальный «оживший	
--------------------------------------	--

этнографический музей» Б. М. Соколова	76
---	----

Краткие выводы к главе 2	85
--------------------------------	----

ГЛАВА 3.

Расцвет форм «живого музея»	
-----------------------------	--

в советской музейной практике 1930–1980-х гг.	87
---	----

Появление прототипов интерактивных технологий	
---	--

«живого музея» в советской музейной практике	
--	--

1930–1940-х гг.	87
-----------------------	----

Развитие форм «живого музея» в 1950–1980-е гг.	101
Краткие выводы к главе 3	111
<i>Приложение 1</i>	112
РАЗДЕЛ 2.	
Развитие концепции «живого музея» в российском музееведении конца XX — первой четверти XXI вв.	
ГЛАВА 1.	
Формирование понятия «живой музей» в музеееведческом дискурсе конца XX — первой четверти XXI вв.	137
Появление понятия в публикациях 1980–1990-х гг.	138
Развитие значений понятия	
в публикациях конца 1990-х — 2000-х гг.	143
Постоянное использование понятия в публикациях 2010-х — начала 2020-х гг. и его основные трактовки.....	150
Краткие выводы к главе 1	160
ГЛАВА 2.	
«Живой музей» как мягкая музеификация: основные подходы к реализации принципа.....	161
Концепция уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов) и её влияние	
на современную практику	162
Средовой подход (трактовка М. Е. Каулен).....	173
Этноэкологический средовой подход (трактовка В. М. Кимеева)	182
Краткие выводы к главе 2.....	190
ГЛАВА 3.	
«Живой музей» как иммерсивная технология организации музейной экспозиции.....	192
Формирование авторского концепта «живого музея» Т. П. Полякова.....	195
Развитие идеи и методики создания зон «живого музея» в музейно-экспозиционном пространстве.....	204
«Живой музей» как совокупность экспозиционных технологий: ключевые понятия, задачи и авторская типология Т. П. Полякова	210

Краткие выводы к главе 3.....	214
Приложение 2	216

РАЗДЕЛ 3.

Перспективы применения и изучения российской концепции «живого музея»: новые исследования и практики

ГЛАВА 1.

«Живой музей» как творческая модель музейной деятельности: опыт культурологического анализа.....	229
Интерпретация проблемы «живого музея» на основе деятельностной концепции культуры	229
Деятельностное определение «живого музея» и современные методики интерактивной музейной работы: сопоставление	240
Варианты внедрения экспериментальной или деятельностной модели «живого музея» и её методические принципы.....	246
Краткие выводы к главе 1	264

ГЛАВА 2.

Технологии «живого музея» в экспозиционных концепциях Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев (Институт Наследия).....	266
---	-----

Технологии «живого музея» в проектах экспозиций, направленных на актуализацию культурного ландшафта музея-заповедника «Горки Ленинские»	267
Технологии «живого музея» в концепциях военно-морских комплексов «Остров фортов» (Санкт-Петербург, Кронштадт) и Музей истории ВМФ (Москва)	274
Опыт проектирования музыкального микромузея на базе Центра развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук	281
Краткие выводы к главе 2.....	292

ГЛАВА 3.

Актуальная типология технологий «живого музея» в контексте экспозиционной интерпретации естественно-научной (естественно-исторической) тематики	293
Деятельностная типология технологий	
и зон «живого музея»: общая характеристика	294
Имитационные (игровые)	
и функциональные технологии создания постоянных зон «живого музея»	300
Экспозиционные и интерпретационные технологии организации временных зон «живого музея»	308
Краткие выводы к главе 3	319
Приложение 3	322
Заключение	325
Литература и источники	336
Информация об авторе	389

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография обобщает результаты исследования, проводившегося с 2019 г. на базе Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия). Исследование начиналось с отдельных практических вопросов, связанных с созданием интерактивных программ, которые интересовали автора как бывшего сотрудника музея-заповедника¹, но постепенно расширялось, приобретало более выраженный исторический и теоретический характер. Этому способствовало участие автора в нескольких крупных исследовательских и экспозиционных проектах Института Наследия, уже состоявшихся и реализующихся в настоящее время², а также опыт обучения в аспирантуре по направлению «Культурология»³.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существует мнение, что музейная и музееведческая проблематика — весьма узкая, накапливающая знания лишь по прикладным и методическим вопросам. Автору согласиться с этим трудно, ведь изучение музейных проблем приобретает в XXI столетии намного более широкое общественное значение. Именно музей, являющийся хранителем овеществлённой социальной памяти, в цифровую эпоху представляет человеку уникальную возможность ощущения

¹ См.: Зотова Т. А. Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга // Культурное наследие России. — 2019. — № 4. — С. 62–68.

² Например, см.: Зотова Т. А. Продолжая лучшие традиции. Современные разработки Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Института Наследия // Культурологический журнал. — 2022. — № 2 (48). — DOI 10.34685/HI.2022.81.83.017.

³ См.: Зотова Т. А. Концепция «живого музея» в российском музееведении: опыт культурологического анализа : автореферат дис. ... канд. культурологии. — Краснодар, 2024. — 27 с.

реальности своего бытия и обоснованности своей истории. В то же время, играя активную роль в моделировании прошлого и проектировании будущего, современный музей всё дальше отходит от своего классического образа, сложившегося в культуре Нового и Новейшего времени. Различные культурные и социальные изменения подталкивают исследователей как к переосмыслению устоявшихся музейных правил, норм, подходов, так и к более глубокому изучению национальных особенностей музейного дела и концепций сохранения наследия.

Тема настоящего исследования тесно связана с осмыслением истории и современных тенденций развития российского музейного дела. Границы музейного мира России расширяются, а традиционные музеи осваивают и предлагают новые интерактивные и иммерсивные технологии актуализации наследия. Это изобилие актуальных форм организаций, экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музеев откликается в музееvedческой рефлексии разнообразием определений и дефиниций. Нередко для осмысления современных практик одновременно применяются привычные термины из советского и российского музееvedения, привлекаются исторические концепции, сложившиеся в культурном контексте императорской и революционной России, а также понятия, пришедшие из западной науки в последние десятилетия. Поэтому одним из наиболее актуальных направлений музееvedческих исследований становится изучение и уточнение понятийно-терминологического аппарата.

Яркий пример научно-методического многоголосия — термин «живой музей», который активно используется в исследованиях для обозначения широкого круга явлений музейной сферы. К нему обращаются, когда рассматривают отечественные и зарубежные музейные концепции начала XX в. (Дж. К. Даны, Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского и др.), когда анализируют интерактивные виды экспозиционной и культурно-образовательной деятельности, или же, когда рассуждают о новых музейных формах и учреждениях музейного типа. Наконец, в последние годы, отмеченные повсеместным распространением в сфере охраны и актуализации культурного наследия России мировых техник «живой истории», смысловое поле

понятия «живой музей» ещё более расширилось. В зону его влияния вошла деятельность исторических и тематических парков, центров «живой истории» и экспериментальной археологии. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: понятие «живой музей» встречается повсеместно в научных публикациях, звучит в ходе научно-практических конференций и семинаров, но не имеет устоявшегося смысла. В связи с этим определение его места в понятийной структуре российского музееведения является своевременной и важной задачей.

Отметим, что в настоящем исследовании понятие «живой музей» рассматривается не только в узком музейно-методическом смысле, но и в самом широком — как уникальное явление российской культуры, которое в своём историческом развитии прошло путь от идеального образа до практического подхода к сохранению историко-культурного наследия. Предлагаемое исследование стремится проследить этот путь и обозначить перспективы его дальнейшего развития.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ

Для реализации данной сверхзадачи потребовалось обращение к широкому кругу научных работ, составивших теоретические и методические основы исследования. Следует подчеркнуть, что в российском музееведении отсутствуют работы, посвящённые комплексному анализу понятия «живой музей», его различных трактовок и концептов. Однако по мере проведения историографического анализа было выявлено немало научных публикаций и источников, которые затрагивают отдельные вопросы в контексте изучаемой проблематики. В тексте монографии неоднократно будут уточняться историографические аспекты данного исследования, поэтому во введении будет уместным ограничиться кратким обозначением выявленных и базовых исследований, разделив их на тематические группы, характеризующие степень научной разработанности темы.

В первую, наиболее широкую группу следует объединить философские, культурологические и музееведческие исследования, посвященные концепции «живого музея» П. А. Флоренского, предложенной философом в 1918 г. в контексте музеификации Троице-Сергиевой Лав-

ры. Данная тематика разрабатывалась Л. С. Алексеевой, И. В. Андреевой, Л. П. Воронковой, М. А. Гагановой, И. Л. Галинской, М. Е. Каулен, А. А. Корольковым, Р. В. Ковриковым, А. М. Копировским, Е. Ю. Перовой, Т. П. Поляковым, Д. А. Поповым, Т. В. Смирновой, игуменом Андроником (А. С. Трубачёвым), М. С. Трубачёвой, И. А. Тульпе, М. В. Шваровой, Л. М. Шляхтиной, П. В. Флоренским⁴ и др.

Вторую группу составляют работы, направленные на изучение и интерпретацию музейной концепции Н. Ф. Фёдорова, ставшей частью его учения — философии общего дела. К ней относятся исследования О. А. Аксеничева, Н. А. Бенедиктова, З. А. Бонами, А. А. Жиляева, А. В. Зыкова, М. Е. Каулен, Е. Н. Мастеницы, Т. П. Полякова, С. И. Сотниковой⁵ и др.

⁴ Например, см.: *Алексеева Л. С. Музееведческие идеи священника Павла Флоренского в современной деятельности музеев Кемеровской области // Актуальные проблемы социокультурных исследований : сб. науч. ст. по итогам Межрегиональной науч.-практич. конф. аспирантов и соискателей. Вып. 10. — Кемерово, 2014. — С. 292–299; Гаганова М. А. Проекты и практики музеификации Троице-Сергиевой Лавры в 1920–40е гг. : дис. ... канд. ист. наук. — М., 2016. — 261 с.; Галинская И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии : Дайджест. — М., 1995. — № 3. — С. 22–29; Перова Е. Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (843). — С. 220–228; Поляков Т. П., Смирнова Т. В. Музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории // Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII — XX век. — М., 2011. — С. 423–465; Трубачёва М. С. Из истории охраны памятников в первые годы советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры 1918–1925 годов // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб.] 5. — М., 1984. — С. 152–164; Шляхтина Л. М. Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей // Вопросы музеологии. — 2010. — № 1 (1). — С. 44–49.*

⁵ Например, см.: Аксеничев О. А. Философия музея Н. Ф. Фёдорова // Музейное дело. [Вып. 21]. — М., 1992. — С. 91–101; Бенедиктов Н. А., Трусов А. А. Музей как транслятор ценностей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. — 2008. — № 3 (11). — С. 121–129; Бонами З. А. Н. Ф. Фёдоров и западная музеологическая традиция. Диалоги // Музей — памятник — наследие. — 2017. — № 1. — С. 127–136; Жиляев А. А. Музей Николая Фёдоровича Фёдорова // Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) : сб. науч. ст. — М., 2018. — С. 206–211; Зыков А. В.

Третью группу формируют публикации, обращенные к изучению этнографических концепций «живого музея», предложенных и частично реализованных во второй половине 1920-х — середине 1930-х гг. В исследованиях и статьях Т. Андреевой, О. Всеволодской-Голушкиевич, Т. А. Крюковой, В. Г. Пушкарёва, Т. М. Смирновой, О. Сомовой, Е. Н. Студенецкой⁶ рассматривается деятельность В. Н. Всеволодского-Гернгросса, создателя Этнографического театра Русского музея (1930–1936). Музейная концепция Б. М. Соколова, бывшего во второй половине 1920-х гг. директором Центрального музея народоведения в Москве, представляется в работах В. А. Бахтиной, И. А. Головнёва, А. Б. Ипполитовой, М. М. Керимовой, О. А. Кубанкиной, И. В. Маковецкого, Х. М. Турьинской, В. Чичерова, И. И. Шангиной⁷ и др.

Музееоведческие взгляды Н. Ф. Фёдорова и современное музееведение : автограф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2004. — 23 с.; *Каулен М. Е.* Концепция музея в философии Н. Ф. Фёдорова // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения : информ. сб. — М., 1990. — Вып. 6. — С. 82–87; *Мастеница Е. Н.* Феномен музея в философском наследии Н. Ф. Фёдорова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 3. — С. 137–142.

⁶ Например, см.: *Андреева Т., Сомова О.* Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра) // Советская этнография. — 1985. — № 2. — С. 83–90; *Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н.* Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музеиного дела в СССР. — М., 1957–1971. — Вып. VII. — 1971. — С. 9–120; *Пушкарев В. Г.* «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — № 120. — 2010. — С. 339–344; *Смирнова Т. М.* Фольклорный театр В. Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде) // Клио. — 2016. — № 10 (118). — С. 154–174.

⁷ Например, см.: *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых. — М., 2000. — 334 с.; *Головнёв И. А.* «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. — 2021. — № 3 (13). — С. 244–263; *Ипполитова А. Б.* История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. — 2001. — № 2. — С. 144–160; *Керимова М. М.* Б. М. Соколов — первый директор Центрального музея народоведения в Москве, организатор журнала «Этнография» // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы : сб. материалов. — Ижевск, 2017. — С. 45–46; *Маковецкий И. В.* Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 7–18; *Померанцева Э., Чичеров В.* Борис Матвеевич Соколов // Советская этнография. — 1955. — № 4. — С. 97–105.

В четвёртую группу следует объединить исследования, в которых разрабатываются современные концепции, методики и трактовки «живого музея». Среди них — работы Т. П. Полякова, посвящённые авторской концепции «живого музея» как технологии проектирования экспозиций⁸; публикации М. Е. Каулен, разрабатывавшей принципы средового подхода к музеефикации и понимающей «живой музей» как тип средового музея⁹; исследования С. И. Сотниковой, рассматривающей «живой музей» как уникальную историческую территорию (культурный ландшафт)¹⁰; публикации В. М. Кимеева, а также П. В. Абрамовой (Глушковой), Т. И. Кимеевой, С. Г. Родионова и др., в которых развиваются идеи этноэкологического (средового) подхода к сохранению наследия¹¹. К относительно самостоятельной подгруппе следует отнести исследования, посвящённые разработке философских принципов, теоретических и методических аспектов сохранения наследия в формате культурных ландшафтов; это статьи Д. С. Лихачёва¹², излагающие

⁸ Например, см.: *Поляков Т. П.* Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». — М., 2021. — С. 113–162.

⁹ Например, см.: *Каулен М. Е.* Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков: Труды ГИМ. Вып. 127. — М., 2001. — С. 86–98; *Каулен М. Е.* Музей и наследие // Музей. — 2009. — № 5. — С. 10–19; Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каулен, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова [и др.] // Музей. — 2009. — № 5. — С. 51.

¹⁰ *Сотникова С. И.* Музей в меняющемся мире // Обсерватория культуры. — 2007. — № 2. — С. 60–66.

¹¹ Например, см.: *Кимеев В. М.* Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. — Томск, 2008. — 452 с.; *Глушкова П. В.* Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 1–1 (61). — С. 59–63; *Родионов С. Г.* Музеефикация историко-культурного наследия шорцев : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2018. — 19 с.

¹² *Лихачёв Д. С.* Прошлое — будущему : статьи и очерки. — Л., 1985. — 575 с.

его учение об экологии культуры, а также публикации Ю. А. Веденина, А. В. Горбунова, Г. А. Зайцевой, В. Н. Калуцкова, М. Е. Кулешовой, Б. Б. Родомана, В. П. Столярова, Д. В. Тормосова, Р. Ф. Туровского, П. М. Шульгина¹³ и др.

В пятую группу входят работы, посвящённые истории развития российских музеев-заповедников и музеев под открытым небом, в практике которых сформировались в 1970–1990-е гг. и продолжают развиваться ныне различные формы «живого музея». Среди их авторов — П. В. Глушкова, Б. В. Гнедовский, Б. А. Гущин, А. Н. Давыдов, М. Е. Каулен, И. В. Маковецкий, Е. Н. Мастеница, А. В. Ополовников, А. Б. Пермиловская, О. Г. Севан, В. В. Тихонов, В. Г. Шмелев¹⁴ и др.

Наконец, в шестую группу следует выделить исследования, в которых как формы «живого музея» рассматриваются современные интерактивные практики этнографических музеев под открытым небом — скансенов (В. А. Котосина, А. Б. Пермиловская,

¹³ Например, см.: *Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. — 1992. — № 3. — С. 90–99; Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М., СПб., 2004. — 617, [1] с.; Родоман Б. Б. Культурный ландшафт и судьба России. — М., 2023. — 488 с.; Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. — М., 1998. — 208 с.*

¹⁴ Например, см.: *Гнедовский Б. В. Памятники деревянного зодчества России в музеях под открытым небом. 12 старейших музеев народного зодчества и быта. — М., 2002. — 69 с.; Мастеница Е. Н. Музейные заповедники : учеб. пособие. — СПб., 2015. — 131 с.; Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет / Ред.-сост. И. В. Мельников; [колл. авт.: Б. А. Гущин и др.]. — Петрозаводск, 2006. — 201 с.; Ополовников А. В. Музеи под открытым небом как метод сохранения памятников деревянного зодчества и их значение для города // Памятники архитектуры и современная городская застройка. — М., 1973. — С. 93–101; Пермиловская А. Б. Музеи под открытым небом в современной культуре России и Западной Европы // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность : сб. материалов конф. — Архангельск, 2010. — С. 39–49; Севан О. Г. «Малые Карелы». Архангельский музей деревянного зодчества: история создания, методология проектирования, современное состояние. — М., 2012. — 367 с.; Тихонов В. В. Особенности музеификации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья : дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2004. — 197 с.*

Е. А. Полякова, О. Г. Севан, В. В. Тихонов и др.)¹⁵, а также работы, посвящённые организации и развитию в России музеев или центров «живой истории», исторических и подводных парков. В их числе публикации А. С. Богатыревой, В. В. Велитченко, А. Н. Дробышева, О. А. Крыниной, О. Ю. Нельзиной, А. В. Окорокова, иеромонаха Феодоктиста (А. Петрова), Д. А. Прокудиной, М. Г. Теребилова, Е. Н. Чернявской¹⁶ и др. Помимо этого, анализ и сопоставление современных музейных практик потребовали обращения к зарубежной литературе, представляющей концепцию «полезного музея», особенности «живой истории» как музейной техники, принципы работы эконо-

¹⁵ Например, см.: *Пермиловская А. Б.* Историко-культурный заповедник — новая форма создания живого музея под открытым небом (на примере уникального исторического поселения с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях : материалы науч.-практич. конф. — Иркутск, 2006. — С. 15–27; *Полякова Е. А.* Музейно-этнографические программы как способ сохранения национальной идентичности (на примере деятельности Омского государственного музея-заповедника «Старина Сибирская») // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — 2020. — № 10. — С. 350–357; *Севан О. Г.* Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. — 2006. — № 3. — С. 60–69; *Севан О. Г.* Российские музеи под открытым небом // Обсерватория культуры. — 2006. — № 6. — С. 66–75.

¹⁶ Например, см.: *Велитченко В. В.* Формат «живая история» как одно из перспективных направлений развития музеев // Вопросы музеологии. — 2021. — Т. 12. — № 1. — С. 88–93; *Дробышев А. Н.* Музейный парк как форма презентации археологического наследия : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2011. — 24 с.; *Крынина О. А.* Музей-заповедник «Старина Сибирская» — музей живой истории (из опыта работы) // Аношинские чтения : сб. материалов. — Омск, 2022. — С. 57–61; *Нельзина О. Ю., Окороков А. В., Поляков Т. П.* Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. — М., 2019. — 288 с.; Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Окороков, Д. В. Бабекин, Т. П. Поляков, О. Ю. Нельзина. — М., 2018. — 140 с.; *Прокудина Д. А.* Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории // Культура и образование. — 2020. — № 4 (39). — С. 23–31; *Теребилов М. Г.* Реконструкция повседневной культуры средневекового общества в музейной экспозиции // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2021. — № 2 (47). — С. 96–100; *Чернявская Е. Н., Базарова Э. Л.* Тематический парк как феномен современной культуры // Вопросы культурологии. — 2014. — № 4. — С. 51–58.

музеев, микромузеев и др. (Jay Anderson, Kathryn Boardman, Virginia Wolf Briscoe, Fiona Candalin, John Cotton Dana, Marie Vaillancourt Laporte, Timothy J. McNeil и др.)¹⁷.

После обзора основных исследований, непосредственно развивающих проблематику «живого музея», важно отметить работы, имеющие общетеоретическое значение для комплексного изучения выбранной темы. Среди этих работ:

- научно-философские публикации и учебно-методические пособия А. И. Арнольдова, Э. А. Баллера, В. С. Библера, В. П. Большакова, Н. С. Злобина, С. Н. Иконниковой, М. С. Кагана, Г. С. Кнабе, Л. Н. Когана, В. А. Лекторского, Д. С. Лихачёва, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, Э. А. Орловой, В. М. Розина, А. Я. Флиера¹⁸ и др., определившие культурологический характер и терминологические особенности представленной работы;
- публикации Т. А. Алешиной, В. Г. Ананьева, Ю. де Варина, В. П. Грицкевича, М. Б. Гнедовского, Т. П. Калугиной, И. А. Ку-

¹⁷ Например, см.: *Candalin Fiona. Micromuseology: An Analysis of Small Independent Museums*. — Bloomsbury : London, 2016. — 224 p.; *Dana John Cotton. A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it Will Profit a City to Maintain*: No. 4 of the New Museum Series. — Woodstock, Vermont : Elm Tree Press, 1920. — 57 p.; *The living history anthology: perspectives from ALHFAM* / Ed. Martha B. Katz-Hyman, Cliff Jones, Susan J. McCabe and Mary Seelhorst; Association for Living Historical Farms and Agricultural Museums (U.S.). — New York, NY : Routledge, 2019. — 262 p.; *McNeil Timothy J. A Site for Convergence and Exchange: Designing the Twenty-first-century University Art Museum* // *The Future of Museum and Gallery Design: Purpose, Process, Perception* / ed. S. MacLeod, T. Austin, J. Hale, O. H. Hing-Kay. — London and New York : Routledge, 2018. — Pp. 100–115.

¹⁸ Например, см.: *Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два филос. введ. в двадцать первый век*. — М., 1991. — 413 с.; *Каган М. С. Философия культуры*. — СПб., 1996. — 415 с.; *Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни*. — М., 2006. — 751 с.; *Культурология : учебник* / [В. П. Большаков и др.]; под ред. С. Н. Иконниковой и В. П. Большакова. — М., 2011. — 527 с.; *Наука глазами гуманитария* / [отв. ред. В. А. Лекторский]. — М., 2005. — 687 с.; *Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию*. — М., 1994. — 214 с.; *Основы культурологии: [учеб. пособие]* / [Е. Я. Александрова и др.]. — М., 2005. — 493 с.; *Розин В. М. Культурология : учеб. для вузов*. — М., 2005. — 462 с.; *Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие*. — М., 2000. — 496 с.

- клиновой, А. М. Кулемзина, Е. Н. Мастеницы, П. ван Менша, А. И. Михайловской, Н. А. Никишина, О. С. Сапанжи, Ж. А. Ривьера, Д. А. Равикович, А. М. Разгона, Н. А. Томилова, К. Хадсона, Е. Чайковского, Т. Шола, Ф. Юбера, Т. Ю. Юрненвой¹⁹ и др. в области теоретического и исторического музейеведения;
- работы А. Б. Закс, В. И. Златоустовой, И. П. Иваницкого, О. В. Ионовой, М. Е. Каулен, А. И. Михайловской, С. А. Овсянниковой (Каспаринской), М. А. Поляковой, Д. А. Равикович, А. М. Разгона, А. А. Сундиевой, А. И. Фролова, Л. М. Шляхтиной²⁰ и др. публикации, в том числе в сборни-

¹⁹ Например, см.: Музейное дело и охрана памятников : обзорная информация. — М., 1984—1989. 1986, вып. 1: Современные тенденции развития музейной коммуникации в капиталистических странах: теория и практика / М. Б. Гнедовский. — 41 с.; Мени П. К методологии музеологии / [пер. с англ. В. Г. Ананьева]. — М., 2018. — 447 с.; Никишин Н. А. Музей или уникальная историческая территория? // Тезисы докладов II Междунар. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. — М., 1992. — С. 36—39; Сапанжа О. С. Основы музейной коммуникации. — СПб., 2007. — 115 с.; Томилов Н. А. Музейеведение и музеи России: избран. науч. работы : в 2 ч. Ч. 1: Музейеведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. — Омск, 2016. — 368 с.; Хадсон К. Влияние музеев / [пер. с англ. Л. Мотылева]. — Новосибирск, 2001. — 194 с.; Чайковский Е. Музеям под открытым небом — 100 лет // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. — М., 1991 (1992). — С. 10—25; Шола Т. С. Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов. — Тула, 2013. — 357 с.; Юрненева Т. Ю. Музейеведение : учебник для подготовки кадров высшей квалификации. — М., 2020. — 438 с.

²⁰ Например, см.: Закс А. Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917—1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. — Вып. VI. — 1968. — С. 5—53; Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945—1985 гг.) // Музей и власть. [в 2 ч.]. — М., 1991. [Ч. 1]. — С. 226—298; Иваницкий И. П. Сельскохозяйственные музеи капиталистической России (1861—1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. — Вып. V. — 1963. — С. 276—326; Музейное дело России / Под общ. ред. М. Е. Каулен (отв. ред.), И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. — М., 2010. — 676 с.; Овсянникова С. А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861—1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. — Вып. II. — 1960. — С. 66—144; Полякова М. А. Охрана культурного наследия России : учеб. пособие. — М., 2005. — 271 с.; Равикович Д. А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925) // Очерки истории музейно-

ках «Очерки по истории музеиного дела в СССР (России)» (1957–1971), «Музей и власть» (1991), которые посвящены истории отечественного музеиного дела;

- методические и исследовательские работы О. А. Антюфеевой, О. С. Драничкиной, Р. Р. Кликс, Ф. Г. Кротова, М. Т. Майстровской, А. И. Михайловской, Т. П. Полякова, Н. И. Решетникова, Е. А. Розенблюма, Н. И. Романова, Н. Саймон, Т. И. Чуклиной, Ф. И. Шмита²¹ и др. в области истории и методики музеиного проектирования.

Завершая историографический анализ, следует сформулировать проблему исследования. Она определяется противоречием в отечественном музеином деле между широкой практикой проектирования, выявления, описания «живых музеев» и отсутствием теоретических и методологических работ, которые осуществляют комплексный анализ и обобщение эмпирических данных и концепций в этой области, рассматривают соотношение данного концепта с близкими музееведческими понятиями и категориями, использующимися российскими и зарубежными музееведами.

го дела в СССР. — Вып. VI. — 1968. — С. 97–145; *Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVII в. до 1861 г.)* // Очерки истории музеиного дела в СССР. — Вып. V. — 1963. — С. 189–275; *Фролов А. И. Из истории становления музееведческих центров России* // Музей и власть. — М., 1991. [Ч. 2]. — С. 62–103; *Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н. Музейно-педагогическая мысль в России: исторические очерки*. — СПб., 2006. — 271 с.

²¹ Например, см.: *Антуфеева О. А., Душко О. В., Птичникова Г. А. Архитектурно-градостроительные основы экспонирования объектов археологического наследия* : учеб. пособие. — Волгоград, 2018. — 230 с.; *Кликс Р. Р. Художественное проектирование экспозиций*. — М., 1978. — 368 с.; *Майстровская М. Т. Музей как объект культуры. XX век: искусство экспозиционного ансамбля*. — М., 2018. — 679 с.; *Михайловская А. И. Музейная экспозиция*. — М., 1964. — 518 с.; *Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музеиной экспозиции)*. — М., 1997. — 253 с.; *Драничина О. С. Искусство экспонирования под открытым небом: эволюция, типология, современная трансформация формы* : автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. — М., 2015. — 39 с.; *Решетников Н. И. Музей и проектирование музеиной деятельности* : учеб. пособие. — М., 2014. — 160 с.; *Романов Н. И. Местные музеи и как их устраивать*. — М., 1919. — 111 с.; *Саймон Н. Партиципаторный музей / [пер. А. Глебовской]*. — М., 2017. — 439 с.; *Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции*. — Л., 1929. — 246 с.

ОБЪЕКТ, ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ НОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведение историографического анализа также позволило уточнить ряд методических принципов и приоритетов исследования.

Объектом изучения стали музееведческие идеи и музейные практики, сложившиеся в культурном контексте России в конце XIX — начале XXI вв. и получившие условное определение «живой музей». Предметом — генезис, развитие и современные трактовки концепции «живого музея», а также принципы её реализации в музейной практике.

Цель исследования — систематизировать идеи, принципы и подходы к определению и созданию «живого музея», предложенные российскими философами, культурологами, музеведами, и на этой основе разработать обобщающую дефиницию и культурологическую модель «живого музея».

Достижение этой цели предполагает решение приоритетных задач:

- 1) Определить и систематизировать основные прообразы «живого музея», которые встречаются в отечественных письменных источниках конца XIX — первой трети XX в.
- 2) Сопоставить и охарактеризовать наиболее известные исторические идеи и проекты «живого музея», возникшие в культурном контексте России в конце XIX — первой трети XX вв.
- 3) Выявить и рассмотреть формы советской музейной практики 1930—1980-х гг., определившие взаимосвязь исторических идей, проектов и современных подходов к сохранению и актуализации культурного наследия, реализующих принцип «живого музея».
- 4) Проследить трансформацию образов и идей «живого музея» в соответствующее музееведческое понятие, использующееся в современном российском музеведении (1980—2020-х гг.).
- 5) Охарактеризовать и сопоставить те современные методики, в которых идеи «живого музея» получили наиболее глубокую теоретическую проработку или практическое переосмысление.

- 6) Определить основные этапы формирования концепции «живого музея» в российском музеведении.
- 7) Разработать обобщающее определение и культурологическую модель «живого музея», охватывающую его исторические, современные и перспективные формы.
- 8) Представить срез современной практики, актуализировав проектный опыт Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Института Наследия в области разработки зон и объектов «живого музея», а также выявив актуальное типологическое разнообразие интерактивных приёмов и средств, использующихся в российских музеях для решения подобных задач.

РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Хронологические рамки исследования определяются следующими границами: последняя треть XIX — начало XXI вв. Выбор данного периода обусловлен особенностями генезиса идей «живого музея» в отечественной научно-философской мысли и их реализации в музейной практике. В частности, автором был обнаружен наиболее ранний документ, где встречается оксюморон «живой музей» в музейно-выставочном контексте, который относится к последней трети XIX в. (Всеобщий календарь 1873 г.). В конце XIX в. была впервые сформулирована задача преобразования традиционного музея в активное, деятельное учреждение, сохраняющее историю для будущего (Н. Ф. Фёдоров). В концепциях и проектах 1910–1920-х гг. (П. А. Флоренский, В. Н. Всеволодский-Гернгресс, Б. М. Соколов) разрабатывались общие принципы создания «живых музеев». Вторая половина XX в. ознаменовалась становлением российских музеев под открытым небом и развитием их методики работы. Период конца XIX — начала XXI вв. связан с формированием новых подходов к сохранению наследия и концепций музейного развития и проектирования, в которых принцип «живого музея» играет значительную роль.

Территориальные рамки исследования определяются темой и охватывают всю территорию исторической России (в зависимо-

сти от рассматриваемого периода, это территория Российской империи, СССР или РФ). Зарубежные модели и методики сохранения наследия рассматриваются в исследовании в аспекте их внедрения и освоения в отечественной культуре.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа опирается на широкий круг письменных источников, позволяющих проследить возникновение и развитие идей, форм и методик «живого музея» в российском музееведении.

Первую, наиболее многочисленную группу составляют повествовательные источники, в числе которых — опубликованные воспоминания, дневники, личная переписка, научные отчёты и доклады, философские и научные труды Л. А. Бострем, Б. Н. Бухгейма, В. П. Вахтёрова, М. А. Волошина, Д. А. Золотарёва, А. Н. Краснова, Д. С. Лихачёва, П. Н. Милюкова, П. П. Муратова, К. П. Победоносцева, В. П. Семёнова-Тян-Шанского, Б. М. Соколова, Н. Ф. Фёдорова, А. И. Филиппова, П. А. Флоренского и др., содержащие прообразы, идеи, проекты «живого музея», а также — музеографические издания, отображающие особенности воплощения подобных идей в музейной практике²². Среди неопубликованных материалов данной группы следует отметить корпус архивных документов, характеризующих проекты «живого музея» В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова (РГАЛИ)²³, ряд сценариев и концепций (музеефикации, систем экспозиций и т. д.) из личного архива Т. П. Полякова и текущей документации Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Института Наследия.

²² Например, см.: Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1930–1931. — Л., 1931. — 8, [8] с.; Музеи и выставки Москвы и Подмосковья / Сост. К. А. Ворчинская. — М., 1947. — 128 с.; Музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков (Рига). — Рига, 1958. — 33 с.; Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет / Ред.-сост. И. В. Мельников; [кол. авт.: Б. А. Гущин и др.]. — Петрозаводск, 2006. — 201 с.; Путеводитель по Московской этнографической выставке. — М., 1867. — 35 с. и др.

²³ Российский государственный архив литературы и искусства, фонд братьев Соколовых (Ф. 483), фонд В. Н. Всеволодского-Гернгросса (Ф. 2640).

Вторая обширная группа источников включает материалы периодической печати, в том числе статьи в изданиях:

- «Городское дело», «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», «Исторический вестник», «Коми Му — Зырянский Край», «Русская мысль», «Этнографическое обозрение» и др., которые позволяют выявить прообразы «живого музея» конца XIX — начала XX в.;
- «Архитектура СССР», «Вопросы музейного дела», «Музейное дело в СССР», «Очерки истории музейного дела в СССР», «Советский музей», «Советская этнография» и др., отражающие особенности музейной практики 1930—1980-х гг.;
- «Вестник Московского университета», «Вестник РГГУ», «Вестник Томского государственного университета», «Вопросы музеологии», «Вопросы культурологии», «Известия РАН», «Музей», «Труды ГИМ», «Труды СПбГУКИ», «Учёные записки музея-заповедника “Томская Писаница”», «Этнография»; в сериях изданий РГБ (Информкультура), «На пути к музею XXI века», сборниках материалов ежегодных конференций «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия», «Экологические проблемы развития музеев-заповедников» и др., которые дают возможность проследить этапы становления современного понятия «живой музей», его основные значения, особенности современных практических решений.

Третью группу составляют источники официального происхождения (документальные источники), в том числе — адресные справочники, календари, экономико-статистические сборники, делопроизводственные документы и др., содержащие сведения о малоизученных образах и объектах «живого музея» 1920—1930-х гг., документы стратегического планирования музейной работы, а также законодательные документы СССР и РФ, оказавшие влияние на становление и развитие музейного дела.

Кроме того, при подготовке монографии использовались электронные источники, представляющие особенности современной деятельности российских музеев (официальные сайты музейных

учреждений, материалы, опубликованные в официальных аккаунтах музеев в социальных сетях и т. д.).

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологической основой работы является культурологический подход к изучению музеиной проблематики, обоснованный и апробированный в исследованиях Т. А. Алешиной, А. Ю. Волькович, В. П. Грицкевича, Л. С. Именновой, М. С. Кагана, Т. П. Калугиной, А. М. Кулемзина, Е. Н. Мастеницы, А. Е. Мурзинцевой, Т. М. Пчелянской, С. В. Пшеничной, О. С. Сапанжи, М. Н. Чесноковой, Э. А. Шулеповой, И. А. Щепетковой, Т. Ю. Юрненевой²⁴ и др.

Не менее важной теоретической основой работы выступают исследования М. Е. Каулен, Т. П. Полякова, В. Г. Пушкиарёва²⁵ и др.,

²⁴ Например, см.: *Алешина Т. А.* Музей как феномен культуры : дис. ... канд. филос. наук. — Ростов-на-Дону, 1999. — 142 с.; *Грицкевич В. П.* История музеиного дела в новейший период (1918–2000). — СПб., 2009. — 151 с.; *Именнова Л. С.* Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... д-ра культурологии. — М., 2011. — 40 с.; *Каган М. С.* Музей в системе культуры // Вопросы искусствознания. — 1994. — № 4. — С. 445–460; *Калугина Т. П.* Художественный музей как феномен культуры. — СПб., 2008. — 243 с.; *Кулемзин А. М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление : дис. ... д-ра культурол. наук. — Томск, 2001. — 403 с.; *Пчелянская Т. М.* Социально-культурная детерминация музеиной экспозиции. Культурологические аспект : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2005. — 164 с.; *Пшеничная С. В.* Музей как информационно-коммуникативная система : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2000. — 220 с.; *Шулепова Э. А.* Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе : автореф. дис. ... д-ра культурологии. — М., 1998. — 42 с.; *Юренева Т. Ю.* Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — 36 с.

²⁵ Например, см.: *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. — М., 2012. — 431 с.; *Поляков Т. П.* Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. — 2007. — № 3. — С. 7–12; *Поляков Т. П.* Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) // Музей. — 2007. — № 5. — С. 74–80; *Пушкиарев В. Г.* Культурный потенциал современного фольклорного театра : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2011. — 179 с.

в которых была произведена первоначальная проблематизация темы и объективация идей «живого музея». Иными словами, данными авторами были сформулированы исходные положения, которые позволяют рассматривать концепты «живого музея» как единый, формирующийся на протяжении длительного периода (конец XIX — начало XXI вв.) подход, обладающий рядом отличительных характеристик.

Предлагаемая обобщающая дефиниция и модель «живого музея» опирается на категорию «деятельность» и актуализирует теоретические положения деятельностной концепции культуры. Апробация такого подхода в осмыслении проблем музейного развития была осуществлена в диссертации Л. И. Сизинцевой²⁶. Представленная работа ориентируется также на динамическую модель деятельностного подхода, которая рассматривает культуру как творческую деятельность человека (А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев и др.)²⁷. Использование данной модели позволяет трансформировать привычное противопоставление «живого музея» и «мертвого хранилища» (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский и др.)²⁸ в противопоставление двух подходов к пониманию культуры — как нескончаемого процесса и как совокупности культурных ценностей.

В монографическом исследовании использовались философские методы, общелогические приёмы, общенаучные и частнонаучные методы. Ведущее значение имели:

²⁶ Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие: XIX — первая треть XX века : автореф. дис. ... канд. культурологии. — М., 1998. — 22 с.

²⁷ Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. — М., 1987. — С. 5–27; Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. — М., 1987. — 160 с.; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. — М., 1980. — 303 с.; Коган Л. Н. Теория культуры : учеб. пособие. — Екатеринбург, 1993. — 160 с.; Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. — М., 2006. — 408 с.

²⁸ Музей, его смысл и назначение // Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. — М., 1995–1999. — Т. II. — С. 370–437; Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П. А. Сочинения: в 4-х т. — М., 1994–1999. — Т. 2. — 1996. — С. 352–369.

- интерпретация как базовый метод культурологического исследования;
- историко-генетический (генетический) метод, который применялся для определения природы и условий возникновения концепции «живого музея» в культурном контексте России в конце XIX — начале XXI вв.;
- типологический (историко-типологический) и сравнительный методы, использующиеся для систематизации прообразов, идей, проектов и методик «живого музея», предложенных за длительное время развития концепции, а также для систематизации практических решений, использующихся в российских музеях;
- ретроспективный анализ, который применялся для определения прототипов «живого музея» в советской музейной практике 1930–1980-х гг.;
- терминологический анализ, а также типологический и хронологический историографический анализ, которые помогли интерпретировать различные трактовки понятия «живой музей» на основе изучения их генезиса, сопоставления и уточнения значений;
- метод моделирования (мысленного эксперимента), использующийся для уточнения прикладных аспектов деятельностной трактовки «живого музея» на примере существующих и перспективных музейных учреждений.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная новизна определяется тем, что автор первым обращается к комплексному анализу идей и принципов «живого музея», сложившихся в российском музейном деле. Этим же обстоятельством объясняется некоторая ограниченность исследовательской работы. Можно быть уверенным, что читатели найдут в тематике «живого музея» те проблемы, которые с их точки зрения нуждаются в более широком раскрытии. Однако изучение отдельных аспектов — это, всё-таки, следующий шаг. Проведённый анализ позволил уточнить ряд вопросов, которые имеют общее теоретическое значение. В частности, в предлагаемой монографии:

- обнаружены, систематизированы и введены в научный оборот ранее неизвестные прообразы «живого музея», содержащиеся в письменных источниках последней трети XIX — первой трети XX в.; на их основе разработано контекстное определение выражения «живой музей», актуальное для первого этапа формирования концепции и оказавшее влияние на авторскую интерпретацию проблематики;
- идеи и проекты «живого музея» Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Б. М. Соколова, предложенные в конце XIX — первой трети XX в., соотносятся и рассматриваются в широком культурном контексте прообразов, практик и современных методик динамичного подхода к сохранению историко-культурного наследия;
- определяются особенности развития и реализации принципов «живого музея» в советской музейной практике 1930—1980-х гг.; показано, что первая половина данного периода связана с возникновением в структуре музеев разнообразных вспомогательных учреждений и массовых форм просветительской работы, вторая половина — с образованием сети музеев под открытым небом и развитием их «живых» форм работы;
- прослеживаются этапы становления современного понятия «живой музей» в российских музееведческих публикациях середины 1980-х — начала 2020-х гг. и его основные значения;
- соотносятся и интерпретируются актуальные концепции, развивающие идеи «живого музея» в методику мягкой музееификации историко-культурного наследия и методику музеино-экспозиционного проектирования;
- выделяются основные этапы становления концепции «живого музея» в российском музееведении конца XIX — начала XXI вв.;
- разрабатывается обобщающее определение «живого музея» как творческой модели музейной деятельности;
- определяется деятельностная типология приёмов и средств, использующихся в современной музейной практике России.

СТРУКТУРА МОНОГРАФИИ

Монография включает введение, заключение, список источников и, главное, три тематических раздела, представляющие основные результаты научно-исследовательской и проектной работы.

В первом разделе рассматривается генезис российской концепции «живого музея» в исследованиях и музейной практике конца XIX — второй половины XX вв. Следует напомнить, что середина XIX в. в России характеризовалась развитием исторической науки, археологии и этнографии, что привело к накоплению значительного объёма вещественных источников и расширению музейного строительства²⁹. В этих условиях сложилось понимание музея как хранилища уникальных предметов старины, общественной и природной истории, которое стало традиционным для российской культуры и поныне остается приоритетным. Однако уже на том историческом этапе данное восприятие музея находило как своих сторонников, так и критиков. Наиболее яркие идеи, стремящиеся к преодолению противоречивого тождества «музея — хранилища», вошли в историю музейной мысли как первые проекты «живых музеев». К ним относятся, главным образом, музейно-философские концепции Н. Ф. Фёдорова и П. А. Флоренского.

Данные проекты рассматриваются в первой разделе в широком историко-культурном контексте. Первая глава посвящена поиску практически неизвестных предложений или прообразов «живого музея», зафиксированных в письменных источниках конца XIX — первой трети XX в., но не отражённых (или мало представленных) в историографии изучаемой темы. Во второй главе производится обзор и сопоставление наиболее известных проектов «живого музея», сформулированных в указанный период. Наконец, третья глава обращается к анализу музейной практики 1930–1980-х гг., которая позволяет проследить взаимосвязь исторических проектов и современных методик работы «живых музеев».

Во втором разделе рассматривается развитие концепции «живого музея» в российском музееведении конца XX — первой четверти

²⁹ Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. — М., 1957–1971. — Вып. V. — 1963. — С. 218–221.

XXI в. В центре внимания автора находятся процессы превращения идей и прототипов «живого музея», складывавшихся в российской культуре и музейном деле в течение длительного времени, в методику музейной работы. В первой главе второго раздела показывается, как в контексте обсуждения исторических концепций, а также новых форм музейной деятельности, сформировалось актуальное в настоящее время понятие «живой музей», определились его основные значения. Вторая и третья главы посвящены наиболее влияательным современным концептам и методикам организации «живого музея». Это — мягкая музеефикация, реализуемая в контексте культурно-ландшафтного, средового и этноэкологического подходов к сохранению наследия, и концепция Т. П. Полякова, в которой принцип «живого музея» трактуется как иммерсивная технология проектирования музейной экспозиции.

В заключительном третьем разделе представляются перспективы изучения и применения концепции «живого музея» на практике. Основу раздела составляют авторские теоретические и прикладные разработки. В первой главе излагаются основные теоретические выводы исследования, формулируется деятельностная трактовка и методика организации «живого музея», основанная на культурологическом инструментарии. Во второй главе представляется опыт проектирования зон «живого музея», полученный автором в рамках экспозиционных проектов, подготовленных в Центре экспозиционно-выставочной деятельности музеев (Института Наследия). В третьей главе рассматривается типология технологий «живого музея», основанная на отдельных элементах деятельностного подхода и применяемая в процессе анализа экспозиционной деятельности естественно-научных и комплексных музеев, актуализирующих природное наследие. Следует отметить, что данный ракурс соответствует современной тематике исследований Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев³⁰ и призван расширить представления о применении методики «живого музея» исключительно только в этнографических экспозициях.

³⁰ НИР «Природное наследие в культурном контексте: оригинальные проекты музейных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемы их реализации» (рег. № 125021001831 0, 2025–2027 гг.).

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

В завершение следует сказать о тех людях, без которых исследование не могло бы состояться. В первую очередь, следует выразить самую искреннюю благодарность руководителю проектов Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Т. П. Полякову, который не только активизировал тему «живого музея» в российском музееведении в 1990-е гг., но и стал главным оппонентом и экспертом в рамках подготовки материалов данной монографии и предшествующей ей диссертации. Большую признательность следует выразить также руководителю Отдела материального наследия Института Наследия А. В. Окорокову за научное руководство в диссертационном исследовании и поддержку во всех проектах и научных начинаниях автора.

Основные материалы монографии были подготовлены по мере проведения диссертационного исследования. Поэтому важно выразить глубокую благодарность председателю объединённого диссертационного совета И. И. Горловой и учёному секретарю Т. В. Коваленко, а также членам диссертационного совета за предоставленную возможность защищаться в открытой и профессиональной атмосфере. Следует поблагодарить аспирантуру Института Наследия, оказавшую неоценимую помощь в профессиональном становлении автора, особенно преподавателей — Г. Е. Васильева, Ю. С. Путрика, Г. А. Цветкову, Т. Ю. Юрненеву и др., заложивших основы в понимании научно-исследовательской деятельности, и конечно, заведующую аспирантурой Е. Д. Дерябину за материнское отношение к всем аспирантам и соискателям, умение увидеть и раскрыть потенциал каждого. Слова сердечной признательности следует сказать официальным оппонентам по диссертации (И. А. Гринько, О. С. Сапанже), рецензентам, давшим отзывы на автореферат (И. В. Котляровой, М. Н. Мелютиной, А. Б. Пермиловской, Ю. В. Филиппову), а также ведущей организации — кафедре музейного дела Кемеровского государственного института культуры (П. В. Абрамовой, Т. И. Кимеевой, Д. Д. Родионовой и др.) за внимательное отношение к научной работе, тонкий анализ и важные наставления.

Следует выразить большое уважение и сказать самые добрые слова благодарности руководству и всем сотрудникам Института

Наследия, в первую очередь директору В. В. Аристархову и членам Учёного совета за поддержку начинаний молодых учёных. Наконец, нужно выразить признательность сотрудникам редакционно-издательского отдела Института и их руководителю М. Б. Уральцевой за совместную работу над этим и многими другими проектами.

Большую благодарность автор выражает музеям и другим учреждениям, с которыми сотрудничал в процессе проектной и научной деятельности и к которым обращался по вопросу использования уникальных фотографий. Среди этих учреждений: Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские», Музей истории Военно-морского флота России, (Музейно-парковый комплекс «Северное Тушино»), Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Музей-квартира П. К. Козлова (Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Санкт-Петербургский филиал), проект «Остров фортов», Заказник «Дюкинский» (Единая дирекция особо охраняемых природных территорий Владимирской области), Центр развития гусельного искусства «Купина» им. Л. Я. Жук, а также Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека России и Российский государственный архив литературы и искусства.

Раздел 1.

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ И МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ КОНЦА XIX — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

ГЛАВА 1.

Основные прообразы «живого музея» в публикациях последней трети XIX — первой трети XX вв.

Традиционно считается, что выражение «живой музей» связано с музеино-философским наследием Н. Ф. Фёдорова и П. А. Флоренского³¹. Однако в работах Н. Ф. Фёдорова, посвящённых музеям и выставкам, это выражение не встречается, хотя противопоставляется концепция музея как деятельного учреждения, направленного на «воскрешение всех ушедших поколений», и традиционного музея как «хранилища». Что касается П. А. Флоренского, то ещё до него оксюморон «живой музей» появляется в отечественных публикациях, начиная с последней трети XIX в.

Данный факт ранее не рассматривался подробно исследователями, занимавшимися проблематикой «живых музеев». Исключением является только публикация Л. С. Алексеевой и А. В. Горбатова³², в которой упоминаются строки Н. К. Рериха, содержащие указан-

³¹ Например, см.: Поляков Т. П. Учение академика Д. С. Лихачёва об экологии культуры в контексте современного «живого музея» // Экология культуры — учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачёва : науч. сб. по материалам Междунар. юбилейной науч. конф. — М., 2017. — С. 115.

³² Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2018. — № 32. — С. 101–108.

ный оксюморон³³. Поэтому одна из задач исследования заключалась в поиске и анализе иных, как позже выяснилось, весьма многочисленных случаев употребления выражения «живой музей» в XIX — начале XX вв. Результаты проведённого генетического исследования, позволившего выявить основные прообразы «живого музея» и построить контекстное определение, актуальное для выбранного исторического периода, представлены в первом параграфе.

Источниковая база исследования была сформирована с помощью автоматизированной информационной системы Национальной электронной библиотеки (НЭБ). Она включила письменные источники последней трети XIX — первой трети XX вв. (наиболее ранний источник — 1872 г., наиболее поздний — 1929 г.). В их числе — источники личного происхождения (письма, мемуары), периодика, публицистика, научные труды и отчёты, адресные справочники.

В результате работы с этими первоисточниками было определено несколько контекстов использования оксюморона «живой музей». Безусловно, данное выражение нередко выступало частью отвлечённых поэтических образов. Например, его использовал В. О. Ключевский в биографической статье, подготовленной к 100-летию со дня смерти И. Н. Болтина, где писал, что этот российский просветитель первым высказал «в литературно-ученой обработке мысль, что современность есть живой музей древностей, ходячая летопись прошедшего [здесь и далее выделено мной. — Т. З.]»³⁴. Приведём другой пример: В. П. Вахтёров в своей книге «Предметный метод обучения», посвящённой идее вовлечения в учебный процесс всех чувств детей, «живым музеем» называл времена года³⁵. Наконец, М. А. Волошин использовал этот оксюморон, описывая Феодосию периода Гражданской войны. В данном случае хотелось бы привести полную цитату:

³³ Эти строки были подготовлены Н. К. Рерихом к заседанию межведомственной комиссии по вопросу об охранении памятников старины, созданной в 1908 г. при Императорской археологической комиссии (1869—1919). Подробнее см. ниже.

³⁴ Ключевский В. О. И. Н. Болтин (6 октября 1792 г.) // Русская мысль. — Г. 13. Кн. 11 [Ноябрь]. — М., 1892. — С. 128.

³⁵ Вахтеров В. П. Предметный метод обучения. — М., 1911. — С. 277.

«Я рекомендовал сохранить один из дворцов во всей его не-прикословенности внутренней обстановки, выкрасить где-нибудь на Кавказе чету бежавших буржуев и поселить их, как Адама и Еву, в этом идеальном раю мещанства, чтобы сохранить их семейный и хозяйственный быт для наглядного сравнения с формами грядущего пролетарского рая. Большевики, занятые политической суетой и Владиславовским фронтом, к сожалению, не оценили всего социально-педагогического значения моего предложения. К счастью, приход добровольцев, которые привезли с собою всех представителей временно исчезнувшего вида, снова превратили Екатерининский проспект в живой музей, своими богатствами и научной полнотой способный соперничать с самой Аскания-Нова»³⁶.

Можно было бы пересказать ещё несколько красочных примеров. Но приоритетное внимание следует сосредоточить на тех случаях использования искомого выражения, которые способны заинтересовать специалистов в области охраны наследия и музеведения. Ещё раз подчеркнём, что таких примеров в публикациях конца XIX — первой трети XX в. оказалось немало. Представим разнообразие этих примеров и их контекстов, выделив основные прообразы «живого музея».

ПРООБРАЗ ПЕРВЫЙ: ВЫСТАВКА ИЛИ МУЗЕЙ

Одно из первых упоминаний оксюморона «живой музей», обнаруженное в рамках представленного исследования, встречается в описании московской Политехнической выставки 1872 г., которое вошло как приложение во Всеобщий календарь 1873 г.³⁷ Автор, подписавшийся А. Н., использовал данный оксюморон, оценивая устройство Туркестанского отдела выставки, которое произвело на него и других посетителей сильное впечатление. Он писал: «Вместя в себя решительно всё относящееся к производительности вновь

³⁶ Волошин М. А. Искусство в Феодосии // Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. — С. 450. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (дата обращения: 04.09.2025).

³⁷ Обзор Московской Политехнической Выставки 1872 года [Приложение № 1] // Всеобщий календарь: 1873. — СПб., [1872]. — LXIV, 554, 24 с.

приобретенного края, отдел этот дал нам один из самых интересных уголков выставки, и каждый из ее посетителей не мог не поблагодарить гг. распорядителей за ту услугу, которую они принесли обществу устройством такого живого музея, каким показался нам отдел туркестанский». В особенности удивительной была его этнографическая часть, организованная в духе обстановочных сцен с ростовыми манекенами: «Базар и улица, обстроенная лавками, наполненная живыми людьми, погруженными лишь в какой-то магнетический сон, сразу же переносили вас на далекий юго-восток, воспроизводили пред вами вседневную жизнь его обитателей»³⁸. Следует отметить, что схожие обстановочные сцены вошли не только в туркестанский, но и в другие разделы выставки, например, в Почтовый отдел (илл. 1-4).

Следует отметить, что строительство архитектурно-бытовых экспозиций стало распространённой практикой во время Всемирных выставок. Об этом упоминает в своих работах известный российский скансенолог В. В. Тихонов³⁹. Он описывает, что в 1867 г. на парижской выставке была представлена экспозиция «Улица народов», состоявшая «из макетов уникальных деревянных скандинавских построек эпохи позднего средневековья с галереей манекенов, одетых в национальную скандинавскую одежду». Считается, что строительство этих обстановочных сцен, в котором принимал участие А. Хазелиус (в частности, в создании выставки 1878 г.), стало предтечей наиболее влиятельного в истории музея под открытым небом «Скансен-парк»⁴⁰.

Российская выставочная деятельность второй половины XIX в. развивалась в лоне мировых тенденций⁴¹. В частности, масштабные

³⁸ Там же. С. 5–6.

³⁹ Тихонов В. В. Особенности и перспектива формирования методической базы этнографических музеев под открытым небом в СССР и России // Омский научный вестник. — 2012. — № 5 (112). — С. 251–254.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Подробнее о выставках см.: Михайловская А. И. Из истории промышленных музеев и выставок капиталистической России // Очерки музеиного дела в СССР. — Вып. VI. — 1968. — С. 312–380; Иванова О. А. Всероссийская этнографическая выставка 1867 года (исторический очерк) // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок : сборник [ст.]. — М., 1972. — С. 99–142.

обстановочные сцены, воспроизводящие «живую этнографическую карту России»⁴², составили основу Московской этнографической выставки 1867 г. Она была организована Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ; 1863–1931) при участии мецената, будущего директора Московского Публичного и Румянцевского музеев В. А. Дашкова⁴³, возглавившего комитет выставки⁴⁴. Концепция мероприятия была подготовлена А. П. Богдановым, который опирался на опыт Всемирной выставки в Лондоне 1862 г. Научная концепция разрабатывалась учёными Московского университета⁴⁵.

Позволим себе достаточно полно обрисовать структуру и экспозицию этой выставки, пусть и не названной «живым музеем», но безусловно тяготеющей к этому образу и его характеризующей (илл. 5–10). Для этого воспользуемся путеводителем 1867 г.

В середине «огромного московского манежа», напротив царской ложи, посетителя встречала центральная «великорусская группа». Обратим внимание, что её сердцем стала «сельская ярмарка», отчасти закрытая «крышами наскоро устроенных домиков». Рядом с ними были «сгруппированы предметы деревенской великорусской промышленности». Наиболее высокой точкой обстановочной группы выступила реконструкция «ветряной мельницы», позади которой был виден «купол деревенской церкви (декорация), выглядывающий из-за купы сосновых и еловых дерев»⁴⁶.

⁴² Путеводитель по Московской этнографической выставке. — М., 1867. — С. 6.

⁴³ Подробнее см.: Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоявшим при Московском университете в 1867 году. — М., 1867. — 114 с.

⁴⁴ В комитет вошли А. П. Богданов, Г. Е. Щуровский, Д. Д. Сонцов, Н. Г. Керцел-ли, Н. К. Зенгер, В. А. Соболев, Н. Березницкий, Н. А. Попов, А. П. Федченко; подробнее см.: Иванова О. А. Всероссийская этнографическая выставка 1867 года (исторический очерк) // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок... С. 99–142; Соловей Т. Д. Всероссийской этнографической выставке 1867 года в Москве — 155 лет // Культурное наследие России. — 2022. — № 1 (36). — С. 62–68.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Путеводитель по Московской этнографической выставке... С. 5.

Подходя ближе к ярмарочной группе, посетитель видел замершую сцену из крестьянской жизни. «Прежде всего, — отмечается в путеводителе, — кидается в глаза группа вожака медведей. И крестьянин, и его четвероногие плюсны очень хороши. Не дурен пра-вее этой группы ... мальчик у разложенного лотка с деревенскими лакомствами. Очень хорош крестьянин, купивший у него фунт орехов... и женщина, с которой он говорит... Заметим далее три богатые женские костюма, еще далее прекрасную мужскую фигуру в черном армяке, потом типическую фигуру фабричного крестьянина с гармоникой в руках, у которого на лице написано, что ему добром не кончить». Наконец, «у подножия холма, стоит телега с привязанной к ней лошадью... это прикатил на ярмарку Рязанец, горожанин, и как заметно франт»⁴⁷. Отметим, что в целом, центральную группу составило около бо-ти фигур, одетых в «подлинную» национальную одежду. Они были установлены на возвышении рядом с мельницей, а задним фоном выступило живописное полотно, изображающее село.

Бегло осмотрим другие группы. От ярмарки была несколько отделена экспозиционная зона с кузницей — она примыкала «к группе Уральских казаков». Влево от центральной декорации разворачивалась обстановочная группа «Белорусов, Литовцев и др., расположенная вдоль опушки соснового леска». Вправо уходило несколько групп — «малороссийская, расположенная вокруг обыкновенной малороссийской мазанки», «группа Русских, населяющих восточную часть Галиции и Царства Польского и рассыпанных в Венгрии», и «польская группа». Далее них следовали декорации «заграничных славян»⁴⁸ — «Чехов, Хорватов, Сербов, Черногорцев и пр.». Причем, манекены черногорцев «в сверкающем белизной костюме» выглядывали «из-за каменных уступов горы, маскирующей угол манежа»⁴⁹.

⁴⁷ Там же. С. 14–15.

⁴⁸ Следует отметить, что к выставке был приурочен созыв Славянского съезда, который должен был засвидетельствовать покровительственную роль России в отношении зарубежного славянства.

⁴⁹ Путеводитель по Московской этнографической выставке... С. 6–7.

Вдоль одной из стен была установлена галерея с «павильоном в русском стиле». Под ним, «в темном углублении», располагалась обстановочная группа закавказских «Гвербов»⁵⁰, организованная вокруг очага. Далее посетителя встречал живописный кавказский отдел, обозначенный характерным пейзажем: «гора, убранныя азалиями и рододендронами, а на вершине сосновами, за которыми уходят вдаль снежные вершины». Среди красочных декораций чернела «бурка Черкеса», а также был устроен «духан», объединивший «жителей Кавказа и Закавказья». Продолжая осмотр экспозиции, гости знакомились с ландшафтно-архитектурными группами, устроенными по схожим принципам. В их центре находились фигуры «Киргизов», «Туркменов», «Татар», «Черемисов», «Мордвы», «Самоедов», «Камчадалов» и др.⁵¹

Следует сказать, что всего на выставке было около 300 ростовых манекенов, большинство из которых изготовлены художниками И. Гейзертом⁵², С. П. Закревским, С. И. Ивановым, А. М. Любимовым, Н. А. Рамазановым, И. Л. Севрюгиным, И. В. Шаманским и Я. М. Яковлевым. Некоторые манекены были получены в дар от Императорского Русского географического общества, Эстляндского литературного общества, а также частных лиц — фабриканта Л. Феликса (Славония) и директора Коломенского банка Г. Я. Буфеева⁵³. Традиционная одежда и предметы обихода тоже были получены в дар; значительная часть была передана правительственныеими инстанциями, местными администрациями и губернскими ста-

⁵⁰ Согласно энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефона, гвербры — это персияне, последователи учения Заратустры; некоторое число их поселилось в Баку в XVII в. ещё при персидском владычестве. Известно, что недалеко от Баку, на Апшеронском полуострове, находился храм огня. Вероятно, он стал прототипом этой обстановочной группы.

⁵¹ Путеводитель по Московской этнографической выставке... С. 7–9.

⁵² В каталоге выставки упоминается только фамилия художника; имя указано по каталогу Музея антропологии и этнографии РАН (СПб.), который содержит гипсовые горельефы с изображением народов Африки, выполненные в 1860-е гг. художником Иваном Гейзертом. См.: Кунсткамера. Коллекции онлайн [официальный сайт]. — URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/36712?fund=37&index=23> (дата обращения: 13.09.2025).

⁵³ Всероссийская этнографическая выставка... С. 19, 98, 102, 107.

тистическими комитетами. Остаётся сказать, что после закрытия выставки эти манекены, их одеяния и бытовые предметы составили основу Дашковского этнографического музея, образованного в структуре Московского Публичного и Румянцевского музеев. Но его экспозиция была составлена по другим принципам, близким коллекционному методу⁵⁴.

Возвращаясь к контекстному анализу работ, содержащих выражение «живой музей», отметим, что некоторые из них были посвящены реальным музейным учреждениям. Близким к этнографическому значению данного выражения выступает доклад «Финляндские общества родиноведения», сделанный учредителем Костромского научного общества по изучению местного края В. И. Болотовым (1913). В нём рассказывается, в том числе, о создании на окраине Хельсинки «живого музея» (то есть музея под открытым небом) Сеурасаари⁵⁵. Автор пишет, что его история началась в 1909 г., когда «сюда перевезена была из глухи центральной Финляндии торна (хутора) Ниемелэ со всеми постройками (18-го века), хозяйственными принадлежностями и обстановкой; в 1911 г. кроме торны здесь уже находились еще рыбачьи, почтовые и церковные (24-весельные) лодки, лопарский шалаш и наконец церковь (постройки XVII века), перевезённая сюда из Абосской губернии»⁵⁶.

Московский искусствовед Б. Н. Бухгейм отмечал эпитетом «живой» римский музей в Термах Диоклетиана. В книге «По Италии»

⁵⁴ Подробнее об истории Дашковского музея и его экспозициях см.: Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею / Моск. публич. и Румянцев. музеи. — М., 1905. — 64 с.; Музейные коллекции традиционного русского костюма: формирование и проблемы хранения. Систематическое описание русской коллекции Дашковского этнографического музея, 2-я половина XIX века / Сост. Т. Р. Валькова, О. Н. Климова. Отв. за выпуск А. В. Ефимов. — М., 2019. — 186 с.

⁵⁵ Основателем известного финского музея «Сеурасаари» был этнограф и археолог, профессор Хельсинкского университета А. О. Хейкель. Считается, что он был вдохновлён опытом шведского «Скансена», создавая свою «миниатюрную Финляндию».

⁵⁶ Болотов В. И. Финляндские общества родиноведения // Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1912 год (Г. 1). — Кострома, 1913. — С. 30–34.

(1914) он восхищался подлинным обликом собранных здесь произведений античного искусства и писал: «Из всех музеев Рима только музей Терма действительно живой музей. ... И так странно, что такая метаморфоза возможна именно здесь, где нет почти ни одной цельной статуи, где всё собранное стоит так, как было когда-то найдено. От некоторых фигур остались одни торсы, от других уцелели только головы или отдельные конечности. Но именно это ревнивое оберегание произведений искусства от варварской реставрации, этот черновой вид музея придают ему жизнь»⁵⁷.

В адресных справочниках и в музеографии «живым музеем» назывался Учебно-показательный питомник на Крестовском острове⁵⁸, устроенный в 1919 г. при Государственном сельскохозяйственном музее⁵⁹. Следует отметить, что после революции в течение ряда лет музеем руководил М. В. Новорусский — известный революционер, музейный просветитель и апологет образовательной миссии музея⁶⁰. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится рукопись его статьи «Ручной труд как необходимый элемент образования»⁶¹, подготовленной для «Первого женского календаря» (1899–1915 гг.), идеи которой удивительно пересекаются с практикой сельскохозяйственного музея. Он писал: «возражения против ручного труда могут делать те люди, которые ничего не видят в нем, кроме утилитарной стороны. Но и для них ясно, что ботанику лучше будет знать не тот, кто только осматривает растения, но и тот, кто сделал [подчёркнуто М. Новорусским] хоть один гербарий... Минералы лучше будет знать тот, кто делает коллекции камней. Физику

⁵⁷ Бухгейм Б. Н. По Италии [Впечатления, настроения, размышления]. — М., 1914. — С. 42–43.

⁵⁸ Живой Сельскохозяйственный музей: [Учебно-показательный питомник Всерос. с.-х. музея]. — М. ; П., 1923. — 82 с.

⁵⁹ Фигнер В. Н. Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925). — М., 1925. — С. 14.

⁶⁰ Например, см.: Новорусский Михаил Васильевич // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / Колл. авт.; отв. ред. Э. А. Шулепова. — М., 2010. — С. 405–413.

⁶¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1018. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 1–10.

будет лучше знать тот, кто не только видел приборы, но и умеет сде-
лать или составить их»⁶². Развивая мысль, автор отмечал: «задачи...
ручного труда, если и можно назвать их утилитарными, не только не
противоречат целям самой идейной педагогики, но совершенно со-
впадают с ними. <...> Всякий ручной труд, независимо от его целей,
развивает человека. ...культурным человеком можно назвать только
человека, умеющего [воплотить] смысл этого слова. Значит всякое
умение, для общего развития, добавляет тот плюс к нему, которое
делает это развитие жизненным и деятельным»⁶³.

В целом Сельскохозяйственный музей, основанный ещё
в 1859 г., занимал площадь в 10 тыс. кв. м и представлял около
27 тыс. коллекций, рассказывающих о развитии хозяйства СССР
и «главнейших иностранных государств»⁶⁴. Однако для проведения
эффективной просветительской работы было недостаточно иметь
«мертвые коллекции» (и представлять их в коллекционных и ил-
люстративно-тематических экспозициях), нужны были «живые экс-
понаты — растения и животные, на которых можно более успешно
сообщать другим сельскохозяйственные знания»⁶⁵. Эта работа воз-
лагалась на «Отдел Живых Коллекций» или «Живой музей» на быв-
шей даче (в летнем дворце) князей Белосельских-Белозерских на
Крестовском острове⁶⁶. Здесь под открытым небом проходили ис-
пытания техники, сооружались в оригиналте основные сельские хо-
зяйственные постройки, проводились различные полевые опыты⁶⁷.
Эта открытая экспозиция, расположенная на территории более
чем в 100 га, включала экспозиционные огороды, делянки, покосы,
выгулы, питомники сельскохозяйственных животных, образцовую
пасеку, метеорологическую станцию и пр.⁶⁸ (илл. 11-14).

⁶² Там же. Л. 8.

⁶³ Там же. Л. 8—9.

⁶⁴ Государственный сельскохозяйственный музей. — Л., 1929. — С. 6.

⁶⁵ Там же. С. 7.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Бехов В. Н. Императорский сельскохозяйственный музей // Москов-
ский журнал. — 2014. — № 2 (278). — С. 29—45. См. с. 43.

⁶⁸ Государственный сельскохозяйственный музей... С. 7, 28—32.

ПРООБРАЗ ВТОРОЙ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ

Этнографическая тематика, так подробнее всего расписанная на предыдущих страницах, неразрывно связана с оксюмороном «живой музей». Об этом говорят не только те исторические параллели, которые мы постарались привести, рассказывая о Московской этнографической выставке 1867 г. Дело в том, что выражение «живой музей» чаще всего использовалось в публикациях конца XIX — первой трети XX в. именно в контексте описания исторических поселений, районов, регионов, где сохранялась самобытная народная культура, исторические памятники и традиционный уклад жизни.

Россию в целом называли «живым этнографическим музеем» в своих работах П. Н. Милюков и В. В. Богданов. Историк и общественный деятель П. Н. Милюков в известном труде «Очерки по истории русской культуры» (Ч. 1, 1898) писал: «Пестрота племенного состава до сих пор превращает Россию в живой этнографический музей всевозможных народностей... Тогда как на западе Европы уже со времени переселения народов чуть не каждый клочок земли имеет свою межу, своего владельца, — у нас через всю историю красной нитью проходит процесс расселения жителей на пустых ... пространствах. Этот процесс колонизации русской земли точно так же далеко не закончился в настоящую минуту, как и процесс слияния различных этнографических элементов русского населения»⁶⁹. Это же выражение и близкое значение мы встречаем в рецензии крупнейшего отечественного этнографа В. В. Богданова на шестой том издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1902)⁷⁰.

⁶⁹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. — СПб., 1898. — С. 51–52.

⁷⁰ В частности, В. В. Богданов пишет: «... автор обходит описание в.-р. племени в бытовом отношении, отсылая читателя к 1-му тому. Интересно, как эту не только “настольную” книгу, но и “дорожную” брать в дорогу? Едешь на Волгу, забирай с собой все 20 томов! Ведь любой русский район есть живой этнографический музей; стало быть, он всё найдет; стало быть, без какого-либо тома “России” в дороге не обойдешься». См.: Вл. Б. [Богданов В. В.]. Отчеты о новых изданиях: Россия. Полное географическое описание нашего отече-

В публикациях Л. П. Загурского, Д. А. Золотарева, В. П. Налимова, В. И. Смирнова, И. Н. Смирнова, А. Суздальцева, Н. Н. Харузина, Г. Ф. Чурсина «живым музеем» названы отдельные регионы России.

Приват-доцент Московского университета и один из основателей российской этнографии Н. Н. Харузин именует «живым музеем» район Томской губернии — от г. Барнаула до Костина Лога и Микешина Лога — в статье «Среди новоселов». Она посвящена поездке учёного по старым и новым селениям, совершённой в 1896 г. В большинстве деревень он встречал смешанное население, а поэтому написал: «Путешествующий попадает сразу как бы в живой этнографический музей: рядом с коренными сибиряками, ... встречаешь здесь жителей Курской и Самарской, Вятской, Тамбовской и Орловской, Рязанской и Саратовской, Воронежской и Могилевской, Нижегородской, Симбирской, Уфимской, Пермской, Казанской и др. губ., малороссов из Черниговской и Полтавской губ., чувашей, мордву, старообрядцев из Саратовской губ. и пр.»⁷¹.

Краевед А. Суздальцев называет «живым музеем» Туркестан, излагая древнейшую историю региона. В 1919 г. он писал: «Туран стал провинцией Ирана. Это, однако, не помешало дальнейшему развитию... Персы были вообще известны своею веротерпимостью и к этому времени Туран был живым музеем всех религий и культов Востока»⁷².

Этнограф, сотрудник Академии истории материальной культуры Д. А. Золотарёв в отчете о работе этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях в 1921–1922 гг.⁷³ отмечал: «На бе-

ства / Под редакцией В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Т. VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. — СПб., 1901 // Этнографическое обозрение. — 1902. — № 1. — С. 124.

⁷¹ Харузин Н. Н. Среди новоселов (от Барнаула до Костина Лога) // Русская мысль. — Г. 18. Март. — 1897. — С. 19.

⁷² Суздальцев А. Краткий обзор истории Туркестана (Турана) // Туркестан и сопредельные страны (Бухара, Кашгар, Афганистан, Персия и Хива) / Под ред. Ю. Ю. Рустейко и П. М. Войтик. — Самара, 1919. — С. 91.

⁷³ Д. А. Золотарёв указывает, что экспедиция была организована по инициативе «Разряда этиологии Российской Академии Истории Материальной Культуры в Петрограде и при участии Этнографического Отдела Русского Музея, Комиссии по изучению племенного состава населения России, Отделения Этнографии Русского географического общества».

регах Мологи есть деревни, как Усть-Кировское, где сохраняются живые музеи украшений русской избы, то необычайно просто, то вычурно и ярко убранной кружевной резьбой очень разнообразного в одном селении рисунка»⁷⁴.

В целом Русский Север (и в частности, «область Коми») назвал «живым музеем» профессор Московского университета, географ и этнограф В. П. Налимов (1924)⁷⁵, отмечавший, что здесь «происходит полное сочетание сожительства более ранних культур с элементами культуры более позднейшими». Кроме того, селения ещё одного района, близкого к Русскому Северу — Костромского края, — охарактеризовал схожим образом краевед и музейный деятель В. И. Смирнов (1926). Он писал: «в деревне Костромского края, одним словом, как в живом музее можно изучать историю русской одежды век за веком, так как памятники ее сохранились, застывшими, так сказать, в прежнем виде в течение ряда столетий»⁷⁶.

Другой российский регион, который часто именовали в публикациях конца XIX — первой трети XX в. «живым этнографическим музеем», — это Кавказ и Закавказье. Например, данное выражение встречается в статье члена Кавказского отдела Императорского Русского географического общества Л. П. Загурского (1884), посвящённой изучению горцев Кубанской области⁷⁷.

Профессор Казанского университета И. Н. Смирнов назвал Кавказ в целом «живым колоссальным этнографическим музеем» в работе, посвящённой механизмам аккультурации, сложившимся

⁷⁴ Золотарев Д. А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях [Доклады 1921, 1923 гг.] // Изв. РАИМК. — Т. III. — 1924. — С. 19.

⁷⁵ Налимов В. К этнографии Коми (наброски) // Кomi Mu — Зырянский Край. — 1924. — № 3. Май. — С. 45.

⁷⁶ Смирнов В. Население Костромского края в прошлом и настоящем // Прошлое и настоящее Костромского края. — Кострома, 1926. — С. 79.

⁷⁷ Говоря о миграциях военного и послевоенного времени, Л. П. Загурский пишет: «Для любознательных исследователей остается только южная часть Кубанской области, сохранившая остатки горцев и представляющая собою живой этнографический музей»; См.: Загурский Л. П. По поводу трудов Е. Д. Фелицына о горцах Кубанской области // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. — Т. VIII. — 1884. — Вып. 2. — С. 363.

в российском государстве (1892). К слову, И. Н. Смирнов подмечает важное отличие русского и европейского менталитетов, актуальное поныне: «Нам мерещатся прусские образцы — школы с преподаванием исключительно на государственном языке, с запрещением детям говорить в стенах училища и вне его на родном языке. Нужно сидеть всю свою жизнь в кабинете и смотреть на вещи исключительно западными — немецкими, мадьярскими, галицийско-польскими глазами, чтобы не видеть, как претит русскому чувству эта противоречащая нашей истории система. Немец видит в поляке, французе врага, которого нужно согнать с земли, раздавить; русский, селившийся рядом с инородцами на колоссальных пустынных пространствах, исторически не мог воспитать в себе этого чувства: он ... не прочь поэксплуатировать его, как и своего брата — простака, но он же живо подмечает добрые стороны инородца, сочувственно оценивает их и далек от истребительных вожделений немца, мадьяра и озлобленного историческими неудачами поляка»⁷⁸.

То же значение выражения «живой музей» мы встречаем в статье «Население» из статистико-экономического сборника «Закавказье» (1925), подготовленной этнографом, заведующим Историко-этнологическим отделом Закавказской научной ассоциации при ЗакЦИКе, Г. Ф. Чурсиным: «...постепенно, в течение ряда веков, и создалась в Закавказье та пестрота племенного состава, которая всегда поражала путешественников и исследователей и придавала стране характер некоторого рода живого этнографического музея»⁷⁹.

Перейдём к следующей группе выявленных источников, в которую можно объединить публикации, в которых выражение «живой музей» используется в контексте описания зарубежных городов и регионов. Охарактеризуем её кратко, отметив, что к ней относятся: статья И. Василевского, посвящённая Гамбургу («Время во-

⁷⁸ См.: Смирнов И. Н. Обrusение инородцев и задачи обrusительной политики // Исторический вестник. — 1892. — Г. 13. Март [Т. 47]. — С. 752, 763.

⁷⁹ Чурсин Г. Ф. Население // Закавказье. Советские республики: Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Аджаристан, Юго-Осетия, Наг. Карабах, Нахичевань : Статистико-экономический сб. Изд. высшего экономического совета З.С.Ф.С.Р., 1925. — С. 142.

все не коснулось этого архаического уголка, живого музея старой Ганзы...»)⁸⁰; публикация В. А. Гордлевского, рассказывающая о русской старообрядческой деревне под Ак-шехиром в Турции («Под влиянием вечного брожения в Малой Азии создался живой этнографический музей, обзор которого объясняет историю страны»)⁸¹; брошюра М. С. Годеса, обращённая к китайскому вопросу («Для человека, знакомого немного с историей Европы в последнее тысячелетие, Китай послужит живым музеем. Там одинаково богато представлены и XI и XX вв.»)⁸². Также в эту группу входит работа «Латинский квартал. Квартал Марэ» А. Борового, которая посвящена одному из старейших районов Парижа, практически не затронутому масштабной модернизацией города в 1860–1870-е гг. Данную цитату хотелось бы привести максимально полно:

«Воистину, квартал-музей! И никакие литографии, никакие планы, развешанные чинно по стенам, не научат вас так полно, так разносторонне, как прихотливое блуждание среди обломков старины. Увы! И в этот живой музей вторглась святотатственная рука реформатора... Перед Hotel de Sens выстроили рынок, ... производящий удручающее впечатление рядом с капризной выдумкой XV века. Еще ужаснее поступили с Hotel Sully. От улицы он был отделен низкими стенами. ... Современные хозяева дворец превратили в доходный дом. Они наложили по три этажа с каждой стороны ворот, и теперь самое испытующее око не угадает с улицы сокровища, скрытого за ординарными мещанскими постройками»⁸³.

Нельзя не заметить, как эти заметки рифмуются с идеями, высказанными в 1909 г. Н. К. Рерихом. Рассуждая о формировании ко-

⁸⁰ Василевский И. Гамбург // Европа. Иллюстрированный географический сборник / Под ред. А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова, С. Чефранова. — М., 1912. — С. 249.

⁸¹ Гордлевский В. А. Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Ак-шехиром // Русская мысль. — Г. 33. Кн. XII [Декабрь]. — 1912. — С. 119.

⁸² Годес М. Что такое кемалистский путь и возможен ли он в Китае? — Л., 1928. — С. 53.

⁸³ Боровой А. Латинский квартал. Квартал Марэ // Культурные центры Европы. Т. 4. Париж / А. Боровой, Я. Глотов, Б. Лопатинский [и др.]. — М., 1916. — С. 123.

миссии по выработке положения об охране старины, он говорил о важности поиска не только «культурных», «археологических», но и «человеческих» путей сохранения памятников, о необходимости создания «обществ друзей старины». Рерих писал: «Не в сумраке темниц, как многие музейные предметы, должны памятники доживать свой век; они должны светить всей праздничной жизни народа. Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сарайами, дайте памятнику то «чистое» место, которое он имел при создании, — и к такому живому музею пойдет толпа»⁸⁴. Словом, он призывал к сохранению вокруг исторических объектов той архитектурной и природной среды, что окружала их при создании.

Следует добавить, что этот образ «живого музея», запечатлённый в словах Н. К. Рериха, оказался наиболее влиятельным и известным из всех рассматриваемых в параграфе. Как уже отмечалось, он отражён в исследовании современного сибирского музееведа Л. С. Алексеевой⁸⁵. Но ещё интереснее тот факт, что данная заметка Рериха обсуждалась на страницах предреволюционных изданий. В частности, в статье А. А. Миронова «Из жизни археологических учреждений», где «общество друзей старины», пропагандируемые художником и сторонником «живых музеев», сравнивались с губернскими учёными архивными комиссиями⁸⁶.

ПРООБРАЗ ТРЕТИЙ: ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ

В ряде выявленных источников искомый оксюморон используется для описания коллекций или экспозиций «объектов из живой природы». Например, агроном и публицист А. П. Мертваго пишет, рассказывая про селекционную деятельность на французском семенном хозяйстве семьи Вильморен, что там «живые ботанические

⁸⁴ Рерих Н. По старине // Городское дело. — 1909. — № 6 (15 марта). — С. 41–44.

⁸⁵ Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия. — 2018. — С. 101–108.

⁸⁶ Миронов А. А. Из жизни археологических учреждений // Исторический вестник. — 1909. — Т. 116. — № 6. — С. 1027–1036.

музеи культивируются ... и по отношению к другим корнеплодам, к хлебным злакам, бобовым-кормовым, огородным горохам и друг. Эти музеи являются неоцененным пособием в семенном деле фирм...»⁸⁷ (1901). Учёный-биолог В. А. Рихтер посвятил свою статью организации в 1919 г. «музея живых бактериальных культур» при Пермском Бактериологическом Институте⁸⁸. Музеевед А. И. Филиппов, излагая принципы развития местных музеев, отмечает в публикации 1926 г., что «очень оживляют ест[ественно]-научные отделы, т[ак] н[азываемые] "уголки живой природы", ... небольшие зоологические и ботанические сады и даже парки. Мы имеем уже ряд попыток (в Соловках, Пензе, Омске, Ярославле и др.) организации подобных "живых" музеев, и можно быть уверенным, что при надлежащей энергии и любви к делу, такие уголки могут быть организованы почти всеми музеями»⁸⁹. Наконец, профессор 2-го Московского государственного университета М. М. Завадовский неоднократно использует оксюморон «живой музей», представляя опыт и концепцию работы Московского зоопарка, им руководимого (1926)⁹⁰.

⁸⁷ Мертваго А. П. В чужих краях: [Поездка на Париж. выставку]. — СПб., 1901. — С. 14.

⁸⁸ Рихтер В. А. Музей живых бактериальных культур при Пермском Бактериологическом Институте // Пермский Бактериологический Институт. 1897–1922 г. : Сб. работ и ист. очерк развития и деятельности за двадцатилетие. — Пермь, 1922. — С. 19–24.

⁸⁹ Филиппов А. И. Принципы организации местных музеев // На новых путях краеведной работы : сб. ст. под ред. А. И. Дзенс-Литовского и К. П. Ягодовского. — Л., 1926. — С. 83.

⁹⁰ М. М. Завадовский был братом Б. М. Завадовского — основателя московского Биомузея им. К. А. Тимирязева. Выбирая наиболее информативные фрагменты из указанной публикации, следует процитировать следующие строки: «...была проведена всесторонняя пропаганда делом и ... настойчивая борьба ... с остатком дореволюционной трактовки Зоопарка, как увеселительного летнего сада... В самом сочетании живого биологического музея с легким театральным зрелищем сквозит пропаганда того ценного, что таится в культурно-просветительной работе. Переименование Зоологического сада в Зоопарк отчасти навеяно необходимостью стереть с названием воспоминания о прошлом. ... В настоящее время культпросветительная работа Зоопарка осуществляется тремя секциями нашего учреждения, в тройковой форме. Секции эти — Экскурсионное Бюро, Кружок Юных Биологов (КЮБ) и Педагоги-

Схожее значение оксюморона «живой музей» наблюдается в работах, посвящённых ландшафтным паркам, садам и природным заповедникам. Например, М. П. Нагибина, говоря о планах создания парка на Воробьевых горах в Москве, пишет: «он мог бы быть мировым парком по красоте местоположения ... и по тому ботаническому интересу, который он мог бы иметь для русских и иностранцев, как живой музей русской флоры» (1911)⁹¹. Патриарший сад г. Владимира, который был создан ещё в XVIII в. и содержал все разновидности владимирской вишни, лирично называется «замечательным памятником» и «живым музеем», требующим спасения и ухода, в статье М. С. Антиповича (написанной при участии П. И. Неволина, 1914)⁹². Это же обращение использовалось в публикациях по отношению к ботаническому саду 1-го МГУ (1928)⁹³. Наконец, «живым музеем ископаемых форм» названо озеро Байкал в отчёте профессора Г. Ю. Верещагина, начальника Байкальской экспедиции Академии наук СССР (1929)⁹⁴.

Следует подчеркнуть, что это географическое значение оксюморона находилось в тесной связи с практикой организации первых природоохранных парков России. В частности, один из постоянных образов «живого музея» в публикациях конца XIX — начала XX вв. —

ческий семинарий. Все они работают на фоне живого музея, культурно-просветительная постановка которого представляет собою основное содержание деятельности Зоопарка, как целого». См.: *Завадовский М. М. Строительство Московского Зоопарка. Краткая историческая справка // Строительство Москвы. — 1926. — № 9 (сентябрь). — С. 15, 19.*

⁹¹ Нагибина М. П. Королевский ботанический сад в Кью // Русская мысль. — Г. 32. — Кн. II. — 1911. — С. 172.

⁹² Антипович М. С. (при участ. П. И. Неволина). Владимирская вишня // 1913. Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия. — Г. 7. — П., 1914. — С. 620.

⁹³ В царстве растений. Очерк А. Р. Палея // Огонек. — № 41 (289). — 7 октября 1928 г. — С. 8.

⁹⁴ Верещагин Г. Ю. Начальник Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР, — о работах Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР в 1926 году // Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. / Бурят-Монгольское Научное общество им. Доржи Банзарова. — Верхнеудинск, 1929. — С. 34–35.

это зоологический парк Ф. Э. Фальц-Фейна в имении «Аскания-Нова» Таврической губернии. Кроме М. А. Волошина, слова которого были приведены в самом начале параграфа, «живым музеем» его называл Семёнов-Тян-Шанский в публикации «Из задач природоохранения», перепечатанной в популярном юношеском издании «Родник» (1914)⁹⁵. В другой статье В. П. Семёнова-Тян-Шанского, посвящённой начальному этапу создания сети природоохранных парков СССР, данный образ был перенесён на национальные парки и заповедники в целом. Он писал, что это — «живые музеи со всей в них строгостью музейных порядков» (1927)⁹⁶. Кроме того, схожую оценку можно увидеть в разделе «Значение национальных парков» из книги профессора Одесского сельскохозяйственного института, А. А. Браунера (1923)⁹⁷.

Возвращаясь к зоологическому парку и заповеднику Ф. Фальц-Фейна в имении «Аскания-Нова», ставшему одним из постоянных прообразов «живого музея» в публикациях конца XIX — первой трети XX в., следует отметить несколько интересных деталей. Территория, ранее называвшаяся Чапли, была переименована в Асканию-Нова («Новую Асканию») в честь родового имени Фальц-Фейнов в Германии. В таврическом владении парк был создан в 1898 г. наследником этого рода, Фридрихом Эдуардовичем Фальц-Фейном (1863–1920) — урождённым подданным Российской империи, имевшим блестящее «ветмедицинское» образование⁹⁸. Его увлечение

⁹⁵ Инициалы автора не указаны. См.: Зоологический парк Фальц-Фейна [По статье Семенова Тян-Шанского «Из задач природоохранения】 // Родник. — 1914. — Февраль (№ 2). — С. 259.

⁹⁶ Семенов-Тян-Шанский В. П. Географическое изучение природы СССР // Наука и техника СССР, 1917–1927 / Под ред. А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановского, М. Я. Лапирова-Скобло, А. Е. Ферсмана. — Т. 3. — М., 1928. — С. 394.

⁹⁷ Цитата: «Вслед за музеями, зоологическими и ботаническими садами появилось желание сохранить памятник и природы; начали создаваться “национальные парки”, “заповедники”, т. е. музеи жизни, живые музеи...». Браунер А. А. Сельско-хозяйственная зоология: с 200 рисунками и 9 картами. — Харьков, 1923. — С. 394–395.

⁹⁸ Рябко В. М., Туринский В. М. Истоки, достижения и перспективы науки в Аскании-Нова. — Киев : Аграрна наука, 2001. — С. 8.

зоологией, проявившейся ещё в детстве, а также стремление к новым методам хозяйствования и любовь к первозданной природе легли в основу новаторского проекта⁹⁹.

Ботанический парк в Аскании-Нова был заложен после открытия в конце 1880-х гг. на глубине 70 м артезианской воды высокого качества. Водонапорная башня, построенная в те годы, поныне является символом заповедника. В создании парка участвовали пейзажисты и садоводы Дю Френ, В. Падалки, В. Д. Орленко¹⁰⁰. При мерно в те же годы началось формирование зоологического парка. Фальц-Фейн содействовал проведению в его имении опытов учёных-новаторов своего времени — биолога-животновода И. И. Иванова, будущего академика ВАСХНИЛ, разработчика высокопродуктивных пород сельскохозяйственных животных М. Ф. Иванова, ботаника и энтомолога, автора понятия «фитоценоз» И. К. Пачосского и др.

Неиссякаемая энергия владельца преобразила территорию старого имения. На отгороженных участках целинной степи происходило приручение и разведение различных животных, здесь жили привезённые антилопы, бизоны, зебры, страусы, лебеди и, главная гордость заповедника, лошади Пржевальского¹⁰¹. Часть первозданной степи, не охваченной хозяйственными работами, была выделена владельцем по совету И. К. Пачосского¹⁰² и объявлена заповедником — первым в Российской империи. В начале XX в. в Аскании-Нова побывали многие знаменитые российские и зарубежные

⁹⁹ Зотова Т. А. Заповедник Ф. Э. Фальц-Фейна «Аскания-Нова» как исторический прообраз «живого музея» // Донецкие чтения — 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). Т. 10: Культура и искусство. Библиотечное дело / Под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. — Донецк : Изд-во ДонГУ, 2025. — С. 32–35.

¹⁰⁰ Рябко В. М., Туринский В. М. Истоки, достижения и перспективы науки в Аскании-Нова... С. 9.

¹⁰¹ Козлов П. К. Аскания-Нова (Чапли): Первые опыты акклиматизации животных в России. — Петроград : Постоян. комис. нар. чтений, 1915. — 43 с.

¹⁰² Рябко В. М., Туринский В. М. Истоки, достижения и перспективы науки в Аскании-Нова... С. 10.

деятели науки и искусства. Выходили многочисленные публикации, посвящённые заповеднику. Более того, Фальц-Фейн добился даже визита императорской четы, состоявшегося в 1914 г., о чём была сделана запись в книге гостей «асканияновского музея»¹⁰³.

Дата основания музея в Аскании-Нова не упоминается в источниках начала ХХ в., но в издании 1915 г. он уже характеризуется как сложившаяся научная коллекция. Отметим, что данное издание было подготовлено русским путешественником и географом П. К. Козловым, участвовавшим в формировании заповедника, в частности, выловившим и организовавшим доставку лошадей Пржевальского в конце 1890-х гг., а также посетившим заповедник вместе с супругой Е. В. Козловой в 1914 г. (илл. 15–16). Он писал, что «асканияновский музей» находится в «отличном сухом помещении» и представляет собой «большое собрание чучел млекопитающих и птиц, погибших в зоопарке, кроме того, птиц, добытых на весеннем и осеннем перелетах... Любопытны между прочими чучела альбиносов: ласточек, воробья, коростеля... Здесь же имеется коллекция яиц страусов. Из спиртовых препаратов собраны редкие эмбрионы лошади Пржевальского, гну, антилопы сабельной, сайги, газели, кенгуру, страуса и др.»¹⁰⁴. В музее также находились археологические находки, обнаруженные при бурении скважины.

Словом, неудивительно, что такой новаторский и известный проект был назван современниками «живым музеем». Обращаясь к более позднему периоду, отметим, что после революции 1 апреля 1919 г. Аскания-Нова была объявлена народным заповедным парком, а в 1921 г. — Государственным степным заповедником. Традиции научно-исследовательской деятельности были продолжены и развиты Институтом сельскохозяйственной гибридизации и степной акклиматизации животных, получившим в 1940 г. имя академика ВАСХНИЛ¹⁰⁵ М. Ф. Иванова.

Ещё один яркий географический прообраз «живого музея», который относится к концу XIX — первой трети XX в., принадле-

¹⁰³ Козлов П. К. Аскания-Нова (Чапли)... С. 40.

¹⁰⁴ Там же. С. 39.

¹⁰⁵ Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

жит перу основателя Батумского ботанического сада А. Н. Краснову. Фигура А. Н. Краснова (1892–1915) до сих пор является знаковой, ведь он — ученик В. В. Докучаева и друг В. И. Вернадского, первый доктор географии в России, пионер российского субтропического земледелия, основоположник конструктивной географии¹⁰⁶. В своей статье (1911), посвящённой «будущности» природы Батуми, он не просто использовал оксюморон «живой музей», а предложил достаточно интересную концепцию развития территории.

В качестве показательного примера и образца для Батумского парка он называл шведский Джюргарден (Royal Djurgården, Королевский Югорден, остров музеев) — «живой этнографический музей среди шведской природы». Ставяясь смотреть «несколько шире и грандиознее», Краснов предложил создать в окрестностях Батуми «не маленькую Швецию, а, как на всемирной выставке, ... представить жизнь доброй половины человечества земного шара, в лице его характернейших представителей и среди настоящей обстановки воспитавшей их природы». Рассуждая о возможных объектах такого всемирного парка в окрестностях Батуми, он видел «подобие бульвара мексиканского или чилийского города, засаженного стройными финиковыми, кокосовыми и веерными пальмами», где «в тавернах креолки угощали бы туристов ликерами из местных мандаринов, хурмы и др. субтропических плодов». Перемещаясь по огромной территории на экипаже, туристы могли бы посетить «негритянскую хижину», «чайные японские домики с гейшами, с характерными японскими маленькими садиками», бунгало из Новой Гвинеи, где «можно-было поместить несколько из тех недавно открытых горных карликов этого острова...», а также — другие этнографические секторы, где проживали представители разных народов¹⁰⁷.

¹⁰⁶ «Любовью за любовь. Памятники русской культуры в Грузии». Андрей Краснов // Координационный совет российских соотечественников Грузии (КСОРСГ) [сайт]. — URL: <https://korsovet.ge/ksorsg/krasnov/> (дата обращения: 07.09.2025).

¹⁰⁷ Краснов А. Н. Возможная будущность природы Батумского края // Батумское побережье: «Русские тропики» : сб. ст. — Батум, 1911. — С. 115–116.

Наконец, продумывая перспективы своего проекта, А. Н. Краснов в современном духе показывал его экономическую рентабельность: «Содержание такого сада — выставки не стоило бы много. Каждый отдел окупал бы себя. ... Продажа характерных изделий, материал для которых доставлял бы сад, с лихвою окупала бы их труд [жителей]... Еще более бойко пошла-бы торговля ресторанов, чайных домов и кофеен. Таким образом, наша этнографическая выставка окупала бы себя и скоро покрыла бы стоимость недорогих тропических павильонов для этих народностей. Доход же от посещения сада шел бы на его чисто научные цели...»¹⁰⁸.

Остаётся сказать, что ботанический сад был основан на Зеленом мысе через год после этой статьи, когда географ окончательно переехал в Батуми. В саду не было создано поселений, но идея акклиматизации ценных субтропических растений реализовалась полностью. Географ, «используя разнообразный рельеф местности, создал уникальную ландшафтно-географическую структуру, расположив климатическими ярусами более пяти тысяч растений со всего мира, заложил плантации цитрусов и чая, приживил фейхоа, хурму, инжир, гранаты, авокадо, рамс, бамбук, хинное и камфорное деревья, пинии, кипарисы, глицинии, пальмы, магнолии»¹⁰⁹. При участии садовых и цветочных фирм США, Японии, Китая, Австралии, а также знатоков и любителей флоры со всего мира, в Батумском ботаническом саду были созданы отделы Чили, Австралии и Новой Зеландии, Гималаев, где проводились различные акклиматационные опыты.

Своей живой научной лабораторией под открытым небом А. Н. Краснов руководил в течение двух последних лет жизни, но творящая деятельность основателя нашла продолжение в работе его последователей. Могила русского географа расположена на одной из аллей сада и является своеобразным памятником не только человеку, но и самой идеи уважения к природе и науке¹¹⁰.

¹⁰⁸ Там же. С. 119.

¹⁰⁹ «Любовью за любовь. Памятники русской культуры в Грузии». — URL: <https://korsovet.ge/ksorsg/krasnov/> (дата обращения: 07.09.2025).

¹¹⁰ Georgia: информационный ресурс о Грузии [сайт]. — URL: https://www.gruzia.ge/pages/sights/ajara/green_cape (дата обращения: 07.09.2025).

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Обозначив разнообразие контекстов, в которых использовалось выражение «живой музей» в публикациях последней трети XIX — первой трети XX в., следует сделать концептуальные выводы, расширяющие современные представления о понятии «живой музей». Анализ новых исторических источников позволил выделить основные прообразы «живого музея» как некой методики музейной работы, такие как этнографическая выставка, культурный регион, уникальный природный объект и др. Отметим, что среди прочих вариантов наиболее часто встречаются два значения:

- «живой музей» как поселение или территория, где в естественных условиях сохраняются памятники и самобытная традиционная культура;
- «живой музей» как описание коллекций живой природы, парков, садов и заповедников.

Синтез этих значений даёт контекстное определение, актуальное для России конца XIX — первой трети XX в., то есть для времени рождения первых философских и прикладных проектов «живого музея». Обозначим его следующим образом: «живой музей» — это культурные и природные объекты, которые сохраняются в своём естественном состоянии — в динамике и развитии. Иными словами, это — динамичный подход к сохранению культурного и природного наследия.

Учитывая это определение, можно более точно раскрыть смысл известных исторических музейных проектов и концепций, названных своими создателями «живыми музеями». Кроме того, забегая вперёд, следует отметить, что выявление данного контекстного значения показывает удивительную эволюцию понятия: от «места — живого музея» (где объекты сохраняются в развитии), привычного для публикаций рубежа XIX–XX вв., к «живому музею — театру людей», характерному для современных дискуссий (здесь акценты переводятся с объектов наследия на театральные практики).

Глава 2.

Ключевые идеи и проекты «живого музея» в конце XIX — первой трети XX вв.

В истории музейного дела России наиболее влиятельными оказались идеи и проекты «живого музея», сформулированные в конце XIX — первой трети XX в. Н. Ф. Фёдоровым и П. А. Флоренским. Именно к этим авторам чаще всего обращаются современные российские музееведы, стремящиеся превратить прообразы и идеи динамичного подхода в методику музейной работы¹¹¹. Кроме того, в рамках этнографического музееведения сложилась своя концепция «живого музея», восходящая к экспериментам и разработкам В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова. Рассмотрим обозначенные концепции и проекты в хронологическом порядке, акцентируя внимание на своеобразии, наиболее ярких и новаторских идеях, изложенных в них.

ПРОЕКТ ПЕРВЫЙ:

ИДЕАЛЬНЫЙ «АКТИВНЫЙ МУЗЕЙ» Н. Ф. ФЁДОРОВА

Сложилась научная традиция¹¹², согласно которой проблематика «живого музея» впервые прозвучала в «Философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова (1829–1903). Напомним, что этот мыслитель, почётно называемый «идеальным библиотекарем» и «московским Сократом»¹¹³, является ключевой фигурой в истории российской

¹¹¹ Подробнее см. раздел 2.

¹¹² Например, см.: Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. — 2007. — № 3. — С. 7–12.

¹¹³ Выражение «идеальный библиотекарь» вошло в научный обиход благодаря А. А. Гинкену, опубликовавшему в 1911 г. статью, посвящённую Н. Ф. Фёдорову. «Московским Сократом» назвал Н. Ф. Фёдорова С. Н. Булгаков вскоре после выхода в свет «Философии общего дела» и первой биографической книги о философе, написанной В. А. Кожевниковым (1908). Подробнее см.: Семёнова С. Г. Философ будущего века Николай Федоров. — М., 2004. — 583 с.; Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) : сб. науч. ст. — М., 2018. — С. 3–6.

культуры последней трети XIX в. Родоначальник русского космизма оказал значительное влияние на многих деятелей культуры и науки своего времени. Библиотека Московского публичного и Румянцевского музеев, где работал Фёдоров в 1874–1898 гг., стала центром неформальной «философской школы», объединившей В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, К. Э. Циолковского и др. Да и впоследствии взгляды Фёдорова привлекали разных философов, исследователей и людей искусства — как в XX столетии, так и в современности.

Совершенно особое отношение к идем Н. Ф. Фёдорова сформировалось в российском музееведении. Среди исследователей, которые обращались к осмыслиению его концепции, следует назвать Н. А. Бенедиктова¹¹⁴, З. А. Бонами¹¹⁵, А. А. Жиляева¹¹⁶, А. В. Зыкова¹¹⁷, М. Е. Каулен¹¹⁸, Е. Н. Мастеницу¹¹⁹, Т. П. Полякова¹²⁰,

¹¹⁴ Бенедиктов Н. А., Трусов А. А. Музей как транслятор ценностей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. — 2008. — № 3 (11). — С. 121–129.

¹¹⁵ Бонами З. А. Н. Ф. Фёдоров и западная музеологическая традиция. Диалоги // Музей — памятник — наследие. — 2017. — № 1. — С. 127–136; Бонами З. А. Незримый диалог: музейный проект Н. Ф. Фёдорова в контексте западноевропейской философии, музеологии и художественной критики // Московский Сократ: Николай Федорович Фёдоров. — М., 2018. — С. 565–572.

¹¹⁶ Жиляев А. А. Музей Николая Федоровича Фёдорова // Московский Сократ: Николай Федорович Фёдоров. — М., 2018. — С. 206–211.

¹¹⁷ Зыков А. В. Музееоведческие взгляды Н. Ф. Фёдорова и современное музееведение : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2004. — 23 с.

¹¹⁸ Каулен М. Е. Концепция музея в философии Н. Ф. Фёдорова // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения : информ. сб. — М., 1990, вып. 6. — С. 82–87; Каулен М. Е. Идеи Николая Фёдорова в современном мире // Музей. — 2010. — № 6. — С. 14–25.

¹¹⁹ Мастеница Е. Н. Феномен музея в философском наследии Н. Ф. Фёдорова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 3. — С. 137–142.

¹²⁰ Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. — 2007. — № 3. — С. 7–12; Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) // Музей. — 2007. — № 5. — С. 74–80.

Д. А. Попова¹²¹ и др. Несмотря на отличие интерпретаций, различу подходов и контекстов обращения к рассуждениям московского Сократа, сложилось общее понимание, что его музейные идеи намного опередили своё время. И сегодня актуально высказывание философа: «Хранилище памятников прошлого — музей, не есть ли он учреждение, еще не дозревшее и еще не понимающее, для чего оно собирает отжившее»¹²²...

В текстах Н. Ф. Фёдорова, подготовленных к печати и опубликованных его учениками и последователями¹²³, не встретишь оксюморона «живой музей». Вместо него философ использует понятия «храм-музей», «школа-музей», «музей-школа» и др. Они дополняются целым рядом определений («кладбищенский музей», «народовоспитательный», «истинно-вселенский»¹²⁴, «полный», «всеотеческий»¹²⁵ и т. д.), которые достаточно выраженно характеризуют его концепцию истинного и всеначального музея, «не ограничивающегося хранением останков прошедшего».

Отметим интересную деталь: искомое выражение «живой музея» можно обнаружить в переписке педагога Н. П. Петерсона (1844–1919), бывшего учеником, последователем и публикатором произведений Н. Ф. Фёдорова. В письме от 14 марта 1881 г. к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву он излагает свою концепцию устройства высшего учебного заведения, ориентированного на практическое освоение знаний, а поэтому совмещённого с музеем и библиотекой. «При таком преобразовании, — отмечает Н. Петерсон, — профессора будут библиотекарями относящихся до их

¹²¹ Попов Д. А. Опыт осмысления музейного пространства в концепциях П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова // Научный аспект. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 445–453.

¹²² Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4-х тт. — М., 1995–1999. — Т. I. — 1995. — С. 399.

¹²³ Публикаторами сочинений Н. Ф. Фёдорова стали В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон. См.: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Фёдоровича Фёдорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. — Т. I. — Верный, 1906; Т. II. — Москва, 1913.

¹²⁴ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. I. — М., 1995. — С. 74, 120–121, 366, 452.

¹²⁵ Там же. Т. II. — 1995. — С. 59, 287.

предмета отделов библиотеки, хранителями различных коллекций, собраний, руководителями студентов в их занятиях; студенты же будут помощниками профессоров..., обязанности... поставят студентов в необходимость составлять каталоги, указатели и всякие такого рода пособия; и все эти занятия должны быть систематически разделены между студентами. При таком устройстве Университета-Музея совокупность профессоров и студентов представит живую библиотеку, живой музей, в котором не останется ни одной книги, ни одного предмета незнаемым, без употребления»¹²⁶.

Бесспорно, данные рассуждения всецело связаны с философской концепцией Н. Ф. Фёдорова, выступающей за присоединение «к школам-храмам, то есть к школам духовным, молитвенным, школ светских», а также «музеев таких, которые занимались бы не одним хранением останков прошедшего и отживающего, а и наблюдением и направлением текущего»¹²⁷.

В статьях, посвящённых музейной концепции Фёдорова, чаще всего цитируются строки, в которых философ сравнивает обычный музей с «особым кладбищем», для которого учёные собрали «лишенных жизни животных, высушенные растения, минералы и металлы, извлеченные из их естественных месторождений» и куда поместили «всё это в виде обломков, осколков, гербариев, чучел, скелетов, манекенов» и т. п.¹²⁸ Проводятся параллели между этими критическими рассуждениями и размышлениями европейских авторов XIX — первой половины XX вв., сравнивающих музеи с кладбищами или мавзолеями, — по причине происходящего в них отрыва произведений искусства от культурного контекста (З. А. Бонами)¹²⁹.

Поэтому следует подчеркнуть, что идеи Н. Ф. Фёдорова, конечно же, носят куда более широкий характер. Он призывает преодо-

¹²⁶ Письмо Н. П. Петерсона к К. П. Победоносцеву, 14 марта 1881 г., Керенск // Письма и записки / К. П. Победоносцев и его корреспонденты. — М. ; П., 1923. — С. 284.

¹²⁷ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. II. — М., 1995. — С. 193.

¹²⁸ Там же. Т. 1. С. 230.

¹²⁹ Бонами З. А. Н. Ф. Фёдоров и западная музеологическая традиция // Диалоги. — 2017. — С. 129–130.

леть разобщённость науки и религии, города и села, отцов и сыновей, и вместе с тем пересмотреть место и роль человека в грядущем «цивилизованном» веке. Философ пишет: «Во имя естественного Запад отверг христианское, а за Западом и наша интеллигенция... примерами отрицания христианства во имя естественного могут служить Базаровы, Карамазовы в интеллигентной части общества и Смердяковы вне ее. Ошибка Петербургского периода заключалась в том, что он свободу поставил на место долга к отечеству, а введя воинскую повинность, отдал просвещение от долга, вместо того чтобы соединить их неразрывно»¹³⁰. Также «небратское состояние» общества считывается им по запустению кладбищ, для которых «как и для музеев, недостаточно быть только хранилищем, местом хранения»¹³¹, по пассивной и отвлеченней науке («мертвеннее всех других знаний — история, потому... менее, чем всякая другая наука, может быть без дела»¹³²), по замене «отцов опекунами, отечества государством, братства гражданством»¹³³. Н. Ф. Фёдоров отмечает: «Как только синодик отделяется от истории, храм от музея, так вера превращается для народа в суеверие, ... знание же, если оно ведет к делу, спасает от упадка»¹³⁴.

В концепции мыслителя «человек — прежде всего деятель... активное должно быть предпочтено пассивному [здесь и далее выделено автором монографии. — Т. 3.]»¹³⁵, поэтому он призывает науку и церковь к выработке плана преобразовательной и объединяющей деятельности человечества. Философ задаётся вопросом: «Кто должен восстановить смысл памятников, утраченный благодаря неравенству, проникшему даже в царство смерти? — и отвечает на него. — Конечно, нужен музей...»¹³⁶.

¹³⁰ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. I. — М., 1995. — С. 120–121.

¹³¹ Там же. С. 73.

¹³² Там же. С. 413.

¹³³ Там же. С. 150.

¹³⁴ Там же. С. 314.

¹³⁵ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. II. — М., 1995. — С. 434.

¹³⁶ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. I. — М., 1995. — С. 73.

«Нынешний пассивный музей», который «не собор даже и ученых»¹³⁷, в философии Н. Ф. Фёдорова превращается в «учреждение историческое в смысле не только знания, но и действия», в прогрессивный музей-рай, в «высшую инстанцию, которая должна и может возвращать жизнь»¹³⁸. Не ограничиваясь общими рассуждениями, мыслитель формулирует принципы его устройства и структуру. В наиболее концентрированном виде они изложены, помимо статьи «Музей, его смысл и назначение», в работе «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства»¹³⁹.

Каков же «идеальный музей» Фёдорова? Это «дом ученых», который перешёл «под защиту пятого сословия, сельского, живущего у могил отцов»¹⁴⁰. Его основой выступает сельская кладбищенская церковь, преобразованная грандиозным проектом в «народовоспитательный храм»¹⁴¹. Центральную его часть занимает исторический музей, организованный вокруг «лицевого синодика, музейского иконостаса», заменяющего своеобразную портретную галерею — «это собор всех (местных) умерших отцов, требующий собора всех живущих сынов». По плану Фёдорова, во входной части исторического музея предстоит изобразить «апокалиптическую притчу (страшный суд), указывающую на будущее, ... если не произойдет полного объединения». Далее, в передней части музея будет изображено и «прошедшее», то есть «история как факт», и «будущее», то есть «история как проект»¹⁴². В примечаниях есть уточнение относительно поэтажного расположения этих своеобразных функционально-тематических зон (прим. № 19). Приведём его полностью: «1. Нижний этаж музея — кра-

¹³⁷ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. II. — М., 1995. — С. 378.

¹³⁸ Там же. С. 372, 374—375.

¹³⁹ Полное название: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)».

¹⁴⁰ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. I. — М., 1995. — С. 73.

¹⁴¹ В качестве основы для всенародного музея Фёдоров называет также «кремли» и «острожки».

¹⁴² Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. II. — М., 1995. — С. 73—74.

ниологический или остеологический синодик с надписями, вещами и изображениями, перенесенными из разного рода могил. 2. Средний этаж — лицевой синодик или галерея портретов с живого лица на одной стороне и с мертвого лица — на другой, с деяниями на полях, в общей рамке подножия креста, выходящего в верхний этаж, который есть самый храм, где приносится бескровная жертва»¹⁴³.

Фёдоров пишет: «в противоположность искусственному собиранию лишенных жизни... предметов, производимому современной наукой», существует «сельское знание, которое не отделяется от жизни, составляет с ней одно». В его основе — астрономия, поэтому вокруг кладбищенского (исторического) музея он проектирует «музей естествоведения»¹⁴⁴ с вышкою (обсерваторией) для наблюдения и регуляции природных сил. Отмечая недопустимость переноса в село городского образования, как губительного и пустого, философ вводит в структуру своего народовоспитательного храма новую школу, дающую «истинное воспитание ... не в сознании пре-восходства над отцами, а в сознании отцов в себе и себя в них»¹⁴⁵.

В итоге всех преобразований формируется «храм-музей (памятник всех поколений)..., в котором младшее поколение воспитывается под руководством старшего». Он соединяет «в себе храм (религию), музей (искусство и историю) и вышку (астрономию), между коими нет противоречия, а существует полное единство». Этот «музей-храм всех предков», как отмечает философ, — «действительная патрофикация»¹⁴⁶, то есть преодоление смерти...

Таким образом, музей в учении Н. Ф. Фёдорова становится главным средством «Общего дела», преодолевающим в воспитании новых поколений разобщение религии и науки, города и села, отцов и детей. Обладая энциклопедическими познаниями и являясь свидетелем распространения модели публичного музея, мыслитель выявил и показал несколько онтологических музейных противоречий. Прежде всего следует отметить, что в его концепции было

¹⁴³ Там же. С. 358.

¹⁴⁴ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. : в 4 т. — Т. II. — М., 1995. — С. 79.

¹⁴⁵ Там же. С. 56.

¹⁴⁶ Там же. Т. II. С. 297.

сформулировано базовое противопоставление «пассивного музея» (хранилища) и музея активного, деятельного, сохраняющего прошлое для будущего. Это противопоставление будет прослеживаться во всех исторических и современных проектах «живых музеев», предлагающих собственный взгляд и принцип его разрешения.

ПРОЕКТ ВТОРОЙ:

ИДЕАЛЬНЫЙ «ЖИВОЙ МУЗЕЙ ЛАВРЫ» П. А. ФЛОRENСКОГО

Совершенно особым явлением в истории отечественной музейной мысли стал поиск «жизненных» путей музеификации Троице-Сергиевой Лавры (илл. 17, 18) после революции 1917 г. Историография изучения этого проекта «живого музея», связанного с именем П. А. Флоренского (1882–1937), наименее обширна; в неё входят исследования С. А. Ан¹⁴⁷, И. В. Андреевой¹⁴⁸, И. Л. Галинской¹⁴⁹, Р. В. Коврикова¹⁵⁰, А. М. Копировского¹⁵¹, И. А. Тульпе¹⁵², М. В. Шваровой¹⁵³,

¹⁴⁷ Ан С. А., Хмырова С. Р. Музей как феномен культуры в философской и общественной мысли России рубежа XIX–XX вв. // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Липецк, 2023. — С. 3–9.

¹⁴⁸ Андреева И. В. Музеология в дискурсе документности: опыты философской рефлексии кон. XIX — первой трети XX века // Вестник КемГУКИ. — 2021. — № 54. — С. 32–42.

¹⁴⁹ Галинская И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии : Дайджест. — Москва, 1995. — № 3. — С. 22–29.

¹⁵⁰ Ковриков Р. В. Музейная коммуникация в сохранении культурного наследия в музеях-заповедниках // Педагогика искусства. — 2019. — № 3. — С. 178–185.

¹⁵¹ Копировский А. М. «Живой музей» свящ. Павла Флоренского: утопия или антиутопия? // Философия в полицентричном мире : сб. науч. ст. — М., 2020. — С. 882–885.

¹⁵² Тульпе И. А. Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского) // Музей — хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества : материалы V Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. — СПб., 1997. — С. 14–16.

¹⁵³ Шварова М. В. Концепция «живого музея» П. А. Флоренского // П. А. Флоренский и современность : материалы науч. конф. — Калининград, 2007. — С. 73–77.

Л. М. Шляхтиной¹⁵⁴ и др. Наиболее глубокий анализ идей «живого музея» Флоренского был произведён: М. Е. Каулен — по мере разработки методики средового подхода к музеификации историко-культурного наследия¹⁵⁵; Т. П. Поляковым — в процессе построения актуальной классификации методов и технологий музейно-экспозиционного проектирования¹⁵⁶; Е. Ю. Перовой — в контексте выявления принципов сохранения наследия, сформулированных в философской мысли России начала XX в.¹⁵⁷; Л. С. Алексеевой — при комплексном изучении деятельности церковных музеев Сибири¹⁵⁸. Кроме того, следует подчеркнуть работы М. С. Трубачёвой и игумена Андроника (Трубачёва)¹⁵⁹, возродивших идеи П. А. Флоренского в со-

¹⁵⁴ Шляхтина Л. М. Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей // Вопросы музеологии. — 2010. — № 1 (1). — С. 44–49.

¹⁵⁵ Каулен М. Е. Музеификация историко-культурного наследия России. — М., 2012. — С. 13–41.

¹⁵⁶ Поляков Т. П., Смирнова Т. В. Музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории // Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII — XX век. — М., 2011. — С. 423–465; Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». — М., 2021. — С. 113–162.

¹⁵⁷ Перова Е. Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (843). — С. 220–228.

¹⁵⁸ Например, см.: Алексеева Л. С. Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2022. — 23 с.; Алексеева Л. С. Музеведческие идеи священника Павла Флоренского в современной деятельности музеев Кемеровской области // Актуальные проблемы социокультурных исследований : сб. науч. ст. по итогам Межрегиональной науч.-практич. конф. аспирантов и соискателей. Вып. 10. — Кемерово, 2014. — С. 292–299; Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник КемГУКИ. — 2017. — № 41–2. — С. 111–121.

¹⁵⁹ Трубачёва М. С. Научно-музейная деятельность свящ. Павла Флоренского в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры: 1918–1920 // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб.] 5. — М., 1984. — С. 52–164; Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. / священник Павел Флорен-

временной России, а также исследования М. А. Гагановой, П. В. Флоренского¹⁶⁰ и др., посвящённые истории музеефикации Лавры.

Кратко напомним, что 21 октября 1918 г. была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, в неё вошли И. Е. Бондаренко, Ю. А. Олсуфьев, М. В. Боскин, П. Н. Каптерев, Н. Д. Протасов, Т. Н. Александрова-Дольник. Ученым секретарём комиссии стал священник Русской Православной Церкви, богослов, религиозный философ и учёный П. А. Флоренский. В короткие сроки комиссией было принято на хранение всё самое ценное (отражённое в монастырских описях), взяты под охрану библиотеки и архивы монастыря, обследованы памятники Сергиева Посада и его окрестностей¹⁶¹. Но самое главное, что уже в конце ноября 1918 г. был составлен проект «Музея Троице-Сергиевой Лавры». Его первая строчка гласила: «Комиссия рассматривает Лавру, как единый живой Музей»¹⁶².

Авторами этого документа выступили, как отмечено в заглавии, «профессора П. А. Флоренский и П. Н. Каптерев». Они кратко изложили главные принципы музеефикации Лавры: «дорожить не только отдельными сторонами ее исторического бытия, но и в особенности их взаимной связанностью, вне которой каждая из сторон теряет значительную долю присущей ей значительно-

ский; сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева) и др. — Москва : Мысль, 1994—1999.

¹⁶⁰ Гаганова М. А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой Лавры в 1920—40-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. — М., 2016. — 261 с.; Гаганова М. А. Троице-Сергиева Лавра и государственная культурная политика (1918—1941 гг.) // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкоzнание. Культурология. — 2013. — № 7 (108). — С. 227—235; Флоренский П. В. Павел Флоренский — священник, мыслитель, ученый // Природа. — 2018. — № 7 (1235). — С. 80—91.

¹⁶¹ Гаганова М. А. Троице-Сергиева Лавра и государственная культурная политика (1918—1941)... С. 228.

¹⁶² Проект музея Троице-Сергиевой Лавры, составленный членами Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, профессорами П. А. Флоренским и П. Н. Каптеревым по поручению комиссии // Флоренский П. А. Собрание сочинений. — М., 2000-. [Т. 1]: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. 2000. — С. 52—55.

сти», а также стремиться к сохранению «каждого по возможности предмета в его конкретной связи с обстановкой его возникновения и жизни»¹⁶³.

Кроме того, проект содержал будущую структуру музеиных отделов и учреждений, составляющих основу «живого музея Лавры». Авторы пишут: «Основным из этих учреждений должна быть ризница», разделённая на две части — «древлехранилище», в котором «должны быть сосредоточены все предметы..., составляющие художественный или исторический интерес», и отдел инвентаря Лаврских храмов — «собственно ризницу», содержащую «расхожие (обиходные) облачения, сосуды, иконы и т. д.»¹⁶⁴. Наравне с данным учреждением предполагалось образовать «особый Музей Лавры» — центр «теоретического изучения Лавры, как живого Музея». Исходя из предложенной структуры, можно заключить, что этот музей должен был иметь традиционный характер и соответствовать ведущим в музеиных собраниях принципам историзма и систематизма. Планировалось, что он объединит:

- всю литературу о монастыре, «древнюю и новую», а также коллекцию «изданий Лавры, Академии, Троицкой Семинарии»;
- всю иконографию Лавры, «ее насельников и деятелей по возможности в подлинниках, а где нельзя — в воспроизведениях»;
- «собрание автографов в подлинниках или воспроизведениях всех вышеназванных лиц»; «собрание планов, чертежей и архитектурных деталей всех зданий Лавры в их исторических судьбах»;
- разборные модели монастыря и отдельных зданий, «на которых, путем удаления частей, можно было бы прослеживать исторические напластования и переделки», а также рельефную карту местности;
- «карты, диаграммы и схемы, наглядно показывающие распространение культурного влияния Лавры и разные сторо-

¹⁶³ Там же. С. 52.

¹⁶⁴ Там же. С. 53.

- ны ее жизни (экономическая жизнь, рост населения, количество богомольцев и т. д.);
- биографический словарь-справочник с указаниями: «а) всех деятелей и насельников собственно Лавры; б) лиц, соприкоснувшихся с ней»;
 - справочники по Некрополю Лавры и «собрание надгробий, могущих найтись при раскопках и иными путями»;
 - «собрание фотографий и эстампажей всех древних надписей, имеющихся в Лавре», а также «резных, лепных, чеканных, битых, гравированных и пр. орнаментов»;
 - «воспроизведение миниатюр и заставок из Лаврских сбражий»;
 - собрание музыкально-вокального творчества: «а) рукописные и печатные ноты Лаврских песнопений; б) фонограммы Лаврских напевов»;
 - коллекцию «вариантов и древних воспроизведений замечательнейших икон Лавры, особенно “Троицы” Рублева», а также каталог, рассказывающий об исторической эволюции «некоторых замечательных икон в связи с записями и копированием»¹⁶⁵.

Данные планы по организации комплексного музея были реализованы лишь отчасти. В 1918 г. храмы были переданы в ведение приходских советов, а монашеская община оформлена как «трудовая артель» по охране Лавры. В 1919 г. члены Комиссии подготовили сборник очерков, посвящённых Лавре как художественному памятнику мирового значения. Манифестом сборника стала статья П. А. Флоренского «Троице-Сергиева Лавра и Россия», в которой он обосновал необходимость создания в монастыре «живого музея». Но сборник был снят с выпуска из-за доноса бывшего священника М. Галкина. В январе 1920 г. комиссия по охране Лавры была расформирована, а летом утверждён новый состав. Начались работы по организации Сергиевского историко-художественного музея. При этом отдельные положения «проекта музея Лавры» были реализованы в экспозиционной практике 1920-х гг. Музей-

¹⁶⁵ Там же. С. 53–55.

ные экспозиции знакомили посетителей с историко-культурными коллекциями. Часть экспозиций была посвящена историческим интерьерам бывшего монастыря. С особенностями архитектурного комплекса Троице-Сергиевой лавры XV–XVIII вв. знакомил отдел иконографии. В музее работала «Показательная живописная мастерская» (представляющая процесс создания иконы) и «Отдел звона», посвящённый музыкальной культуре Лавры¹⁶⁶. Однако в конце 1920-х гг. произошла полная смена кадрового состава музея, а затем его реорганизация и перепрофилирование в историко-краеведческий и антирелигиозный музей (илл. 19).

Вместе с тем философские идеи и принципы, которые лежали в основе проекта «живого музея Лавры», не теряют своей актуальности до сих пор. Поэтому рассмотрим их подробнее, обратившись к статьям П. А. Флоренского (первоначально — докладам), опубликованным под названиями «Троице-Сергиева Лавра и Россия» (1919)¹⁶⁷ и «Храмовое действие как синтез искусств» (1922)¹⁶⁸. Отвергая в них традиционное восприятие музея как собрания предметов, философ пишет: «Музей, самостоятельно существующий, есть дело ложное и в сущности вредное для искусства, ибо предмет искусства хотя и называется вещью, однако отнюдь не есть вещь». Он «должен быть понимаем, как никогда не иссякающая, вечно бывающая

¹⁶⁶ Гаганова М. А. Троице-Сергиева Лавра и государственная культурная политика (1918–1941)... С. 229.

¹⁶⁷ Статья «Троице-Сергиева Лавра и Россия» была подготовлена Флоренским в первый месяц деятельности Комиссии, доклад сделан 26 ноября 1918 г. Как уже отмечалось, она стала идеяным манифестом сборника очерков, посвящённых Лавре как художественному памятнику мирового значения. Было напечатано всего несколько экземпляров этого сборника, тираж уничтожен по обвинению в контрреволюционной деятельности. См.: Троице-Сергиева лавра: [сб.]. — Сергиев Посад, 1919. — 155 с.; Флоренский П. А. Сочинения. — Т. 2. — М., 1996. — С. 762.

¹⁶⁸ Это первая работа, написанная Флоренским во время работы в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Доклад сделан 9 ноября 1918 г. В отредактированном виде текст был опубликован в 1922 г.: Флоренский П. А. Храмовое действие как синтез искусств // Мавковец. — Москва, 1922. — № I. — С. 28–32; См. подробнее: Флоренский П. А. Сочинения. Т. 2. — М., 1996. — С. 768–769.

струя самого творчества, как живая, пульсирующая деятельность творца хотя и отодвинутая от него временем и пространством, но всё еще неотделимая от него». В ином случае, по мнению П. А. Флоренского, художественное произведение «умирает или по крайней мере переходит в состояние анабиоза, перестает восприниматься, а порою и существовать как художественное»¹⁶⁹.

Приводя в пример превращение музеев естествознания «в зоологические и ботанические сады», обеспечивающие естественные условия для наблюдения и изучения, священник постулирует необходимость использования «функционального метода постижения» при изучении духовных деятельности человека. «Самое страшное для меня в деятельности нашей Комиссии..., — отмечает отец Павел, — это возможность погрешить против жизни, соскользнув на упрощенный путь умерщвляющего и обездушивающего коллекционирования»¹⁷⁰. Цитируя строки П. П. Муратова, посвящённые критике традиционных музеев-хранилищ античной скульптуры¹⁷¹, он пропагандирует «не собирание редкостей только для гурманов искусства», а всенародное и всестороннее «жизненное усвоение человеческого творчества». Лозунгами своей «музейной реформы» и проектируемого «живого музея» П. А. Флоренский называет «вынесение музея в жизнь и внесение жизни в музей»¹⁷².

Развивая эти идеи, философ подчёркивает: «всякий знает, что для эстетического феномена картины или статуи нужен свет, для музыки — тишина, для архитектуры — пространство». Но очень часто забывается, что эти условия «конститутивно входят в самый организм художественного произведения», они предусмотрены

¹⁶⁹ Храмовое действие как синтез искусств // Флоренский П. А. Сочинения. Т. 2. — М., 1996. — С. 371.

¹⁷⁰ Там же. С. 373.

¹⁷¹ Флоренский цитирует следующие строки П. П. Муратова: «Когда-нибудь поймут, что для античного лучше честное умирание от времени и от руки природы, чем летаргический сон в музее». См.: Муратов П. П. Образы Италии: Т. 1. — Москва : Научное слово, 1911–1912. [Ч. 1]. Венеция; Путь к Флоренции; Флоренция; Города Тосканы. — 1911. — 265 с. [Ч. 2]. Рим; Неаполь и Сицилия. — 1912. — 159 с.

¹⁷² Храмовое действие как синтез искусств // Флоренский П. А. Сочинения. — Т. 2. — 1996. — С. 374.

«творцом его, образуют его продолжение». Поэтому искусство начинает восприниматься упрощённо — какая-нибудь «одна грань» понимается как нечто самодовлеющее. В итоге нарушается органическое единство «содержания и способов выражения этого содержания», уничтожается «стиль предмета искусства» и пропадает его «подлинная художественность». Избежать этого можно, если воспринимать произведение искусства «не иначе как в полноте необходимых для существования его условий», в расчете на которые и в которых оно было порождено»¹⁷³.

Раскрывая данные тезисы на примере экспонирования икон, созданных в «келье полутемной, с узким окном, при смешанном искусственном освещении», отец Павел показывает необходимость сохранения или воссоздания вокруг них подлинной храмовой атмосферы. То есть «трепетного, волнуемого каждым ветерком пламени», тончайшей голубой завесы фимиама, «растворенного в воздухе». Кроме того, П. А. Флоренский подчёркивает необходимость органического единства искусства иконописи со всеми другими храмовыми искусствами: «вспомним о пластике и ритме движений священнослужащих», «об игре и переливах складок драгоценных тканей, о благовониях, об особых огненных провеиваниях атмосферы, ионизированной тысячами горящих огней». Наконец, о вокальном искусстве и звучащей поэзии¹⁷⁴.

«Я понял бы фанатическое требование разрушить Лавру, — пишет философ, — так, чтобы не осталось камня на камне, — во имя религии социализма; но я решительно отказываюсь понять культуртрегерство,... ревностно защищающее икону, стенописи и самые стены и равнодушное к другим, нисколько не менее драгоценным достижениям древнего искусства, главное же — не считающееся с высшей задачей искусств — их предельным синтезом, так удачно и своеобразно разрешенною в храмовом действе Троице-Сергиевой Лавры»¹⁷⁵.

¹⁷³ Там же. С. 374–375.

¹⁷⁴ Храмовое действие как синтез искусств // Флоренский П. А. Сочинения. — Т. 2. — М., 1996. — С. 377–379.

¹⁷⁵ Там же. С. 382.

Словом, перенося «функциональный метод постижения» на весь монастырь, П. А. Флоренский предлагает общий принцип его музеефикации. Он говорит: «Лавра ... должна, как единое целое, быть сплошным «музеем», не лишаясь ни одной капли драгоценной влаги культуры... Как памятник и центр высокой культуры Лавра бесконечно нужна России, и притом в ее целости, с ее бытом», со всем своеобразным укладом жизни этого острова XIV–XVII вв. В том числе, с «искусством огня», «искусством запаха», «искусством дыма», «искусством одежды», единственными в мире Троицкими просфорами «с неведомым секретом их печения» и «своеобразной хореографией», проявляющейся «в размеренности церковных движений при входах и выходах церковнослужителей, в схождениях и восхождениях ликов, в обхождении кругом престола и храма и в церковных процессиях»¹⁷⁶.

Развивая данную идею, П. А. Флоренский даёт ряд новаторских предложений о конкретных формах музеефикации этого сложного комплекса. Он пишет: «мы видим тут великолепный подбор икон всех веков и изводов; как же можно представить себе Лавру без школы иконописи и без иконописных мастерских?»; «Лавра — показательный музей архитектуры; естественно организовать здесь школу архитектурную»; «В Лавре сосредоточены превосходнейшие образцы шитья», а значит необходимо создать Общество изучения этого искусства и «соответствующую школу и мастерские»; «превосходнейшие образцы дела ювелирного в Лавре наводят на мысль о необходимости устроить здесь учреждение, пекущееся об этом деле»; также «необходима здесь певческая школа, изучающая русскую народную музыку»¹⁷⁷. При таком подходе монастырь, где ощущается не только «эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности»¹⁷⁸, видится Флоренскому «русскими Афинами, живым музеем России», где «в мирном сотрудничестве и благожелатель-

¹⁷⁶ Там же. С. 380–381.

¹⁷⁷ Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П. А. Сочинения. — Т. 2. — М., 1996. — С. 368–369.

¹⁷⁸ Там же. С. 353.

ном соперничестве учреждений и лиц» осуществляется «изучение и творчество»¹⁷⁹...

Таким образом, пытаясь оградить Лавру от закрытия и «умертвляющей» (тотальной) музеефикации, П. А. Флоренский сформулировал гармоничные принципы сохранения и развития памятника истории и культуры, актуальность которых не утрачена и поныне. Он впервые высказал идею создания «живого музея», способного сохранять не только отдельные культурные артефакты, имеющие художественное, историческое или научное значение, но и историко-культурную роль музеефицируемого объекта, ту разноплановую и многозначную духовную деятельность, в которой она выражалась.

ПРОЕКТ ТРЕТИЙ: РЕАЛЬНЫЙ «ЖИВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ТЕАТР» В. Н. ВСЕВОЛОДСКОГО-ГЕРНГРОССА

В 1920-е гг., вне зависимости от предложений П. А. Флоренского, в рамках этнографического музееведения начала складываться ещё одна концепция живого, а точнее, «ожившего» музея. Если в философии Н. Ф. Фёдорова впервые прозвучала идея «активного музея», в концепции Флоренского — принцип сохранения «жизни» музеефицируемого объекта, то в этнографических проектах 1920-х гг. были предложены ясные и понятные формы внесения этой «жизни» в музейное пространство. Среди прочих, наибольшую известность получили проекты В. Н. Гернгросса (Всеволодского) и Б. М. Соколова. Рассмотрим их поочерёдно.

Деятельность В. Н. Всеволодского-Гернгросса (1882–1962) не нашла широкого отображения в позднесоветском и современном российском музееведении, несмотря на явную близость его идей к преобладающим сегодня принципам средового подхода и иммерсивности¹⁸⁰. Его музейно-театральная работа отражена в небольшом ряде публи-

¹⁷⁹ Там же. С. 369.

¹⁸⁰ Подробнее о средовом подходе см. главу 2 в разделе 2, а также: Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. — М., 2012; о музейной иммерсивности см.: Чуклина Т. И. Метод погружения как актуальный метод построения музейной экспозиции : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. — СПб., 2011. — 24 с.

каций — Т. Андреевой, О. Всеволодской-Голушкиевич, Т. Г. Ивановой, Т. А. Крюковой, Е. Н. Студенецкой, О. Сомовой¹⁸¹ и др. Особо среди прочих следует выделить комплексное исследование В. Г. Пушкарёва и статью Т. М. Смирновой, в которых максимально полно представлена история интересующего нас проекта «музея-театра»¹⁸².

Итак, В. Н. Гернгресс (Всеволодский — псевдоним) был одним из первых российских театрореведов, доктором искусствоведения. В контексте поиска «не буржуазных» истоков русской театральной культуры¹⁸³ он сформулировал оригинальный принцип театральной и музейной работы. Изучая историю театра, Всеволодский развивал метод «художественной реконструкции», позволяющий восполнить пробелы путём восстановления старинных спектаклей и обрядов. В 1918 г. он основал и возглавил Институт Живого Слова¹⁸⁴, а в 1923 г.

¹⁸¹ Андреева Т., Сомова О. Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра) // Советская этнография. — 1985. — № 2. — С. 83—90; Всеволодская-Голушкиевич О. Первый Этнографический театр // Советский балет. — 1990. — № 4. — С. 43—47; Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 — первая половина 1941 гг. — СПб., 2009. — С. 454—456, 656—660; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музеиного дела в СССР. — Вып. VII. — 1971. — С. 9—120.

¹⁸² Пушкарев В. Г. В. Н. Всеволодский-Гернгресс и его концепция «живого музея» // Рябининские чтения — 2007 : материалы V науч. конф. «Традиционная культура Русского Севера: история и современность». — Петрозаводск, 2007. — С. 486—489; Пушкарев В. Г. «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — № 120/2010. — С. 339—344; Пушкарев В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2011. — 179 с.; Смирнова Т. М. Фольклорный театр В. Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде) // Клио. — 2016. — № 10 (118). — С. 154—174.

¹⁸³ В противовес своим оппонентам, утверждавшим концепцию русского театра как заимствованного, Всеволодский связывал возникновение российского театрального искусства с национальными основами языческой и христианской обрядности.

¹⁸⁴ Институт Живого слова — учебное заведение, существовавшее в Петрограде в 1918—1924 гг. В него входили научная, воспитательная и учебная секции, которые занимались разработкой научно-теоретических вопросов и подготовкой мастеров живого слова — педагогов общей школы и преподавателей искусства речи, ораторов, поэтов, писателей, сказителей, актеров, певцов и др.

организовал Экспериментальный театр, где предложил абсолютно новое понимание театральных постановок. На сцене воссоздавались фрагменты из народной жизни и традиционные обряды.

Наибольшую известность из ранних постановок получил двухдневный спектакль «Обряд русской народной свадьбы» (1923). Он вошёл в основной репертуар труппы и показывался в разные годы. В одной из рецензий 1924 г. было отмечено: «Мне пришлось слышать такое мнение: это не искусство, это — этнография»¹⁸⁵. Следует сказать, что данная оценка близка к истине, несмотря на то что оспаривается автором рецензии, подчёркивающим, что данный спектакль — самое настоящее искусство, подлинное и «безыскусственное» (то есть непосредственное). Постановка была знаменательна как раз тем, что давала «первый опыт инсценировки обрядового действия» как «возможно ближе к этнографической правде». В центре спектакля оказался «обряд как таковой», представляющий «свою своеобразную формулу, выработанную крестьянским бытом», в которую «каждый раз вставляются новые лица, но обряд остается неизменным»¹⁸⁶.

В поиске новых театральных форм В. Н. Гернгресс стремился к созданию «своеобразного “живого” художественного музея», ведь, по его мнению, фольклор выступает «историческим документом исключительной художественной ценности, является культурным наследством, знание которого необходимо для построения искусства социалистического будущего»¹⁸⁷. Поэтому вместе со своей экспериментальной труппой Всеволодский неоднократно совершал фольклорные поездки по северным селениям. Например, старинный свадебный обряд, послуживший основой для инсценировки «Обряд русской крестьянской свадьбы», был записан вместе с артистами

¹⁸⁵ Меньшой А. Об «Обряде русской народной свадьбы» // Жизнь искусства. — 1924. — № 9. — С. 5.

¹⁸⁶ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1930—1931. — Л., 1931. — С. 3—4.

¹⁸⁷ Архив Российского этнографического музея (далее — РЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 30. [Делопроизводственные материалы по работе Этнографического театра Русского музея]. Опубл.: Андреева Т., Сомова О. Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра). — М., 1985. — С. 86.

театра М. Киссель, Э. Розенберг, Е. Степановой, А. Фоминой в Мезени (Архангельская губ.)¹⁸⁸. В дальнейшем эта работа продолжалась. Участвуя в исследованиях секции древнерусского и фольклорного театров Института истории искусств (совместно с Б. В. Асафьевым, Д. К. Зелениным), Всеволодский собирал материалы в комплексных этнографических экспедициях 1926–1927 гг. на Русский Север. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохраняются фотоплёнки, запечатлевшие одну из поездок 1927 г.¹⁸⁹ (илл. 20). Данные этнографические материалы стали основой новых спектаклей¹⁹⁰, привлекающих всё большее внимание общественности.

С 1930 г. театральная труппа В. Н. Гернгросса начала работу при Этнографическом отделе Русского музея как Государственный этнографический театр. Как подчёркивает исследователь этого проекта В. Г. Пушкиров, в положении о деятельности нового музейного коллектива было указано, что это учреждение «является научно-художественной организацией, осуществляющей реконструкцию средствами театра и эстрады явлений фольклора народов СССР и выполняющий, таким образом, функции живого Этнографического музея»¹⁹¹.

В брошюре 1931 г., посвящённой Этнографическому театру Русского музея, отмечалось, что данная организация не имеет «себе подобной в отношении своей общей установки и своих заданий ни в СССР, ни в буржуазных странах. Это единственная в своем роде научно-художественная организация. Она дает одновременно то, что может дать театр и музей, каждый в отдельности, так как театральная репродукция быта усиливает впечатление и помогает глубокому усвоению культурных явлений прошлого и настоящего»¹⁹².

¹⁸⁸ Пушкиров В. Г. В Н. Всеволодский-Гернгросс и его концепция «живого музея»... С. 486–489.

¹⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 2640. Оп. 1. Ед. хр. 255. 127 л. (без нумерации).

¹⁹⁰ Пушкиров В. Г. «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра)... С. 339–344.

¹⁹¹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 41. [Делопроизводственные материалы по работе Этнографического театра Русского музея]. Опубл.: Пушкиров В. Г. В. Н. Всеволодский-Гернгросс и его концепция «живого музея»... С. 486–489.

¹⁹² Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея... С. 1.

Главная задача этнографического театра выражалась в представлении театральным языком всего того, «что не в состоянии сделать мертвый музейный экспонат». В первую очередь речь шла о «весьма сложных явлениях процесса общественного развития» (обрядах) и различных видах народного художественного творчества¹⁹³. Выступления коллектива были органично связаны с экскурсионной деятельностью и проходили в Мраморном зале после ознакомления с предметной экспозицией. Они сопровождались вступительными комментариями Всеволодского и были основаны на материалах экспедиций в Карелию, Поволжье и Сибирь. Эффект от подобных выступлений превосходил все ожидания — об этом говорят отзывы посетителей. Приведём один из них: «Безмолвный, мертвый музей ожил. Манекены превратились в живых вологодских голосистых девок, в веселых остроумных парней, в степенных стариков»¹⁹⁴.

Новые сведения, музыкальные и кинозаписи из экспедиций представлялись научными сотрудниками музея и Государственным институтом истории искусств¹⁹⁵. В. Всеволодский также поддерживал контакты с московскими этнографами, получал материалы от Фольклорного кабинета Государственной академии искусствознания (группы Ю. М. Соколова)¹⁹⁶. Это способствовало изменению и расширению репертуара музейного театра.

Насколько можно судить по каталогу 1931 г., основу репертуара составляли инсценировки, представляющие отдельные элементы народного творчества и крестьянского быта. Например, музейно-театральная программа «Солнцеворот» (1928) включала реконструкцию русских календарных земледельческих игр и обрядов, воссозданных по материалам, собранным в Европейской

¹⁹³ Иvasенко П. Этнографический театр Государственного Русского музея // Советский Музей. — 1931. — № 2. — С. 102.

¹⁹⁴ Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 — первая половина 1941 гг. С. 657.

¹⁹⁵ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея... С. 2.

¹⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 623. Л. 2. [Письмо Ю. М. Соколова В. Н. Всеволодскому, 1931].

России¹⁹⁷. Выступление «Четыре деревни» представляло собой «инсценированный вечер русского крестьянского творчества» (1930). Как указано в каталоге, это «концерт, проводимый, однако, в этнографических костюмах и гримах с минимальным подбором наиболее легкой необходимой утвари»¹⁹⁸. Отдельные номера, объединённые общей темой, рассказывали посетителям о бытовании песен, сказок, танцев в русской деревне. Концерт делился на четыре части, или «деревни» — старой Руси, помещичьей и пореформенной России, наконец, нового революционного периода. Другие программы — «Искусство Русского Севера», «Вечер русского эпоса (былин и сказок)», «Вечер русского крестьянского танца», повторяя план предыдущего спектакля-концерта, раскрывали отдельные аспекты народной культуры. Наравне с театрализованными представлениями в их программу входили научные доклады, демонстрация кинофильмов, специальные выставки этнографических предметов.

Остаётся добавить, что для осуществления постановок в Этнографическом театре работали профессиональные и самодеятельные актерские труппы, размером от 12 до 30 человек. Коллективы актёров формировались по «этническому» принципу, поэтому среди них были — русская, украинская, кавказская, самоедская, остяцкая и другие труппы¹⁹⁹.

Подведём итог. Несмотря на то что этот экспериментальный музейно-театральный проект просуществовал всего несколько лет — работа проходила с перерывами до 1936 г.²⁰⁰, в нём наиболее ярко выразилась оригинальная практическая идея организации «живого музея». Как известно из дальнейшей истории, подобная практика использования средств театрализации для представления народной культуры станет своеобразным «мейнстримом» в СССР в 1980е гг. и окажет самое значительное влияние на современную деятельность музеев под открытым небом.

¹⁹⁷ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея... С. 5.

¹⁹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹⁹ Ивасенко П. Этнографический театр Государственного Русского музея... С. 102.

²⁰⁰ Подробнее см.: Смирнова Т. М. Фольклорный театр В. Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде)... С. 154–174.

ПРОЕКТ ЧЕТВЁРТЫЙ: ИДЕАЛЬНЫЙ «ОЖИВШИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ» Б. М. СОКОЛОВА

Другой практический подход к организации «живого музея» развивался в 1920-е гг. на базе Центрального музея народоведения (ЦМН) в Москве²⁰¹. Его автором выступил видный фольклорист и этнограф Б. М. Соколов (1889–1930), бывший директором учреждения с 1924 г.

Уделяя так же, как и В. Н. Всеволодский, значительное внимание проблеме сохранения фольклора, Соколов писал, что «народные верования и обряды ближе всего к вымианию, исчезновению — на них должны обратить основное внимание этнографы». Однако, рассматривая элементы народной культуры, творчества и религии как предметы музейной экспозиции, Б. Соколов делал акцент на других аспектах, нежели Всеволодский. Он задавался вопросом: «что нужно и можно экспонировать в музее и как?»²⁰². Отвечая на него, этнограф стремился в соответствии с главным музейным принципом определить эти явления духовной культуры. Поэтому представляя возможную тематическую экспозицию, директор ЦМН включил в неё такие подтемы, как «обереги», «народные лекарства», «обрядовая пища», «снаряжение участников обряда», «предметы жертвоприношений», «фигурные чучела» (идолы), «маски, костюмы ряженых», «символические предметы» и др.²⁰³ Важно добавить, что большую роль в любой этнографической экспозиции, наряду с использованием подлинных свидетельств, он отводил современ-

²⁰¹ Центральный музей народоведения в Москве был создан в 1921 г. Располагался в Пашковом доме (до 1927 г.), в Нескучном дворце (1927–1934), на Мамоновой даче (1924–1943). В отдельные периоды фонды размещались в Новодевичьем монастыре и в школьном здании на Почтовой улице, 20. С нач. 1930-х гг. был преобразован в Музей народов СССР. После закрытия музея в 1948 г. собрание было передано в Государственный музей этнографии в Ленинграде (Российский этнографический музей). Основной фонд музейной библиотеки перешёл в НИИ музейной и краеведческой работы (Москва).

²⁰² РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3101. Л. 1. [Соколов Б. М. Народные русские верования, культ и обряды, как предмет музейной экспозиции].

²⁰³ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3101. Л. 2–5.

ным технологиям, в том числе кинематографу (и ратовал за «культурфильму»²⁰⁴). Но основное внимание Б. М. Соколова привлекали возможности создания новых музеев — под открытым небом.

Следует сказать, что его музейные проекты рассматривают-ся в ограниченном количестве научно-исследовательских работ. К ним относятся исторические исследования, посвящённые тем или иным аспектам развития этнографического музееведения в России (И. В. Маковецкий, Х. М. Турьинская, И. И. Шангина²⁰⁵ и др.), а также биографические исследования В. А. Бахтиной, М. М. Керимо-вой, Э. Померанцевой, В. Чичерова²⁰⁶. Среди других особо сле-дует выделить публикацию А. Б. Ипполитовой, посвящённую истории ЦМН²⁰⁷, а также статьи О. А. Кубанкиной и И. А. Голов-нёва, рассказывающие в том числе о концепции «живого музея» этнографа²⁰⁸.

²⁰⁴ Культурфильм(а) — кинематографический фильм учебно-просвети-тельного содержания.

²⁰⁵ *Маковецкий И. В.* Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 7–18; *Турьинская Х. М.* Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX — начале XXI вв. // Вопросы музеологии. — 2012. — № 1 (5). — С. 43–51; *Шан-гина И. И.* Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х — 30-х годов XX века // Советская этнография. — 1991. — № 2. — С. 71–81.

²⁰⁶ *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых. — М., 2000. — С. 217–244; *Керимова М. М.* Б. М. Соколов — первый директор Цен-трального музея народоведения в Москве, организатор журнала «Этногра-фия» // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы : сб. материалов. — Ижевск, 2017. — С. 45–46; *Керимова М. М.* Эписто-лярное наследие Б. М. Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.) // Три века российской этнографии: страницы истории. — М., 2020. — С. 149–199; *Поме-ранцева Э., Чичеров В.* Борис Матвеевич Соколов // Советская этнография. — 1955. — № 4. — С. 97–105.

²⁰⁷ *Ипполитова А. Б.* История музея народов СССР в Москве // Этногра-фическое обозрение. — 2001. — № 2. — С. 144–160.

²⁰⁸ *Головнёв И. А.* «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. — 2021. — № 3 (13). — С. 244–263; *Кубанкина О. А.* Музей глазами Б. М. Соколова // История и историческая память. — 2020. — № 20. — С. 92–98.

Напомним, что ЦМН был образован на основе Дашковского этнографического музея, а также отдельных коллекций, поступивших с Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г., из Московского Политехнического, Исторического и Военно-исторического музеев, Государственного музейного фонда и Строгановского училища²⁰⁹. В основе нового учреждения лежала концепция выдающегося этнографа В. В. Богданова. Она предполагала разделение музея на научно-систематический и научно-популярный отдел, названные Этногалерей и Этнопарком. Первая из них была организована в Пашковом доме, где в основном сохранялась старая экспозиция Дашковского музея, после 1927 г. она была переведена в здание Нескучного дворца (илл. 21). Вторая часть — Этнопарк, который должен был стать изюминкой всего ЦМН, но фактически так и не был создан²¹⁰. В. В. Богданов писал в 1924 г., что проектирование «музея на воздухе» встречает значительные трудности, которые едва можно преодолеть²¹¹.

Другого мнения придерживался директор ЦМН Б. М. Соколов. Он призывал работать так, чтобы «музеи, в том числе и этнографические, перестали быть мертвыми “хранилищами”, а превратились в живые научно-исследовательские и вместе с тем научно-просветительные учреждения исключительно большого значения»; занялись «изменением системы экспозиции, стремясь сделать ее наиболее

²⁰⁹ Керимова М. М. Эпистолярное наследие Б. М. Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.)... С. 156.

²¹⁰ Первый вариант «Этнопарка» был открыт на Мамоновой даче (усадьба Васильевское, Воробьевы горы, Москва) в 1924 г. Внутренняя экспозиция включала шесть обстановочных залов, посвященных культуре русских, украинцев, белорусов, малых народов Сибири, киргизов и узбеков. Дополнительно выставлялись тематические коллекции — макеты жилищ, коллекция детского воспитания (Е. А. Покровского), костюмов народов Поволжья, быта народов Дальнего Востока и Кавказа. Предположительно в пространстве под открытым небом были представлены бурятская, киргизская и хакасская юрты, хантыйский чум. В 1927 г. на основе Мамоновой дачи было организовано отделение внеевропейской этнографии ЦМН. См.: Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве... С. 147–148.

²¹¹ Там же. С. 146.

жизненной, научной, показательной и доступной для понимания широких масс»²¹². Наиболее перспективным типом этнографического музея он считал именно этнопарк: «...не буду развивать здесь мысль, которая давно исчерпана. Это мысль об этнопарке. Для нашей Советской страны это самая лучшая, самая жизненная и самая желательная форма этнографического музея»²¹³.

Разрабатывая собственный проект, Б. М. Соколов подробно изучал опыт работы североевропейских музеев под открытым небом, посещая их²¹⁴. По итогам своей заграничной поездки в 1928 г. он сделал несколько докладов. Главный из них — «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании» — прозвучал на 41-м заседании музейной комиссии Государственной академии истории материальной культуры (5 ноября 1928 г.). Стенограмма доклада позволяет сделать вывод, какие музеи должны были стать прототипами Московского этнопарка. Она включает характеристику четырёх учреждений — Сеурасаари в Хельсинки (Финляндия), Норвежского народного музея в Осло, музея под открытым небом в Копенгагене (Дания) и Скансена в Стокгольме (Швеция). Последнему, который по словам Соколова, «может быть назван “альмой матер” всех музеев под открытым небом», уделялось основное внимание²¹⁵.

²¹² Соколов Б. М. Этнография в СССР // Известия. — 1927. — № 8. — С. 3.

²¹³ Из доклада Б. М. Соколова «Построение и деятельность советских этнографических музеев» на совещании этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). См.: Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). — СПб., 2014. — С. 346.

²¹⁴ В 1927 г. Соколов был командирован в европейские страны (Польшу, Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию и Германию) с целью участия в Съезде славянских географов и этнографов (5–12 июня 1927 г., Варшава — Краков) и вместе с тем для ознакомления с опытом работы зарубежных этнографических музеев. См.: Керимова М. М. Эпистолярное наследие Б. М. Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.)... С. 150.

²¹⁵ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 2. [Доклад «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании»].

Рассказывая про уникальную экспозицию Скансена — про перевезённые усадьбы, воссозданное ландшафтное окружение, технологии реставрации и особенности финансирования, — этнограф отметил ряд моментов, принципиальных для его идеального этнопарка. В первую очередь это подход музея к подбору «технических служащих», которые «в большинстве случаев выбраны из тех местностей, откуда представлена та или иная изба». Этнографа заинтересовал оригинальный бытовой характер взаимоотношений музея и сотрудников: «не все служащие даже получают деньги. Это введено 20–30 лет назад. Там считается хорошим тоном, что крестьянская девушка отправится в город, научится хорошим манерам и обхождению, вообще нечто вроде “института для благородных девиц”. Являясь в Скансен, они показывают и самих себя (они ходят в национальных костюмах), делают ту или иную домашнюю работу»²¹⁶.

Во вторую очередь Б. М. Соколов отмечает ошибочность такого решения администрации музея, которое привело к соединению этнографического музея и зоологического парка: «Вы обходите парк, ... и вдруг в середине видите медведя в клетке, который раздражает, потому что эта клетка уже нарушение всякой естественности. ... мысль Хазелиуса была совершенно извращена и получилось нездровое впечатление»²¹⁷.

Наконец, более всего директора ЦМН интересовал опыт «живого показа», к которому он будет возвращаться и в других своих текстах, посвящённых этнопаркам²¹⁸. Отправляясь в Скансен, он переживал: «не будет ли казаться диким и грубым показ, экспозиция живых людей»? Но тактичность и естественность поведения «технических служащих» музея убедили Соколова в напрасности подобных страхов: это совмещение «неприятного впечатления не произвело. Они сидят, вышивают или играют на национальных ин-

²¹⁶ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 17.

²¹⁷ Там же. Л. 20–21.

²¹⁸ Например, см.: РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3137. Л. 7. [Проспект книги «Музеи под открытым небом в Скандинавии и будущее этнопарка в Москве» и одноимённая статья].

струментах, и в этом нет особой нарочитости»²¹⁹. Более того, полное уважение и понимание Б. М. Соколова вызвал подход Скансена к проведению фольклорных праздников. Он видел, что программы мероприятий составлялись при участии специалистов по конкретной этнографической и исторической области, и на их основе местные музеи, а также производители получали конкретные задания для подготовки материалов. Это, по мнению Соколова, «пример того, что популяризация на строго научной базе чрезвычайно пи-тает собой науку. ... Таким образом в этнографическом музее просто ожидают наши коллекции, пересматриваются, их изучают и т. д.»²²⁰.

По ряду архивных документов можно судить, что обозначенные принципы были учтены Б. М. Соколовым при разработке собственного проекта музея под открытым небом. В частности, уже в 1928 г. им была подготовлена статья, содержащая предложения по размещению и структуре этнопарка. В соответствии с этим планом авторским коллективом этнографов начиналась разработка исторических справок и этнографических описаний для будущих секторов²²¹.

Предлагая разместить проектируемый этнопарк между «двух частей» ЦМН (Нескучным дворцом и Мамоновой дачей) и несколько далее к Воробьевым горам, Б. М. Соколов отмечал перспективность соединения первого парка культуры и отдыха с первым советским музеем под открытым небом. Он писал, что этнопарк должен занять столь широкое пространство, потому как это даст возможность показать народные постройки на достаточном расстоянии друг от друга «с соответствующим... природным ландшафтом». Такой подход позволит превратить посетителя этнопарка в «путеше-

²¹⁹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 38.

²²⁰ Там же. Л. 41.

²²¹ Папка содержит ряд исторических справок и описаний, которые были разработаны авторским коллективом, состоящим из В. В. Никифорова (текст о якутах), П. Е. Островских (о хакасах, самоедах?), Б. С. Жукова (о «физическом воспитании грудного ребенка»), Б. В. Миллера (о Туркестане), Е. И. Горюновой (о бурятах), В. П. Никольской (об остыках), В. Ю. Крупянской (о киргиз-казаках). См.: РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3411. Л. 1–22. [Материалы к путеводителю по этнопарку].

ственника» по Союзу, а сам музей представит «собой как бы в миниатюре весь наш огромный СССР»²²².

Достаточно полное описание планируемой экспозиции музея под открытым небом было опубликовано в 2001 г. А. Б. Ипполитовой²²³, которая отталкивалась от «Объяснительной записки к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха», составленной С. П. Григорьевым (1930). Согласно этому тексту, московский «живой музей» должен был разместиться по двум берегам Москва-реки: на правом берегу — от территории Парка культуры и отдыха до Воробьевых гор, и на левом берегу — между Новодевичи-чим монастырем и рекой. Внутри обширного пространства предполагалось разбить семь этнографических секторов, рассказывающих об этнической культуре народов России и СССР:

- три центральных сектора («русские», «белорусы», «южно-русские и украинцы») должны были разместиться между окружной железной дорогой и Мамоновой дачей;
- два прилегающих сектора, посвящённых финно-уграм и «турко-татарам», планировались на территории между украинской группой и Воробьевыми горами;
- сектор Кавказа должен был разместиться на обрывистом берегу Мамоновского парка;
- сектор народов Сибири — далее по направлению к Воробьевым горам;
- сектор кочевников и Средней Азии проектировался на левом берегу реки²²⁴.

В соответствии с европейской практикой каждый из этих секторов планировалось разместить в ландшафтных условиях, сходных с настоящими. Для этого предполагалась высадка растений, разведение домашних и диких животных. Основу экспозиции

²²² РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3120. Л. 8–9. [Соколов Б. М. О Московском этнопарке].

²²³ Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве... С. 144–160.

²²⁴ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3381. Л. 1–11. [Григорьев С. П. Объяснительная записка к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха].

должны были составить этнографические жилища, наполненные соответствующими интерьерами и дополненные хозяйственными постройками и зонами демонстрации традиционных промыслов. Кроме того, в выставочных павильонах предлагалось представить научно-справочную информацию о демографии, социальных преобразованиях, народных ремёслах и искусствах. Для оживления экспозиции Этнопарка планировалось пригласить сказителей, кустарей и исполнителей народных танцев, организовать катанья на собаках, оленях, верблюдах и др., создать столовые, предлагающие национальные блюда²²⁵. Частью общественного пространства должна была стать ярмарка кустарных изделий. О формах её организации можно судить, отталкиваясь от Проекта организации продажи кустарных изделий народов СССР в парке «Культуры и отдыха»²²⁶.

Можно предположить, что достаточно близким прообразом московского этнопарка Б. М. Соколова стала оригинальная архитектурно-бытовая зона, которая вошла в экспозицию Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. Напомним, что эта выставка прошла в Москве на территории будущего Парка культуры и отдыха им. М. Горького, то есть, по плану Соколова, — проектируемого им скансена. Известный исследователь русского деревянного зодчества, архитектор И. В. Маковецкий следующим образом описывал этот первый советский опыт комплексного экс-

²²⁵ Там же.

²²⁶ Документ, составленный от имени директора ЦМН, гласит: «...необходимо получить особый павильон, внутри которого можно предоставить места для государственных учреждений и кооперативных организаций, занимающихся продажей кустарных изделий». С целью «выявить кустарную продукцию по возможности всех национальностей СССР», предлагалось пригласить: Всероссийский Союз промысловой Кооперации, Госторг Р.С.Ф.С.Р., Центральный Кустарный Музей ВСНХ, Сельско-Хозяйственный Музей Азербайджана, Вологодский, Архангельский, Карельский, Вятский, Всеуральский, Крымский, Армянский, Туркменский, Дальневосточный Союзы Промысловой Кооперации и др. объединения. Для размещения их продукции требовалось выделить павильон в 350 кв. м, в котором каждая из областных или центральных организаций сможет установить «отдельную лавку» или хотя бы «прилавок». См.: РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3172. Л. 1. [Проект организации продажи кустарных изделий народов СССР в парке «Культуры и отдыха»].

понирования народной культуры: «На выставке были показаны крестьянские дворы девяти основных губерний европейской части Российской Федерации, а именно: Архангельской, Вологодской, Московской, Воронежской, Пензенской, Пермской, Кубано-Черноморской, Новгородской, а также курная изба из Калужской губернии. В этих избах были собраны... внутренняя обстановка, предметы домашнего обихода, утварь, орудия труда, образцы прикладного искусства в вышивках, резьбе по дереву и кости, а также наиболее выдающиеся материалы народного поэтического и художественного творчества... В период работы выставки в каждой избе жили крестьяне, которые демонстрировали наиболее распространенные в данном крае ремесла. <...> Во дворах усадеб демонстрировались наиболее характерные породы скота (лошади, волы, коровы, овцы) и домашняя птица... Кроме дворов, ... на выставке были представлены и жилища отдельных народностей. Например, татары, башкиры, чуваши и другие народы построили свои усадьбы и привезли подлинные вещи своего быта, труда и искусства»²²⁷ (илл. 22). Остается добавить, что работа по подготовке данной экспозиционной зоны проходила с участием Б. М. Соколова.

Завершая рассказ о Московском этнопарке, следует подчеркнуть, что этот проект музея под открытым небом, как и многие другие музейные практики конца 1920-х гг., тяготел к современности. Об этом говорил сам Б. М. Соколов в докладе о заграничных этнопарках. Например, он негативно оценивал стремление Сеурасаари собрать «старые дома, которые не могут быть интересны в архитектурном плане или в историческом отношении на улицах современного большого города или которые должны быть снесены»²²⁸. Безусловно, «архаичные» и «устаревшие» постройки должны были войти в экспозицию московского парка — для показа и выявления «культурных форм в статике в истории». Собственно, для этой же цели предлагалось «создать историко-культурный ланд-

²²⁷ Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 12–13.

²²⁸ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 4. [Доклад «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании»].

шфт той или иной области» и перенести «некоторые памятники старины». Например, «уголок старого татарского кладбища из Крыма, каменную бабу из киргизских степей, расположив ее на искусственно насыпанный курган и пр.»²²⁹.

В заключение важно отметить, что в контексте нашего исследования рассматриваются только отдельные аспекты музейной концепции Б. М. Соколова. В целом, как и многие деятели музейного мира России, он стремился к равному, гармоничному единству научной и просветительской деятельности в этнографических музеях. Поэтому видел в их структуре «широкую сеть вспомогательных учреждений, палеэтнологическую и этнографическую лаборатории, манекенные, реставрационные и муляжные мастерские и др.»²³⁰. К сожалению, яркие проекты Соколова реализованы не были. В 1930 г. он покинул пост директора ЦМН, в том числе по причине разногласий с В. В. Богдановым в планах развития музея²³¹, а через полгода после этого скончался от хронической болезни.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Во второй главе были представлены наиболее известные проекты «живого музея», предложенные в конце XIX — первой трети XX в. и отражённые в музееведческой историографии.

Впервые проблематика «живого музея» была обозначена в философской концепции Н. Ф. Фёдорова, превратившей музейное учреждение в инструмент Общего дела. В наиболее яркой форме он выразил идею «активного музея», занимающегося не только хранением «остатков прошлого», но и проектированием будущего. Следующий проект «живого музея» был предложен П. А. Флоренским,

²²⁹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3381. Л. 9. [Григорьев С. П. Объяснительная записка к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха].

²³⁰ Из доклада Б. М. Соколова «Построение и деятельность советских этнографических музеев» на совещании этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). См.: От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда... С. 348.

²³¹ Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых... С. 243.

разработавшим оригинальную концепцию музеификации Троице-Сергиевой Лавры в 1918 г. Оказавшись перед необходимостью спасения монастыря в формате музея, отец Павел призывал к сохранению историко-культурной роли и многоплановой деятельности обители. В закрывающемся монастыре он стремился к открытию школ и обществ изучения, которые смогут в изменившихся социально-политических условиях актуализировать и развить иконописные, архитектурные, певческие и ремесленные традиции Лавры.

В 1920-е гг. начала формироваться ещё одна концепция живого, а точнее «ожившего» музея в рамках этнографического музееведения. Если в концепции П. А. Флоренского впервые прозвучала идея сохранения «жизни» музеифицируемого объекта, то в этнографических проектах были предложены ясные и понятные формы внесения этой «жизни» в музейное пространство. В частности, театровед В. Н. Гернгросс (Всеволодский) предложил принцип живого этнографического, фольклорного музея-театра, представляющего народную культуру посредством инсценировок в музейной экспозиции. Этнограф и фольклорист Б. М. Соколов, возглавлявший Центральный музей народоведения в Москве (1924–1930), разрабатывал принципы гармоничного единства научно-исследовательской и просветительской деятельности музея. Особую роль он отводил развитию этнопарков, комплексно рассказывающих об этнокультурных особенностях народов СССР и современном развитии.

История показала, что эти философские и практико-ориентированные проекты намного опередили свое время. На смену идеальному «активному музею» Н. Ф. Фёдорова пришел своеобразный и вполне реальный музей-культпросветкомбинат. «Живой музей» Троице-Сергиевой Лавры стал историко-художественным хранилищем, осуществляющим антирелигиозную политico-просветительскую работу. Инсценировки В. Н. Всеволодского, демонстрирующие в Этнографическом отделе Русского музея живую народную культуру, превратились в обстановочные сцены, рассказывающие об успехах в борьбе с пережитками прошлого. Наконец, проект Московского этнопарка Б. М. Соколова лишь отчасти возродился в планах П. Д. Барановского по развитию Коломенского, и вместе с ними так и остался неосуществлённым. Масштабные социокультурные изменения,

которые сопровождали создание советского государства в 1920–1930-е гг., сделали неактуальными все концептуальные поиски принципа «живого музея». Оставшись нереализованными, данные проекты превратились в своеобразные *эталоны*, на которые ориентируется современные музееведы — исследователи и создатели динамичного подхода к сохранению историко-культурного наследия.

Глава 3.

Расцвет форм «живого музея» в советской музейной практике 1930–1980-х гг.

На первый взгляд может показаться малосвязанным с изучаемой темой период с середины 1930-х гг., когда ушли в историю последние музейно-театральные эксперименты В. Н. Всеволодского, до конца 1980-х гг. — времени рождения современных подходов к сохранению историко-культурного наследия. Но тогда возникает простой и очевидный вопрос: почему же забытые проекты начала XX столетия стали столь актуальными и реальными в его конце? Казалось бы, это можно объяснить возрождением национальных традиций, которое было обусловлено демократизацией общества. Но более глубокое погружение в тему позволяет сделать совершенно другой, даже парадоксальный вывод. Период 1930–1980-х гг. следует рассматривать как время расцвета разнообразных форм «живого музея» в непосредственной музейной практике. Прокомментируем развёрнуто этот тезис, обратившись к истории музеиного дела в середине — второй половине XX в.

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОТОТИПОВ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В СОВЕТСКОЙ МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ 1930–1940-х гг.

В конце 1920-х гг. сформировался особый вектор развития советского музеиного дела, определивший внедрение в музеи непривычных форм работы. Напомним, что постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР» от 20 августа 1928 г.

призывало расширить просветительскую деятельность советских музеев, чтобы они могли удовлетворить запросы школьного, профессионально-технического и массового просвещения²³². Музейная сеть, созданная в первое десятилетие советской власти, должна была расширяться и превратиться в единый государственный институт, содействующий задачам индустриализации производства и коллективизации сельского хозяйства. В этих условиях, как отмечала О. В. Ионова, музейная экспозиция стала рассматриваться как основа для широкой и разносторонней массово-просветительской работы, и перед музеем начали ставиться задачи непосредственно го участия в пропаганде политических и экономических вопросов текущей жизни. К примеру, уже в 1929 г. музеи активно были включены в программу по борьбе за урожайность, а также в пропаганду первого пятилетнего плана развития народного хозяйства²³³.

Наиболее ярко этот разворот музеев к современности выразился в материалах Первого Всероссийского музейного съезда 1930 г., состоявшегося в Москве в Политехническом музее (илл. 23). Письмо-приветствие наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова призывало превратить музеи в «инструмент культурной революции» и отразить в их экспозициях «каждый практический шаг к строительству социализма в крае, области, республике»²³⁴. Этому вторили принятые резолюции: «Задачами музеев является не только отражение настоящего и прошлого, но и строительство будущего на основе линии коммунистической партии. <...> Поэтому необходимо установить форму музея как части политпросветкомбината»²³⁵.

²³² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20/VIII 1928 г. «О музейном строительстве в РСФСР» // Известия ЦИК и ВЦИК от 3/X 1928 г. № 230. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136669-o-muzeynom-stroitelstve-v-rsfsr-postanovlenie-vtsik-i-snk-rsfsr-ot-20-viii-1928-g> (дата обращения: 30.09.2025).

²³³ Ионова О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. — Вып. V. — 1963. — С. 86–87.

²³⁴ Письмо-приветствие А. С. Бубнова // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. — М., Л., 1931. — Т. 1. — С. 17–20.

²³⁵ Принципы и формы массовой политпросветработы в музеях: Утвержденная съездом резолюция // Труды Первого Всероссийского музейного съезда... С. 172.

Ряд очевидных перегибов в решениях съезда, обернувшихся утратой музеем собственной «предметной» специфики, способствовали негативному восприятию данного этапа музейной истории в российском музееведении. Заслуженная критика этих перегибов, начавшаяся еще в 1950-е гг.²³⁶, привела к достаточно стереотипному восприятию музейного дела 1930-х — начала 1940-х гг. Некоторым исключением из общего правила являются отдельные работы, посвящённые развитию методики построения экспозиций в указанный период. В частности, в исследованиях Т. П. Полякова отмечается, что именно в докладах музейного съезда 1930 г. впервые прозвучали проблемы музейного языка и принципов коммуникации в музее²³⁷.

Но всё же преобладают отрицательные оценки. Согласно устоявшемуся мнению, в 1930-е гг. «задача превращения музея в “политпросветкомбинат” выполнялась путем распространения ими плакатов, передвижных выставок, разъясняющих политику партии... и народно-хозяйственных задач, чтения лекций без опоры на музейный предмет, проведения политинформаций, митингов»²³⁸. При всей справедливости оценки, следует сказать, что погружение в тему показывает — этот перечень не исчерпывает всех новых «форм работы, не типичных для музея», появившихся в указанный период.

В поисках идей и практик «живого музея» обратимся к главному музейному рупору 1930-х гг. — журналу «Советский музей». Он выпускался в период с 1931 г. по 1940 г. Борьба с музеем-хранилищем стала одной из центральных тем на страницах издания, первый выпуск которого провозгласил: «Для нас музей не кунсткамера, не коллекция раритетов, не кладбище с монументами, не эстетическая га-

²³⁶ Например, см.: Основы советского музееведения. — М., 1955. — С. 7, 23.

²³⁷ Например, см.: Поляков Т. П. Из истории отечественной экспозиционной мысли: идеи и предложения Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.) в области «музейного языка» и их отражение в экспозициях начала 1930-х годов // Культурологический журнал. — № 2018/3 (33). — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/448.html&j_id=36 (дата обращения: 14.09.2025).

²³⁸ Медведева Е. Б. Становление музейной педагогики в Германии и России : дис. ... канд. ист. наук. — М., 1999. — С. 75.

лерея, наконец, не закрытое собрание для немногих. Для нас музей есть политико-просветительный комбинат, ... наглядными представлениями рассказывающий трудащимся массам о природе и человеческом обществе, ... о великом социалистическом строительстве»²³⁹. Этот характер учреждения, осуществляющего массовое просвещение населения, предопределил новое понимание научно-исследовательской и экспозиционной работы музеев. Публикации журнала на реальных примерах переориентировали областные и местные музеи на решение самых насущных хозяйственных проблем, среди которых было: «выявление залежей торфа, каменного строительного материала, местного пушного зверя, выявление технического сырья, изучение известняков, изучение местных глин и пр.»²⁴⁰.

Предполагалось, что результаты подобных исследований не только пройдут «вещевое опубликование» в формате стационарных экспозиций²⁴¹, но и будут распространены среди местных жителей и предприятий в максимально доступном виде. Поэтому значительный акцент в публикациях ставился на приоритете практических форм работы. Это прослеживается, например, по статьям, обращённым к представлению зарубежного опыта, где особое внимание уделялось работе музеев прикладных знаний²⁴². В том же плане интересны публикации, рассказывающие о формировании «актива музея», непосредственно участвующего в реализации музейных проектов²⁴³. Наконец, в соответствии с решениями музейного съезда максимальное освещение на страницах журнала получали новаторские

²³⁹ О задачах «Советского музея» // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 5.

²⁴⁰ Музей Ивановской промышленной области // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 111.

²⁴¹ Мансуров А. Место научно-исследовательской работы в музеях // Советский музей. — 1931. — № 3. — С. 32.

²⁴² Например, см.: Березин А. Д. К вопросу об использовании опыта работы технико-экономических музеев Германии // Советский музей. — 1931. — № 2. — С. 70–84.

²⁴³ Например, см.: Беркутов Н. Опыт создания сети музейных корреспондентов // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 26–30; Вергинский Н. С. Организация актива при музеях // Советский музей. — 1932. — № 3. — С. 31–35; Калинин Ф. Роль и значение актива в строительстве музея // Советский музей. — 1937. — № 3. — С. 14–16.

музейные практики, такие как организация мобильных «музеев-передвижек», «музеев новостроек», «музеев на улице», музейных фестивалей, учебно-показательных питомников и огородов, изб-читален, метеостанций, практических мастерских, лабораторий, рабочих мест посетителей и т. п.²⁴⁴ Приведём несколько ярких примеров этих «живых музеев» 1930-х гг.

В майские праздники 1931 г. Артиллерийским историческим музеем РККА в Ленинграде был реализован необычный подход к организации выставки. Ставяясь преодолеть плоскость, схематичность и скучность современных «передвижек», не привлекающих достаточного внимания населения, музей предложил «создать передвижные выставки на автомобилях для использования их в момент демонстраций и народных гуляний»²⁴⁵. Идею удалось реализовать с помощью одной машины, переоборудованной в выставку «Овладение военной техникой — боевая задача дня». В неё вошли: «три походных щита-полотнища выставки по моторизации и механизации Центрального дома Красной армии, модели танка, орудий и еще кое-какой трехмерный материал». Машину сопровождали «военный экскурсовод-консультант и бригада затейников Гос. антирелигиозного комбината с репертуаром к теме выставки». Передвигаясь 1 и 2 мая от «мест сбора демонстрантов» до «мест народных гуляний», выставка привлекала максимальное внимание. Как заключает автор статьи: несмотря на некоторую «примитивность» и «не совершенность» внешнего вида агитавтомобиля, «эффект превзошел все ожидания, комбинированные формы пропаганды не давали скучать зрителю»²⁴⁶.

В третьем выпуске журнала за 1932 г. можно встретить подробную инструкцию о снаряжении «автомобильной передвижки» на основе полупоратонной грузовой машины «Форд» или «АМО» — для

²⁴⁴ Например, см.: *Фирсов Н. Д. О типе музея новостройки // Советский музей.* — 1933. — № 3. — С. 8–16; *Львов К. И. Рабочее место посетителя в технико-экономическом музее // Там же. С. 17–32; Востоков Е. Музейный фестиваль // Советский музей.* — 1937. — № 3. — С. 37–40.

²⁴⁵ *С-кий. Из опыта массовой работы Артиллерийского исторического музея РККА в Ленинграде // Советский музей.* — 1931. — № 6. — С. 98.

²⁴⁶ Там же. С. 98–99.

несения службы в глухой отдалённой местности. В статье М. С. Ильковского отмечается, что «прежде всего автомобиль должен стать хорошо оборудованной базой, которая снабжена техническими усовершенствованиями, как-то: радио, кино, фото и т. д.». Кроме того, необходимый инвентарь включал граммофон, музыкальные инструменты, выставку плакатов, подвижных диаграмм и разных схем, серию диапозитивов на различные темы. Огромную роль имела установка на агитавтомобиле динамомашины (электростанции). Для оборудования подобной «автомобильной передвижки» на полуторку устанавливался «кузов с двойными стенками, а также двойной пол». Верхняя часть пола делалась выдвижной и служила подмостком. На крыше кузова монтировались две радиомачты для «несколько полюсной антенны»²⁴⁷.

Центральным музеем охраны труда был обустроен «вагон-музей по оздоровлению и безопасности труда на железнодорожном транспорте». К слову сказать, создатель передвижки, д-р Ивашов, отмечал неразработанность техники организации подобных выставок: «большинство вагонов, с которыми пришлось ознакомиться, не имело целостного общего оформления, страдала также и общая установка»²⁴⁸. Поэтому он подчёркивал принципиальное отличие своего проекта: разработка всего художественного решения проводилась одним лицом (художником Куряшовым). В результате было подготовлено максимально объёмное оформление с использованием «спускающихся с потолка плоскостей», выдвижных щитов, «косых форм в виде книг», «моделей помещений» и др. Весьма успешным оказался опыт внедрения «2-моментных витражей», на которых отображалась разная информация до и после включения света. Автор выставки особенно подчеркнул необходимость использования «экспонатов не только “действующих”, но и таких, к которым сам экскурсант мог бы “приложить руки” (потому что быть только зрителем не только скучно, но и не современно)»²⁴⁹.

²⁴⁷ Ильковский М. С. Агитавтомобиль на службу культурному строительству // Советский музей. — 1932. — № 3. — С. 85–87.

²⁴⁸ Д-р Ивашов. Вагон-музей по оздоровлению и безопасности на железнодорожном транспорте // Советский музей. — 1932. — № 1. — С. 108–113.

²⁴⁹ Там же. С. 113.

Оригинальные «передвижные библиотечки» для местных колхозов были организованы в первый год существования ленинско-го музея в Шушенском. В 1930 г. дома, связанные с пребыванием В. И. Ленина в ссылке 1897–1899 гг., были переданы Государственному музею им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске. Новый филиал музея включил два объекта — «бывшие дома Петрова и Зырянова». Во втором из них, после окончания ремонтных работ, планировалась «образцовая изба-читальня», которая и стала основой для передвижных библиотек. Однако этим участие в хозяйственной жизни села не ограничилось. Во дворе дома Петрова, внутри которого уже в 1930 г. открылось «историко-революционное отделение» с характерной иллюстративно-тематической экспозицией, был «разбит питомник плодовых и ягодных деревьев и кустарников». В статье озвучивались планы организовать «при содействии краевого бюро погоды ... метеорологическую станцию для обслуживания местных колхозов»²⁵⁰.

В этом же плане следует отметить необычные агрокультурные проекты, которые в течение ряда лет развивались Биомузеем им. К. А. Тимирязева. К слову, его основатель и первый директор Б. М. Завадовский призывал музеи перестать быть «простым придатком к академиям наук», побороть фетишизацию и догматизацию «научной систематики, которая вместо подсобного орудия научного исследования, превратилась ... в самодовлеющую задачу, в самоцель»²⁵¹. Данные лозунги воплощались, в том числе, в новых музейных проектах типа «музей на улице». Рассказывая об одном из них, сотрудник учреждения П. Н. Храпов писал: «Нам нужны музеи на улице, отвечающие буквальному смыслу этого слова, где посетители могли бы отдыхая черпать знания, ... посетитель, попадая в такие открытые музеи, попадая иногда случайно, прежде всего, черпает знания по ряду интересующих его вопросов, расширяя свой

²⁵⁰ Где жил Ильич в ссылке // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 97–99.

²⁵¹ Методы марксистской экспозиции естественно-научных музеев. Содоклад Б. М. Завадовского // Труды Первого Всероссийского музейного съезда... С. 41–42; также см.: Завадовский Б. М. Естественно-научные музеи капиталистического Запада // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 76–95.

умственный кругозор и далее, повышая любознательность, идет в закрытые научно-образовательные музеи»²⁵². В лоне этого понимания Биомузеем был организован музей-коридор, а затем биологический уголок на площади Миусского сквера в Москве.

Работы по устройству открытого биоуголка были тесно связаны с привлечением профильных научно-исследовательских и агропромышленных предприятий, а также с формированием «актива «друзей сквера», повседневных помощников в работах на нем»²⁵³. Эту группу составили школьники Краснопресненского района столицы, руководимые педагогами-естественниками. Данный актив стал главной действующей силой в «воскреснике по приведению сквера в порядок» и «посевной кампании». Наравне с подготовкой рассады, высадкой её и сбором урожая, она предполагала «ведение дневника», составление этикетажа, взаимодействие с профильными организациями и контроль над сохранностью посадок.

На момент написания статьи по проекту была реализована программа-минимум, согласно которой экспозиция «музея на улице» включила: свыше 100 лекарственных и технических растений; участок показательного севооборота для ознакомления городского населения с современными задачами и методами поднятия народного хозяйства; лесную школу, где были показаны на местных древесных породах основные приёмы ведения лесного хозяйства. Как отмечено в публикации, перспективы проекта были связаны с работой «попрививкам на лесных породах», с акклиматизацией некоторых растений и насаждением «японского карликового парка-роши в особой застекленной витрине». Планировалась установка и других витрин с «мертвыми экспонатами ко всем темам». Несмотря на незавершённость работ, автор отмечал важные достижения проекта, такие как преодоление «сомнения скептиков в успехе начатого дела» и подготовка «жителей района к восприятию нового ... течения: “даешь музей на улицу”, даже больше — лабораторию на улицу»²⁵⁴.

²⁵² Храпов П. Н. Музей на улице // Советский музей. — 1931. — № 4. — С. 40.

²⁵³ Там же. С. 42.

²⁵⁴ Там же. С. 46–47.

Со временем организация при музеях, в особенности — краеведческих, учебно-показательного огорода или питомника стало весьма распространённой практикой. Из трудов НИИ краеведческой и музейной работы (1952) можно узнать историю развития «опытного примузейного участка с живыми коллекциями растений», организованного в Череповецком краеведческом музее в 1936 г.²⁵⁵, или созданного тогда же «опытного плодово-ягодного участка» при Кяхтинском краеведческом музее²⁵⁶.

Самостоятельное направление представляют собой идеи животноводческих учебно-показательных питомников. Об их просветительных возможностях писал Н. А. Шнеерсон, основатель и первый директор Государственного художественно-исторического музея в Истре (Новый Иерусалим). В одной из своих работ он приводил пример со строительством «показательного свинарника» для участия музея в развитии местного хозяйства. «Сравните такой метод пропаганды, — отмечает автор, — с нашими обычными приемами — две-три диаграммы да три-четыре фотографии случайно заснятых свиней, — и каждому музейному работнику станет совершенно понятным, какие огромные возможности открываются перед ним в деле живой пропаганды в области животноводства!»²⁵⁷. План показательного «вододействующего рыбного завода с рыбоводной секций», экспозицией и комнатой для научной разработки материалов был предложен И. Кучиным в статье «Роль музеев в реконструктивный период развития рыбного хозяйства»²⁵⁸.

Наконец, говоря об участии музеев в поднятии сельского производства, нельзя упустить опыт создания колхоза имени А. С. Пушкина на периферии заповедного «Пушкинского Уголка» в Псковской

²⁵⁵ Морозов К. К., Бухарина К. М. Из практики создания опытного примузейного участка с живыми коллекциями растений и о культурно-массовой работе на участке // Вопросы музейного дела. — М., 1952. — С. 81–93.

²⁵⁶ Орлова А. Н., Тугутов Р. Ф. Опытный плодово-ягодный участок Кяхтинского краеведческого музея и его массовая агротехническая пропаганда // Вопросы музейного дела. — М., 1952. — С. 94.

²⁵⁷ Шнеерсон Н. А. Об опытно-показательных учреждениях при краеведческих музеях // Советский музей. — 1931. — № 4. — С. 51.

²⁵⁸ Кучин И. Роль музеев в реконструктивный период развития рыбного хозяйства // Советский музей. — 1932. — № 3. — С. 42.

области. Наряду с другими местными посёлками в коллективное хозяйство вошло Тригорское. Колхоз получил покос в знаменитом селе, и планировалось приспособить «разрушенные каменные сараи для скота»²⁵⁹.

«Пушкинский Уголок» интересен для нашей темы и в другом аспекте. В рассматриваемые годы его памятники (Михайловская сосновая роща, Тригорский парк и Святогорский холм с могилой А. С. Пушкина) вошли в только образованную советскую систему национальных парков и заповедников, или «живых музеев», как их образно называл В. П. Семёнов-Тян-Шанский. Составленная им в 1920-е гг. типология охранных природных территорий включала заповедники, созданные «в память великих людей в местах, непосредственно связанных с их жизнью и деятельностью». Наравне с пушкинскими землями к этим охранным территориям была отнесена «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого²⁶⁰. Словом, данные «живые музеи» стали прообразом современных музеев-заповедников, появившихся в системе государственных охранных учреждений уже в послевоенные годы.

Ещё одним направлением, получившим динамичное развитие в контексте приоритетов советской культурной политики, стало естественно-научное и научно-техническое просвещение. Наиболее ярким музейным объектом этого плана стал Дом Занимательной Науки (ДЗН), работавший в 1934–1941 гг. в Ленинграде. По сути, он явился первым в мире музеем экспериментальной науки, хотя эта слава досталась «Эксплораториуму», созданному в США в конце 1960-х гг. Ф. Оппенгеймером²⁶¹. Ключевым принципом, положенным в основу всей работы ДЗН, было обучение через «благодетельное искусство удивляться». Данное искусство рассматривалось создателями как «преддверие знания»²⁶². Разработчики писали: «секрет

²⁵⁹ Глидкий А. В пушкинских местах // Советский музей. — 1931. — № 4. — С. 120–121.

²⁶⁰ Семёнов-Тян-Шанский В. П. Географическое изучение природы СССР // Наука и техника СССР, 1917–1927. — М., 1927–1928. — С. 394.

²⁶¹ Филякова А. К. Технический музей в формировании научного мировоззрения : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2017. — 194 с. — С. 99.

²⁶² Дом Занимательной Науки (Ленинград). — Л., 1940. — С. 3.

успеха Дома — в нешаблонном подходе к явлениям, в умении заставлять вещи рассказывать о себе языком парадоксов и неожиданностей»²⁶³.

Создателями этих «парадоксов и неожиданностей» стали Я. И. Перельман, В. А. Камский, В. И. Прянишников, Л. В. Успенский и А. Я. Малков²⁶⁴, а местом реального воплощения — Шереметевский дворец на набережной р. Фонтанки. Работа над организацией экспозиции началась в 1934 г., а в 1935 г. «Дом чудес» принял своих первых посетителей. К 1941 г. экспозиция ДЗН включала несколько тематических и функциональных зон, органично дополняющих друг друга. В саду работал Астрономический павильон, соединяющий иллюстративно-тематическую выставку и зону для наблюдения звёздного неба. На первом этаже Шереметевского дворца находился «Зал электричества», открытый в 1940 г. (илл. 24), а также «Зал научной самодеятельности»²⁶⁵. На втором этаже ДЗН располагались основные экспозиционные разделы, среди которых были «Зал занимательной географии», «Зал занимательной астрономии», «Отдел исторической геологии» («Геологические панорамы»), «Кабинет занимательной оптики» («Чудеса физические») и «Зал математических развлечений» («Цифирная палата»). Каждый из залов содержал многочисленные интерактивные экспонаты, призванные в динамичной форме рассказать об основных природных и научных законах. Посещение ДЗН сопровождалось беседами, включающими опыты, опросы, игры и прочие интерактивные формы культурно-образовательной деятельности²⁶⁶.

Близкое тематическое направление, получившее популярность в советских музеях в 1930-е гг., — это развитие военно-технического потенциала СССР. Знаковые музейные проекты в этой

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Еременко Е. Д. Аудиовизуальная коммуникация в музейной сфере : дис. ... канд. культурол. наук. — СПб., 2000. — 205 с. — С. 78.

²⁶⁵ Камский В. Зал научной самодеятельности // Советский музей. — 1940. — № 4. — С. 47–48.

²⁶⁶ Успенский Л. В. «Дэ Зэ эН» // Искусство удивлять: научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Дома Занимательной Науки на Фонтанке. — СПб., 2010. — С. 164–169.

сфере были подготовлены московским Домом авиации и ПВХО имени М. В. Фрунзе²⁶⁷. Его экспозиция касалась вопросов истории советской авиации, но основные акценты ставились на современном состоянии и перспективах авиационного строительства. Посетителей встречали два самолета — более новый «пассажирский четырехместный самолет конструкции Яковлева» и уже несколько устаревший «цельнометаллический самолет ПС-2 ... инженеров ЦАГИ», представленные для сопоставления²⁶⁸. В нашем контексте интересно, что эти ключевые экспонаты позиционировались музеем как место практического ознакомления («посетитель может ознакомиться и с управлением самолета, с условиями и обстановкой работы пилота, посидеть в кабине летчика и поупражняться с рулями»)²⁶⁹.

Кроме того, в изобилии в экспозиции находились модели авиадвигателей «в разрезе», которые использовались для объяснения их внутреннего устройства и принципов работы. В отделе моделизма и планеризма была собрана «большая коллекция различных летающих аппаратов», предлагались чертежи и строительные материалы с указанием, «в какой последовательности следует изготавливать модели». Наиболее технологичным и впечатляющим стал макет современного аэропорта — «целого города», занимавший отдельную комнату. В зависимости от времени суток на нём выстраивался режим освещения, в частности, ночью зажигались «вращающиеся маяки» и «световой знак, указывающий направление ветра»²⁷⁰. Ещё один оригинальный интерактивный экспонат использовался музеем в отделе противохимической обороны, где для демонстрации принципов работы противогаза была создана увеличенная, полупрозрачная модель фильтрующей коробки²⁷¹. Более

²⁶⁷ В настоящее время — Центральный дом авиации и космонавтики ДОСААФ России.

²⁶⁸ Цветков М. Красная авиация // Советский музей. — 1939. — № 2. — С. 23–25.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Терентьев Н. Музей учит защите от врага // Советский музей. — 1939. — № 2. — С. 26–29.

того, для лучшего понимания принципов индивидуальной защиты экскурсоводы предлагали посетителям испробовать и примерить лично защитные средства²⁷².

В Политехническом музее большое внимание, особенно в дни школьных каникул, уделялось проведению «массовок» — массовых интерактивных экскурсий. Например, в ходе массовки «Путешествие в мир техники СССР» дети, осматривая экспозицию музея, под руководством экскурсовода проверяли действие отдельных экспонатов, ощущая себя в роли героев-стахановцев. Проявить свои лучшие качества они могли в «Комната технической смекалки», получая специальные «премии» (жетоны) за активность и сообразительность. Заканчивалось это детское путешествие в наиболее яркой и аттрактивной зоне «Дрейфующая станция “Северный Поляр», рассказывающей о героической научно-исследовательской арктической экспедиции. В основе этой экспозиционной зоны лежал образ и достижения знаковой арктической экспедиции, проходившей в 1937 г. под руководством И. Д. Папанина. Напомним, что первая в мире движущаяся полярная станция «Северный полюс-1» была открыта 6 июня 1937 г., дрейфовала 9 месяцев и практически дошла до берегов Гренландии²⁷³.

Следует отметить, что во второй половине 1930-х гг. в условиях напряжения в международной обстановке музейная деятельность наполнялась патриотическими и антифашистскими темами. Интерактивные формы экспозиционной и культурно-образовательной работы органично вошли в данную тематику. В частности, в Государственном музее революции СССР проходили массовки «Революция в Испании», включавшие посещение выставки «Борьба испанского народа с фашизмом» и «встречи с членами экипажа грузового парохода «Зырянин», который стал третьим советским судном, совершившим плавание в республиканскую Испанию²⁷⁴. Разнообраз-

²⁷² Война и Музей: особенности экспозиционной деятельности военно-исторических музеев России на современном этапе / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Чувилькина. — М., 2025. — С. 273.

²⁷³ Там же. С. 275.

²⁷⁴ Кордес В. Работа музеев с детьми // Советский музей. — 1937. — № 6–7. — С. 36–39.

ные формы интерактивной массовой работы разрабатывались музеем для «Антифашистской выставки», работавшей с 4 июня 1938 г. в «культбазе» столичного Парка культуры и отдыха М. Горького²⁷⁵. Выставка была основана на экспонатах из испанского и китайского отделов постоянной экспозиции Музея революции, предметах, переданных с мест событий, а также подарках тружеников СССР, символизирующих интернациональную поддержку²⁷⁶.

В 1939 г. в парке М. Горького работала выставка Центрального военно-морского музея. Она рассказывала обо всей истории флота, начиная от античных изображений и модели «дедушки русского флота» — петровского ботика до периода строительства нового советского флота, который определялся с помощью моделей кораблей, фотографий, различных диаграмм и цитат²⁷⁷. Патриотические настроения были присущи и следующему проекту, организованному Государственным литературным музеем в парке — Выставке народного творчества (1939 г.). С афиши на перспективных посетителей смотрели, поддерживая и дополняя друг друга, герой-красноармеец и русский былинный богатырь. Характерным элементом подобных выставочных проектов, организованных в соответствии с принципами иллюстративно-тематического метода, ставшего ведущим в 1930-е гг.²⁷⁸, являлся справочный или консультационный стол. Например, на Выставке народного творчества такая экспозиционная зона была организована с помощью самых простых средств — картотеки, печатных справочных материалов и письменных принадлежностей (илл. 25, 26).

Завершая данный обзор, подчеркнём основную мысль. Объявленный курс на превращение «музеев-хранилищ» в центры мас-

²⁷⁵ Оборин А. Антифашистская выставка // Советский музей. — 1938. — № 8. — С. 3–6.

²⁷⁶ Война и Музей... С. 273.

²⁷⁷ Бакинец А. Выставка военно-морского флота СССР // Советский музей. — 1939. — № 7. — С. 6–10.

²⁷⁸ Поляков Т. П. Из истории отечественной экспозиционной мысли: идеи и предложения Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.) в области «музейного языка»... — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/448.html&j_id=36 (дата обращения: 14.09.2025).

сowego просвещения и пропаганды несомненно имел не только негативные последствия. Его положительным результатом стало расширение публичной части музейной деятельности. Открывая путеводитель «Музеи и выставки Москвы и Подмосковья» 1947 г., мы видим, что в каждом втором музее, несмотря на трудности послевоенного времени, функционируют и экспозиции, и «вспомогательные учреждения».

Например, читатель узнает, что в Государственном музее народов СССР (за год до его закрытия), находится «библиотека русской и иностранной литературы по этнографии, истории, географии, археологии и искусству»²⁷⁹. В Центральном доме авиации и ПВХО им. М. В. Фрунзе работает не только «библиотека-читальня», но и «кино-лекторий»²⁸⁰. При Центральном музее Красной Армии открыты уникальный архив и «фотолаборатория»²⁸¹. Частью Постоянной Всесоюзной строительной выставки (при Министерстве строительных предприятий тяжелой индустрии) была «библиотека в 250 тыс. единиц — крупнейшая в СССР отраслевая и научно-техническая библиотека русской и иностранной литературы», читальный зал, фабрика моделей, фотолаборатория, архив с фототекой и т. п.²⁸² Из всех оставшихся примеров, которые можно встретить в множестве в путеводителе, составленном К. А. Ворчинской, отметим Геологический музей им. А. П. Карпинского, при котором действовало «Бюро минералов, принимающее заказы на составление и высылку минералогических коллекций всех типов»²⁸³.

РАЗВИТИЕ ФОРМ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В 1950–1980-е гг.

В начале 1950-х гг. на смену обозначенным выше приоритетам массового просвещения пришли другие задачи. В их основе лежали не только горькие утраты Великой Отечественной войны, выра-

²⁷⁹ Музеи и выставки Москвы и Подмосковья / Сост. К. А. Ворчинская. — М., 1947. — С. 25.

²⁸⁰ Там же. С. 31.

²⁸¹ Там же. С. 28.

²⁸² Там же. С. 39.

²⁸³ Там же. С. 52.

жавшиеся в сотнях тысяч потерянных памятников и реликвий, но и тенденции предвоенного времени, отмеченного возрождением интереса к национальной российской истории. В СССР вновь стало преобладать традиционное понимание музеев — как «основных государственных хранилищ коллекций памятников культуры»²⁸⁴. В его утверждении особую роль сыграла деятельность НИИ музееведения²⁸⁵, подготовившего первый советский музейный учебник (1955) и серию очерков по истории музейного дела России и СССР. Эти публикации показывали, что роль музеев сложилась исторически как научно-исследовательских и просветительских учреждений, сохраняющих материальное наследие Отечества²⁸⁶.

Вместе с тем в конце 1940-х гг. началось становление государственных норм охраны культурного наследия. В 1948 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которым была поставлена задача обеспечения сохранности «памятников культуры» и составления их «государственных списков»²⁸⁷. Постановление утверждало Положение об охране памятников культуры (1948), содержащее понятия государственной охраны, категорий и видов памятников истории и культуры, правил их использования и контроля этого²⁸⁸. Особо следует подчеркнуть, что Положение наделяло Совет Мини-

²⁸⁴ Галкина П. И. Вопросы музейного строительства на совещании музейных работников Сибири // Вопросы музейного дела. — М., 1952. — С. 52.

²⁸⁵ Учреждение несколько раз меняло свое название: в 1932–1937 гг. — Центральный НИИ методов краеведческой работы; в 1937–1951 гг. — НИИ краеведческой и музейной работы; в 1951–1959 гг. — НИИ музееведения; в 1959–1971 гг. — НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры; в 1972–1989 гг. — НИИ культуры; в 1989–2014 гг. — Российской институт культурологии; с 2014 г. учреждение объединено с Российским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

²⁸⁶ Например, см.: Основы советского музееведения. — М., 1955. — С. 4, 6, 16–21.

²⁸⁷ Постановление Совета Министров СССР № 3898 [от 14 октября 1948 г.] «О мерах улучшения охраны памятников культуры». — М., 1949. — 12 с.

²⁸⁸ Подробнее см.: Османова М. Н., Бабошина Е. В. Послевоенное законодательство СССР об охране памятников истории, культуры и искусства // Образование и право. — № 2. — 2023. — С. 397–402.

нистров СССР новым правом — объявлять заповедниками историко-культурные объекты комплексного характера, имеющие особое научное, историческое или художественное значение.

Следствием этой политики стал процесс создания сети музеев-заповедников, развернувшийся с конца 1950-х гг. Первые учреждения были образованы на основе музейных объединений древнейших русских городов (Владимиро-Суздальский, Новгородский, Костромской, Загорский, Горьковский, Ярославо-Ростовский, Псковский музеи-заповедники), археологических комплексов («Танаис», «Костенки», Булгарский заповедник в РСФСР, «Эребуни» в Армении) и почитаемых исторических мест (Бородинское поле, усадьбы Мелихово, Тарханы и др.)²⁸⁹. Параллельно с этим началось формирование сети музеев под открытым небом — скансенов, о работе которых следует рассказать подробнее. В отличие от музеев-заповедников, где до конца столетия приоритетным был реставрационно-аналитический подход²⁹⁰, в скансенах и музеях смешанного типа (содержащих памятники *in situ* и перевезённые) возродились многие забытые идеи из этнографического музееведения 1920-х гг.

Реализации давней мечты этнографов и архитекторов способствовала быстрая урбанизация и промышленное развитие советского государства. Вспоминая публикации начала XX в., можно сказать, что на смену историческим деревням — «живым этнографическим музеям» — начали приходить архитектурно-этнографические музеи под открытым небом. В 1960–1970-е гг. на страницах журналов «Советская этнография», «Архитектура СССР» и в других издани-

²⁸⁹ См.: Музеи-заповедники // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. — М., 2001. — Т. 1. — С. 393–395.

²⁹⁰ Данный термин применяется для обозначения приоритетных тенденций в музеефикации памятников в послевоенный период (1945–1980-е гг.). См.: Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России... С. 258–312. Развивая это определение, автор монографии использует термин в более широком ключе, подчёркивая ключевые особенности данного подхода (приоритет реставрационных техник перед музейной интерпретацией, восстановление объекта на «оптимальную дату», использование реконструкции как метода реставрации и т. д.). Подобный подход можно встретить и в современной деятельности музеев-заповедников.

ях²⁹¹ вышла серия публикаций, посвящённых принципам и методам организации этих музеев. В них освещался опыт создания и функционирования зарубежных скансенов, музеев «живой истории» и тематических парков, в том числе шведского Скансена, румынского Сатулуй (Музей-село), чехословацкого музея в Рожнове, датского Зоргенфри, финского Луостаринмеки (Музей ремесел в Турку), голландского музея в Арнхеме, американского Диснейленда и др.

В советском музееведении в те годы развивались разные точки зрения относительно специфики и перспектив открытых музеев. Например, А. И. Михайлова, подробно представившая историю возникновения зарубежных этнопарков и отмечавшая низкий уровень «музейной усталости» в подобных экспозициях, рассматривала их всё-таки «как одно из мероприятий по охране памятников народного зодчества»²⁹². Дальновидным оказалось мнение И. В. Маковецкого, который ещё в 1963 г. высказал важнейшую мысль: «Музеи на открытом воздухе получили возможность вместе с экспозицией материальной культуры демонстрировать и духовную культуру народа», они «имеют большие возможности для показа не только самих экспонатов, но и процессов творческого труда»²⁹³. Можно сказать, что срединное положение занимал А. В. Ополовников, писавший: «...музеи народного зодчества станут очагами массовой культурно-просветительной деятельности»; однако «сейчас надо помнить о главном: о том, что сельские здания и сооружения, которые должны формировать основное ядро музеев под открытым небом, сходят с лица земли с катастрофической быстротой»²⁹⁴.

²⁹¹ См.: *Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 7–18; Морозов М. Н. Скансен — этнографический музей Швеции под открытым небом // Советская этнография. — 1960. — № 5. — С. 102–109; Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. — М., 1968. — 119 с.; Шмелев В. Г. Музеи под открытым небом: очерки истории возникновения и развития. — Киев, 1983. — 119 с.*

²⁹² *Михайлова А. И. Приемы показа этнографических коллекций в музеях // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. — М., 1972. — С. 27.*

²⁹³ *Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи. 1963... С. 10, 17.*

²⁹⁴ *Ополовников А. В. Музеи народного зодчества // Архитектура СССР. — 1965. — № 12. — С. 28.*

Следует сказать и о практических примерах. В путеводителе 1958 г. по Латвийскому государственному архитектурно-этнографическому музею подчёркивается, что бывший «Бривдабас» является «единственным в Советском Союзе музеем на открытом воздухе»²⁹⁵. Он был основан в 1924 г., и в скором времени на берег озера Югла возле Риги начали перевозить первые экспонаты — хозяйствственные постройки латышских крестьян. Прообразом музея считается Латышская этнографическая выставка 1896 г.²⁹⁶ После вхождения территории в СССР некоторое время Бривдабас был филиалом Государственного исторического музея, но достаточно быстро получил самостоятельный статус. Уже в начале 1950-х гг. стала воплощаться комплексная программа по развитию скансена. Советским руководством был возрождён и расширен изначальный принцип создания музея: отражение в экспозиции на открытом воздухе основных культурно-исторических областей Латвии — Курземе, Видземе, Земгале и Латгале. Для чего увеличивалась территория, и перевозились новые памятники²⁹⁷. Внутри секторов музея (Курземского, Видземского, Земгальского, Латгальского) находились жилые, хозяйственные и общественные здания. Они группировались по тому принципу, который был приоритетным в исходном этнографо-географическом районе. Например, все постройки, перевезённые из Латгалии, комплектовались в виде деревни²⁹⁸. Основу некоторых секторов составляли усадьбы и хутора.

На самом деле в РСФСР существовал ещё один — «Русский скансен в селе Коломенском, история и подходы к организации которого были ближе и известнее российским реставраторам и архитекторам. Развитие музея также началось в конце 1920-х — нача-

²⁹⁵ Музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков (Рига). — Рига, 1958. — С. 3.

²⁹⁶ Михайловская А. И. Приемы показа этнографических коллекций в музеях... С. 27; Викманис К. П. О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 112.

²⁹⁷ Викманис К. П. О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом... С. 113, 116.

²⁹⁸ Государственный музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков... С. 30.

ле 1930-х гг., когда на его территорию были перевезены некоторые исторические постройки из Подмосковья (Медоварня из Преображенского), Архангельской области (Проездная башня Николо-Корельского монастыря, Домик Петра I) и Карелии (Моховая башня Сумского острога)²⁹⁹. Важно отметить, что как таковым музеем народного быта Коломенское никогда не было, его экспозиция формировалась скорее по коллекционному принципу. То есть для неё отбирались уникальные памятники деревянного зодчества. Существовали грандиозные планы П. Д. Барановского по созданию на основе Коломенского «Музейного городка народной архитектуры СССР», отражающего архитектурные традиции всех республик, но реализовать их не представилось возможности.

Следует подчеркнуть, что подобный коллекционный принцип развивался и в новых советских архитектурно-этнографических музеях³⁰⁰, строительство и проектирование которых развернулось в конце 1950-х — 1960-х гг. В это время были заложены архитектурно-этнографические экспозиции под открытым небом в Костромской области и Карелии, в Горьком (Нижнем Новгороде) и Архангельске, Новгороде и Вологодской области, а также в Эстонии, Грузии, Молдавии, на Украине³⁰¹. Как отмечает О. Г. Севан, «основной их задачей считалось сохранение памятников народного зодчества, различных этнографических коллекций и демонстрация их в новых музейных

²⁹⁹ Подробнее см.: *Бокарева О. Б.* Коломенское в 1900—1920-х годах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 8 (47). — С. 24—29; *Цветнов В. А.* П. Д. Барановский. Эволюция взглядов: от музеев под открытым небом к охране культурных ландшафтов Русского Севера (1920—1970-е годы) // Academіa. Архитектура и строительство. — 2018. — № 2. — С. 35—39.

³⁰⁰ *Каулен М. Е.* Музееификация историко-культурного наследия России. — Москва : Этерна, 2012; *Тихонов В. В.* Особенности и перспектива формирования методической базы этнографических музеев под открытым небом в СССР и России // Омский научный вестник. — 2012. — № 5 (112). — С. 251—254; *Севан О. Г.* Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. — М., 1991 (1992). — С. 63—85.

³⁰¹ *Маковецкий И. В.* Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи... С. 7.

условиях»³⁰². Поэтому при разработке генеральных планов музеев побеждало стремление сосредоточить лучшие образцы народной архитектуры и прикладного искусства, а основными критериями отбора являлись архитектурно-художественные качества построек.

Подобные «выставки архитектуры» под открытым небом со временем стали восприниматься негативно. О причинах этого позже писала А. Б. Пермиловская: «музей под открытым небом, даже если в нем грамотно смоделирована архитектурная среда и воссоздан природный ландшафт без воспроизведения “живой” среды, воспринимается как кладбище. В традиционных культурах многих народов мира (в том числе и русской) пустые, заброшенные, оставленные хозяевами дома ассоциировались с неестественной насильственной смертью, нечистым местом, подобным кладбищу»³⁰³.

Прорывным для своего времени стал план-проект Архангельского музея деревянного зодчества в Малых Корелах. Его экспозиция изначально проектировалась как система архитектурно-этнографических секторов, хотя и ориентированная на сохранение уникальных памятников (в соответствии с генеральным планом 1967 г.). Эта идея была развита во втором генеральном плане (1975 г., автор О. Г. Севан, под руководством Б. В. Гнедовского) до создания «микромоделей ряда поселений, соответствующих историко-культурным зонам Архангельской области». После обследования территорий были определены Каргопольско-Онежский, Важский, Северо-Двинский, Пинежский, Мезенский, Поморский сектора, внутри которых планировались «экологические ансамбли» — комплексы памятников, исторического ландшафта и культурной среды³⁰⁴.

Следует подчеркнуть, что не все предложения архитекторов удалось реализовать в Малых Корелах. Но, несмотря на это, творческий потенциал проекта начал сказываться уже в 1970-е гг., когда в архан-

³⁰² Севан О. Г. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми... С. 63.

³⁰³ Пермиловская А. Б. «Живая» среда музея под открытым небом как форма организации памяти в современной культуре России и Западной Европы // Обсерватория культуры. — 2011. — № 1. — С. 79–80.

³⁰⁴ Севан О. Г. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми... С. 69.

гельском музее стали возникать новые музейные практики, такие как воссоздание звукового ландшафта, проведение фольклорных праздников, формирование экспозиционных огородов, содержание музейных лошадей и т. п. Позже такой подход будет назван «средовым»³⁰⁵ и превратится в основную совокупность экспозиционных технологий для любого российского музея под открытым небом.

Подробнее об этих новаторских практиках можно узнать из статьи А. Н. Давыдова, опубликованной уже в 1982 г.³⁰⁶ В частности, он рассказывает про уникальную экспозицию «Звоны Северные», которая начала работу в 1975 г. с момента открытия самого музея. Частью данного проекта стало воссоздание звукового ландшафта северной русской деревни. Первый директор музея Л. А. Бострем впоследствии вспоминала, как родилась смелая идея: «молодому научному коллективу следовало... открыть десять интерьеров и выставок... В спешном порядке начинающие научные сотрудники разъезжаются по ближайшим деревням. В одной из таких экспедиций Александр Никонович Давыдов и Галина Яковлевна Мовша обнаружили колокола. Давыдов загорелся идеей возродить звоны». Согласовывая с местным обкомом КПСС проект звучащей экспозиции, музей ссыпался на решение исполкома открыть в кратчайшие сроки интерьеры десяти памятников архитектуры: «подвеску колоколов объяснили, как экспозиционную необходимость, а их звучание — эффектом присутствия»³⁰⁷. Обком не только одобрил проект, но и способствовал выделению музею квоты на цветной металл.

Когда была собрана коллекция колоколов, к проекту подключились преподаватели и учащиеся Архангельского музыкального училища, которые под руководством В. В. Лоханского вели работу по изучению и воспроизведению старинных звонов. Музейными звонарями стали сотрудники архангельского скансена О. Кременская (Истомина), М. Шелег (Костяева), позже И. В. Данилов, а также студентка училища Т. Гапоненко. Впервые колокольный звон опо-

³⁰⁵ См. подробнее главу 2 в разделе 2.

³⁰⁶ Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества // Советская этнография. — 1982. — № 4. — С. 93–105.

³⁰⁷ Бострем Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корелы»: строительство и становление. — Архангельск, 2015. — С. 154–155.

вестил округу об открытии музея (интерьеров и выставок) 1 июня 1975 г., а затем стал повторяться по воскресным дням. Несмотря на ряд сложностей и жалоб, как со стороны убеждённых атеистов, так и служителей церкви, в Малых Корелах появилось несколько действующих звонниц — «живых музеев», представляющих (конечно, отчасти) своё функциональное назначение. В дальнейшем интерес к возрождению колокольных звонов привёл к организации в архангельском музее фестиваля и школы звонарей. Словом, сложилось практически так, как и писал П. А. Флоренский...

Внимания заслуживают и другие практики. С августа 1978 г. музеем совместно с Архангельским домом народного творчества стали проводиться семинары народных умельцев. Во время этих мероприятий приглашённые в музей народные мастера демонстрировали посетителям своё искусство. Такой подход сделал «процесс производства изделий традиционных народных промыслов» неотъемлемой частью экспозиции³⁰⁸. Ещё один совместный проект учреждений — фольклорные праздники, которые появились в Малых Корелах для ознакомления посетителей с духовной культурой Русского Севера. Л. А. Бострем вспоминала: «Первые фольклорные праздники музея только так назывались. Это было, как правило, выступление какого-то одного коллектива. Тогда в Двинском секторе была сделана сцена и поставлены несколько рядов скамеек, что-то типа летнего театра. <...> Но, как говорят, спрос рождает предложение»³⁰⁹. С конца 1970-х гг. «стало доброй традицией приглашать для выступления в музее лучшие фольклорные группы из всех историко-культурных регионов области»³¹⁰. Выступая в старинных народных костюмах, они воспроизводили песни и народные танцы, показывали инсценировки свадебного обряда и т. п.

Значимой частью фольклорных праздников стали ярмарки — обязательный элемент крестьянской жизни. Кроме того, для проведения этнографических праздников в 1979 г. музеем были закуплены «три лошади породы русские рысистые», и оборудована

³⁰⁸ Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества... С. 98–99.

³⁰⁹ Бострем Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корели»... С. 175.

³¹⁰ Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества... С. 101–102.

конюшня. В дальнейшем архангельский музей приобрел «четыре оленя для катания зимой на русских мезенских нартах»³¹¹. Это совсем «не музейные» практики оказали, по словам Л. Бострем, самое благоприятное влияние на деятельность коллектива. Более того, возникла необходимость покоса, а вместе с ним возродились другие сельскохозяйственные работы. В экспозиции на открытом воздухе появились экспозиционные огороды и, со временем, рощи³¹².

Эти традиции этнографических фестивалей и праздников переняли другие музеи под открытым небом³¹³, и к концу 1980-х гг. они проходили уже в самых разных советских учреждениях — в эстонском парке-музее в Рокка-аль-Маре (Таллин), в Музее народной архитектуры и быта Украинской ССР (Киев), в Архитектурно-этнографическом музее «Хохловка» (Пермский край) и др.³¹⁴ В совершенно уникальном виде данные практики развились в Музее-заповеднике «Кижи» (илл. 27–29). Здесь была разработана комплексная программа по сохранению народных традиций, которая осуществляется на острове-музее с начала 1990-х гг.³¹⁵ В ней сформировался ряд постоянных направлений, среди которых:

- проект «Ожившая экспозиция»; он предполагает демонстрацию местных ремесленных технологий и традиционных крестьянских бытовых процессов (стирки, сушки, гла-жения белья и др.), а также открытое производство копий фондовых предметов и исторических костюмов;
- проект «Крестьянское хозяйство»; он включает воссоздание традиционной трёхпольной системы земледелия с показом разнообразных сельскохозяйственных процессов;
- программа «Колокольные звоны»; она осуществляется как в формате характерных перезвонов на праздники и перед

³¹¹ Там же. С. 102.

³¹² Бострем Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корелы»... С. 147–149.

³¹³ Там же. С. 181.

³¹⁴ Например, см.: Годунова Л. Н. Под открытым небом // Музейное дело в СССР. [Вып. 11]. — 1977. — С. 106–110.

³¹⁵ Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет. — Петрозаводск, 2006. — URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhi-40/413.html> (дата обращения: 17.09.2025).

службой, так и в виде фестивалей звонарского искусства, собирающих звонарей со всей России.

Для более подробного знакомства с комплексной программой, содержащей многие другие направления, отправим заинтересованного читателя к соответствующим источникам³¹⁶. Завершая обзор музейных практик в послевоенном СССР, подчеркнём основную мысль: идеи «живого музея» совершенно уникальным образом получили второе рождение в 1970–1980-е гг. в практике архитектурно-этнографических музеев. Эволюция принципов их экспозиционной работы — от выставок архитектуры до создания микромоделей традиционных поселений — принесла в отечественную музейную практику различные формы представления народной культуры.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Итак, период 1930–1980-х гг. является временем расцвета форм «живого музея» в непосредственной музейной практике. Борьба с «музеем-хранилищем», ставшая главным приоритетом 1930-х гг., привела к развитию новых массовых методов музейно-просветительской работы. В их контексте в музеях сформировались самые разные «вспомогательные учреждения» публичного характера — прототипы современных «живых музеев» (учреждений музейного типа): музеи-библиотеки, музеи-лаборатории, музеи-питомники, музеи-вагоны, музеи-автомобили и т. п.

В 1950-е гг. приоритетными стали другие задачи, связанные с возрождением и сохранением отечественного культурного наследия. На музейной карте СССР появились новые музейные заповедники. Кроме того, реализовалось давняя мечта этнографов по организации народных музеев под открытым небом. В этой работе получили второе рождение забытые идеи «живого музея», сохраняющего исторические объекты в их функциональном аспекте, и идеи «ожившего музея», стремящегося сберечь от забвения духовную культуру. В контексте подобных деятельности практик начали формироваться современные методы и технологии актуализации наследия.

³¹⁶ Там же.

Приложение 1

Илл. 1. Туркестанский павильон. Главный вход. Политехническая выставка 1872 г. Альбом видов. Москва: Русская фотография: (тип. И. Н. Кушнерева), [1872]. Л. 71. Альбумин. Отпечаток. 40,5 × 52,5 см. Российская государственная библиотека

Илл. 2. Почтовый отдел. Внутренность (интерьеры). Почта в Сибири. Политехническая выставка 1872 г. Альбом видов. Москва: Русская фотография: (тип. И. Н. Кушнерева), [1872]. Л. 19. Альбумин. Отпечаток. 40,5 × 52,5 см. Российская государственная библиотека

Илл. 3. Почтовый отдел. Внутренность (интерьеры). Почта в Архангельской губернии. Политехническая выставка 1872 г. Альбом видов. Москва: Русская фотография: (тип. И. Н. Кушнерева), [1872]. Л. 20. Альбумин. Отпечаток. 40,5 × 52,5 см. Российская государственная библиотека

Илл. 4. Вид на Кремль и Кремлевскую набережную
с павильоном Политехнической выставки. Москва.

Фотография И. С. Гимер и В. Н. Миланова, [1872]. 12,6 × 15,7 см.
Российская государственная библиотека

Илл. 5. Группа «Великороссы» на Всероссийской этнографической выставке. Фото-литография Шерер, Набгольц и К° в Москве. Опубликовано в издании: Этнографическая выставка 1867 года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском университете. Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. Российская государственная библиотека

Илл. 6. «Крестьянская изба» на Всероссийской этнографической выставке. Фото-литография Шерер, Набгольц и К° в Москве. Опубликовано в издании: Этнографическая выставка 1867 года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском университете. Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. Российской государственной библиотека

Илл. 7. Группа «Группа Рязанской губернии Данковского уезда» на Всероссийской этнографической выставке. Фото-литография Шерер, Набгольц и К° в Москве. Опубликовано в издании: Этнографическая выставка 1867 года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском университете. Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. Российская государственная библиотека

Илл. 8. Группа «Малороссиянка-девушка Полтавской губернии» на Всероссийской этнографической выставке. Фото-литография Шерер, Набольц и К° в Москве. Опубликовано в издании: Этнографическая выставка 1867 года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском университете. Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. Российская государственная библиотека

Илл. 9. Группа «Башкиры возле кибиток в летнее время» на Всероссийской этнографической выставке. Фото-литография Шерер, Набгольц и К° в Москве. Опубликовано в издании: Этнографическая выставка 1867 года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском университете. Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. Российская государственная библиотека

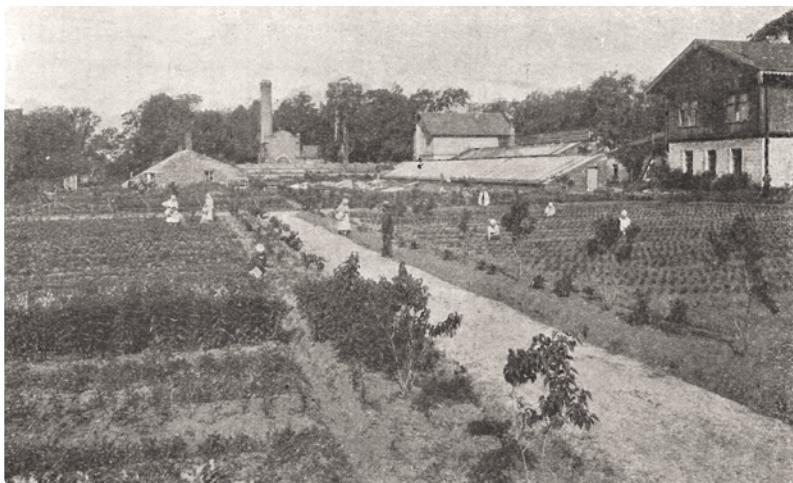
Илл. 10. Группа «Астраханские калмыки возле их кибиток» на Всероссийской этнографической выставке. Фото-литография Шерер, Набольц и К° в Москве. Опубликовано в издании: Этнографическая выставка 1867 года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском университете. Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. Российская государственная библиотека

Илл. 11. Главное здание «Живого Музея» (отдела Государственного сельскохозяйственного музея). Опубликовано в издании: Государственный сельскохозяйственный музей [1859–1929]. Ленинград: [Госуд. сел.-хоз. музей], 1929 (гос. тип. им. Ив. Федорова). Российская государственная библиотека

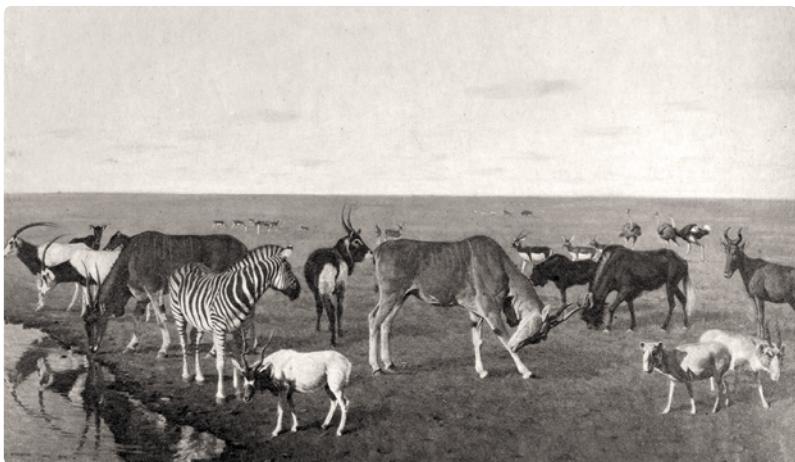
Илл. 12. Ботанико-Полевой участок в «Живом Музее». Опубликовано в издании: Государственный сельскохозяйственный музей [1859–1929]. Ленинград: [Госуд. сел.-хоз. музей], 1929 (гос. тип. им. Ив. Федорова). Российская государственная библиотека

Илл. 13. Декоративное садоводство в «Живом Музее». Опубликовано в издании: Государственный сельскохозяйственный музей [1859–1929]. Ленинград: [Госуд. сел.-хоз. музей], 1929 (гос. тип. им. Ив. Федорова).
Российская государственная библиотека

Илл. 14. Показательная пасека в «Живом Музее». Опубликовано в издании: Государственный сельскохозяйственный музей [1859–1929]. Ленинград: [Госуд. сел.-хоз. музей], 1929 (гос. тип. им. Ив. Федорова).
Российская государственная библиотека

Илл. 15. Копытные животные и страусы у водопоя в зоопарке Аскания-Нова. Музей-квартира П. К. Козлова Санкт-Петербургского филиала ФГБУН «Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук»

Илл. 16. Фотопортрет П. К. и Е. В. Козловых на скамейке у стены здания в Аскания-Нова. Музей-квартира П. К. Козлова Санкт-Петербургского филиала ФГБУН «Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук»

Илл. 17. Троице-Сергиевская Лавра Московской губернии. Открытка.

Москва: Изд. П.Г.П., 1900-е гг. Цв. автотип. 8,7×13,8 см.

Российская государственная библиотека

Илл. 18. Троицкий собор (Св. Сергиево-Троицкая лавра). Открытка. Сергиев Посад: Изд. С. И. Белякова, 1900-е гг. (M. Kampel, Moskau). Цв. автотип. 13,9 × 8,8 см. Российская государственная библиотека

Илл. 19. Загорский историко-художественный антирелигиозный музей.
Плакат. Художник Г. Мучник. Москва(?). Лит. МХТИ им. Менделеева, [1938].
92 × 60 см. Российская государственная библиотека

Илл. 20(1). Кадры, сделанные во время экспедиции с участием
В. Н. Всеволодского-Гернгросса в Архангельскую губернию в 1927 г. (коллаж).
Позитивная пленка. РГАЛИ. Ф. 2640. Оп. 1. Ед. хр. 255. Листы без нумерации

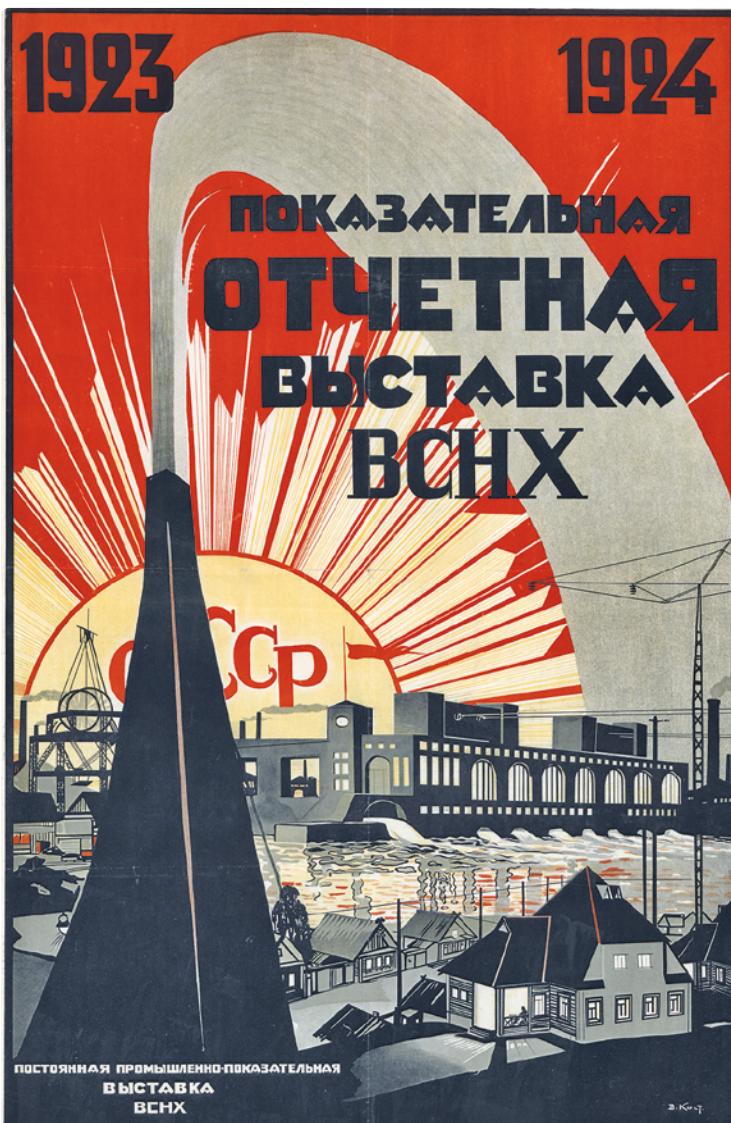
Илл. 20(2). Кадры, сделанные во время экспедиции с участием
В. Н. Всеволодского-Гернгросса в Архангельскую губернию в 1927 г.
(коллаж). Позитивная пленка. РГАЛИ. Ф. 2640. Оп. 1. Ед. хр. 255.
Листы без нумерации

Илл. 21. Дворец в Нескучном саду. Несброшюрованный альбом «Виды Москвы». Санкт-Петербург: А. Рейнбот и К°, 1890-е гг. Л. 3.

Оригинальная фотография. 33,5 × 45,3 см.

Российская государственная библиотека

Илл. 22. Показательная отчетная выставка ВСНХ СССР 1923–1924 гг.
Плакат. Худож. В. Костяницын. Москва: Типо-литография ЦУП ВСНХ СССР,
[между 1923–1924]. Хромолитогр. 71 × 53,3 см.
Российская государственная библиотека

Илл. 23. I Всероссийский съезд музейных работников. 3 декабря 1930 г.
г. Москва. Фотография. ГБУК Нижегородской области «Нижегородский
государственный историко-архитектурный музей-заповедник». ГОМ-25693.

ГК-31589077. Бумага, картон, фотопечать. 22,5 × 30 см.

Изображение предоставлено музеем-заповедником

Илл. 24. Дом занимательной науки: открыт новый отдел «Электричество». Плакат / Худож. А. Я. Малков. Ленинград: Лит. им. Григорьева, 1940. 76 × 56 см. Российская государственная библиотека

Илл. 25. Фотографии экспонатов выставки народного поэтического творчества, организованной Государственным литературным музеем в Центральном парке культуры и отдыха им. А. М. Горького. 1939 г. Фонд братьев Соколовых Ю. М. и Б. М. РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 2845. Л. 2

Илл. 26. Фотографии экспонатов выставки народного поэтического творчества, организованной Государственным литературным музеем в Центральном парке культуры и отдыха им. А. М. Горького.

1939 г. Фонд братьев Соколовых Ю. М. и Б. М. РГАЛИ.

Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 2845. Л. 24

Илл. 27. Погост Кизи, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии.
Открытика по фот. И. Билибина. Санкт-Петербург:
В пользу общины Св. Евгении, 1910-е гг. (Фототипия и Тип. Дресслера).
Фототип. 14 × 8,8 см. Российская государственная библиотека

Илл. 28. Остров Кижи, фольклорный праздник с участием Виолы Мальми. 1980 г.

Фотография Бориса Семенова. Архив Бориса Семенова (URL: <https://vk.com/semenovborisphoto>). Цифровая копия. Распространяется по открытой лицензии:

Creative Commons Attribution 4.0 International. Источник: Музей-заповедник «Кижи»: группа «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-50943719_15339 (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 29. Остров Кижи, фольклорный праздник с участием Виолы Мальми. 1980 г.

Фотография Бориса Семенова. Архив Бориса Семенова (URL: <https://vk.com/semenovborisphoto>). Цифровая копия. Распространяется по открытой лицензии:

Creative Commons Attribution 4.0 International. Источник: Музей-заповедник «Кижи»: группа «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-50943719_15339 (дата обращения: 25.12.2025)

Раздел 2.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В РОССИЙСКОМ МУЗЕЕВЕДЕНИИ КОНЦА ХХ — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХХI вв.

ГЛАВА 1.

Формирование понятия «живой музей» в музеееведческом дискурсе конца ХХ — первой четверти ХХI вв.

Как было показано в первом разделе, идеи «живого музея» неоднократно высказывались в российской культуре, начиная с конца XIX в. Однако этот оксюморон превратился в музеееведческий термин сравнительно недавно — на рубеже ХХ-ХХI вв. Как и любое другое, понятие «живой музей» возникло внутри научного дискурса и прошло длительный путь — от первых упоминаний до практики постоянного использования. Восстановить этот путь и показать множество трактовок и значений понятия позволяет хронологический и типологический историографический анализ публикаций, в которых встречается искомое понятие. Результаты этого исследования предоставляются в настоящей главе³¹⁷.

Для проведения данного анализа с помощью автоматизированных поисковых систем НЭБ, Научной электронной библиотеки «eLibraru.ru» и Российской государственной библиотеки в 2023 г. были отобраны философские, историко-культурологические и музеееведческие работы, затрагивающие проблематику «живых музеев». Они относятся к периоду с середины 1980-х гг. (первое ис-

³¹⁷ Краткий анализ результатов историографического анализа был опубликован автором ранее. См.: Зотова Т. А. Генезис концепции «живого музея» в российском музееоведении // Культурологический журнал. — 2024. — № 1. — С. 23–32. — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/639.html&j_id=59 (дата обращения: 20.09.2025).

пользование понятия) до начала 2020-х гг. Проследим появление и развитие понятия «живой музей» в этих публикациях, условно разделив их на три хронологические группы.

ПОЯВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ 1980–1990-Х ГГ.

Тема «живого музея» впервые прозвучала на страницах музееведческих изданий в середине 1980-х гг. В частности, в 1984 г. в периодическом сборнике «Музей: Художественные собрания СССР» вышла статья М. С. Трубачёвой (внучки П. А. Флоренского), посвящённая начальному этапу музеификации Троице-Сергиевой Лавры. В ней был опубликован проект создания «живого музея Лавры» в редакции Флоренского (из архива семьи)³¹⁸. Данная публикация предопределила приоритетное внимание в музееведческих исследованиях к философу как автору идеи «живого музея». Этому же способствовали работы богословского и библиографического характера, подготовленные братом М. Трубачёвой — иеродиаконом, а позже игуменом Андроником (А. С. Трубачёвым)³¹⁹.

В 1985 г. проект музея, а также статьи «Троице-Сергиева Лавра и Россия», «Храмовое действие как синтез искусств» были опубликованы в первом томе собрания сочинений П. А. Флоренского, вышедшем под редакцией Н. А. Струве в Париже³²⁰. В российских периодических изданиях эти статьи будут напечатаны через несколько лет³²¹, в том числе на страницах возрождённого журнала «Советский

³¹⁸ Трубачева М. С. Из истории охраны памятников в первые годы советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры 1918–1925 годов // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб.] 5. — М., 1984. — С. 160.

³¹⁹ Иеродиакон Андроник (Трубачев). К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского. Указатель печатных трудов // Богословские труды. — Сб. 23. — М., 1982. — С. 264–309.

³²⁰ Флоренский П. А. Собрание сочинений. У водоразделов мысли. [Т.] I. Статьи по искусству. — París, 1985. — С. 41–84, 355–358.

³²¹ Отрывок из статьи «Троице-Сергиева Лавра и Россия» был напечатан в книге Г. И. Вздорнова (сост.) «Троица Андрея Рублева. Антология» (М., 1981); полные тексты статей были опубликованы в конце 1980-х гг. Например, см.: Флоренский П. А. Храмовое действие как синтез искусств // Архитектура и строительство Москвы. — 1988. — № 6. — С. 18–20.

музей» (1989)³²². Наконец, с 1994 г. в Москве начнется выпуск полного собрания сочинений П. А. Флоренского, подготовленного братом и сестрой Трубачёвыми в серии «Философское наследие»³²³.

Публикация первоисточников способствовала привлечению внимания к концепции «живого музея» Флоренского. Сыграли свою роль и общие тенденции времени: в середине 1980-х — 1990-е гг. в отечественном музейном деле формировался новый вектор развития. Под влиянием фундаментальных социальных преобразований, затронувших советское, а затем российское общество, развернулось широкое обсуждение перспективных моделей музейной деятельности³²⁴. В этом контексте музейные проекты и концепты первой трети XX в. приобрели новое значение и актуальность.

Уже в конце 1980-х — 1990-е гг. к анализу философско-музейной концепции П. А. Флоренского обратились специалисты разных гуманитарных профилей — культурологи, философы, искусствоведы и музееведы. В первую очередь следует сказать о ряде публикаций и докладов доктора философских наук Л. П. Воронковой, представленных в эти годы и посвящённых культурологии Флоренского³²⁵. Среди прочих элементов Л. Воронковой рассматривалась «идея

³²² Флоренский П. Храмовое действие как синтез искусств // Советский музей. — 1989. — № 4 (108). — С. 65–69.

³²³ Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева) и др. — М., 1994–1999; Флоренский П. А. Собрание сочинений / Сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева). [Т. 1, 2]. — М., 2000–2004.

³²⁴ Данная тема — одна из центральных на страницах журнала «Советский музей» («Мир музея») в конце 1980-х — 1990-е гг.; например, см.: Гнедовский М., Коник М. Нужны новые подходы // Советский музей. — 1988. — № 5. — С. 20–27; Продолжаем разговор: «Нужны новые подходы» // Советский музей. — 1989. — № 6. — С. 30–32; Розенталь И. Что и как «пропагандировать»? (Обсуждаем статью «Нужны новые подходы») // Советский музей. — 1990. — № 1. — С. 10–16; Бестужев-Лада И. Власть и культура (Социальная организация труда в сфере науки и культуры требует перемен) // Советский музей. — № 2. — 1991. — С. 2–7; Размустова Т. Требуется личность... // Советский музей. — 1991. — № 3. — С. 2–5.

³²⁵ Например, см.: Воронкова Л. П. Мировоззрение П. А. Флоренского // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. — 1989. — № 1. — С. 70–81.

П. А. Флоренского о “живом музее” в контексте его сакральной концепции культуры»³²⁶.

Феномен синтеза культуры и науки в творчестве Флоренского, в том числе в музейном преломлении, изучался в философской статье А. А. Королькова (1989). Он писал: «Тысячелетняя история христианства вырабатывала синтетические формы воздействия на духовную жизнь людей, и Флоренский имел основания рассматривать храмовое действие в качестве синтеза искусств. Он искал живую жизнь искусства не в музеях, а в полнокровном творчестве»³²⁷.

На этот исследовательский опыт опирались публикации доктора филологических наук И. Л. Галинской. В 1991 г. вышла её небольшая монография, посвящённая эстетическим воззрениям П. А. Флоренского³²⁸, а через несколько лет — статья, уже всецело обращённая к идее «живого музея» (1995). В концепции музеевикации монастыря И. Галинская подчёркивала стремление отца Павла «создать систему целого ряда научных и учебных учреждений с целью “осуществить верховный синтез искусств, о котором столько мечтает новейшая эстетика”». То есть не только сохранить Лавру как действующий монастырь, а превратить её в «своеобразную лабораторию», где «теоретические исследования вопросов церковного искусства» проводились бы «на основе практически функционировавшего подлинного эстетического феномена»³²⁹.

В 1993 г. идеи П. А. Флоренского о синтезе искусств в храмовом действии по-новому зазвучали в философско-религиозном исследо-

³²⁶ Воронкова Л. П. Концепция «живого музея» в творчестве П. Флоренского (доклад) 22–29 апреля 1997; Ломоносовские чтения — 1997, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. См.: «ИСТИНА» — Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных. — URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/3143950/> (дата обращения: 14.09.2025).

³²⁷ Корольков А. А. Синтез культуры и науки в творчестве П. А. Флоренского // Флоренский П. А.: Философия, наука, техника. Препринт № 4. — Л., 1989. — С. 27.

³²⁸ Эстетические воззрения П. А. Флоренского : науч.-аналит. обзор / [И. Л. Галинская]. — М., 1991. — 67 с.

³²⁹ Галинская И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии : Дайджест. — Москва, 1995. — № 3. — С. 22–29. — URL: <http://ilgalinsk.narod.ru/articles/flor-mus.htm> (дата обращения: 14.09.2025).

вании Л. С. Учаневой³³⁰. В контексте экспозиционно-церковной проблематики к наследию философа обращалась И. А. Тульпе, в 1997 г. сделавшая доклад и опубликовавшая статью «Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского)»³³¹. Наибольшую известность среди работ, обращённых к идеям философа в рамках церковно-музееведческой проблематики, приобрели публикации М. Е. Каулен. В том же 1997 г. опыт «живой» музеефикации Троице-Сергиевой Лавры был представлен в её диссертации, посвящённой историческому анализу подходов, сложившихся в экспозиционном использовании храмовых интерьеров³³². Результаты этого исследования также были отражены в ряде статей³³³ и легли в основу популярных монографий автора, рассказывающих о российских музеях-храмах³³⁴.

Наконец, в рассматриваемый период идеи П. А. Флоренского были восприняты и развиты Т. П. Поляковым — автором одной из наиболее влиятельных современных трактовок «живого музея»³³⁵. В частности, идея синтеза искусств как основы подлинной художественности стала базовой для авторского сценария экспозиции «Сокровища Успенского монастыря» (Историко-архитектурный и художественный музей г. Александрова, Владимирская обл.). Разворачивая диалог с философом, Т. П. Поляков писал: «В нашем

³³⁰ Учанева Л. С. Храмовое действие: религиозно-художественный катарсис // Из истории русской эстетической мысли : Межвузовский сб. науч. тр. — СПб., 1993. — С. 4–14.

³³¹ Тульпе И. А. Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского) // Музей — хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества. — СПб., 1997. — С. 14–16.

³³² Каулен М. Е. Экспозиционный показ интерьеров памятников культовой архитектуры : дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. — М., 1997. — 221 с.

³³³ Например, см.: Каулен М. Е. Храм как объект музеиного показа: опыт и перспективы // Памятники в изменяющемся мире : Материалы междунар. науч.-практ. конф. — М., 1993. — С. 77–83; Каулен М. Е. Музей или храм? // Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции // [Музееведение. На пути к музею XXI века: Музейная экспозиция]. — М., 1996 (1997). — С. 87–107.

³³⁴ Каулен М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. — М., 2001. — 163 с.; Каулен М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри России : каталог-справочник. — М., 2005. — 766, [1] с.

³³⁵ Подробнее см. ниже, а также главу 3.

случае — демонстрация отдельных сторон церковно-монастырского искусства в музеифицированных стенах Успенской церкви будет восприниматься как современная форма культуртрегерства, если только авторы экспозиции не произведут нового творческого синтеза»³³⁶. Этот проект и рассуждения автора были опубликованы в статье 1990 г., а затем в 1997 г. в известной монографии «Как делать музей?»³³⁷. К данной монографии мы вернёмся позже.

Следует отметить, что 1990-е гг. ознаменовались также ростом интереса к музейной концепции Н. Ф. Фёдорова. Возрождению имени «московского Сократа» способствовала деятельность С. Г. Семёновой, подготовившей в 1970–1990-е гг. сочинения философа к изданию. В музейном аспекте концепция Фёдорова рассматривалась в указанный период М. Е. Каулен, О. А. Аксеничевым, Е. М. Кравцовой, Н. И. Решетниковым³³⁸ и др. Интересно, что в ряде работ тех лет уже прослеживается тенденция сопоставлять музейно-философские концепции П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова. Этой чертой отличалась, в некоторой мере, исследовательская практика М. Каулен, а также работы В. А. Никитина³³⁹.

Завершая обзор публикаций 1980–1990-х гг., необходимо представить один из первых случаев формулировки нового, современ-

³³⁶ Поляков Т. П. Сценарий экспозиции «Сокровища Успенского монастыря» // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения : информ. сб. — Вып. 6. — М., 1990. — С. 75.

³³⁷ Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). — М., 1997. — С. 164–171.

³³⁸ Например, см.: Каулен М. Е. Концепция музея в философии Н. Ф. Фёдорова // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения : информ. сб. — Вып. 6. — М., 1990. — С. 82–87; Аксеничев О. А. Философия музея Н. Ф. Фёдорова // Музейное дело. [Вып. 21]. — М., 1992. — С. 91–101; Кравцова Е. М. Храм-музей: Взгляд в прошлое // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран : тезисы докладов Всерос. науч. студенч. конф. — Сыктывкар, 1995. — С. 74–75.

³³⁹ Никитин В. А. Храмовое действие как синтез искусств: П. А. Флоренский и Н. Ф. Фёдоров // Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы. — М., 1991–1992. — Вып. 1. — С. 16–30; Никитин В. А. Храмовое действие как синтез искусств. Священник Павел Флоренский и Николай Федоров // Вестник русского христианского движения. — 1988. — № 153. — С. 40–56.

ного принципа «живого музея». Речь идёт о статье «Живой российский музей: от прошлого к будущему» заведующего кафедрой истории музейного дела факультета музеологии РГГУ А. И. Фролова (1997). Важно заметить, что в основе этой статьи лежал доклад, озвученный учёным в 1992 г. на Международном музееведческом семинаре «Музей и демократия» (Новгород). В нём автор задавался вопросом конструирования «модели живого и вечно обновляющегося музея». Он видел возможности его решения в развитии форм работы с аудиторией, а именно — в максимальном привлечении общественности к комплектованию музейных собраний. Приводя в пример практику организации частных музеев в дореволюционной России, А. Фролов отмечал: их существенной особенностью была ориентированность на «превращение российского музея из места хранения памятников культуры в очаг многообразной работы с памятниками культуры»³⁴⁰.

Подобный поиск актуальных и практических принципов «живого музея» окажется в центре внимания музееведческих публикаций в следующем периоде.

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПОНЯТИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ КОНЦА 1990-х — 2000-х гг.

Одной из главных тенденций, преобладающих в отечественном музейном деле в первом десятилетии XXI в., станет расширение границ музейного мира России³⁴¹. На смену основному понятию — «памятник истории и культуры», которое было приоритетным с 1970-х гг.³⁴², придёт новая, более ёмкая категория — «объект куль-

³⁴⁰ Фролов А. И. Живой российский музей: от прошлого к будущему // Музей и демократия : сер. электронных изд. MUSEUM PRO. — Вып. 1.0. — М., 1997. — С. 113.

³⁴¹ Понятие «музейный мир» утвердилось в российском музееведении в начале XXI в. См.: Сундиева А. А. Музейный мир России: к обоснованию понятия // Вопросы музеологии. — 2013. — № 1 (7). — С. 3–11.

³⁴² Крылова М. С. Понятие «памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). — 2017. — № 3. — С. 91–107.

турного наследия»³⁴³. Это будет связано с изменениями в музейной сети, где возрастёт количество музеев-заповедников, а также появятся абсолютно новые учреждения музейного типа, «исполняющие лишь отдельные функции и задачи музея»³⁴⁴. Кроме того, под влиянием мировых тенденций³⁴⁵ всё большое внимание в российском музееведении начнёт уделяться проблеме сохранения нематериального наследия и вместе с тем новым задачам по реконструкции и ревитализации исторических традиций.

В публикациях рассматриваемого периода, обращённых к проблематике «живых музеев», по-прежнему значительное внимание оказывается музейным концепциям П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова (Н. А. Бенедиктов, А. В. Зыков, Т. П. Поляков, Т. В. Смирнова, М. В. Шварова, Л. М. Шляхтина³⁴⁶ и др.). Однако на первый план вы-

³⁴³ Смена акцентов фиксируется федеральным законом № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», принятым в 2002 г. См.: КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 20.06.2025).

³⁴⁴ Чувилова И. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. — 2009. — № 5. — С. 24.

³⁴⁵ В 2003 г. на XXXII сессии ЮНЕСКО (Париж, 29 сентября — 17 октября 2003 г.) была принята Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. См.: АО «Кодекс» [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901978302> (дата обращения: 20.09.2025).

³⁴⁶ Бенедиктов Н. А., Трусов А. А. Музей как транслятор ценностей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. — 2008. — № 3 (11). — С. 121–129; Зыков А. В. Музейедческие взгляды Н. Ф. Фёдорова и современное музееведение : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03 / Кемер. гос. акад. культуры и искусств. — Кемерово, 2004. — 23 с.; Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. — 2007. — № 3. — С. 7–12; Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) // Музей. — 2007. — № 5. — С. 74–80; Смирнова Т. В. Доклад о. Павла Флоренского «Храмовое действие как синтез искусств» и современное музейное дело // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. «Гуманитарные науки»: Энтелехия. — 2007. — Т. 13. — № 16. — С. 28–30; Шварова М. В. Концепция «живого музея» П. А. Флоренского // П. А. Флоренский и современность : материалы науч. конф. — Калининград, 2007. — С. 73–77; Шляхтина Л. М. Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей // Вопросы музеологии. — 2010. — № 1 (1). — С. 44–49.

ходят новые трактовки принципа «живого музея», тесно связанные с расширением музейной практики. Уделим им основное внимание.

В 1999 г. была напечатана статья Т. П. Полякова «В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца». В ней прозвучала оригинальная трактовка «живого музея» как подхода к построению экспозиционного пространства, которая будет концептуализироваться в дальнейших работах автора. Однако уже в этой первой публикации, представляющей концепцию создания «социально-культурного учреждения нового типа» в пригороде Зеленоградска (Калининградская обл.), был сформулирован ряд ключевых положений, оказавших влияние на других исследователей музейного феномена.

«Идеальным вариантом «живого музея» Т. Поляков назвал экомузей, то есть «живой этнографический музей под открытым небом», своего рода «резервацию» (в хорошем смысле слова), не только сохраняющую (функция обычного музея), но и воспроизводящую «традиционные культурные ценности, обеспечивая при этом социально-экономическую базу своего существования»³⁴⁷. Как более распространённую форму, близкую «живому музею», Т. П. Поляков рассматривал «рекреационно-прикладное освоение архитектурных объектов, имеющих историко-культурное значение», обозначая так практику создания торгово-ресторанных заведений в бывших замках, старинных домах и фортификационных объектах. Считая подобные учреждения «ориентиром» для «новой модели «живого музея»», проектировщик отмечал их существенный недостаток. Он писал: в них «экзотическая среда является скорее декоративной, рекламной, чем культуротворческой. Реального синтеза «высокого» и «низкого» не происходит, поскольку торгово-экономическая функция обычно довлеет над историко-культурной»³⁴⁸.

Свою модель «живого музея» Т. П. Поляков определил как «синтез «храма» и «форума» и стремился к преодолению в ней данного недостатка. Поэтому он предложил «создать целостную

³⁴⁷ Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // Музей и новые технологии. — М., 1999. — С. 60.

³⁴⁸ Там же.

экспозиционно-художественную среду, включающую основные сюжетно-тематические мотивы, связанные с историко-культурными особенностями музеифицируемого места, в которых способны осуществляться ...рекреационные функции — работать магазины, рестораны, кафе, гостиницы»³⁴⁹. В проектируемом им «Музее города Кранца» («Кранцмузеуме») планировалось объединить в единое экспозиционно-общественное пространство несколько тематически связанных объектов:

- «средневековый трактир» — экспозиционно-функциональную зону, рассказывающую в контексте характерного историко-бытового интерьера о древней истории края;
- «минеральный бар» с тематическими столиками, обращённый к истории культурно-оздоровительного курорта в XVIII — первой трети ХХ вв.;
- «избу рыбака» (рыбное кафе) — своеобразный «этнографический зал музея», с образами традиционных жителей и их привычных занятий;
- музей-магазин («Кунсткамера Восточной Пруссии»), представляющий «музейные редкости» (с фантастическими ценниками) в шкафах, стилизованных под интерьер кёнигсбергской кунсткамеры XVIII в., а также предлагающий приобрести «стандартный набор продуктов» и «сопутствующие товары, необходимые в курортной зоне»;
- выставочный зал для традиционных музейных выставок;
- небольшую гостиницу для туристов, посещающих «живой музей»³⁵⁰.

Идеи подобных интегрированных музейно-туристических объектов будут развиваться в других проектах и публикациях автора в 2000-е гг.³⁵¹ Забегая вперёд, отметим, что они окажут существенное влияние на трактовку «живого музея», которая сложится в рамках концепции средового подхода к музеификации историко-культур

³⁴⁹ Там же. С. 63.

³⁵⁰ Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // Музей и новые технологии. — М., 1999. — С. 66–79.

³⁵¹ Подробнее см. главу 3.

ного наследия. Её основным автором выступит М. Е. Каulen — коллега Т. П. Полякова по Российскому институту культурологии.

Следует сказать, что в рассматриваемый период (конец 1990-х — 2000-е гг.) вышел ряд ключевых публикаций М. Е. Каulen, посвящённых концептуализации понятия «средовой музей»³⁵². Согласно авторскому определению, это — «музей, деятельность которого основывается главным образом на музеификации историко-культурной и/или природной среды со всеми составляющими ее движимыми, недвижимыми и нематериальными объектами и существующими между ними взаимосвязями, а также с участием людей, населяющих территорию»³⁵³. В качестве одного из основных видов средового музея Каulen рассматривался «музей традиции» (синонимы — «музей действия», «музей деятельности»). Как пример подобного учреждения назывался Пензенский музей народного творчества, направленный в своём развитии к форме «музея — открытой мастерской для передачи навыков и традиций», или «заповедник крестьянской песни “Беляковский Катарач”» (Свердловская обл.), сохраняющий традиционную крестьянскую песенную культуру в «единстве с окружающей средой, материальным и духовным производством»³⁵⁴.

Несмотря на схожесть подобных объектов с некоторыми историческими прообразами «живого музея», это обозначение по отношению к «музеям традиции» не использовалось. В рамках средового подхода М. Каulen «живыми музеями» были названы учреждения музейного типа, отчасти напоминающие представленный выше проектный «Кранцмузей». К сожалению, главным их отличием была довлеющая торгово-экономическая функция, которую стре-

³⁵² Например, см.: Каulen М. Е. Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков : Труды ГИМ. — Вып. 127. — М., 2001. — С. 86–98.

³⁵³ Каulen М. Е. Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия : материалы Девятой Всерос. науч. конф. — М., 2005. — С. 38.

³⁵⁴ Каulen М. Е. Музеификация объектов наследия: от предмета до традиции // Культура российской провинции: век XX–XXI веку : материалы Всерос. науч.-практич. конф. — Калуга, 2000. — С. 204–205.

мился нивелировать Т. П. Поляков. В частности, одним из реальных примеров подобного типа считался магазин «Музей шоколада», работающий в Санкт-Петербурге с начала 2000-х гг. Впрочем, были и другие примеры, более близкие к форме «мягкой музеефикации» — исторические аптеки, магазины, гостиницы и другие учреждения, осуществляющие хранение отдельных объектов архитектурного наследия в контексте своей хозяйственной деятельности. Принцип их работы (в культурно-охранном аспекте) сопоставлялся с зарубежными музеями³⁵⁵. Эти положения были комплексно представлены в пятом номере журнала «Музей» за 2009 г. В него вошла подробная статья М. Е. Каулен³⁵⁶, словарь актуальных музейных терминов, включивший понятия «средовой музей» и «живой музей», а также ряд других материалов, раскрывающих представленные тезисы.

В 2000-е гг. была высказана ещё одна актуальная трактовка принципа «живого музея». Как и предыдущий вариант, она тяготела к «мягкой музеефикации» историко-культурных объектов, но заметно отличалась областью применения и методикой. Данная трактовка была обозначена профессором, доктором исторических наук, кандидатом географических наук С. И. Сотниковой в статье «Музей в меняющемся мире» (2007)³⁵⁷.

Говоря о расширении понятия «наследие» и всё более активном включении в него природного компонента, к «живым музеям» она отнесла уникальные исторические (историко-культурные) территории (УИТ, УИКТ) и особо охраняемые природные территории (ООПТ). По словам Сотниковой, это — «учреждения музеиного типа», связанные с «мягкой» музеефикацией обширных культурных ландшафтов³⁵⁸. В основе данного понимания принципа «живого музея» лежали как традиции российских дореволюционных историков, географов и биологов, так и мировые тенденции к пересмотру базовых понятий музеологии, хорошо знакомые ав-

³⁵⁵ См. подробнее главу 2.

³⁵⁶ Каулен М. Е. Музей и наследие // Музей. — 2009. — № 5. — С. 10–19.

³⁵⁷ Сотникова С. И. Музей в меняющемся мире // Обсерватория культуры. — 2007. — № 2. — С. 60–66.

³⁵⁸ Там же. С. 64.

тору. Но наибольшее влияние на этот взгляд оказала деятельность Российского (Советского) фонда культуры и Института Наследия в 1990–2000-е гг. Она была направлена на разработку новой модели сохранения памятников истории и культуры в формате «культурных ландшафтов» (Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, М. Е. Кулешова и др.)³⁵⁹. Данному опыту уделялось особое внимание в публикациях С. И. Сотниковой. В частности, истории и методике создания УИТ посвящена не одна страница в её широко известном учебном пособии «Музеология» (2004, 2010), где лаконично представлены основные вехи развития музейного дела в России и за рубежом³⁶⁰.

Наконец, в рассматриваемый период получил распространение и признание ещё один подход, тяготеющий к «мягкой музеефикации». Его автором стал сибирский этнограф и музейный проектировщик, доктор исторических наук В. М. Кимеев. К концу 2000-х гг. его теоретические разработки получили итоговое осмысление в тексте докторской диссертации³⁶¹. Она была основана на широкой практической деятельности, осуществляемой этнографом с конца 1980-х гг. и направленной на создание сети экомузеев и эко-музеев-заповедников в Кемеровской области³⁶². В своей проектной и научной работе автор опирался на опыт советских и российских архитектурно-этнографических музеев, но в большей степени — на движение «новой музеологии»³⁶³ и поиски создателей француз-

³⁵⁹ Подробнее см. главу 2.

³⁶⁰ Например, см.: Сотникова С. И. Музеология : учеб. пособие. — М., 2010. — С. 147–165.

³⁶¹ Кимеев В. М. Экомузеи Притомья и сохранение этнокультурного наследия: генезис, архитектоника, функции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. — СПб., 2009. — 40 с.

³⁶² Например, см.: Кимеев В. М., Афанасьев А. Г. Экомузеология: нац. эко-музеи Кузбасса. — Кемерово, 1996. — 134 с.

³⁶³ Новая музеология — направление зарубежной музеологии, возникшее в 1980-е гг. на основе теоретического обобщения опыта развития общинных музеев, экомузеев и других музеев нового типа, стремившихся к решению актуальных проблем местного сообщества. Основатели движения — французские музеологи Ж. А. Ривьер и Ю. де Варин, сформулировавшие важнейшие положения, зафиксированные в Квебекской декларации (1984). См.: Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. — М., 2018. — С. 136.

ских и канадских экомузеев Ж. А. Ривьера, Ю. Варина, П. Мейрана, А. Девалье и др. Объединяя разработки российских и зарубежных коллег, он стремился реализовать особый подход к сохранению этнокультурного наследия в его естественной среде, называя его «этноэкологическим» или «средовым». В рамках концепции В. Кимеева термин «живой музей» использовался в узком функциональном смысле — для обозначения экспозиционных объектов, которые после вхождения в музей под открытым небом продолжали использоваться по прямому назначению (для проведения служб и обрядов, проживания и т. п.).

ПОСТОЯННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ 2010-Х — НАЧАЛА 2020-Х ГГ. И ЕГО ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ

В современных работах частота использования и содержание термина «живой музей» ощутимо расширяется. Развиваются как привычные подходы и трактовки, так и формируются новые значения.

Сначала кратко представим знакомые направления. В публикациях 2010-х — начала 2020-х гг. не теряет актуальности музеведческий анализ концепций П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова (И. В. Андреева, Р. В. Ковриков, А. М. Копировский, Д. А. Попов, П. В. Флоренский³⁶⁴ и др.). Среди прочих работ выделяется статья Е. Ю. Перовой, которая обращена к широкому срезу размышлений начала XX в., касающихся проблем сохранения историко-культур-

³⁶⁴ Андреева И. В. Музеология в дискурсе документности: опыты философской рефлексии конца XIX — первой трети XX века // Вестник КемГУКИ. — 2021. — № 54. — С. 32–42; Ковриков Р. В. Музейная коммуникация в сохранении культурного наследия в музеях-заповедниках // Педагогика искусства. — 2019. — № 3. — С. 178–185; Копировский А. М. «Живой музей» свящ. Павла Флоренского: утопия или антиутопия? // Философия в полицентричном мире. — М., 2020. — С. 882–885; Попов Д. А. Опыт осмыслиения музеиного пространства в концепциях П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова // Научный аспект. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 445–453; Флоренский П. В. Павел Флоренский — священник, мыслитель, ученый // Природа. — 2018. — № 7. — С. 80–91.

ного наследия. Уделяя значительное внимание идее «живого музея» Флоренского, автор подчёркивает важную деталь. Она пишет: в этой концепции «присутствует христианская картина мира», согласно которой «всё прошедшее может восприниматься как ныне пребывающее в жизни»³⁶⁵. В то же время, по мнению исследователя, существует более широкая трактовка идеи «живого музея», сложившаяся «в лоне отечественной науки и мировосприятия». Е. Перова отмечает, что в ней выражается призыв к внимательному, «гуманистическому» отношению человека к миру, противостоящему губительному технократизму.

Дальнейшее развитие в современных исследованиях получило направление, опирающееся на идеи П. А. Флоренского при изучении вопросов музеификации православного наследия (Л. А. Армееева, М. А. Власникова, М. А. Гаганова, Р. А. Федотова³⁶⁶ и др.). Самое пристальное внимание данной тематике уделяется в публикациях Л. С. Алексеевой. В одной из своих работ она пишет: «Только на рубеже ХХ–XXI веков идея “живого музея” обрела подлинную актуальность в связи с необходимостью формировать церковные коллекции и находить способы их коммуникации с обществом»³⁶⁷. Суммируя идеи предшественников, она предлагает рассматривать «модель “живого музея” П. А. Флоренского» как «теоретический ба-

³⁶⁵ Перова Е. Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала ХХ века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (843). — С. 220–228.

³⁶⁶ Армееева Л. А. Иконописная школа Троице-Сергиевой лавры в контексте возрождения традиционного иконописания: середина XVIII — начало XXI вв. : дис. ... канд. искусствоведения. — Череповец, 2013. — 228 с.; Власникова М. А. Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине ХХ — начале XXI века : дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. — СПб., 2021. — 313 с.; Гаганова М. А. Проекты и практики музеификации Троице-Сергиевой Лавры в 1920–40-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. — М., 2016. — 261 с.; Федотова Р. А. Икона в литургическом пространстве храма: по материалам псковской иконописи : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — СПб., 2010. — 23 с.

³⁶⁷ Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник КемГУКИ. — 2017. — № 41–2. — С. 111–121.

зис развития современного церковного музея»³⁶⁸. Правда, следует отметить, что на авторском анализе музейной практики скорее сказывается влияние современных концептов. В частности, Л. Алексеевой среди церковных музеев Сибири определяются три типа «живых музеев» — средовые музеи, музеи в действующих монастырях (храмах) и «учреждения музейного типа, реализующие преимущественно экспозиционно-выставочную деятельность»³⁶⁹.

Также в период 2010-х — начала 2020-х гг. развитие и методическую проработку получили оригинальные идеи и принципы «живого музея», предложенные ранее Т. П. Поляковым. Во-первых, расширяя теоретические основы своей концепции, исследователь обратился к учению об экологии культуры Д. С. Лихачёва и в диалоге с ним определил несколько «стадий» или форм современного «живого музея» (2016)³⁷⁰. Во-вторых, в авторской монографии «Музейная экспозиция...» (2018, 2019 гг.), был опубликован проект организации зон «живого музея» в обновлённой экспозиции Государственного музея В. В. Маяковского (Москва)³⁷¹. В-третьих, в 2021 г. Т. П. Поляковым была представлена публикация, суммирующая его научные и проектные разработки в области «живого музея»³⁷². В ней был изложен взгляд исследователя на генезис феномена, анализ проформ и исторических концепций, а также авторская классификация зон и объектов «живого музея». Наконец, в другой актуальной публикации Т. П. Полякова (совместно с Ю. В. Пустовойт), во-

³⁶⁸ Алексеева Л. С. Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2022. — С. 8.

³⁶⁹ Там же. С. 12.

³⁷⁰ Поляков Т. П. Учение академика Д. С. Лихачёва об экологии культуры в контексте современного «живого музея» // Экология культуры — учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры : Науч. сб. по материалам Междунар. юбилейной науч. конф. — М., 2017. — С. 113–128.

³⁷¹ Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. — М., 2018. — С. 503–518.

³⁷² Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». — М., 2021. — С. 113–162.

шедшей в «Энциклопедию нематериального культурного наследия России» (2022)³⁷³, были показаны перспективы и возможности «живых музеев» в контексте комплексного сохранения образа жизни и этнокультурных традиций российских народов.

Важно подчеркнуть, что концепту **«нематериальное наследие»** в отечественном музееведении стало уделяться всё большее внимание. Причём данная тенденция оказалась тесно связанной с распространением идей средового подхода. В рассматриваемый период была опубликована обобщающая монография М. Е. Каулен³⁷⁴, значительная часть которой посвящена методике музеефикации и презентации в музее нематериальных объектов. Разработанное автором понятие «средовой музей» стало часто применяться при изучении современных тенденций музеефикации усадебных комплексов, фрагментов городской среды³⁷⁵ и т. п. Кроме того, в 2010-е гг. развитие получила концепция этноэкологического средового подхода В. М. Кимеева — были опубликованы новые исследования автора³⁷⁶, а также работы его последователей, в том числе П. В. Глушковой (Абрамовой), Т. И. Кимеевой, С. Г. Родионова и др.³⁷⁷

³⁷³ Поляков Т. П., Пустовойт Ю. В. Музеефикация нематериального культурного наследия России: методы, формы и системы представления // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. — М., 2022. — С. 484–502.

³⁷⁴ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России... 432 с.

³⁷⁵ Например, см.: Мастеница Е. Н. Музеефикация городской среды: подходы и методы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 10–1 (36). — С. 137–141.

³⁷⁶ Например, см.: Кимеев В. М. Истоки модернизации этнокультурного наследия ширцев в постсоветский период // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. — Барнаул, 2020. — С. 62–67.

³⁷⁷ Глушкова П. В., Кимеев В. М. Музеи под открытым небом : учеб. пособие. — Кемерово, 2015. — 151 с.; Глушкова П. В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2015. — 22 с.; Кимеева Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе интерпретации материалов собраний музеев России : ав-

Другой тенденцией, характеризующей непосредственную музейную работу, стало повсеместное внедрение принципов театрализации. К концу 2010-х гг. наибольшую популярность среди прочих форм получили практики иммерсивности — «погружения» посетителя в музейно-исторический контекст. Методической основой подобных проектов выступил как средовой подход, тесно связанный с моделированием и реконструкцией историко-культурных процессов и явлений, так и другие теоретические работы. В частности, обобщающий анализ театрализованных форм взаимодействия музея с посетителями был проведён в исследовании И. А. Щепетковой (2006)³⁷⁸. Теоретическое осмысление иммерсивности как свойства музейной экспозиции было представлено в исследовании Т. И. Чулкиной (2011)³⁷⁹ и, в дальнейшем, в работах Т. П. Полякова, предложившего наиболее ёмкую категорию — «иммерсивные технологии проектирования экспозиций» (2021)³⁸⁰.

Под влиянием данных тенденций в современных публикациях, связанных с проблематикой «живого музея», определились новые темы. В первую очередь, это интерес к этнографическим концепциям «ожившего» музея 1920-х гг. Принципы и опыт работы этнографического музея-театра В. Н. Всеволодского-Гернгросса впервые рассматривались как своеобразная концепция «живого музея» в исследовании В. Г. Пушкирова (2007, 2010, 2011)³⁸¹. Последователь музейно-театральных традиций Русского музея писал: «Концепция

тореф. дис. ... д-ра культурологии. — СПб., 2019. — 41 с.; Родионов С. Г. Музеификация историко-культурного наследия шорцев : дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2018. — 150 с.

³⁷⁸ Щепеткова И. А. Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями : дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. — СПб., 2006. — 249 с.

³⁷⁹ Чуклина Т. И. Метод погружения как актуальный метод построения музейной экспозиции : дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. — СПб., 2011. — 182 с.

³⁸⁰ См. подробнее главу 3.

³⁸¹ Пушкиров В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2011. — 179 с.; Пушкиров В. Г. «Операежая время» (о деятельности первого этнографического театра) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — № 120/2010. — С. 339–344.

“живого” музея, созданная В. Н. Всеволодским совместно с Этнографическим отделом музея, требовала от актеров... “дополнять экспозицию музея вещественно не экспонируемыми материалами (фольклором)” с демонстрацией подлинных костюмов, утвари, орудий производства»³⁸². Проекты Б. М. Соколова привлекли внимание исследователей чуть позже — на рубеже 2010–2020-х гг. Как концепцию «живого музея» их рассматривали О. А. Кубанкина («В рамках воплощения концепции “живого музея” постоянно проводились этнографические концерты, а сотрудники музея выступали на радио с циклом лекций...», 2020)³⁸³ и доктор исторических наук И. А. Головнёв («Отвечая на заданный временем вызов, он выступил с резонансной концепцией так называемого живого музея...», 2021)³⁸⁴.

Вместе с тем нельзя не заметить, что понятие «живой музей» будет нередко использоваться в современных музейных исследованиях именно в духе идей Б. Соколова — по отношению к скансенам. Эта трактовка термина связана, в частности, с публикациями известного архитектора-реставратора О. Г. Севан (конца 2000-х — начала 2010-х гг.), представляющими опыт работы российских и зарубежных музеев под открытым небом³⁸⁵. Такое же значение

³⁸² Пушкирев В. Г. В. Н. Всеволодский-Гернгресс и его концепция «живого» музея (к истории возникновения термина) // Рябининские чтения — 2007. — URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/506.html#note-id6961926> (дата обращения: 29.08.2025).

³⁸³ Кубанкина О. А. Музей глазами Б. М. Соколова // История и историческая память. — 2020. — № 20. — С. 92–98.

³⁸⁴ Головнёв И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. — 2021. — № 3 (13). — С. 244–263.

³⁸⁵ Например, см.: Севан О. Г. «Живой музей» в реальной сельской среде // Обсерватория культуры. — 2007. — № 3. — С. 68–71; Севан О. Г. Дух места между материальным и нематериальным наследием // Экология культуры. — 2009. — № 2. — С. 94; Севан О. Г. Российские музеи под открытым небом // Обсерватория культуры. — 2006. — № 6. — С. 66–75; Севан О. Г. Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. — 2006. — № 3. — С. 60–69; Севан О. Г. «Малые Карелы». Архангельский музей деревянного зодчества: история создания, методология проектирования, современное состояние. — М., 2012. — 367 с.

понятия встречается в статье В. А. Котосиной (2012), посвящённой театрализованным программам Архитектурно-этнографического музея Вологодской области «Семёново»³⁸⁶. Наконец, ещё один пример данного плана — работа доктора исторических наук Е. А. Поляковой (2020), рассказывающая о музейно-этнографических программах Музея-заповедника «Старина Сибирская»³⁸⁷.

Во вторую очередь следует отметить, что в публикациях современного периода сформировался значительный интерес к зарубежным техникам актуализации наследия, а именно — к формату «живой истории». Безусловно, движение исторической (военно-исторической) реконструкции складывается в России не первое десятилетие, и история многих клубов восходит к периоду конца 1980-х — 1990-х гг.³⁸⁸ Много лет успешно развиваются Международный военно-исторический фестиваль «День Бородина» в музее-заповеднике «Бородинское поле» и Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово» в музее-заповеднике «Куликово Поле» (илл. 30–35).

Однако в 2010-е гг. обозначился новый вектор развития данного движения, обусловленный признанием на государственном уровне его широкого потенциала в деле патриотического воспитания.

³⁸⁶ Котосина В. А. Театрализация этнографических праздников и обрядов в рамках концепции «живого» музея (на примере АЭМВО «Семёново») // Диалоги и встречи: русский и американский театр XX века : сб. материалов конф. — Вологда, 2012. — С. 112.

³⁸⁷ Полякова Е. А. Музейно-этнографические программы как способ сохранения национальной идентичности (на примере деятельности Омского государственного музея-заповедника «Старина Сибирская») // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — 2020. — № 10. — С. 350–357.

³⁸⁸ См. подробнее об истории движения: Турусов В. П. Особенности военно-исторического движения в России (по опыту ряда отечественных клубов) // Рейтар: военно-исторический журнал. — 2005. — № 23. — С. 158–167; Божок Н. С. Движение военно-исторической реконструкции как феномен молодежной культуры : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Саратов, 2013; Глухарев И. В. Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. культурологии. — М., 1999. — 21 с.

Координация этой работы была возложена на Российское военно-историческое общество, созданное в 2012 г.³⁸⁹ В этом контексте стало вырабатываться другое отношение к идеям и принципам «живой истории» в музейной сфере. Если ранее они воспринимались как «внемузейная» («вненинституциональная») практика сохранения наследия, то теперь — как основа перспективных музейно-туристических объектов³⁹⁰.

В связи с этим смысловое поле понятия «живой музей» расширилось ещё больше, включив музеи «живой истории» и тематические исторические парки. Одна из первых работ, предлагающих рассматривать метод реконструкции как основу «живого музея», была опубликована молодыми учёными В. В. Харбедия и Я. Д. Лычак в 2007 г.³⁹¹ Количество подобных публикаций увеличилось во второй половине 2010-х гг. В частности, в 2016 г. был представлен опыт организации «живого музея» реконструкций в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины (Республика Беларусь) в статье А. П. Шиляева. Он писал: «Основной темой “живого музея” являлась демонстрация походного лагеря, снаряжения и быта, характерного для периода Грюнвальдской битвы 1410 года. В роли “экспонатов” музея выступили непосредственные участники СНИЛ “Белы Крыж” в костюмах и доспехах названной эпохи, а также различные бытовые предметы и элементы вооруже-

³⁸⁹ Земцов В. Н. Российское движение военно-исторической реконструкции: основные тенденции последних десятилетий (на опыте Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит») // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. — 2020. — Вып. 23. — С. 351.

³⁹⁰ Например, см.: Велитченко В. В. Формат «живая история» как одно из перспективных направлений развития музеев // Вопросы музеологии. — 2021. — Т. 12. — № 1. — С. 88–93; Ожогин В. П. Музеи живой истории как объекты рекреационно-туристического значения // Дни студенческой науки : сб. докладов. — М., 2017. — С. 82–84; Крынина О. А. Музей-заповедник «Старина Сибирская» — музей живой истории (из опыта работы) // Аношинские чтения. — Омск, 2022. — С. 57–61.

³⁹¹ Харбедия В. В., Лычак Я. Д. Исторические реконструкции как метод создания «живого» музея // Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма: материалы науч.-практич. конф. студентов и аспирантов. — Калининград, 2007. — С. 56–61.

ния»³⁹². Характерно, что в следующей работе автора для обозначения схожих акций используется понятие «музей живой истории»³⁹³.

В конце 2010-х гг. вышла серия публикаций О. Ю. Нельзиной (в их числе совместные работы с доктором исторических наук А. В. Окороковым), которые обращены к зарубежным и российским тематическим, историческим и подводным паркам³⁹⁴. В 2019 г. была опубликована статья «Колониальный Уильямсбург: оживший город и живой музей» (К. О. Бондарь, А. С. Богатырева), посвящённая первому и наиболее популярному американскому музею «живой истории»³⁹⁵. В 2020 г. вышло несколько статей Д. А. Прокудиной, актуализирующих методику британских музеев «живой истории» (Викторианский город Бристоль-Хилл, Музей «Черной страны») и сопоставляющих её с опытом работы «живых музеев» Коломны (Московская обл.)³⁹⁶. В это же время была напечатана работа

³⁹² Шиляев А. П. Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» в организации «живого музея» средневековой истории // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: традиции и модернизация современного высшего образования : материалы респ. науч.-методич. конф. : в 4 ч. Ч. 1. — Гомель, 2016. — С. 363–366.

³⁹³ Шиляев А. П. Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» с одаренной молодежью при организации мероприятия «Музей живой истории» // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа — университет — предприятие» : материалы XI Междунар. науч.-методич. конф. — Гомель, 2017. — С. 714–717.

³⁹⁴ Например, см.: Окороков А., Нельзина О. Подводный исторический парк в системе музейного комплекса // Музей. — 2018. — № 12. — С. 44–50; Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Окороков, Д. В. Бабекин и др. — М., 2018. — 140 с.; Нельзина О. Ю., Окороков А. В., Поляков Т. П. Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. — М., 2019. — 288 с.

³⁹⁵ Бондарь К. О., Богатырева А. С. Колониальный Уильямсбург: оживший город и живой музей // Иностранные языки в современном мире : материалы Междунар. студенч. науч.-практич. конф. — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 12–15.

³⁹⁶ Прокудина Д. А., Прокудина Е. К. Живой музей: трансформация музея в контексте экономики впечатлений (зарубежный опыт) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — № 6 (98). — С. 34–48; Прокудина Д. А. Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории // Культура и образование. — 2020. — № 4 (39). — С. 23–31.

С. А. Потаповой «Живые музеи. Проблемы взаимодействия музеино-развлекательных центров и туристических компаний» (2020)³⁹⁷. Подчеркнём, что во всех этих публикациях понятия «музей “живой истории”» и «живой музей» используются как синонимы.

Следует отметить, что на фоне этого «синонимичного» понимания терминов стали появляться публикации, в которых развивается тезис, что понятие и методика «живого музея» пришла в Россию из-за рубежа. В особенности это касается работ молодых учёных и специалистов, ориентированных на интерпретацию идей «живого музея» в контексте средового подхода М. Е. Каулен³⁹⁸. В качестве примера можно назвать статьи З. А. Шагжиной («Термин “живой музей” был предложен в 1917 г. американским музеологом Д. К. Данном...», 2017)³⁹⁹, С. А. Харитоновой (аналогичное значение, 2019)⁴⁰⁰, Е. С. Самойловой («Понятие “живого музея” пришло с подобной практики за рубежом...», 2021)⁴⁰¹ и др. Наконец, такая интерпретация оказала влияние и на исследования П. В. Глушковой (Абрамовой), развивающие методику этноэкологического подхода В. Кимеева. Определяя в своей музейной классификации «живой музей» как самостоятельный тип музейного учреждения, отлича-

³⁹⁷ Потапова С. А. Живые музеи. Проблемы взаимодействия музеино-развлекательных центров и туристических компаний // Туризм и музеи: синергетический эффект взаимодействия. — М., 2020. — С. 132–150.

³⁹⁸ Дело в том, что в трактовке «живого музея» М. Е. Каулен сопоставляются концепции П. А. Флоренского и Дж. К. Дана, предложившего на рубеже 1910–1920-х гг. идею «полезного музея». См. подробнее главу 2 в данном разделе.

³⁹⁹ Шагжина З. А. Музеи *«in situ»* в музейной сети Республики Бурятия: к постановке проблемы музеефикации новых объектов // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2017. — № 4 (4). — С. 93–97.

⁴⁰⁰ Харитонова С. А. «Живой музей» как форма инновационной деятельности музея // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия в векторы развития : Материалы Всерос. с междунар. участ. науч.-практич. конф. — Т. 1. — Улан-Удэ, 2019. — С. 139–141.

⁴⁰¹ Самойлова Е. С. Живой музей как среда формирования ценностных ориентаций личности // Язык и культура : ежегодный альманах. — Челябинск, 2021. — С. 177–181.

ющийся от ансамблевых, средовых и экомузеев, она отмечает зарубежный генезис данного понятия («Впервые дефиниция термина “живой музей” была предложена в 1917 г. музеологом Джоном Коттоном Данном...»)⁴⁰².

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Таким образом, историографический анализ показывает, что термин «живой музей» начал употребляться в российском музееведении в 1980–1990-е гг., и к рубежу 2010–2020-х гг. сложилась практика его постоянного использования. На первом этапе термин преимущественно применялся для обозначения концепции П. А. Флоренского, но его смысловое поле достаточно быстро расширялось, включая новые персоналии и формы музейной деятельности. В контексте более чем тридцатилетнего использования сложилось несколько устойчивых значений (концептов, трактовок), актуальных для современного российского музейного дела. Среди них:

- «живой музей» П. А. Флоренского;
- музейная концепция Н. Ф. Фёдорова;
- «живой музей» как особая технология проектирования музейной экспозиции (Т. П. Поляков);
- «живой музей» как мягкая музеефикация (средовой музей у М. Е. Каулен; уникальная историческая территория у С. И. Сотниковой; этноэкологический музей у В. М. Кимеева и др.);
- «оживший» этнографический музей-театр (В. Н. Всеволодский, Б. М. Соколов, О. Г. Севан, Е. А. Полякова, В. Г. Пушкин и др.);
- «живой музей» как аналог зарубежных техник актуализации наследия (музея-парка «живой истории», тематического парка, экомузея; А. С. Богатырева, К. О. Бондарь, О. Ю. Нельзина, Д. А. Прокудина и др.).

Безусловно, в рассмотренных выше работах употребление ис^{комого} термина носило различную теоретическую нагрузку — от

⁴⁰² Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия... С. 61.

простого упоминания до полноценных концепций музейной деятельности. В следующих главах второго раздела будут подробнее рассматриваться те современные методики, в которых идеи «живого музея» получили наиболее глубокую теоретическую проработку или практическое переосмысление. Прежде всего, это концепция уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов), средовой и этноэкологический подходы, в контексте которых сформировалась актуальная трактовка идеи «живого музея» как мягкой музеефикации историко-культурных объектов. Самое пристальное внимание будет уделяться концепции, развивающей идею «живого музея» как иммерсивной технологии проектирования музейной экспозиции. Этот универсальный подход воспринимается автором монографии как базовый при разработке обобщающего определения и культурологической модели деятельности «живого музея».

Глава 2.

«Живой музей» как мягкая музеефикация: основные подходы к реализации принципа

Выражение «мягкая музеефикация» (частичная музеефикация) стало активно использоваться в российском музееоведении на современном этапе. Оно применяется для обозначения самых разных практик сохранения объектов культурного наследия, которые не предполагают их полного изъятия из хозяйственной деятельности человека. Реализация данного принципа зависит от конкретных условий, однако можно выделить одну общую черту, отличающую мягкую музеефикацию от полной или тотальной, — при таком подходе «омузеееванию» (и сохранению) подвергаются отдельные свойства историко-культурного объекта. Это может быть, к примеру, внешний вид архитектурного памятника (ансамбля), внутри которого работает современное предприятие или учреждение, или, наоборот — некая историческая традиция или технология, воссоздаваемая в искусственной новодельной среде.

В современном российском музееведении концептуализация и методическое осмысление практик мягкой музеефикации историко-культурных объектов происходит в рамках нескольких направлений, отличающихся теоретическими основаниями и областью применения. Это — концепция уникальных исторических территорий или культурных ландшафтов, средовой и этноэкологический подходы. Рассмотрим их подробнее.

КОНЦЕПЦИЯ УНИКАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ) И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ПРАКТИКУ

Согласно базовому определению, уникальная историческая (историко-культурная) территория (УИТ, УИКТ) — это особый целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социокультурной среде находятся памятники истории и культуры исключительной ценности и значимости⁴⁰³. Сохранение территории на принципах УИТ предполагает мягкую музеефикацию масштабных историко-культурных и природных ландшафтов за счёт частичного ограничения хозяйственной деятельности и её направленного развития в соответствии с целями стратегического планирования. Основные организационно-правовые формы УИТ — музеи-заповедники или особо охраняемые природные территории (в первую очередь, национальные парки).

Данная методика, предлагающая новую форму сохранения и бытования наследия как части оберегаемого культурного ландшафта, начала складываться в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Принципы создания УИТ, как подчёркивает С. И. Сотникова, согласуются с ключевыми положениями экомузеологии («новой музеологии»)⁴⁰⁴. Напомним, что это движение, основанное на опыте организации европейских и американских экомузеев (интегриро-

⁴⁰³ Шульгин П. М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории // Тезисы докладов II Междунар. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. — М., 1992. — С. 25–26.

⁴⁰⁴ Сотникова С. И. Музеология... С. 148, 151.

ванных, рассредоточенных музеев)⁴⁰⁵, призывало к пересмотру целей и миссии музейного строительства, перенося акценты с сохранения коллекций на проблемы регионального развития. Данный подход актуален и для уникальных исторических территорий, выступающих российскими аналогами экомузеев⁴⁰⁶. В то же время концепция УИТ обладает чертами, обусловленными её генезисом в российской культуре и науке.

Возникновение методики сохранения наследия на принципах УИТ связано с разработкой программ возрождения историко-культурных комплексов Соловецких островов и Валаамского архипелага. Она осуществлялась на рубеже 1980–1990-х гг. Советским (Российским) фондом культуры, созданным академиком Д. С. Лихачёвым. Предложенная в результате междисциплинарных экспедиций концепция базировалась на идее сохранения и развития этих территорий как целостных, рассредоточенных живых музеев⁴⁰⁷. Данный принцип оказался не менее перспективным в отношении

⁴⁰⁵ Экомузей — это особая триединая модель музея (Человека, Истории и Природы), сформировавшаяся во Франции в 1970-е гг. Автором концепции экомузея является Ж. А. Ривьер; термин «экомузей» был предложен Ю. де Варином. Наибольшее распространение экомузеи получили во Франции, Канаде и Латинской Америке. Как синонимы используются понятия «рассредоточенный музей», «интегрированный музей», «общинный музей». Главной отличительной чертой подобных учреждений, которые могут существовать в различных организационно-правовых формах, имеющих свою национальную специфику, выступает особый характер взаимодействия с местным населением. Именно местные жители, согласно концепции, становятся главными владельцами и сотрудниками подобного музея. Они осуществляют хранение историко-культурного и природного наследия в контексте своей повседневной деятельности. Музейные специалисты выполняют роль профессионалов-кураторов. См. подробнее об экомузеях: *Ривьер Ж. А.* Эволюционное определение экомузея // *MUSEUM.* — 1985. — № 148. — С. 2–3; *Варин Ю.* Термин и его значение // Там же. С. 5; *Хадсон К.* Влиятельные музеи / [Пер. с англ. Л. Мотылева]. — Новосибирск, 2001. — С. 143–146; *Куклинова И. А.* Экомузей — музей времени и пространства: западноевропейский образец и восточная модель // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — Т. 190. — С. 263–269.

⁴⁰⁶ Сотникова С. И. Музеология... С. 164.

⁴⁰⁷ Там же. С. 148.

других комплексных объектов — усадеб, городов, исторических поселений. Создание подобных программ культурного и социального развития требовало грандиозных по объёму научных исследований, определения нормативных и организационных основ, подготовки методики воплощения концепции в жизнь. Поэтому координация этой деятельности была возложена на Институт Наследия (ныне — Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва), организованный в 1992 г. Методологической основой деятельности института и разрабатываемой им концепции сохранения наследия стало учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва. Поэтому, не стремясь к его всестороннему изложению, напомним основные идеи.

В рассуждениях учёного получила обоснование неразрывность природного и культурного компонентов в сохранении наследия и, в целом, в мировосприятии человека. Лихачёв писал: «в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культурной»⁴⁰⁸.

Для Д. С. Лихачёва главным отличием культуры от природы была принципиальная невозможность восстановления исторического памятника: «До известных пределов утраты в природе восстановимы. <...> Природа при этом сама помогает человеку, ибо она “живая”. <...> Иначе обстоит дело с памятниками культуры. <...> Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно»⁴⁰⁹. В концепции учёного культурные памятники выступают фактической связью между прошлым и будущим: «Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилом прекрасного. Он учится уважению к предкам, чувству долга перед потомками»⁴¹⁰. Поэтому уничтожение памятника в физическом

⁴⁰⁸ Экология культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Л., 1985. — С. 51.

⁴⁰⁹ Там же. С. 62.

⁴¹⁰ Там же. С. 50.

или эстетическом аспекте — это преступление против культурной экологии, нарушающее «нравственную оседлость людей», и тем самым — убивающее их.

Учёный постулирует: историко-культурное наследие нельзя защитить табличкой «Охраняется государством», а культурную экологию — смешивать «с наукой реставрации и сохранения отдельных памятников». Культурное прошлое страны необходимо воспринимать «не по частям, как повелось, а в его целом». Результатом взаимодействия природного и социального, прошлого и настоящего является сложившийся исторический ландшафт русских городов и сёл. А поэтому Лихачёв призывает: «хранить памятник и ландшафт нужно вместе, а не раздельно. Вместе, в гармоническом их сочетании, они входят в душу человека, обогащая его представления о прекрасном»⁴¹¹.

Следует ещё раз отметить, что хранение в данном случае понимается в самом широком значении, не сводящимся к привычной «охране» или «ограждению». Мало «платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной». Поэтому «речь должна идти не только о том, чтобы сохранить самый характер местности, “ее лица необщее выражение”, архитектурный и природный ландшафт». Важно, чтобы «новое» меньше противостояло «старому». Это касается как строительства, которое Д. С. Лихачёв призывал увязывать с историей градостроения и сложившимися национальными принципами организации пространства, так и сохранения «бытовых навыков народа». Вместе с тем, критикуя «механическое подражание... отмершему», учёный настаивал на «творческом следовании традиции», на поиске «живого в старом»⁴¹².

Теоретическим и практическим инструментом, воплощающим отдельные принципы экологии культуры, стала концепция культурных ландшафтов (или УИТ), разрабатываемая Институтом Наследия в 1990–2000-е гг. В этой концепции, кроме того, нашли выражение общемировые тенденции в области охраны ценных тер-

⁴¹¹ Там же. С. 51.

⁴¹² Экология культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Л., 1985. — С. 52–58.

риторий, определённые руководящими документами ЮНЕСКО по применению Конвенции о всемирном наследии. В начале 1990-х гг. Ю. А. Ведениным и П. М. Шульгиным были сформулированы базовые принципы новой стратегии сохранения и использования наследия:

- широкое понимание категории «наследие», не ограниченного только движимыми и недвижимыми памятниками истории, культуры и природы, а включающего живую народную культуру, природное окружение, традиционные ценности, ремёсла, промыслы, технологии, формы природопользования и др.;
- представление о наследии как системе, в которой отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом;
- определение территории с многообразием присущих ей элементов наследия как основного объекта государственной охраны;
- понимание деятельности по сохранению наследия как органической части современных социокультурных и экономических процессов⁴¹³.

Данные принципы оказали ощутимое влияние на развитие музейной и природоохранной деятельности в постсоветской России, в том числе на современные представления о формах «живого музея». В дальнейших исследованиях авторского коллектива проводилась разработка базового понятия «культурный ландшафт» и его информационной парадигмы (Ю. А. Веденин, В. Н. Калуцков, М. Е. Кулешова, Б. Б. Родоман и др.)⁴¹⁴, программ возрождения

⁴¹³ См.: Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. — 1992. — № 3. — С. 90–99; Шульгин П. М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории... С. 18–32.

⁴¹⁴ Например, см.: Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. географическая. — 2001. — № 1. — С. 7–14; Веденин Ю. А. Концепция культурного ландшафта как основа формирования системы особо охраняемых территорий // Материалы третьей научно-практической конференции «Экологиче-

и развития УИТ с разной спецификой (Г. А. Зайцева, П. М. Шульгин и др.)⁴¹⁵, принципов управления культурными ландшафтами (Г. А. Зайцева, М. Е. Кулешова, В. П. Столяров и др.)⁴¹⁶, основных подходов к культурно-ландшафтному зонированию (Д. В. Тормосов, Р. Ф. Туровский и др.)⁴¹⁷ и т. д. В области нормативной базы был разработан проект закона о музеях-заповедниках, а также Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников

ские проблемы сохранения исторического и культурного наследия». — М., 1999. — С. 6–19; *Веденин Ю. А. Роль информации при формировании культурного ландшафта на охраняемых историко-культурных территориях // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия : материалы седьмой всерос. науч. конф.* — М., 2003. — С. 5–20; *Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтования : учеб. пособие.* — М., 2000. — 96 с.

⁴¹⁵ Например, см.: *Зайцева Г. А., Некрасов Р. М. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник.* — Вып. 5. — М., 1999. — С. 3–9; *Кулешова М. Е. Монастырский культурный ландшафт: закономерности формирования (на примере о. Анзер Соловецкого архипелага) // Материалы сферы культуры : научно-информационный сб. / РГБ, Информкультура.* — 1997. — Вып. 2: Монастыри — культурные центры Отечества. — С. 20–30; *Горбунов А. В. Предмет охраны и пути сохранения культурного ландшафта Бородинского поля // Культурный ландшафт как объект наследия.* — М. ; СПб., 2004. — С. 503–531; *Шульгин П. М. Перспективы создания природного парка «Пунси» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Болота и люди : материалы междунар. семинара.* — М., 2000. — С. 193–204.

⁴¹⁶ Например, см.: *Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами / [Э. Гаукстад, Э. Моен (Норвегия), М. Кулешова, В. Столяров (Россия)].* — М. ; Осло, 1999. — 96 с.; *Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках.* — М., 2002. — 46 с.; *Зайцева Г. А. Управление культурными и экологическими проектами музеев-заповедников: особенности, проблемы, перспективы // Материалы пятой Всероссийской научной конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия».* — М., 2001. — С. 40–45.

⁴¹⁷ Например, см.: *Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России.* — М., 1998. — 208 с.; *Веденин Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия...* С. 338–382; *Веденин Ю. А., Тормосов Д. В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Там же.* С. 425–445.

в Российской Федерации⁴¹⁸. Отдельные принципы культурно-ландшафтного подхода нашли отражение в определении музеев-заповедников и целей их работы, которое было включено в 2011 г. в федеральный закон № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ст. 26.1)⁴¹⁹.

Перспективность культурно-ландшафтного подхода в музейном развитии подтверждается опытом крупнейших музеев-заповедников, которые всё более сближаются в принципах своей работы с зарубежными экомузеями⁴²⁰. Ярчайший пример развития территории музея-заповедника на принципах УИТ — Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Коренной перелом в деятельности учреждения произошёл во второй половине 1990х гг., когда была разработана новая концепция сохранения и развития территории. Она предполагала воссоздание «живой, действующей» усадьбы, «с ее естественным образом жизни»⁴²¹. Решение данной задачи потребовало расширения музея за счёт «исторически обусловленных территорий, связанных с усадебными сельскохозяйственными угодьями». Включение деревень Ясная Поляна, Грумант и Кочаки в зону влияния заповедника позволило сохранить «не только исто-

⁴¹⁸ Веденин Ю. А., Шульгин П. М., Штеле О. Е., Зайцева Г. А. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Экологические проблемы развития музеев-заповедников : материалы десятой всерос. науч. конф. — М., 2008. — С. 5–34.

⁴¹⁹ Федер. закон от 23.02.2011 № 19-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110917/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 06.09.2025).

⁴²⁰ Эта тенденция отмечается разными исследователями, например, см.: Поляков Т. П. Актуальные проблемы, методы, технологии и тенденции развития экспозиционной деятельности отечественных музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»... С. 34.

⁴²¹ Шульгин П. М. Ясная Поляна: опыт использования историко-культурного наследия // Россия и современный мир. — 2005. — № 3 (48). — С. 235–240.

рический ландшафт и усадебный парк, но и обеспечить традиционный для толстовской усадьбы тип землепользования»⁴²². Были возрождены яблоневые сады и прудовое хозяйство, пасеки и конный двор, система лугов и покосов, а также другие формы усадебного природопользования. Не менее важное направление работы музея-заповедника выражалось в формировании целой сети филиалов в культурно-исторических местах Тульской области, ассоциирующихся с именем Л. Н. Толстого — в Никольском-Вяземском, Пирогове, Покровском, Мансурове, Туле и на станции Козлова Засека.

Можно привести ещё несколько примеров, в частности, «Куликово Поле» или «Шушенское», но в общем срезе данный подход является в музеях-заповедниках, пока что, исключением. Это может объясняться разными причинами, но одной из наиболее весомых выступает то, что далеко не все стратегические приоритеты, сформулированные в законе (воссоздание исторически сложившихся видов деятельности, ремёсел, традиций хозяйствования и природопользования и др.)⁴²³, отражаются на показателях текущего музейного планирования и государственном задании музеев-заповедников. В этих условиях работа с территорией неизбежно воспринимается учреждениями как второстепенная⁴²⁴.

Большое влияние идеи культурно-ландшафтного подхода оказали на современное развитие российских национальных парков.

⁴²² Там же.

⁴²³ Ст. 26.1. Музеи-заповедники // Федер. закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) / КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ca87cfdf187048d9e8949248e19b6b9273a38778/ (дата обращения: 06.09.2025).

⁴²⁴ Данная проблема актуальна, например, для музея-заповедника «Горки Ленинские». См. подробнее работы автора: Зотова Т. А. Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга // Культурное наследие России. — 2019. — № 4 (27). — С. 62–68; Зотова Т. А. Экспозиционная деятельность музеев-заповедников как форма культурного брендинга // Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы брендингования территорий : Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. — М., 2022. — С. 31–51.

В этом плане наиболее показательным примером является деятельность Кенозерского национального парка, где принципы мягкой музеефикации нашли разное воплощение. Отличительной чертой данной охраняемой территории является широкое разнообразие музейных экспозиций, созданных с использованием актуальных музейных технологий. Среди них и экологические музеи, включающие самые настоящие «живые» подразделения (ЭКОмузей, ЭКО-ферма «Мезенка»), и историко-культурные объекты, функционирующие в различных «живых» форматах — от открытого хранения до музеев-библиотек (музей «В Начале было Слово», «Амбарный ряд», Зехновская мукомольня, «Кабинет учёного» и др.). На территории нацпарка работают экологические тропы и интерактивные зоны, да и в целом она воспринимается как масштабный живой музей деревянного зодчества. Однако главным достоянием нацпарка являются его жители — хранители материального и нематериального наследия Кенозерья.

Кенозерский национальный парк первым в России пошёл по пути реализации идеи устойчивого жизнеобеспечения местного населения⁴²⁵. Главный стратегический принцип гласит: «Кенозерская деревня должна жить, а не выживать»⁴²⁶. Местное население предлагает широкий ассортимент услуг для туристов благодаря кураторской поддержке парка. Администрация способствует развитию и распространению этих практик и устраивает регулярные площадки, где желающие обучаются ремёслам, осваивают бизнес-опыт, учатся планировать и реализовывать свои идеи, знакомятся с успешным опытом жителей других районов области и регионов России. В настоящее время в исторических поселениях Кенозерья функционирует 27 частных гостевых домов, и лучшие из них получают знак качества национального парка. Здесь рабо-

⁴²⁵ Шатковская Е. Ф., Мелютина М. Н. «Заповеданное Кенозерье» в научном и личном пространстве Ю. А. Веденина // В фокусе наследия : Сб. статей. — М., 2017. — С. 577–594.

⁴²⁶ Сельский туризм в Кенозерье // Кенозерский национальный парк [официальный сайт]. — URL: <http://www.kenozero.ru/mestnym-zhitelyam/mestnym-zhitelyam/vozmozhnosti-dlya-razvitiya/selskiy-turizm-v-kenozere/> (дата обращения: 16.05.2025).

тает несколько школ юных экскурсоводов и плотников для местных детей и подростков, которые на практике осваивают и своё наследие, и профессиональные навыки. Наконец, местные жители проводят разнообразные мастер-классы (по берестоплетению, войлокованию, ткачеству, традиционной выпечке и т. п.) и помимо того, изготавливают сувенирную продукцию для национального парка⁴²⁷.

Важно отметить, что в 2024 г. объект «Культурный ландшафт Кенозерья» был внесен в Список всемирного наследия. Управление объектом всемирного наследия осуществляет Кенозерский национальный парк, который плотно сотрудничал с современным Институтом Наследия при подготовке номинации и на этапе рассмотрения документации⁴²⁸.

Завершая рассказ о культурно-ландшафтном подходе, следует отметить, что идеи мягкой музеефикации ландшафтов в наибольшей степени выражены в таких типах УИТ⁴²⁹, как:

- монастырские комплексы; они совмещают в себе действующие храмы (живые музеи), комплексные историко-архитектурные и природные музеи-заповедники (музейные коллекции и привычные музейные услуги) и особо охраняемые природные территории (ведущие учёт живых ландшафтов, формирование экологических троп и т. п.); примеры подобных объектов — Валаамский и Соловецкий Спасо-Преображенский монастыри, возрождение территорий которых связано с восстановлением монастырской системы землепользования, видов сельскохозяйственной специализации, промыслов, ремёсел и др. форм исторически сложившейся деятельности;

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Сергей Лавров поблагодарил Институт Наследия за номинацию «Культурный ландшафт Кенозерья» // Институт Наследия [официальный сайт]. 28.01.2025. — URL: https://heritage-institute.ru/?tribe_events=sergej-lavrov-poblagodaril-institut-naslediya-za-nominacziyu-kulturnyj-landshaft-kenozeryua (дата обращения: 01.11.2025).

⁴²⁹ Используется классификация УИТ С. И. Сотниковой. См.: Сотникова С. И. Музеология... С. 151–165.

- усадебные ландшафты (комплексы); как было показано выше, основным субъектом развития УИТ становится музей-заповедник или музей-усадьба, превращающийся в «живой музей»; он берёт на себя функцию центра социального и хозяйственного развития, обеспечивает проведение необходимых сельскохозяйственных работ в имении и постепенно осваивает прилегающие территории; наиболее яркий пример — музей-заповедник «Ясная Поляна», проводящий актуализацию всего «толстовского пространства» Тульской области;
- малые исторические города, которые в долгосрочном планировании имеют перспективу превращения в живые города-музеи; программа возрождения таких территорий на принципах УИТ включает рекомендации по стратегии дальнейшего развития хозяйства, переориентации городской экономики на культурно-туристский сектор; примеры — Сузdalь (Владимирская обл.), Верхотурье (Свердловская обл.), Каргополь (Архангельская обл.), Ялуторовск (Тюменская обл.) и др.;
- исторические сельские поселения, сохранившие свой планировочный и архитектурный облик, традиционный уклад жизни; принципы развития подобных территорий, как УИТ, сосредоточены на создании таких условий хозяйственной и культурной жизни, которые будут способствовать осёдлости её коренного населения; при создании музея-заповедника или природной охранной территории не происходит изъятия у землепользователей земельных участков, но накладываются ограничения на строительную и хозяйственную деятельность; примеры — живой музей-село Кижма (Архангельская обл., Мезенский р-н), музей-заповедник «Остров-град Свияжск» (Татарстан) и др.;
- этноэкологические (исторические) районы проживания малочисленных народов (на Севере и Северо-Востоке России); подобные «живые музеи» существуют в формате ООПТ (национального парка), основу которого составляют археологические свидетельства, живописные ландшафты, памят-

ники природы, имеющие сакральный смысл в контексте традиционных верований коренного населения; пример — Национальный парк «Беренгия» (Чукотка).

СРЕДОВОЙ ПОДХОД (ТРАКТОВКА М. Е. КАУЛЕН)

В 1990-е гг. в российском музееведении начали складываться ещё два современных подхода к сохранению историко-культурного наследия, близких в некотором плане концепций культурных ландшафтов. Это средовой подход в формулировке М. Е. Каулен и этно-экологический подход в трактовке В. М. Кимеева. В центре их внимания — проблемы, перспективы и тенденции развития музеев под открытым небом, в особенности архитектурно-этнографических музеев и музеев народного быта. Принцип мягкой музеефикации здесь играет важную, но вспомогательную роль — он используется для создания отдельных «живых» историко-функциональных объектов, которые в динамичной форме представляют бытовые аспекты народной и городской культуры. Рассмотрим подробнее данные подходы.

В работах М. Е. Каулен центральное место занимает понятие «средовой музей». Оно используется для обозначения современных музеиных и туристских объектов, стремящихся к воссозданию и демонстрации историко-культурной среды, в том числе музеев-заповедников, УИТ и др. Теоретической основой данной концепции, разработанной в Российском институте культурологии, стала типология музеев по признаку хранимого и презентируемого наследия Д. А. Равикович (1987)⁴³⁰. Факторической основой концепции средового подхода стала практика «оживления» этнографических экспозиций, сложившаяся в музеях под открытым небом в 1980–1990-е гг. Отталкиваясь от этих материалов, М. Каулен был высказан тезис, что к концу XX в. сформировался новый тип музей-

⁴³⁰ Данная типология предполагает деление музеев на учреждения, образованные на основе коллекции («коллекционные») и на основе архитектурного ансамбля («ансамблевые»). См.: Равикович Д. А. Социальные функции и типология музеев // Музееведение: Вопр. теории и методики. — М., 1988. — С. 19.

ного учреждения — средовой музей, который преодолевает ограниченность традиционных коллекционных и ансамблевых музеев и осуществляет музеефикацию историко-культурной среды со всеми составляющими её объектами и взаимосвязями между ними⁴³¹.

Концептуализации понятия «средовой музей» был посвящён ряд публикаций М. Е. Каулен в 2000-е гг. Однако лучше понять специфику предложенного музееведом средового подхода можно обратившись к её первым статьям. В частности, к статье 1991 г., излагающей авторскую концепцию музеефикации территории Коломенского (Москва). Представляя основные положения разработанного проекта, Каулен говорит, что этот музей под открытым небом необходимо формировать, используя «музейно-образный метод»⁴³². Исходя из этого, территория заповедника должна рассматриваться как «единий экспозиционный комплекс» или «непрерывная система экспозиций», каждая из которых реконструирует определённую совокупность явлений культуры, характеризующих Коломенское на одном из этапов его исторического развития. Среди

⁴³¹ Приведём авторское определение полностью: средовой музей — это музей, деятельность которого основывается главным образом на музеефикации историко-культурной и/или природной среды со всеми составляющими её движимыми, недвижимыми и нематериальными объектами и существующими между ними взаимосвязями, а также с участием людей, населяющих территорию. См.: Каулен М. Е. Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития... С. 38.

⁴³² Музейно-образный метод проектирования экспозиции предполагает художественную интерпретацию историко-культурных явлений, актуализируемых в музейном пространстве. Он выражается в создании экспозиционно-художественного образа (системы образов), выявляющих символическое значение демонстрируемых музейных предметов (объектов). Родоначальником данного подхода стал архитектор и художник, основатель Сенежской экспериментально-учебной студии Е. А. Розенблюм. Название метода было предложено директором Центрального музея революции СССР Ф. Г. Кротовым. Концептуализацией этого подхода занимается Т. П. Поляков; подробнее о музейно-образном методе см.: Розенблюм Е. А. Искусство экспозиции // Музейное дело в СССР. [Вып. 13]. — М., 1983. — С. 23–29; Кротов Ф. Г. О задачах совершенствования экспозиций исторических и краеведческих музеев // Там же. С. 9–10; Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М., 2018. — С. 34–39.

них, например, экспозиционные зоны «Парк XIX века» («реставрация парка 1825 года» и проведение концертов «светской музыки XVIII–XIX вв.»), «История садоводства на Руси» («где должен быть реконструирован видовой и сортовой состав сада и “Аптекарского огородника”»), «Купеческая усадьба XIX века» (с «лавкой» для продажи сувениров по подобию торговых заведений конца XIX столетия), «Этнографическая деревня» (восстанавливающая планировку с. Дьяково на XVIII в.), «Город мастеров» (реконструкция с. Коломенское на конец XIX — начало XX вв. и организация культурно-образовательных студий на этнографическую тематику) и т. п.

Интересно, что раскрытие темы в каждой экспозиционной зоне планировалось осуществлять на трёх уровнях — за счёт исторической территории, предметной экспозиции и «характерных форм действия» (демонстрации обрядов, ремёсел, театрализованного действия и т. д.). Предполагалось, что в сочетании тем и разных уровней актуализации будет создаваться цельный и максимально убедительный «образ Коломенского как культурно-исторического феномена»⁴³³.

Подобная образность и неизбежная условность станут характерной чертой музеиных учреждений, тяготеющих к концепции средового подхода. Однако в более поздних публикациях М. Е. Каулен понятие «образ», принципиально важное в данном контексте, будет заменяться. На смену ему придёт другое — историко-культурная среда, которая будет пониматься как «явление актуальной культуры», «территориально-локализованное предметно-пространственное и природное окружение, сочетающее уникальные и традиционные объекты культурного и природного наследия, используемые в соответствии с современными потребностями общества»⁴³⁴. Согласно концепции М. Каулен, это окружение возникает вокруг ансамблевых музеев под влиянием широкой трактовки категории

⁴³³ Каулен М. Е. Музей-заповедник как единый экспозиционный комплекс (на материале концепции музеефикации территории и памятников музея-заповедника «Коломенское») // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. — М., 1991. — С. 168–172.

⁴³⁴ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России... С. 395.

«наследие» и способствует созданию здесь особых материальных и духовных условий «для существования и деятельности человека, формирования и развития личности в обстановке преемственности исторических и современных контекстов культуры»⁴³⁵.

Словом, в отличие от концепции УИТ, обращённой к проблемам возрождения исторических территорий, средовой подход М. Е. Каулен направлен на разработку новой модели музеев под открытым небом. Исторические прообразы средового подхода, определяемые автором, также подтверждают этот «музеецентричный» взгляд. Среди них не только религиозно-философские проекты Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, но и концепция «полезного музея» Дж. К. Даны (John Cotton Dana). К слову, в работах М. Каулен отмечается, что именно он первым использовал термин «живой музей» — в 1917 г.⁴³⁶

Считается, что Дж. Даны предвосхитил идею экомузея, использующего историко-культурное наследие для решения социальных и экономических проблем современности⁴³⁷. Но всё же вопросы социальных функций музеев он рассматривал несколько в другом ключе. На рубеже 1910–1920-х гг. основатель музея в Ньюарке (Нью-Джерси, США) подготовил ряд небольших изданий, объединённых в «Новую музейную серию»⁴³⁸, в которых предложил свою прагматичную музейную концепцию. Вкратце она гласит: современному городу не нужен старый музей с его бесконечными ряда-

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России... С. 45.

⁴³⁷ Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каулен, А. А. Сундисева, И. В. Чувилова и др. // Музей. — 2009. — № 5. — С. 51.

⁴³⁸ Данная серия включает четыре пособия Дж. К. Даны — «Новый музей» (1917), «Уныние музеев» (1917), «Установка громкоговорителя и сопутствующих экспонатов» (1918) и «Проект нового музея, приносящего пользу городу» (1920). См.: *John Cotton Dana. The Gloom of the Museum: No. 2 of the New Museum Series.* — Woodstock, Vermont, 1917. — 45 p.; *John Cotton Dana. Installation of a Speaker and Accompanying Exhibits: No. 3 of the New Museum Series.* — Woodstock, Vermont, 1917. — 25 p.; *John Cotton Dana. A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it will Profit a City to Maintain: No. 4 of the New Museum Series.* — Woodstock, Vermont, 1920. — 57 p.

ми витрин и бесполезными дорогими экспонатами; новый музей, приносящий пользу городу, будет похож на универсам, работники которого займутся изучением и представлением в экспозиции актуальных вещей. Такой музей сопоставит предметы городской промышленности с подобными вещами из разных времён, городов и стран, используя как оригиналы, так и копии, изображения. По мнению Дж. Даны, это превратит музей в средство ненавязчивого обучения, расширит знания простых людей о своём повседневном быте и работе, а также об образе жизни представителей других культур⁴³⁹. Именно такие «универсальные» музеи он будет называть «живыми», а остальные, в особенности художественные галереи, презрительно именовать «унылыми»⁴⁴⁰.

Данный исторический прообраз ещё раз подтверждает основную мысль: средовой подход М. Е. Каулен предложил новый путь музеиного развития. Схематически его можно изобразить следующим образом. Собрание ансамблевых музеев, при трансформации их в средовые, пополняется подлинными или достоверными объектами нематериального наследия (традициями)⁴⁴¹, а также их моделями, которые могут быть имитативными или экспериментальными (научными)⁴⁴². Эти нематериальные объекты и их модели, представленные в пространстве историко-культурных и природных ансамблей (в подлинной или достоверной материальной среде), формируют «живые экспозиции» (или, иными словами, «ожившие экспозиции»). Их динамичный характер обеспечивается за счёт

⁴³⁹ John Cotton Dana. A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it will Profit a City to Maintain: No. 4 of the New Museum Series. — Woodstock, Vermont, 1920. — P. 57.

⁴⁴⁰ См. подробнее о концепции Дж. Даны: Грицкевич В. П. История музеиного дела конца XVIII — начала XX вв. — СПб., 2007. — С. 192–193; Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты... С. 81–85.

⁴⁴¹ Согласно М. Каулен, представляемая в музее традиция обладает таким свойством, как подлинность, если она не прерывалась при переходе в музейное состояние; в случае, если традиции была утрачена, но детально воссоздана — она характеризуется достоверностью. См.: Каулен М. Е. Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития... С. 42.

⁴⁴² Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России... С. 74.

«связующих элементов» — объектов живой природы, реконструкций традиционных занятий, деятельности жителей-партнёров. Музейные качества подобных объектов определяются их средовой ценностью — возможностью обеспечить взаимосвязь подлинных и достоверных элементов⁴⁴³.

Один из наиболее известных примеров такой «живой экспозиции» — современный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» (Красноярский край). Его основу составляет центральная часть сибирского села конца XIX — начала XX в., связанная с пребыванием здесь в 1897–1900 гг. В. И. Ленина⁴⁴⁴. В учреждении с 1993 г. проводился ребрендинг, в результате которого музей-заповедник в целом отошёл от политической направленности⁴⁴⁵. Сегодня — это мемориал, связанный с жизнью и деятельностью основателя советского государства, но главным образом — место сохранения промыслов, старинных умений и традиций сибиряков. Посещая мемориальный комплекс, гости музея знакомятся с историческими технологиями и местными ремёслами. На постоянной основе в экспозиции работает несколько мастерских⁴⁴⁶. Во время проведения фольклорно-развлекательных и музейно-образовательных мероприятий функционируют дополнительные ремесленные площадки, где можно увидеть труд прядильщиц, резчиков и других мастеров (илл. 36–39). Наконец, сохранению и представлению духовных традиций сибиряков посвящена деятельность фольклорного ансамбля «Плетень» и этнографического театра. В этом сочетании

⁴⁴³ Там же. С. 90–93.

⁴⁴⁴ О структуре открытой экспозиции см. подробнее: Карпова Г. Н., Самохвалова К. С. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» // Символ науки. — 2016. — № 10–3. — С. 186–187.

⁴⁴⁵ См. подробнее: Зотова Т. А., Нельзина О. Ю. Особенности экспозиционно-выставочной деятельности современных музеев-заповедников: проблемы брендингования территории и пути их решения // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»... С. 271–277.

⁴⁴⁶ Например, в усадьбе крестьянина-середняка В. А. Зотова работает бондарная мастерская; в усадьбе Г. И. Контарева — ткацкая мастерская; в усадьбе Я. З. Петрова — гончарная мастерская.

уникального архитектурно-ландшафтного ансамбля, историко-бытовых предметных экспозиций и различных форм презентации традиционного образа жизни рождается феномен «ожившего» сибирского села рубежа XIX–XX вв.

К сожалению, достичнуть подобного эффекта получается далеко не в каждом ансамблевом музее. Одной из главных проблем реализации средового подхода становится нарушение тонкой грани между подлинными, достоверными и средовыми объектами в экспозиции, которое приводит к т. н. «шлягеризации наследия». В то же время нельзя не отметить значимость идей средового подхода в контексте распространения в России практик мягкой или частичной музеефикации. В концепции М. Е. Каулен эта форма музеефикации приобрела статус социокультурной технологии, способствующей сохранению принципа саморазвития объекта музейного показа (будь то памятник, ландшафт, традиция и т. д.)⁴⁴⁷. Средовой подход провозгласил: такой «живой музей» формируется за счёт функционального подхода — на основе историко-культурных объектов, «не изъятых или лишь частично изъятых из среды бытования», которые «продолжают выполнять свои изначальные функции в той или иной степени»⁴⁴⁸. Получившееся общественное пространство отличается изменчивым характером, например, в мемориальных зонах университета учатся новые студенты, в реконструированной усадьбе-гостинице живут новые гости, в охраняемом здании исторической аптеки продаются новые лекарства и т. д. Именно обновляющая связь с повседневными процессами способствует самовоспроизведению исторических традиций, то есть сохранению их «живыми».

В большинстве случаев подобные «живые музеи» не обладают официальным музейным статусом (то есть не имеют охраняемых государством коллекций, памятников, ансамблей), и поэтому объединяются в группу учреждений музейного типа. По мнению М. Е. Каулен, ориентиром для их развития выступают зарубежная модель экономмузея (economuseum) — музея-мастерской и открытого ре-

⁴⁴⁷ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России... С. 46.

⁴⁴⁸ Там же. С. 99.

месленного предприятия, совмещающего в своей деятельности сохранение культурных ценностей с их производством. Как отмечает Каулен, от традиционных музеев их отличает не только методика работы, но и коммерческий характер деятельности⁴⁴⁹. Такие музеи-мастерские в наибольшей степени развиты в Канаде⁴⁵⁰, а автором их концепции считается канадский архитектор, этнолог и музейный деятель С. Симард (Cyril Simard)⁴⁵¹. Главной задачей подобного учреждения является сохранение традиционных профессий и формирование культурно-туристического продукта на их основе.

Ярчайший пример современного российского экономузея — музей-фабрика «Коломенская пастила — музей истории со вкусом». Это частное учреждение музейного типа, расположенное в купеческой усадьбе Сурановых (Московская обл., Коломна). На фабрике производится три вида пастилы по старинным рецептам, которые продаются в местном и онлайн-магазине. Процесс их изготовления и реализации превращен в объект музейного показа — в усадьбе проводятся экскурсии, программы, мастер-классы и фестивали, в ходе которых гости узнают больше о традициях чаепития, о секретах изготовления пастилы, о вкусах и предпочтениях известных деятелей отечественной культуры⁴⁵².

⁴⁴⁹ Там же. С. 403.

⁴⁵⁰ Ориентируясь на зарубежные источники, можно сказать, что в Канаде действуют три сети экомузеев — в Квебеке, в Атлантической Канаде и в Британской Колумбии, с общим количеством около 45 учреждений. Существуют музеи-мастерские в Европе — на Фарерских островах, в Исландии, Швеции, Норвегии и Северной Ирландии. Они созданы в недавнем прошлом по программе экомузеев Северной периферии и Арктики (NPA), финансируемой Европейским союзом в 2008–2011, 2014–2020 гг. См.: *Economusee Network Society. 2025.* — URL: <https://artisansaloeuvre.com/en/economusee-network-society/> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴⁵¹ Свою модель экомузея он изложил в книге: *Cyril Simard. Économuséologie, comment rentabiliser une entreprise culturelle.* — Montréal, 1989. — 170 p. См. подробнее: *Marie Vaillancourt Laporte. Genèse de l'économuséologie // Material Culture Review.* — Vol. 80–81, 2014–2015. — P. 123–133. — URL: https://id.erudit.org/iderudit/mcr80_81art09 (дата обращения: 06.11.2025).

⁴⁵² Коломенская пастила — музей истории со вкусом [сайт]. — URL: <https://kolomnapastila.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).

Несмотря на отдельные примеры успешных economyseев, в России принцип мягкой музеефикации не так сильно связан с коммерческой деятельностью. Всё-таки наиболее оригинальные «живые» зоны создаются в контексте **музейно-мемориальных пространств**, а их разнообразие не сводится исключительно к ремесленным мастерским. К слову, в Шушенском роль масштабного «живого музея» выполняет Архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня» (2011) — музей-экогостища, расположенная на периферии исторического ландшафта⁴⁵³. Схожие практики мягкой музеефикации развиваются и в других музеиных учреждениях⁴⁵⁴. В частности, оригинальные музейные кафе, организованные по принципу «живого музея», работают в Центральном парке Вооруженных сил Российской Федерации «Патриот» (Московская обл.)⁴⁵⁵, а также в музее-заповеднике «Прохоровское поле» (Белгородская обл.)⁴⁵⁶. Широкую славу сыскали два «живых музея» мемориального музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» (Псковская обл.) — музей-мельница и музей-почта, открытые на территории д. Бугрово.

⁴⁵³ К услугам постояльцев открыты шесть этнографически наполненных крестьянских усадеб. Каждая из них воспроизводит внешний облик жилых и хозяйственных построек определённой крестьянской семьи, включает новоделы и исторические артефакты. См.: Новая деревня // Музей-заповедник «Шушенское» [официальный сайт]. — URL: <https://shush.ru/newvillage/> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴⁵⁴ Данный вопрос рассматривался автором в статье: Зотова Т. А. Экспозиционные технологии «живого музея» как динамичная форма реконструкции исторически сложившихся видов деятельности // Культурное наследие России. — 2022. — № 2 (37). — С. 66–73.

⁴⁵⁵ Наиболее оригинальные обеденные зоны созданы в Партизанской деревне, где в одном из блиндажей работает Полевая кухня, а также организована костровая зона с горячим самоваром. См.: Партизанская деревня // ЦВППКиО ВСРФ «Патриот» [официальный сайт]. — URL: <https://parkpatriot.ru/obekty/partizanskaya-derevnya/> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴⁵⁶ В музее-заповеднике работает тематическое кафе «Блиндаж», расположенное в стилизованном павильоне; основу его меню составляют каши, сало, серый хлеб и соленья, а в сервировке используется солдатская посуда. См.: Кафе // Музей-заповедник «Прохоровское поле» [официальный сайт]. — URL: <https://prokhorovskoe-pole.ru/kafe> (дата обращения: 19.09.2025).

во⁴⁵⁷. Наконец, наиболее удивительные примеры музеефикации исторических традиций, переосмысляющих их и способствующих их возрождению, были предложены литературно-мемориальным музеем-заповедником А. П. Чехова «Мелихово» (Московская обл.). Это — музей-поликлиника (экспозиция «Амбулаторія»), где в течение ряда лет располагался действующий фельдшерский пункт⁴⁵⁸, а также музей-метеопост⁴⁵⁹. Данные практики нуждаются в изучении, освещении и методическом сопровождении.

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕДОВОЙ ПОДХОД (ТРАКТОВКА В. М. КИМЕЕВА)

Реализация принципа мягкой музеефикации как перспективного направления деятельности музеев под открытым небом играло значительную роль в этноэкологической концепции доктора исторических наук В. М. Кимеева. Объектом его проектной и научной работы являлась сеть экомузеев и экомузеев-заповедников Кемеровской области, развитием которой этнограф и музейный деятель занимался в 1980–2010-е гг. В настоящее время реализация и освоение принципов этноэкологического (как синоним — средового) подхода производится его дочерью П. В. Абрамовой (Глушковой), а также другими сотрудниками Кемеровского государственного института культуры.

⁴⁵⁷ Музей-мельница — это реконструированная водяная мельница нач. XIX в., где демонстрируются принципы работы старинных механизмов. В музее-почте расположена небольшая тематическая экспозиция, проходят исторические мастер-классы, а также оказываются привычные почтовые услуги. См.: Музейный комплекс «Бугрово» // Музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» [официальный сайт]. — URL: <https://www.pushkinland.ru/2018/reserve/res4.php> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴⁵⁸ Экспозиция «Амбулаторія» открыта в бывшей людской и воссоздаёт кабинет земского врача кон. XIX в.; в кон. 2000-х — 2010-е гг. по соседству с ней вёл приём фельдшер. См.: Иванова И. На приём к доктору Чехову // Российская газета; RG.RU [сайт]. 28.07.2006. — URL: <https://rg.ru/2006/07/28/melihovo.html> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴⁵⁹ Включает действующий метеопост XX в. и автоматизированную станцию XXI в., в контексте которых проходят культурно-образовательные мероприятия. См.: Метеопост «Мелихово» [сайт]. — URL: <http://meteomelikhovo.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).

Можно сказать, что разработка проблемы возрождения этнокультурных традиций сибирских народов была смыслом жизни В. М. Кимеева⁴⁶⁰. Будучи специалистом по этнографии шорцев — коренного тюркоязычного народа Кузбасса, Кимеев стал одним из авторов концепции и первых организаторов экспозиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 1989–1991 гг. При его непосредственном участии на территории комплекса появилась этнографическая зона «Шорский улус Кезек», включающий транслоцированные и реконструированные постройки коренного народа Притомья. Примерно в это же время В. М. Кимеев увлёкся идеями экомузеологии и уже в 1991 г. предложил первый проект российского экомузея «Тазгол» в хорошо знакомой ему Горной Шории (п. Усть-Анзас, Таштагольский р-н). Следом появился ряд других проектов⁴⁶¹, опыт разработки которых был изложен Кимеевым в книгах «Экомузеология. Национальные экомузеи Кузбасса», «Экомузей Притомья в постиндустриальном обществе», в докторской диссертации⁴⁶² и статьях.

Критикуя псевдоохраные мероприятия в сфере культурного наследия⁴⁶³, В. М. Кимеев стремился переключить внимание обще-

⁴⁶⁰ Подробнее о жизни и работе В. М. Кимеева см.: *Абрамова П. В., Кимеева Т. И.* Роль В. М. Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». — 2021. — Вып. 13. — С. 41–49; *Китова Л. Ю.* Деятельность В. М. Кимеева на кафедре археологии Кемеровского государственного университета // Там же. С. 59–67.

⁴⁶¹ Проекты татарского экомузея «Калмаки» (1991, д. Юрты-Константиновы, Яшкинский р-н), музеев «Чолкой» (1992, с. Беково Беловский район), «Ишим» (1992, с. Ишим, Яйский р-н), «Русское село Брюханово» (1995, с. Красное, Ленинск-Кузнецкий р-н), «Тюльберский городок» (1998, Кемеровский р-н), историко-этнографического комплекса «Русские Притомья» (2010-е гг., Музей-заповедник «Томская Писаница») и др.

⁴⁶² Кимеев В. М., Афанасьев А. Г. Экомузеология: Нац. экомузеи Кузбасса. — Кемерово, 1996. — 135 с.: Кимеев В. М. Экомузей Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. — Томск, 2008. — 452 с.; Кимеев В. М. Экомузей Притомья и сохранение этнокультурного наследия: генезис, архитектоника, функции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2009. — 40 с.

⁴⁶³ Кимеев В. М. Экомузеи Притомья на рубеже XX–XXI веков // Вестник КемГУКИ. — 2014. — № 28. — С. 31–43.

ственности и профессионального сообщества на задачу сохранения реальных памятников материальной и нематериальной культуры народов Кузбасса, ещё бытующих в этнографических районах (то есть живых). Отталкиваясь от основных принципов экомузеологии, сформулированных Ж. А. Ривьером, Ю. Варином, Ф. Юбером, П. Мейером и другими «новыми музеологами», музеевед стремился предложить собственную триединую модель музея времени, пространства и деятельности человека.

Среди прочих разработок этнографа проект экомузея «Тазгол» (1991) стал наиболее успешным (илл. 40–43). Концепция предполагала создание рассредоточенного музея в поселке Усть-Анзас, где сохранились памятники истории и культуры шорцев, относящиеся к концу XIX — началу XX вв., а также формы традиционного образа жизни. Архитектурный проект (автор А. Г. Афанасьев) включал нескольких «живых» экспозиционных зон, интегрирующих вокруг себя этнографическое пространство поселения. Кратко охарактеризуем их.

Первая зона «Миссионерский стан» включала «живой музей» — дом священника, созданный в отреставрированном памятнике деревянной архитектуры (доме миссионера). В дополнение к нему были перевезены и реконструированы другие объекты — дом псаломщика, дом паштыка, амбар начала XX в., постройки для скота и огороды. Кроме того, в эту экспозиционную зону планировалось включить перевезённую Никольскую церковь из с. Жерново (Новокузнецкий р-н Кемеровской обл.), но сохранить её методом транслокации не удалось. Поэтому начались работы по реконструкции местной Троицкой церкви, утраченной в 1930-е гг. Данный объект также должен был использоваться по принципу мягкой музеефикации — как объект музейного показа и как действующая церковь. Однако строительство завершено не было.

Вторая экспозиционная группа — «Усадьба русского плотника Иванова». В неё вошли срубной жилой дом под четырёхскатной тёсовой крышей и амбары с галереей (подлинные постройки Усть-Анзаса), а также воссозданная срубная баня. Предполагалось, что данная усадьба будет «живым музеем», и в ней разместится гостевой дом для туристов.

Третья экспозиционная группа «Орехо-промышленный стан» была построена местным жителем В. Каргушкиным с соблюдением традиционных технологий. В экспозиции он воспроизвёл промысловый стан своей семьи, находящийся в тайге и используемый по прямому назначению.

Четвёртая экспозиционная группа, размещённая рядом с промысловой, была посвящена археологическому наследию местности. Здесь было реконструировано средневековое поселение литейщиков и кузнецов. Оно представляло результаты проведённых раскопок и демонстрировало летнее каркасное жилище «одаг», срубную кузницу, плавильные печи, яму для обжига древесного угля и т. п. Другой археологический объект, воссозданный поблизости, — погребение «Кайчак» кыргызского воина по обряду кремации.

В масштабную зону «живого музея» была превращена центральная улица посёлка и сохранившиеся сооружения золотоприиска, а также ближайший населённый пункт Кезек. В соответствии с принципом мягкой музеефикации постройки и предметы быта должны были сохранять свой исторический облик, но использоваться в повседневной жизни. Под руководством В. М. Кимеева производилось исследование и описание этих предметов, после чего они возвращались владельцам. Вместе с тем был издан документ, накладывающий запрет на передачу и продажу музейных артефактов сторонним лицам⁴⁶⁴.

Наконец, важной частью экспозиции стал охраняемый ландшафт и природные памятники — живописные скалы и Сагинский водопад. Нереализованной осталась реконструкция шорского улуса Тазгол на поляне между поселением литейщиков и промысловым станом. Позже на этом месте была обустроена площадка для шаманских камланий и других обрядов, которые проводились активистами общества «Таглыг-Шор»⁴⁶⁵.

Следует отметить, что, несмотря на реализацию основных положений концепции, главный принцип экомузея воплотить здесь не удалось. Надежды, возлагаемые на местных жителей как основных владельцев и сотрудников созданного музея, не оправдались.

⁴⁶⁴ Абрамова П. В., Кимеева Т. И. Роль В. М. Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе... С. 44–46.

⁴⁶⁵ Кимеев В. М. Экомузей Притомья на рубеже XX–XXI веков... С. 34–35.

Как отмечает П. В. Абрамова, «развитие экомузея наблюдалось, лишь пока специалисты поддерживали и направляли действия носителей традиции, привлекали их к сохранению собственной культуры»⁴⁶⁶. По её словам, не изменилась ситуация и после получения экомузеем статуса филиала музея-заповедника «Трёхречье». Туристический потенциал посёлка-музея по-прежнему остался нереализованным. Хозяйственная и культурная жизнь местного населения не рассматриваются как объекты музейного показа. Материальные памятники разрушаются, а традиции исчезают.

Другой подход предлагался В. М. Кимеевым при планировании музеев на основе археологических (палеоэтнографических) комплексов. Складывая воедино принципы проектирования зарубежных экомузеев и археологических музеев-заповедников, им была предложена модель этноэкологического музея-заповедника. Согласно авторскому определению, это — разновидность этнографического музея под открытым небом, в котором основные архитектурно-этнографические и археологические памятники восстанавливаются на первоначальном местонахождении в соответствующем природном окружении⁴⁶⁷.

Примером реализации данного подхода является проект экомузея-заповедника «Тюльберский городок», создаваемого с конца 1990-х гг. Основой музейного комплекса стало средневековое городище, датируемое X–XII вв. Как отмечают исследователи, оно носило культовый характер; древние жители края, тюльбера, не проживали постоянно в этом месте, а периодически посещали его с целью совершения языческих ритуалов⁴⁶⁸. При музеефикации памятника на отдельных участках использовался «реконструктивный метод»,

⁴⁶⁶ Абрамова П. В., Кимеева Т. И. Роль В. М. Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе... С. 46.

⁴⁶⁷ Кимеев В. М. Экомузеи-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Кузбасса // Экологические проблемы развития музеев-заповедников : материалы десятой всерос. науч. конф. — М., 2008. — С. 553.

⁴⁶⁸ Усепян Л. Х., Кимеев В. М. Средневековое ритуальное городище тюльберов — археологический памятник экомузея-заповедника «Тюльберский городок» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — 2013. — № 18–19. — С. 51–56.

были смоделированы оборонительный комплекс с земляным валом и воротами, плавильные печи под навесом и внутри воссозданной каркасной постройки, культовый жертвенник «таелга», шаманский чум и другие объекты. Вместе с тем многие памятники городища представлялись в «натурной консервации» для сохранения их первоначального облика⁴⁶⁹.

Вторая часть экспозиции под открытым небом, в соответствии с проектом, представляла собирательный образ сибирского казачьего острога XVII–XVIII вв. Тематически она была посвящена истории заселения края русскими, а в функциональном аспекте — расширяла туристско-рекреационные возможности музея. Острог должен был иметь шесть сторожевых башен (каждая — точная копия известных башен притомских крепостей), а также целый комплекс жилых, хозяйственных, общественных и культовых построек. Следует особо подчеркнуть, что данные объекты планировалось использовать для размещения традиционных экспозиций и музеев-гостиниц, ремесленных мастерских и др.

Для сохранения и актуализации природного наследия на территории проектируемого экомузея-заповедника были выделены особо охраняемые природные зоны. Это — «заповедный грибной лес», а также скальные выходы с береговыми террасами и оврагами, где распространены редкие виды рептилий и растений, занесённых в Красную книгу Кузбасса⁴⁷⁰. Кроме того, генеральный план предлагал моделирование других историко-этнографических зон, в том числе казачьей земли, речной пристани со струками и посада русских старожилов.

К сожалению, полностью реализовать проект не удалось. Были возведены четыре башни острога и сооружена казачья караульная изба. Идея «живого музея» также воплотилась лишь отчасти: кроме традиционных коллекционно-тематических экспозиций на территории крепости в течение ряда лет базировался учебно-научный центр Кемеровского государственного университета. Собственно, он принимал самое активное участие в создании музея, а после

⁴⁶⁹ Кимеев В. М. Экомузеи Притомья на рубеже XX–XXI веков... С. 37.

⁴⁷⁰ Там же. С. 38.

того — осуществлял мониторинг социокультурной и природной среды, проводил комплексные этноэкологические экспедиции по выявлению и изучению памятников историко-культурного и природного наследия⁴⁷¹.

Интересно, что примерно те же принципы мягкой музееификации в сочетании с реконструкцией были использованы при проектировании архитектурно-этнографического комплекса «Русские Притомья» в музее-заповеднике «Томская Писаница». Оно проводилось в 2010-е гг. при участии В. М. Кимеева. В соответствии с концепцией экспозиционное пространство комплекса, посвящённого русскому освоению края, должно строиться на сочетании подлинных образцов народной архитектуры (перевезённых памятников), исторических предметов культуры и быта, а также их реконструкций. В экспозиции планировалось три историко-этнографические группы: реконструкция Ясачного зимовья (прообраз — первые постройки томского города середины XVII в.); реконструкция Верхотомского острога (находившегося в 30 км от музея); «Сибирская деревня начала XX в.», включающая подлинные образцы народной архитектуры и их реконструкции.

Внутри крепостей, воссозданных по материалам археологических исследований, проектировались не только стационарные экспозиции с подлинными археологическими и этнографическими артефактами, но и объекты музейной инфраструктуры — кассы, магазины, точки питания и др.⁴⁷² Более того, часть новоделов предлагалось использовать как новый «входной узел» в музей-заповедник. Вместе с тем нельзя не отметить, что на данный проект оказала влияние и другая концепция средового подхода, рассмотренная

⁴⁷¹ К слову, схожий центр базировался на территории экомузея «Тазгол». См.: Кимеев В. М. Экомузеи-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Кузбасса... С. 556.

⁴⁷² Проект в стадии реализации. В 2023 г. открылась первая часть комплекса, названная «Сибирский острог». См.: Сивохина А. В музее-заповеднике «Томская Писаница» открылся необычный архитектурный комплекс // Региональное информационное агентство «Кузбасс» [сайт]. 26.05.2023. — URL: <https://kuzbass.media/2023/05/26/9684.html?ysclid=lvv45tqtzt96535102> (дата обращения: 01.09.2025).

нами ранее. Соавторы В. М. Кимеева, В. А. Каплунов и Л. А. Скрябина, опубликовавшие свой экспозиционный замысел в научной статье, писали, что территория архитектурно-этнографического комплекса «Русские Притомья» в целом должна восприниматься как масштабная интерактивная зона, или «живая экспозиция», рассказывающая о бытовой и праздничной культуре Притомья⁴⁷³.

Итак, В. М. Кимеев одним из первых в России начал активно использовать принцип мягкой музеефикации при формировании открытой музейной экспозиции. В разработанном им этноэкологическом подходе сложилось понимание «живого музея» как историко-бытовой и функциональной зоны, созданной в историческом памятнике, или его достоверной реконструкции, которая воспроизводит бытовавшие здесь процессы человеческой деятельности. В общей структуре музейных комплексов подобные зоны рассматривались этнографом одновременно в двух качествах — как объекты музейного показа и как действующие предприятия (учреждения), расширяющие познавательные и рекреационные возможности эко-музеев и экомузеев-заповедников.

Предложенная В. М. Кимеевым модель этноэкологического музея-заповедника стала прообразом отечественных исторических парков и музейно-парковых комплексов, создаваемых на основе технологий реконструкции и моделирования на периферии достопримечательных мест. В настоящее время такие парки, значительно расширяющие рекреационно-туристские ресурсы российских регионов, проектируются не только частными учреждениями (напр., Исторический парк «Белгородская черта»⁴⁷⁴), но и государствен-

⁴⁷³ Каплунов В. А., Скрябина Л. А. Архитектурный историко-этнографический комплекс «Русские Притомья» как новый социокультурный проект музея-заповедника «Томская Писаница» // Вестник КемГУКИ. — 2015. — № 32. — С. 57–64.

⁴⁷⁴ Исторический парк «Белгородская черта» — парк «живой истории», представляющий реконструкцию известного оборонительного сооружения. На территории комплекса находится три памятника археологии XVII в. — участки земляного вала, рва и городков, относившихся к Болховскому и Карповскому рубежам Белгородской черты. См.: Исторический парк «Белгородская черта» [официальный сайт]. — URL: <https://history-park.ru/?ysclid=lvv41bjw2e525702352> (дата обращения: 01.09.2025).

ными музеями-заповедниками. В том числе музеем-заповедником «Куликово поле», где планируется возведение парка реконструкций «Богатырская застава»⁴⁷⁵, островом-музеем «Кижи», разрабатывающим проект интерактивной «Экодеревни»⁴⁷⁶, музеем-заповедником «Горки Ленинские», рассматривающим возможность создания исторического парка «Земля Вятычей»⁴⁷⁷, и др.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Во второй главе рассматривались актуальные концепции и практики мягкой музеефикации историко-культурного и природного наследия России. Предпринята попытка сравнения и сопоставления наиболее влиятельных концептов, развивающих эту форму «живого музея», — концепции уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов), средового и этноэкологического подходов. Каждая из представленных методик имеет свои теоретические основания, область применения и перспективы развития.

Методологической основой концепции культурных ландшафтов (Институт Наследия, Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин и др.) является, в первую очередь, учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва.

⁴⁷⁵ Парк реконструкции «Богатырская застава» планируется построить в Музее-заповеднике «Куликово поле» к 2030 г. Согласно концепции развития он воссоздаст деревоземляную крепость с сопутствующим комплексом построек и объектов. См.: Концепция развития Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (в ред. 2016 г.) / Отв. ред. А. Н. Наумов. — Тула, 2017. — 96 с.

⁴⁷⁶ Обсуждались планы создания интерактивной зоны исторических реконструкций «Этнодеревня» в районе бывш. д. Нестерово, где посетители могли «окунуться» в особый уклад крестьянской жизни, принять участие в топке печей, приготовлении традиционных блюд, уходе за животными и др.

⁴⁷⁷ Планы по проектированию историко-тематического парка-музея «Земля Вятычей» вошли в концепцию развития музея 2019–2025 гг. В зоне исторической реконструкции планировалось создать условный образ столицы вятычей — таинственного города Вантит. См.: Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей-заповедник “Горки Ленинские”» до 2025 г. / [авторск. колл.]. — Горки Ленинские, 2019. — 143 с.

Разработанная комплексная методика сохранения памятников истории, культуры и природы, а также живой народной культуры, в формате УИТ (культурных ландшафтов) не предполагала их изъятия из хозяйственной деятельности человека, а наоборот, стремилась к включению их в современную экономику, активно используя инструменты стратегического планирования и направленного развития. Чаще всего подобные «живые музеи» — российские аналоги экомузеев — создаются в формате национального парка или музея-заповедника и стремятся к возрождению и поддержанию традиционного образа жизни. Сложность применения данной методики связана с масштабами научно-исследовательских и проектных работ. Но наиболее успешные примеры развития территории на принципах УИТ (музей-усадьба «Ясная Поляна», Кенозерский парк), свидетельствуют об эффективности и перспективности такого подхода с точки зрения социального маркетинга.

Концепция средового подхода М. Е. Каулен предложила новую модель развития для ансамблевых музеев (музеев под открытым небом). Широкое понимание категории «наследие» вовлекло в зону влияния этих музеев не только памятники истории, культуры и природы, но и традиции народного и городского образа жизни. Средовой подход в трактовке Каулен направлен на превращение традиций, потерявших способность к самовоспроизведению в культуре, в объекты музейного показа, которые представляются в «живых» (или «оживших») экспозициях. Мягкая музеефикация в концепции М. Каулен понимается как технология, поддерживающая самовоспроизведение культурной традиции, которая активизируется в случае сохранения связи историко-культурного объекта с повседневными процессами. Теоретической основой данного концепта являются музейно-философские проекты Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, а также теория полезного музея Дж. К. Даны. Практическим ориентиром для развития «живых музеев» определяется модель экономузея С. Симарда, то есть музея-мастерской или открытого ремесленного предприятия, сохраняющего культурные ценности через их производство. В российской практике организации подобных музейно-производственных объектов происходит, как правило, в музеях под открытым небом. В связи с этим перспек-

тивы распространения данной методики связаны с обоснованием и развитием принципов мягкой музеефикации как одного из направлений основной деятельности музеев.

Широкую апробацию практики мягкой музеефикации получили в проектах, составляющих основу этноэкологического (средового) подхода В. М. Кимеева. Данная концепция опирается на идеи экомузеологии, сформулированные Ж. А. Ривьером, Ю. Варином, П. Мейером и др. зарубежными «новыми музеологами». В центре внимания проектной и методической деятельности В. М. Кимеева была проблема сохранения этнокультуры Притомья. Разработанные проекты предполагали создание рассредоточенных музеев на основе посёлков и деревень, где поддерживается традиционный образ жизни и находятся отдельные историко-культурные памятники. Большую роль в таких экомузеях играли музейно-экспозиционные объекты, организуемые в формате «живых музеев», то есть одновременно являющиеся объектами музейного показа и действующими учреждениями (храмы, гостевые дома и др.). Для освоения археологического наследия В. М. Кимеевым была разработана модель этноэкологического музея-заповедника (екомузея-заповедника), активно использующего зоны историко-культурной реконструкции для расширения своих туристско-рекреационных возможностей. Данная модель, в несколько изменённом виде, актуальна сегодня как для частных исторических парков, так и для государственных музеев-заповедников, нуждающихся в формировании зон мягкой музеефикации («живого музея») на своей территории.

ГЛАВА 3.

«Живой музей» как иммерсивная технология организации музейной экспозиции

Наибольшее внимание концептуализации практик «живого музея» на современном этапе уделяется в научных, методических и проектных работах Т. П. Полякова, посвящённых теории, истории и методике организации музейной экспозиции. Проблематика «живого музея» занимает значительное место в разработанной им

классификации принципов, приёмов и средств экспозиционного проектирования. Кратко обозначим, что данная классификация включает два уровня систематизации: на первом уровне, отталкиваясь от целей создания экспозиции, автором определяются экспозиционные методы (коллекционный, ансамблевый, иллюстративно-тематический, музейно-образный, образно-сюжетный или художественно-мифологический); на втором уровне, основываясь на специфике поставленных задач, выделяются экспозиционные технологии (традиционные технологии, технологии «музейного натюрморта», технологии экспозиционного сюжета, технологии витрины-образа, электронные технологии, технологии «живого музея»). Следует добавить, что три последние разновидности экспозиционных технологий объединяются Т. П. Поляковым в группу иммерсивных технологий проектирования экспозиционного пространства. Это связано с их общим свойством — способностью активизировать у посетителя чувственное восприятие экспозиции и вызывать ощущение «погружения» в музейно-историческую среду. Вместе с тем, предостерегая коллег от иллюзий полного восстановления историко-культурных явлений в музейном пространстве (невозможного априори), музевед призывает к сохранению условности, избеганию прямого натурализма и художественному переосмыслению исторических событий в экспозиции.

Данная теория методов и технологий экспозиционного проектирования нашла отражение в различных публикациях Т. П. Полякова. В том числе в диссертации (1989)⁴⁷⁸, трёх авторских научных монографиях (1997, 2003, 2018)⁴⁷⁹, разделах в коллективных работах (2018, 2021, 2022)⁴⁸⁰ и многочисленных статьях. Основой теоретиче-

⁴⁷⁸ Поляков Т. П. Актуальные проблемы отношения содержания и формы музейной экспозиции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988. — 16 с.

⁴⁷⁹ Поляков Т. П. Как делать музей? — М., 1997. — 253 с.; Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» — 2. — М., 2003. — 456 с.; Поляков Т. П. Музейная экспозиция... 588 с.

⁴⁸⁰ Например, см.: Поляков Т. П., Окороков А. В. Теоретико-методологические основы создания экспозиций в подводных музеях и подводных тематических парках // Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Окороков, Д. В. Бабекин и др. — М.,

ской и методической деятельности музееведа выступила широкая эмпирическая база, охватывающая свыше 70 музейно-экспозиционных концепций, музейных сценариев и проектов. Они были подготовлены Т. П. Поляковым во время работы в музеях, а также в Лаборатории музейного проектирования НИИ культуры (РИК), Центра изучения и проектирования музеев (Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев) Института Наследия.

Одним из основных объектов деятельности музейного проектировщика является Государственный музей В. В. Маяковского (Москва). В смелых выставочных проектах 1980-х гг., подготовленных при участии талантливых художников Е. Амаспюра, Е. Богданова, Л. Озерникова, С. Черменского и др., сформировались принципы образно-сюжетного (художественно-мифологического) метода проектирования, разработанного и внедряемого Т. П. Поляковым (илл. 44, 45). Значительное влияние на авторскую методику оказала совместная работа с архитектором и художником Е. А. Розенблумом, создателем Сенежской учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР и основоположником отечественной школы художественного проектирования⁴⁸¹.

В наибольшей степени принципы образно-сюжетного метода реализовались в стационарной экспозиции музея Маяковского (1989–2013)⁴⁸², получившей широкую известность среди профессио-

2018. — С. 88–116; Поляков Т. П. Основные особенности, проблемы и перспективы современных музейно-парковых комплексов как социокультурных феноменов, синтезирующих ключевые принципы создания музеев под открытым небом и тематических парков с историко-культурной направленностью // Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы / Т. П. Поляков и др. — М., 2023. — С. 11–107.

⁴⁸¹ О подходе Е. А. Розенблума к проектированию музейной экспозиции можно узнать из его статей; например, см.: Розенблум Е. Время и пространство в музейной экспозиции // Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции. — М., 1996 (1997). — С. 177–194.

⁴⁸² Проект экспозиции был разработан в 1986–1989 гг.; рук. проекта — С. Стрижнева, автор сценарной концепции — Т. Поляков, автор архитектурно-художественного проекта — Е. Амаспур, архитекторы — А. Боков, Е. Будин, И. Иванов, художники — А. Волков, И. Лубенников, Н. Мешков и др.

налов и посетителей. Несмотря на то что явным недостатком этой экспозиции, по мнению Полякова, было отсутствие зон живого общения и действия (или зон «живого музея»)⁴⁸³, художественно-поэтический мир, созданный в этом экспозиционном пространстве, превращал музей в одно из самых динамичных и оживлённых учреждений культуры (илл. 46, 47).

Концепция «живого музея» Т. П. Полякова начала складываться уже после открытия популярной экспозиции, посвящённой Маяковскому. В наиболее целостном виде она излагается в одной из глав коллективной монографии «Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации “Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года”»⁴⁸⁴. Однако, прежде чем рассмотреть термины и положения, сформулированные в ней, следует обратиться к более раннему периоду творчества музееведа. Его анализ позволяет представить поэтапное формирование авторского взгляда на «живой музей» как на иммерсивную технологию проектирования музейной экспозиции.

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА «ЖИВОГО МУЗЕЯ» Т. П. ПОЛЯКОВА

Как уже отмечалось в первой главе раздела, понятие «живой музей» было использовано Т. П. Поляковым впервые в статье, представляющей концепцию «Кранцмузеума» в Зеленоградске (Калининградская обл.). Данный проект был разработан по инициативе местного предпринимателя В. Брежнева в 1997–1998 гг. и опубликован в сборнике Российского института культурологии в 1999 г.⁴⁸⁵ Этот проект и статья оказали значительное влияние на современ-

⁴⁸³ Поляков Т. П. Двадцать лет работы, или Шесть уроков музея Маяковского // Музей. — 2009. — № 12. — С. 50–51.

⁴⁸⁴ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». — М., 2021. — С. 113–162.

⁴⁸⁵ Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца»... С. 58–81.

ные представления о «живом музее», его методики и концепты. В частности, на данную работу часто ссыпалась М. Е. Каулен в своих публикациях конца 1990–2000-х гг., посвящённых концептуализации средового подхода⁴⁸⁶.

Вместе с тем вопросы разработки динамичных принципов проектирования экспозиции затрагиваются Т. П. Поляковым и в более ранних текстах. Не используя в них понятия «живой музей», автор развивал идею «оживления» музеино-экспозиционного пространства, предлагая создавать в его структуре зоны общения — салоны, клубы, кружки и т. п. Первые поиски этой, говоря словами Полякова, «новой модели... образно-сюжетного метода», связаны с разработкой им экспозиционной концепции Государственного музея Н. А. Островского (Москва) в конце 1980-х гг. В ней большая роль отводилась «экспозициям-салонам», рассказывающим в образно-художественной форме о различных периодах истории дома и являющихся пространством «салонного» общения⁴⁸⁷.

Первые музейные проекты, широко использующие принципы «оживления» экспозиции, были разработаны Т. П. Поляковым в 1990–1991 гг. Это концепции Калининградского областного историко-художественного музея и Центра «Дом М. А. Булгакова», опубликованные в известной монографии «Как делать музей?». Объясняя в ней особенности новой модели образно-сюжетного метода, автор отмечает ряд принципиальных положений. Он пишет, что идея музея-салона, музея-клуба не нова («вспомним и фрумкинский “культкомбинат”»), но обычно «элементы салонной деятельности» вырваны из экспозиционного контекста. Они проходят в изолированных от экспозиции помещениях либо в выставочных залах, лишь формально связанных с их тематикой. В отличие от этого подхода, в авторской модели Т. Полякова, пока ещё не названной «живым музеем», предлагается создать особую музеино-экспозиционную среду для полноценного общения. То есть такого общения, которое имеет не только «вертикальный характер», обусловленный тем, что

⁴⁸⁶ Например, см.: *Каулен М. Е.* Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев... С. 86–98.

⁴⁸⁷ *Поляков Т. П.* Как делать музей? С. 182–185.

«музейные предметы (и авторы экспозиции) связывают посетителя с прошлым», но и «горизонтальный». Внутри предлагаемого музея-салона или музея-клуба «посетители (а точнее, гости) на равных общаются с Прошлым, и между собой, тем самым как бы погружаясь в Прошлое или, наоборот, приглашая это Прошлое в Настоящее и Будущее»⁴⁸⁸.

Кратко представим, как раскрывалась данная модель в первых проектах. В планируемой экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея (авторы Т. Поляков, А. Тавризов), расположенной в бывшем Народном доме Кенигсберга, формировалась «уникальная троичная структура». Она была основана на особой архитектурной планировке здания, которое включало три этажа, разделённых, в свою очередь, ещё на три неравномерные части. В центральной зоне каждого уровня создавалась музейно-образная экспозиция, а боковые залы отводились «под экспозиции-клубы, экспозиции-открытые фонды, экспозиции-выставочные залы и т. п., то есть под экспозиционно-средовые помещения, выполняющие функции своеобразных «салонов», каждый из которых имеет свое лицо, свою элитарную ... аудиторию, объединенную общностью интересов»⁴⁸⁹. На первом этаже планировалось организовать «клуб любителей природы» и «клуб любителей редкостей», на втором — «художественный салон» с мастерскими и «клуб фронтовых друзей», на третьем — «клуб любителей книги» («своеобразную библиотеку с читальным залом») и «дискуссионный клуб по проблемам современной политики, экономики, культуры». Принципиальным отличием этих салонов от обычных конференц-залов должна была стать сформированная здесь «экспозиционная среда, насыщенная подлинными памятниками Природы, Истории, Культуры», которая расширяла бы тематику центральной экспозиции⁴⁹⁰.

Более ярко новая модель сюжетно-образного метода выражена во втором проекте — сценарной концепции Центра «Дом

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ Поляков Т. П. Как делать музей? С. 189.

⁴⁹⁰ Там же. С. 190.

М. А. Булгакова (автор Т. Поляков). В этом идеальном музейно-экспозиционном пространстве объединялись гостиная, театр, клуб, врачебный кабинет, исследовательский центр, торговый дом, ресторан, казино и другие социальные объекты, имеющие отношение к миру М. Булгакова и его героев, а также к реальной жизни России 1920–1930-х гг. Отталкиваясь от темы «дома», которая пронизывает практически всё творчество писателя, Т. П. Поляков соединил в единую сюжетную структуру мемориальные комнаты Булгакова в квартирах № 50 и 34, расположенные в разных концах дома № 10 по Б. Садовой улице (Москва). Они стали прообразами «некоторой квартиры» и звёздного «покоя» Мастера. Используя эти опорные точки для развития сюжета, автор предложил создать два основных маршрута для путешествия по миру Булгакова: «один — через “Голгофу” с Иешуа; другой — через “бал у Сатаны” с Воландом». Кроме того, проектировался еще третий путь — не участника, но стороннего наблюдателя, «заглядывающего» в окна «живой модели» булгаковского мира. Исходной точкой всех маршрутов стала «некоторая квартира» (№ 50), где планировалось создать условный образ мемориальной комнаты писателя, тесно связанный с реальностями советского быта 1930-х гг.

Путешествуя по миру Булгакова с Иешуа, гость должен был посетить несколько экспозиционных зон — «снов»⁴⁹¹. Каждая из них воплощалась в сложной, метафорической экспозиционной среде, созданной на основе образов из творчества писателя, внутри которой проектировались «зоны общения». Перечислим их. В сне «Рождество» планировался камерный зал, в «Тьме египетской» — клуб изобретателей, в сне «Что есть истина?», имеющем развернутую структуру, — философский и литературный клубы, экспериментальная сценическая площадка, а также художественная студия-мастерская. Образ «Белой гвардии» связывался с действующим здесь офицерским клубом, «Бега» — с собранием русских эмигрантов, а последний зал, визуализирующий сквозной образ «Ученика», — с научно-информационным центром по изучению творчества М. Булгакова.

⁴⁹¹ Поляков Т. П. Как делать музей? С. 204–213.

Выбрав второй путь, гость мог пройти по миру писателя через «Бал у Сатаны». Проектируемые экспозиционные зоны, в данном случае, превращались в «круги», символизирующие известные образы⁴⁹². Внутри них, как и в первом маршруте, работали «зоны общения». Первый круг «Эксперимент профессора Преображенского» становился площадкой для реального обменного пункта и административно-охранной службы музеиного Центра. Во втором круге «Дьяволиада» действовало настояще ателье по пошиву одежды «Зоя» с коммерческим магазином, осуществляющим посредством бартерного обмена комплектование экспозиции. Третий круг «Разоблачение» рассматривался как база для развлекательного центра («бани с зеркалами, пивом и раками»). Четвёртый — «МАССОЛИТ на марше» — трансформировался в тематическое кафе и книжно-сувенирный магазин. Пятый круг «Клиника имени Стравинского» включал «национальное казино» и своеобразный центр психологической помощи. Наконец, последний, шестой круг «Свита Воланда» превращался в концертный зал-варьете с отдельными зонами для клуба любителей собак и кошек... Оба пути завершались в экспозиционном образе «Покоя», организованном в контексте мемориальной квартиры № 34. Предполагалось, что он будет органично связан с гостиничным комплексом для туристов, гостей конференций и других постояльцев, желающих более глубоко проникнуться творческим миром М. Булгакова.

Эту новую модель образно-сюжетного метода проектирования, строящуюся на создании внутри экспозиционной структуры своеобразных вспомогательных учреждений (вспомним музейную практику 1930–1950-х гг.), Т. П. Поляков будет концептуализировать в своей дальнейшей работе. Выражение «живой музей», которое появилось и достаточно часто звучало в музееоведческой рефлексии 1990-х гг., заинтересованной идеями П. А. Флоренского, займёт одну из центральных позиций в концепции музеиного проектировщика. В трактовке Полякова термин «живой музей» будет означать перспективную модель музея, которая стремится к синтезу «храма» и «форума» (сакрального и профанического, духовного и плотского)

⁴⁹² Там же. С. 213–222.

в экспозиционном пространстве. Автор утверждал: «Культурологической основой подобного объединения является тот факт, что “храм” и “форум” как в Европе, так и в России, всегда составляет единое жизненное пространство. Отсутствие же этого единства в наших “вчерашних” (да и “сегодняшних”) музеях в пародийной форме отметил когда-то автор известной шутки “в греческом зале...”»⁴⁹³.

Идеальным вариантом «живого музея» в концепции Полякова станет екомузей, а наиболее близким, реальным прототипом — торгово-ресторанные и гостиничные заведения, создаваемые в бывших замках, старинных домах и фортификационных объектах. В новой «живой» модели музея, предложенной разработчиком, преодолевался их существенный недостаток — довлеющая торгово-экономическая функция, мешающая реальному соединению в данном общественном просторнее «высокого» и «низкого»⁴⁹⁴. Главное условие, необходимое для этого, — «сохранение (физическое и духовное) уникальных памятников истории и культуры, отказ от разбазаривания — в прямом и переносном смысле слова»⁴⁹⁵.

Таким образом, на рубеже 1990–2000-х гг. Т. П. Поляковым был предложен свой концепт «живого музея» как целостной экспозиционно-художественной среды, использующей музейный язык для рассказа об историко-культурных особенностях музеефицируемого места, внутри которой создаются вспомогательные учреждения (магазины, рестораны, кафе, гостиницы и т. п.), осуществляющие рекреационные функции. Данный подход к музеиному проектированию рассматривался автором как одна из перспективных моделей музея будущего⁴⁹⁶. Первым практическим воплощением этой новой модели стал проект частного «Музея города Кранца» («Кранцмузеума»), описанный в начале главы. Напомним, что его концепция

⁴⁹³ Поляков Т. П. Музей будущего: проблема выбора модели // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков : Труды ГИМ. — Вып. 127. — М., 2001. — С. 83–84.

⁴⁹⁴ Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца»... С. 60.

⁴⁹⁵ Поляков Т. П. Музей будущего: проблема выбора модели... С. 85.

⁴⁹⁶ Там же.

предлагала объединение в целостное общественное пространство несколько тематически связанных экспозиционно-функциональных объектов: «средневекового трактира», «минерального бара», «избы рыбака», музея-магазина «Кунсткамера Восточной Пруссии», выставочного зала и небольшой гостиницы. Кратко коснёмся и некоторых других проектов.

Развитию жанровых форм «живого музея» в концепции Т. П. Полякова способствовала разработка музейного проекта для НОУ Школа «Бакалавр» (1998) — экспериментального учебного центра, воплощающего принципы развивающего образования профессора В. В. Давыдова. В данной системе обучения, реализованной на базе одной из московских школ в Крылатском, значительную роль играли клубные формы деятельности — театральная, хореографическая, хоровая, живописная студии, спортивные секции, клуб «Эрудит» и др. Этот же принцип — активного, деятельностного освоения знаний — использовался Т. П. Поляковым в концепции проектируемого школьного музея. Предполагалось, что он будет создаваться и развиваться руками учащихся при кураторстве музейных специалистов⁴⁹⁷. Кроме того, планируемая экспозиция строилась как «предметно-пространственная среда, моделирующая основные или локальные темы музея и способствующая открытому общению ее создателей и пользователей»⁴⁹⁸. В зависимости от предпочтений школьников-музейщиков и их консультантов-взрослых, данный «живой музей» мог принимать различные жанровые разновидности:

- музея-мастерской с зоной для творческой деятельности учащихся;
- музея-лаборатории (естественно-научной, технической направленности);
- музея-клуба или музея-театра, интегрированного с существующими клубными формами деятельности;
- музея-игротеки для театрализованных занятий со школьниками младших классов и других программ музейной педагогики;

⁴⁹⁷ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музеи?» — 2... С. 374.

⁴⁹⁸ Там же. С. 382.

- музея — экскурсионного бюро, осуществляющего краеведческую работу;
- музея-кафе на базе столовой, собирающего экзотические рецепты;
- музея-ярмарки (торгового и рекреационного центра);
- виртуального «музея» — информационного центра (на основе класса информатики), участвующего в графическом проектировании музейных экспозиций и различных коммуникационных процессах.

Данные «жанровые разновидности» или формы «живого музея» будут развиваться и дорабатываться в дальнейших проектах Т. П. Полякова. Например, при проектировании музейной экспозиции в Историко-культурном центре г. Видное (Московская обл., нач. 2000-х гг.) музееведом будет предложена оригинальная форма «театра вещей». То есть нетрадиционной выставочной акции, проводимой в камерном зале, в ходе которой сотрудники и приглашённые коллекционеры будут демонстрировать наиболее оригинальные экспонаты, сопровождая их вербальными или театрализованными комментариями. В дополнение в проектируемом центре будет актуализироваться идея «музея-школы» («клуба юного краеведа»), где дети под руководством старших кураторов будут создавать свои выставки, изучая историю края. Ещё одной разновидностью станет сессионная игротека, устраиваемая музейным педагогом во время проведения культурно-массовых мероприятий. Наконец, в идеальном пространстве историко-культурного центра найдётся место для «временных краеведческих акций» в музейном буфете, превращающемся в «живой музей» бытовой культуры разных эпох, а также для компьютерного центра, действующего при Совете краеведческого общества и представляющего информацию о местных памятниках истории и культуры⁴⁹⁹.

Своебразная черта под разработкой концепта «живого музея» как актуальной модели музея будущего была подведена Т. П. Поляковым в статье с говорящим названием «Смерть музея...». Автором

⁴⁹⁹ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музеи?» — 2... С. 392–393.

планировалось выпустить три публикации, объединённые этой темой, но в итоге были подготовлены только две статьи⁵⁰⁰. Не поставив точку в работе, рассуждающей о рождении, развитии и гибели музейной экспозиции как феномена ХХ в., проектировщик высказал ряд опасений, связанных с формированием новой «живой» модели музея...

Определяя её генезис в музейной концепции Н. Ф. Фёдорова, Т. Поляков пишет: «“живой музей” как высшая стадия развития музея-выставки или музейной экспозиции означает ее постепенную смерть (!). Зачем, например, нужен музей-храм, посвященный А. С. Пушкину, если последний, воскрешенный “тщанием и усердием” сотрудников этого музея, прогуливается по Арбату, читает стихи, раздает автографы и “балдеет” от реальностей ХХI века?»⁵⁰¹. Находится подтверждение этому тезису и в концепции П. А. Флоренского. Поляков акцентирует, что в ней «речь шла о создании “живого музея” — именно таковой была... перспектива Троице-Сергиевой Лавры. Однако, в контексте восприятия храмового искусства создание подобного живого музея означало... возвращение к действующему храму, где максимально выражен “синтез искусств”, и к действующему монастырю, развивающему понятие “живой музей” до реалий хозяйственной жизни»⁵⁰². Словом, по мнению Полякова, и в этом прообразе «живого музея» была заложена постепенная смерть музейной экспозиции... Начинается постепенная трансформация авторской концепции, в которой принцип «живого музея» будет всё чаще трактоваться как определенный подход к музейно-экспозиционному проектированию.

⁵⁰⁰ Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. — 2007. — № 3. — С. 7–12; Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) // Музей. — 2007. — № 5. — С. 74–80.

⁵⁰¹ Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1)... С. 7–12.

⁵⁰² Там же.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ И МЕТОДИКИ СОЗДАНИЯ ЗОН «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В МУЗЕЙНО-ЭКСПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Пониманию «живого музея» как определённого подхода к музеино-экспозиционному проектированию способствовала широкая проектная деятельность Т. П. Полякова. Актуализация идей «живого музея» при разработке музейных концепций и сценариев приводила, чаще всего, не к пересмотру в целом характера учреждения, а к формированию в его экспозиционном пространстве зон свободного общения. Кратко представим музейные проекты данного направления, отмечая развитие в них новых понятий, форм и подходов к реализации идеи «живого музея».

Поиск гармонии между духовным и физическим хранением являлся важной задачей при проектировании экспозиций (систем экспозиций) в музеях-заповедниках А. С. Пушкина «Михайловское» (1996) и А. А. Блока «Шахматово» (2000). Отказавшись от перспектив расширения и создания «мнимореальных» экспозиций, демонстрирующих типологические интерьеры в новодельных домах, Т. Поляков предложил использовать приём «художественного анамнезиса» (или художественного воспоминания), выводящий экспозиционную интерпретацию из области историко-бытовой памяти в сферу символического, чувственного и творчески-личностного восприятия. Структура подобных экспозиций-воспоминаний включала сменяющие друг друга историко-культурные и биографические образы, строящиеся вокруг отдельных мемориальных предметов. Дополнительно к этому проектировались, говоря словами разработчика, «зоны живого общения посетителей» или «фрагменты живого музея»⁵⁰³.

В концепции «Михайловского» обсуждалась возможность проживания «в пространстве провинциальной дворянской (купеческой или народной...) культуры, условно ограниченной “пушкинской эпохой”»⁵⁰⁴. Отметим, что это предложение, касающееся создания гостиниц и трактир на периферии музея-заповедника, в некотором плане возрождало изначальные традиции пушкинского музея, связанные

⁵⁰³ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» — 2... С. 287.

⁵⁰⁴ Там же. С. 222.

с работой в первом восстановленном доме благотворительного учреждения — колонии для престарелых литераторов и учителей⁵⁰⁵.

В реконструированных постройках имения А. Блока «Шахматово» формировалось две зоны свободного общения. Первая — в мезонине, где проектировалась библиотека условно-мемориального характера, включающая немногочисленные тома из книжного собрания поэта. Предполагалось, что здесь также разместится действующая библиотека, дающая возможность почтить произведения Блока, его современников — представителей Серебряного века, а также научно-справочные, литературоведческие и биографические публикации, связанные с тематикой экспозиции. Вторая зона свободного общения планировалась в восстановленном флигеле, где проектировался «живой музей» — гостиница с обстановкой из типологических и копийных предметов⁵⁰⁶.

В конце 2000-х — 2010-е гг. Т. П. Поляковым был подготовлен ряд концепций и сценариев для литературных музеев, где принцип «живого музея» играл важную роль в контексте раскрытия основного сюжета. В частности, этот подход использовался в концепции музейной экспозиции, проектируемой в Центральной городской библиотеке — мемориальном центре «Дом Гоголя» (Москва, 2008). Структура образно-сюжетного экспозиционного пространства включала два действия (или раздела) — «Путь Гоголя-писателя» и «Путь Гоголя-читателя», каждый из которых состоял из трёх экспозиционно-художественных образов. Функция «живого музея» — конференц-зала возлагалась на заключительный образ «Храм Проповеди» (или «Читательский Рай»). Пройдя с главным героем

⁵⁰⁵ Напомним, что музеефикация усадьбы Михайловское началась накануне 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина. К этому моменту мемориального усадебного дома уже не было. После приобретения имения в казну в нём открылось благотворительное учреждение — «колония для престарелых литераторов и учителей», и началось комплектование мемориальных предметов для будущего музея. Был выстроен новый дом по проекту архитектора В. А. Шуко, в интерьерах которого работала небольшая экспозиция, воспроизводящая кабинет великого писателя и поэта. Библиотека, гостиная и ряд др. помещений отводились для использования жителями колонии. См.: Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. — М., 2012. — С. 161–162.

⁵⁰⁶ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» — 2... С. 286.

оба пути, посетитель попадал в это символическое пространство, где начинался третий, «вечный путь» Н. В. Гоголя — читаемого и изучаемого другими. В концепции планировалось⁵⁰⁷, что об этом будет рассказывать не только экспозиционно-литературная среда, определяющая сюжеты известных произведений, но и проходящая здесь лекционно-просветительская деятельность⁵⁰⁸.

Зоны «живого общения», запланированные в сценарии стационарной экспозиции в Доме-музее А. Л. Чижевского в Калуге (2008), как и в целом сюжет всего музеино-экспозиционного произведения, были призваны провоцировать посетителя на неоднократное посещение. В основе сюжетно-тематической структуры экспозиции лежал знакомый принцип «художественного анамнезиса», реализованный в череде образов-воспоминаний главного героя, на исходе жизни возвращающегося в родной дом. Зоны «живого музея», лаконично интегрированные в художественно-экспозиционную среду, планировались в нескольких точках экспозиции. Камерный зал для мероприятий предполагался в гостиной-лаборатории, рассказывающей о первом этапе жизни учёного и о Калуге начала XX в. В мансарде, где реализовывалась мечта Чижевского о фантастической Лаборатории Космобиологии, формировалась зона «живого музея» с обсерваторией. На первом этаже, внутри темы «Аэроионы и Жизнь», выполняющей функцию эпилога, планировался действующий кабинет Аэроионизации с люстрами Чижевского и природно-животным миром, демонстрирующий актуальность разработок учёного⁵⁰⁹.

⁵⁰⁷ К сожалению, реализация этого музейного образа значительно отличается от предложений концепции. См.: Поляков Т. П. Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 1) // Музей. — 2009. — № 7. — С. 60–67; Поляков Т. П. Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 2) // Музей. — 2009. — № 11. — С. 28–37.

⁵⁰⁸ Личный архив Т. П. Полякова. «Дом Гоголя» или «Загадки Гения»: (сценарий музейной экспозиции Центральной городской библиотеки-мемориального центра «Дом Гоголя») / Отв. исп. Т. П. Поляков. — М., 2008. — С. 49–54.

⁵⁰⁹ Личный архив Т. П. Полякова. «Звездный путь Александра Чижевского» или «Возвращение в Калугу»: (сценарий стационарной экспозиции в доме-музее А. Л. Чижевского, г. Калуга) / Отв. исп. Т. П. Поляков; ФГУК «Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского». — Калуга ; М., 2008. — 33 с.

Принципы свободного общения широко использовались в концепции системы экспозиций Культурного центра «Дом Булата Окуджавы» на Арбате (Москва, 2008). Данный объект не являлся традиционным музеем, поэтому не ограничивался строгостью мемориального пространства и проектировался в целом как «живой музей»⁵¹⁰. В его идеальную экспозиционно-художественную среду входило литературно-артистическое кафе «Два Арбата», воплощающее тему «Арбат как среда обитания». Первая часть кафе воссоздавала стилистику классического Арбата 1920–1930-х гг., в которой органично переплетались следы прошлого XIX в. и романтические мотивы революционной эпохи; вторая часть — образы 1980–1990-х гг., наполнявшие уже другой Арбат — перестроенный, декоративный, многолюдный. Следующая зона «живого музея» формировалась на основе концертного зала с периодически меняющейся экспозицией «Музыкальный Арбат» (или «Булат Окуджава: жизнь после смерти»). Предполагалось, что в контексте камерных концертов и музыкально-поэтических вечеров, проводимых здесь, будут экспонироваться афиши мероприятий, посвящённых Окуджаве, его книги, пластинки, кассеты и диски, материалы о деятельности Общественного фонда Булата Окуджавы и т. п. Наконец, в единую систему экспозиций планировалось включить зону открытых фондов «Дары Арбату», представляющую подарки Дому-музею Б. Окуджавы в Переделкино и арбатскому Культурному центру, а также архив поэта и библиомедиатеку⁵¹¹.

Схожий подход к реализации идей «живого музея» использовался в сценарной концепции экспозиции Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского (2011). Во-первых, в структуре музея-центра проектировалась образно-сюжетная экспозиция, посвящённая творческой жизни Паустовского и превращающаяся

⁵¹⁰ См. подробнее: Поляков Т. П. «Дом Булата Окуджавы» на Арбате: сценарная концепция системы экспозиций культурного центра // Вестник РГГУ. — 2009. — № 15 (9). — С. 316–332.

⁵¹¹ Личный архив Т. П. Полякова. Сценарная концепция системы экспозиций Культурного центра «Дом Булата Окуджавы»: (Арбат, Плотников переулок, дом 21) / Т. П. Поляков ; Региональный общественный фонд Булата Окуджавы. — М., 2008. — 25 с.

в пространство «живого музея» в моменты проведения интерактивных программ. Во-вторых, планировалась зона «живого музея», объединяющая выставочное пространство и «литературное кафе» в стиле кафе-кабаре начала XX в. Наконец, своеобразная зона «живого музея» формировалась на верхнем уровне, где находились помещения научного центра и редакции журнала «Мир Паустовского». В дополнение к рабочим местам здесь создавалась интерактивная экспозиция, повествующая о крупных исследователях и исследованиях творчества Паустовского, а также информационно-электронная и библиотечная база для желающих присоединиться к этому процессу.

Кроме того, следует отметить, что в данной концепции Т. П. Поляковым были сформулированы некоторые важные положения, отражающие новое понимание «живого музея» как технологии проектирования экспозиций. Например, он пишет, что любая современная музейная экспозиция должна не только соответствовать понятию «музейная», но и быть яркой, художественной и «многослойной», провоцировать неоднократное посещение. Ей надлежит включать «зоны «живого музея», то есть рекреационно-просветительские зоны, органично сочетающие предметно-художественную, музейную среду и творческую деятельность Посетителя». В концепции очерчивался и круг возможных приемов их организации (или технологий): «Речь идет о всевозможных клубных, кружковых, игровых и театрализованных акциях, способных наполнить то или иное экспозиционное пространство музея, превращающегося в реальный Дом Паустовского»⁵¹².

Данные положения получили развитие в авторской монографии «Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия». В ней были опубликованы фрагменты из концепции модернизации легендарной экспозиции Государственного музея В. В. Маяковского, разработанной в середине

⁵¹² Личный архив Т. П. Полякова. «Дом Паустовского»: Сценарная концепция экспозиции Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского: (Москва, ул. Кузьминская, дом 8) / [Т. П. Поляков]; ГБУК г. Москвы «Московский литературный музей-центр К. Г. Паустовского». — М., 2011. — С. 3.

2010-х гг.⁵¹³ Среди задач проекта, нацеленного на создание уникального музейно-рекреационного центра «Дом Маяковского», особо выделялась значимость внедрения в его стационарную экспозицию «технологий живого музея»⁵¹⁴. Подчеркнём, что данное понятие, впервые использованное в этом контексте, займёт одну из центральных позиций в актуальной методике Т. П. Полякова.

Говоря об особенностях музейного проекта, следует отметить, что планировалось организовать зоны для свободного общения и взаимодействия посетителей, мастер-классов, театрализованных и просветительских акций в помещениях нулевого этажа, а также в отдельных экспозиционных сценах.

В частности, это два рифмующихся «Кафе Поэтов» с именными столиками: на нижнем уровне — известных мастеров слова второй половины XX в., посещавших Музей Маяковского; в разделе «Борьба» (или «Четыре крика поэмы “Облако в штанах”») — поэтов Серебряного века. Другая перспективная разновидность «живого музея», внедряемая в экспозицию, — сувенирные киоски, органично входящие в музейные инсталляции «Две Америки», «Я уезжаю в Европу», «По городам Советского Союза» (раздел «Путешествие в пространстве»). Оригинальная музейная «Мастерская российского авангарда» предлагалась в контексте раздела «Строительство» (или «Как коммуна обернулась коммунальной квартирой»). Она могла реализоваться в полной форме (как стилизованная мастерская для студентов творческих вузов) или игровой форме (как пространство для мастер-классов). Мобильная зона свободного общения «Музей советского быта», представляющая собой небольшой стилизованный конференц-зал, разворачивалась в разделе «Путешествие во Времени» (или «Завещание»). Поблизости от неё проектировался технический центр постоянно действующей телестудии, предназначенный для записи и трансляции телепрограмм в стиле актуальных политических ток-шоу или литературно-художественных игр.

⁵¹³ Легендарная экспозиция музея, открывшаяся в 1989 г., была закрыта в 2013 г. В музейной здании проводится ремонт. Разрабатывается проект обновлённой стационарной экспозиции.

⁵¹⁴ Поляков Т. П. Музейная экспозиция... С. 505.

Вторая точка, связанная с этой необычной формой «живого музея», намечалась в последнем разделе «Завещание Современникам» (или «Выставка “20 лет работы”»). Она предназначалась для проведения эксклюзивных интервью с известными общественными деятелями, попавшими в «пограничные ситуации»⁵¹⁵.

«ЖИВОЙ МУЗЕЙ» КАК СОВОКУПНОСТЬ ЭКСПОЗИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ, ЗАДАЧИ И АВТОРСКАЯ ТИПОЛОГИЯ Т. П. ПОЛЯКОВА

Не все музейные проекты, представленные выше, были реализованы. Однако, отталкиваясь от них, а также от опыта наиболее успешных музеев и музеев-заповедников, формирующих «живые экспозиции», Т. П. Поляковым были разработаны универсальные инструменты теоретического анализа и проектирования различных динамичных экспозиционных объектов.

Центральная роль в этой методике отводится понятию технологии «живого музея». Согласно базовому определению, это технологии воссоздания в музейной экспозиции интерактивной модели интерьера, максимально приближённой к оригиналу, где выделяются и используются те объекты, предметы, средства и приёмы тактильного общения и реального действия, которые были наиболее актуальны в данной исторической среде. Основная задача подобных технологий — спровоцировать в музейном пространстве «те же поведенческие ориентиры и действия, которые наиболее характерны для этих реальных объектов и учреждений, например: для библиотек, трактирор или морских кораблей»⁵¹⁶. Организованная экспозиционная среда должна создавать условия для того, чтобы в первых объектах посетитель повёл «себя как читатель, во-вторых — как клиент, зашедший поесть и попить, в-третьих — как послушный пассажир или, наоборот, как командир или член команды»⁵¹⁷.

⁵¹⁵ Поляков Т. П. Музейная экспозиция... С. 506–511.

⁵¹⁶ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея»... С. 114–115.

⁵¹⁷ Там же.

Внедрение подобных технологий в экспозицию приводит к формированию в её структуре интерактивных историко-культурных моделей, или словами разработчика — зон и объектов «живого музея». Имея свои особенности, они подчиняются общим принципам построения музейной экспозиции, выработанным Т. П. Поляковым. Напомним главные:

- музейная экспозиция (её тематика и наполнение) не выдумывается, а выращивается из историко-культурного потенциала места её размещения;
- основой любой экспозиции является музейный предмет — подлинный свидетель историко-культурных и природных процессов, явлений и событий, музейная ценность и символическое значение которого раскрывается посредством функционально-художественного оформления; в контексте музея под открытым небом его место занимает историко-культурный объект или культурный ландшафт;
- рассуждая в духе идей Д. С. Лихачёва о «невосстановимости» культурных артефактов (предметов, объектов, ансамблей), Т. П. Поляков переносит акценты с воссоздания, копирования и мультизирования (утраченных, недостающих предметов и объектов) на художественное переосмысление, рождающее новые смыслы и произведения экспозиционного искусства⁵¹⁸.

Согласно Полякову, интерактивные историко-культурные модели, формируемые в музейных экспозициях, всегда носят индивидуальный характер. При этом выделяются более-менее устойчивые типы зон и объектов «живого музея», становящиеся образцами для воспроизведения и сочетания. Всё многообразие зон свободного общения автор концепции систематизирует по двум основаниям: содержательному признаку и месту расположения.

По содержательному признаку выделяются:

- духовно-интеллектуально-творческие объекты (музеи-храмы, музеи-театры, музеи-библиотеки, музеи-школы, музеи-кафедры, музеи-клубы, музеи-студии, музеи-салоны, музеи-обсерватории и т. п.);

⁵¹⁸ Например, см.: Поляков Т. П. Музейная экспозиция... С. 11–61.

- социально-бытовые объекты (музеи-магазины, музеи-гостиницы, музеи-трактиры, музеи-кафе и т. д.);
- объекты универсального типа (музеи-монастыри, музеи — творческие мастерские, музеи-салоны и др. зоны, соединяющие духовное и бытовое)⁵¹⁹.

В зависимости от места расположения Т. П. Поляков определяет интерьерные зоны и объекты «живого музея» (внутри музейного здания) и экsterьерные зоны и объекты «живого музея» (под открытым небом)⁵²⁰.

Для более точной характеристики зон и объектов «живого музея» музейный проектировщик ввёл принципиальное разделение между интерактивными технологиями создания и технологиями интерпретации экспозиции. В контексте проектирования и функционирования зон свободного общения применяются и те, и другие. Первые — называемые технологиями «живого музея» — преимущественно объединяют интерактивные приёмы, средства и способы организации моделей историко-культурных и бытовых объектов, провоцирующих посетителей на самостоятельные действия (модель магазина, модель столовой, модель лаборатории, модель комнаты и т. п.). Вторые — известные как технологии культурно-образовательной деятельности — используют современные разработки музейной педагогики для направленного взаимодействия посетителей с экспозицией (интерактивные программы, мастер-классы, этнографические перформансы и др.). Поэтому следует не забывать, что интерактивные зоны, созданные с помощью технологий «живого музея», должны не только превращать посетителей в участников игровых программ, но и погружать их «в атмосферу реальных интеллектуально-творческих или социально-бытовых акций, тем самым обеспечивая живое общение посетителей на разных уровнях»⁵²¹.

Как уже отмечалось, высшей формой «живого музея», где практически стираются грани между историко-культурными моделями

⁵¹⁹ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» ... С. 115.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» ... С. 115.

и реальной жизнью, в концепции Т. П. Полякова является экомузей. В данном случае имеется в виду не определённый статус (название, организационно-правовая форма), а модель деятельности музеиного учреждения. Уже неоднократно упоминалось, что в России неформальными экомузеями (и «живыми музеями») выступают крупнейшие музеи-заповедники, стремящиеся к сохранению и оптимальному развитию историко-культурной и природной среды как взаимосвязанных частей единого целого, к активному вовлечению местных жителей в процессы сохранения и представления своего наследия.

Опираясь на учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва, музевед определил несколько промежуточных стадий или форм, которые проходит музей *in situ* в своём развитии до экомузея⁵²². Кратко обозначим их:

- базовая, нулевая стадия «живого музея» представляет собой ансамблевую экспозицию, созданную в контексте историко-бытового, этнографического или мемориального объекта;
- первая стадия внедрения идей «живого музея» — это использование в контексте ансамблевых экспозиций интерактивных технологий проектирования и интерпретации, которые дают возможность посетителю нарушить музейные правила и заходить внутрь смоделированных моделей пространства и времени;
- вторая стадия «живого музея» предполагает преодоление в музейной экспозиции искусственной границы между культурой и природой; в центре такой музейной интерпретации оказывается культурный ландшафт, соединяющий историю человека и его окружения в единое целое;
- третья стадия «живого музея» связана с музейными экспозициями, создающимися на основе художественных принципов, то есть музейно-образного или образно-сюжетного (художественно-мифологического) методов проектирования; в данном случае формируется интерактивность, не сво-

⁵²² См. подробнее: там же. С. 131–146.

- димая только к тактильному действию; провоцируется творческий диалог — внутреннее, духовное общение посетителя с создателями экспозиции, её героями и образами;
- четвёртая стадия «живого музея» выражается в музее-заповеднике (музее под открытым небом), где в естественном пространстве будут объединяться самые разные зоны свободного общения и действия; созданные здесь культурно-бытовые и художественные модели имеют лаконичную связь с прошлым, настоящим и будущим и поэтому выступают средством постепенного преобразования заповедника в высшую степень «живого музея» — экомузей.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Концептуализации идей и практик «живого музея» посвящены многие работы Т. П. Полякова, ставшего автором одной из влиятельных современных трактовок. Его концепция «живого музея», формирующаяся с начала 1990-х гг., прошла несколько этапов своего становления. Изначально в ней доминировало понимание «живого музея» как оригинальной модели образно-сюжетного метода проектирования экспозиции, реализация которой на практике связана с созданием музеев-салонов и музеев-клубов, рассчитанных на полное и свободное общение посетителей в экспозиционной среде. В дальнейших работах Т. П. Полякова была предложена более сложная трактовка «живого музея» как актуальной модели музея будущего. Предполагалось, что его целостная экспозиционно-художественная среда, рассказывающая об историко-культурных особенностях местности, будет строиться на основе музеиных предметов и включать своеобразные вспомогательные учреждения (кафе, магазины, гостиницы и т. п.), осуществляющие рекреационные функции. По мере апробации этих принципов в музейно-проектной работе, Т. П. Поляковым была сформулирована наиболее универсальная трактовка «живого музея» как определенного подхода к проектированию музейной экспозиции.

Главную роль в данной методике играет понятие «технологии живого музея». Это приёмы, способы и средства воссоздания

в экспозиции интерактивной модели интерьера (максимально приближённой к оригиналу), внутри которой выделяются и используются для коммуникации предметы, правила и нормы, бывшие актуальными в её историческом прототипе. Использование данных технологий приводит к появлению в музейной экспозиции историко-культурных моделей, или — зон и объектов «живого музея», где происходит максимально полное общение посетителей, как на вертикальном уровне (музейный предмет — экспозиция — посетитель), так и на горизонтальном уровне (посетитель — посетитель). Генезис и развитие этих пространств свободного общения и действия внутри музейной экспозиции проходит несколько стадий — от базовой формы «живого музея», в качестве которой рассматривается перспективная ансамблевая экспозиция в историко-бытовом, этнографическом и мемориальном музее, до высшей стадии — эко-музея, где практически стираются грани между экспозиционными моделями и реальностью.

Таким образом, в концепции Т. П. Полякова были предложены универсальные инструменты для проектирования и анализа динамичных музейных объектов. Более того, в ней был обоснован важный принцип, гласящий — «живым» может быть любой музей, использующий соответствующие принципы в своей экспозиции. Отталкиваясь от данной идеи, а также от других теоретических положений концепции, автор монографии осуществил разработку обобщающего определения и культурологической модели «живого музея». Итоги этой работы, дополненные авторской типологией актуальных технологий «живого музея» и описанием проектного опыта, представлены в заключительном разделе.

Приложение 2

Илл. 30. Международный военно-исторический фестиваль «День Бородина» в музее-заповеднике «Бородинское поле» (Московская обл.). Тематическая площадка. 2024 г. Фотография Т. А. Зотовой. Личный архив автора

Илл. 31. Международный военно-исторический фестиваль «День Бородина» в музее-заповеднике «Бородинское поле» (Московская обл.). Зрители. 2024 г.

Фотография Т. А. Зотовой. Личный архив автора

Илл. 32. Международный военно-исторический фестиваль «День Бородина» в музее-заповеднике «Бородинское поле» (Московская обл.). Маневры военно-исторических клубов. 2024 г. Фотография Т. А. Зотовой. Личный архив автора

Илл. 33. Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово» в музее-заповеднике «Куликово поле». Празднование 639 годовщины Куликовской битвы в Музее-заповеднике «Куликово поле». Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 2019 г. Источник: URL: <https://kulpole.ru/news/na-kulikovom-pole-otprazdnovali-639-godovshchinu-kulikovskoj-bitvy> (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 34. Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово» в музее-заповеднике «Куликово поле». Празднование 639 годовщины Куликовской битвы в Музее-заповеднике «Куликово поле». Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 2019 г. Источник: URL: <https://kulpole.ru/news/na-kulikovom-pole-otprazdnovali-639-godovshchinu-kulikovskoj-bitvy> (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 35. Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово» в музее-заповеднике «Куликово поле». Празднование 639 годовщины Куликовской битвы в Музее-заповеднике «Куликово поле». Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 2019 г. Источник: URL: <https://kulpole.ru/news/na-kulikovom-pole-otprazdnovali-639-godovshchiniu-kulikovskoj-bitvy> (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 36. День открытых дверей в Архитектурно-этнографическом комплексе «Новая деревня» в музее-заповеднике «Шушенское». 2025 г. Фотография музея-заповедника «Шушенское». Цифровая фотография. Источник: https://vk.com/photo-87801473_457249298 (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 37. День открытых дверей в Архитектурно-этнографическом комплексе «Новая деревня» в музее-заповеднике «Шушенское». 2025 г. Фотография музея-заповедника «Шушенское». Цифровая фотография. Источник: https://vk.com/photo-87801473_457249315 (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 38. День открытых дверей в Архитектурно-этнографическом комплексе «Новая деревня» в музее-заповеднике «Шушенское». 2025 г.

Фотография музея-заповедника «Шушенское». Цифровая фотография.

Источник: https://vk.com/photo-87801473_457249311 (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 39. День открытых дверей в Архитектурно-этнографическом комплексе «Новая деревня» в музее-заповеднике «Шушенское». 2025 г.

Фотография музея-заповедника «Шушенское». Цифровая фотография.

Источник: https://vk.com/photo-87801473_457249363 (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 40. Экомузей «Тазгол». Поселок Усть-Анзас. 1990. Фотография В. М. Кимеева (?). ГАУК «Кузбасский музей-заповедник „Томская Писаница“». МЗТП КПОФ 11049. ГК 58189965. 14,2 × 21,5 см. Изображение предоставлено музеем-заповедником

Илл. 41. Экомузей «Тазгол». Посёлок Усть-Анзас. Фотография черно-белая по общей этнографии. Шорцы. 1990. Кемеровская область, Таштагольский район. Фотография В. М. Кимеева (?). ГАУК «Кузбасский музей-заповедник „Томская Писаница“». МЗТП КПОФ 10669. ГК 40376469. 10,3 × 15,8 см.

Изображение предоставлено музеем-заповедником

Илл. 42. Экомузей «Тазгол». Посёлок Усть-Анзас. Вывоз сена. 1982.
Фотография В. М. Кимеева (?). ГАУК «Кузбасский музей-заповедник
“Томская Писаница”». МЗТП КПОФ 11076. ГК 58189996. 11,6 × 17 см.
Изображение предоставлено музеем-заповедником

Илл. 43. Экомузей «Тазгол». Посёлок Усть-Анзас. Выпекание хлеба.
Дарья Михайловна Кирсанова. 1980. Фотография В. М. Кимеева (?).
ГАУК «Кузбасский музей-заповедник “Томская Писаница”». МЗТП КПОФ 11020.
ГК 58189983. 11,8 × 15,8 см. Изображение предоставлено музеем-заповедником

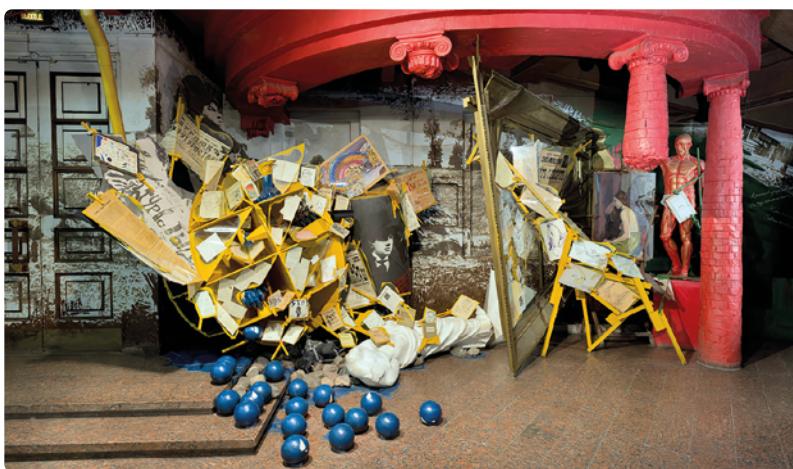
Илл. 44. Открытие выставки «20 лет работы В. Маяковского»,
Государственный музей В. В. Маяковского в Москве. Экскурсию ведет
сценарист выставки – Т. П. Поляков. Фотография. 18 апреля 1980 г.
Автор неизвестен. Личный архив Т. П. Полякова

Илл. 45. На выставке «Маяковский – газетчик» в Государственном музее В. В. Маяковского в Москве. Осень 1982 г. На фотографии сотрудники музея Т. П. Поляков и Л. Егорова. Автор неизвестен. Личный архив Т. П. Полякова

Илл. 46. Стационарная экспозиция Государственного музея В. В. Маяковского в Москве в 1989–2013 гг. Цифровая фотография. Автор неизвестен. Государственный музей В. В. Маяковского. 2000-е гг. Источник: Официальная информация об экспозиции. URL: <https://muzeimayakovskogo.ru/museum/exposure/1-floor/> (дата обращения: 25.12.2025)

Илл. 47. Стационарная экспозиция Государственного музея В. В. Маяковского в Москве в 1989–2013 гг. Цифровая фотография. Автор неизвестен. Государственный музей В. В. Маяковского. 2000-е гг. Источник: Официальная информация об экспозиции. URL: <https://muzeimayakovskogo.ru/museum/exposure/1-floor/> (дата обращения: 25.12.2025)

Раздел 3.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ»: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ГЛАВА 1.

«Живой музей» как творческая модель музейной деятельности: опыт культурологического анализа

Первая глава последнего раздела посвящается авторской интерпретации идей и принципов «живого музея» как особого, динамичного подхода к осуществлению музейной деятельности и к сохранению историко-культурного наследия. Данная трактовка основана на проведённом историко-генетическом и сравнительном анализе прообразов, идей и принципов «живого музея», складывающихся с конца XIX в. В то же время предлагаемая интерпретация опирается на деятельностную концепцию культуры. Итак, рассмотрим подробнее теоретические аспекты обобщающей дефиниции и культурологической модели «живого музея», а также перспективы их применения в музееведческих исследованиях и музейной практике.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ

Используя культурологический инструментарий, автор монографии продолжает сложившиеся традиции и рассматривает проблему «живого музея» в контексте внутренних, смысловых противоречий устоявшейся модели музейной деятельности⁵²³. Центральное из них было отмечено ещё Н. Ф. Фёдоровым в эссе «Музей, его смысл и назначение», начинаящемся со следующих слов: «Наш век,

⁵²³ Данная проблематика рассматривается автором в статье: Зотова Т. А. Основные подходы к деятельности «живого музея»: культурологический анализ // Культурное наследие России. — 2023. — № 1. — С. 85–93.

гордый и самолюбивый..., желая выразить презрение к какому-либо произведению, не знает другого, более презрительного выражения, как “сдать его в архив, в музей”»⁵²⁴. Это противоречие между почтением и презрением, закреплённое в актуальном поныне фразеологизме, является исходным для идеи «живого музея» — антитезе музея-хранилища (...ненужных вещей).

Кратко напомним, как трактовалась ограниченность традиционной музейной деятельности разными авторами и практиками «живого музея». Развивая принципы «функционального подхода» к сохранению историко-культурного наследия, П. А. Флоренский призывал: «Музей, самостоятельно существующий, есть дело ложное и в сущности вредное для искусства, ибо предмет искусства... должен быть понимаем как никогда не иссякающая, вечно бывающая струя самого творчества, как живая, пульсирующая деятельность творца...»⁵²⁵. Поэтому предложенная им концепция музеефикация Троице-Сергиевой Лавры не признавала «культуртрегерство, ... ревностно защищающее икону, стенописи и самые стены и равнодушное к другим, нисколько не менее драгоценным достижениям древнего искусства»⁵²⁶. Она была направлена на сохранение и изучение «синтеза искусств», максимально выраженного в храмовом действе живого монастыря.

Этнографические концепции В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова, сложившиеся в 1920-е гг., выражали ограниченность традиционного музейного подхода в представлении этно-культурной тематики. Первая концепция призывала расширить музейные средства показа за счёт театрального искусства, превратить этнографический отдел в своеобразный музей-театр, органично сочетающий в своей работе демонстрацию предметных экспозиций с инсценировками, посвящёнными крестьянским обычаям⁵²⁷.

⁵²⁴ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4-х тт. — Т. II. — М., 1995. — С. 370.

⁵²⁵ Храмовое действие как синтез искусств // Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. — Т. 2. — М., 1996. — С. 371.

⁵²⁶ Там же. С. 382.

⁵²⁷ Например, см.: Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. — Л., 1931. — С. 1, 3–8.

Вторая концепция была направлена на переход от систематических академических экспозиций к комплексной форме представления народной культуры — этнопаркам⁵²⁸, способным представить материальную и духовную культуру народа как развивающееся и живое явление.

Решения Первого Всероссийского музейного съезда 1930 г. легли в основу практической борьбы с прежним «музеем-кунсткамерой», обращённым к прошлому. Новый декларируемый музей-культурпросветкомбинат был призван решать проблемы современности в самом широком смысле этого выражения⁵²⁹. Пересмотр данной концепции в 1950-е гг. и возврат к культурно-охранному характеру музея привели к возникновению в СССР сети музеев под открытым небом. Развитие методики их работы с комплексными историко-культурными и природными объектами способствовало формированию новых принципов сохранения наследия, получивших осмысление в 1990–2000-е гг.

В концепции уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов), опирающейся на учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва, преодолевалось узкое понимание категории «наследие» (Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, М. Е. Кулешова и др.)⁵³⁰. В её смысловое поле были включены не только памятники культуры, истории и природы, но и их окружение, составляющее с ними неизрываемое целое, а также живая народная культура, сохраняемая в образе жизни местного населения. Новые принципы охраны УИТ как рассредоточенных «живых музеев» (С. И. Сотникова)⁵³¹ выражались в определении стратегических приоритетов их развития.

⁵²⁸ Например, см.: Доклад Б. М. Соколова «Построение и деятельность советских этнографических музеев» на совещании этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.); От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда. — СПб., 2014. — С. 346.

⁵²⁹ Например, см.: О задачах «Советского музея» // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 5.

⁵³⁰ Например, см.: Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. — 1992. — № 3. — С. 90–99.

⁵³¹ Сотникова С. И. Музеология... С. 148.

В центре внимания концепции средового подхода М. Е. Каулен оказалась ограниченность традиционных ансамблевых музеев. Новая модель средового музея обогащала их собрания объектами нематериального наследия — традициями, потерявшими способность самовоспроизводиться в актуальной культуре⁵³². Кроме того, предложенная музееведом трактовка «живого музея» как типа средового музея строилась на преодолении принципа полной музеефикации, предполагающей «умерщвление» (говоря словами Флоренского) историко-культурного объекта для его сохранения. Мягкая музеефикация, связанная с практиками «живого музея», стремится сохранить объекты наследия включёнными в процессы культурного развития.

Концепция этноэкологического средового подхода, сложившаяся в деятельности В. М. Кимеева, отводит практикам мягкой музеефикации значительную роль в проектировании музеев под открытым небом. Подобные «живые музеи», создаваемые в структуре открытой, рассредоточенной экспозиции, выполняют одновременно роль объектов музейного показа и рекреационных учреждений. В духе «новой музеологии» этноэкологический подход стремится к пересмотру предмета музейной охраны, перенося акценты с коллекций на местное сообщество⁵³³.

Наконец, в концепции Т. П. Полякова, трактующего идею «живого музея» как технологию проектирования музейной экспозиции, преодолевается дидактичность традиционного подхода. Автор призывает формировать в экспозиции зоны свободного общения, где коммуникация могла бы происходить как на вертикальном уровне (музейный предмет — экспозиционер — посетитель), так и на горизонтальном уровне (посетитель — посетитель)⁵³⁴. Обеспечивается такое общение за счёт создания интерактивных историко-культурных моделей, воспроизводящих исторические интерьеры или объекты. Внутри них посетителю предлагается практически освоить

⁵³² Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России... С. 81.

⁵³³ Например, см.: Кимеев В. М. Экомузеи Притомья на рубеже ХХ–XXI веков // Вестник КемГУКИ. — 2014. — № 28. — С. 31–43.

⁵³⁴ Поляков Т. П. Как делать музей? С. 182–185.

старинные технологии, правила поведения, обычай, то есть получить исторические знания на личном опыте.

Стремясь к интеграции всех этих трактовок «живого музея» в своей концепции, автор монографии предлагает новый взгляд на проблему ограниченности устоявшейся модели музейной работы. И для этого обращается к теории культуры, которая позволяет увидеть привычное противопоставление «живого» и традиционного музеев в более широком культурологическом срезе.

Следует отметить, что культурологический анализ музейной проблематики получил теоретико-методологическое обоснование в работе М. С. Кагана, а позже развит в исследованиях Т. А. Алешиной, Л. С. Именновой, Т. П. Калугиной, Е. Н. Мастеницы, Т. М. Пчелянской, С. В. Пшеничной, О. С. Сапанжи, Л. И. Сизинцевой⁵³⁵ и др. Историко-культурологическое изучение музея и в целом деятельности по охране наследия опирается на теоретические исследования В. П. Грицкевича, А. М. Кулемзина, Э. А. Шулеповой, Т. Ю. Юреневой⁵³⁶ и др.

Традиционно в культурологических исследованиях музей рассматривается исходя из категорий «культурная форма»⁵³⁷, «куль-

⁵³⁵ Например, см.: *Каган М. С. Музей в системе культуры // Вопросы искусства и культуры. — 1994. — № 4. — С. 445–460; Именнова Л. С. Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... дра культурологии. — М., 2011. — 40 с.; Пчелянская Т. М. Социально-культурная детерминация музейной экспозиции. Культурологические аспекты : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2005. — 164 с.; Пшеничная С. В. Музей как информационно-коммуникативная система : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2000. — 220 с.*

⁵³⁶ Например, см.: *Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. — СПб., 2004. — 406 с.; Грицкевич В. П. История музейного дела конца XVIII — начала XX вв. — СПб., 2007. — 335 с.; Грицкевич В. П. История музейного дела в новейший период (1918–2000). — СПб., 2009. — 151 с.; Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление : дис. ... д-ра культурол. наук. — Томск, 2001. — 403 с.; Шулепова Э. А. Музеификация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе : автореф. дис. ... д-ра культурологии. — М., 1998. — 42 с.; Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. — М., 2003. — 532 с.*

⁵³⁷ *Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. — СПб., 2008. — 242, [1] с.*

турный/социокультурный институт»⁵³⁸, «культурный феномен»⁵³⁹, «коммуникационная система»⁵⁴⁰, «семиотическая система/феномен»⁵⁴¹, «музейность»⁵⁴². Однако в пределах данных категорий проблематичен синтез идей «живого музея», реальные воплощения которого могут выступать и как новые, и как известные культурные формы (институты, коммуникационные стратегии и др.). Поэтому в поисках ответа на ключевой вопрос (что есть «живой музей»?) и выбора инструментов для построения собственной теории, автор направляет обращение к деятельностной парадигме (подходу, концепции), сложившейся в отечественной культурологии.

Важно подчеркнуть, что деятельностный подход был основным в отечественной науке о культуре в 1970–1990-е гг., и принципы, разработанные его последователями, стали базовыми для многих российских культурологических исследований. Анализ различ-

⁵³⁸ Например, см.: *Герасименко Е. Е.* Музей в институционализации социальной памяти : автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2012. — 23 с.; *Юренева Т. Ю.* Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — 36 с.

⁵³⁹ Например, см.: *Алешина Т. А.* Музей как феномен культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Ростов-на-Дону, 1999. — 23 с.; *Мурзинцева А. Е.* Музеи российской академии наук: историко-культурологический анализ : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Улан-Удэ, 2006. — 22 с.; *Сергеева Г. П.* Семантическая структура музейной экспозиции: цикл и цикличность : дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2001. — 176 с.

⁵⁴⁰ Например, см.: *Пономарев Б. Б.* Музей как коммуникационная система: проблемы гармонизации историко-культурного и информационно-деятельностного компонентов : дис. ... канд. культурологии. — Краснодар, 2002. — 225 с.

⁵⁴¹ Например, см.: *Волькович А. Ю.* Музейная экспозиция как семиотическая система : автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб., 1999. — 23 с.; *Чеснокова М. Н.* Эволюция музейной экспозиции как знаковой системы : автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2010. — 29 с.

⁵⁴² Например, см.: *Мастеница Е. Н.* Музейная интерпретация истории как культурологическая проблема // Вопросы культурологии. — 2009. — № 9. — С. 39–43; *Мастеница Е. Н.* Социальные функции музея в глобальном мире // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Т. 210. — С. 229–236; *Сапанжса О. С.* Основы музейной коммуникации: [учеб. пособие]. — СПб., 2007. — 114, [1] с.; *Сапанжса О. С.* Культурологическая теория музейности : автореф. дис. ... д-ра культурологии. — СПб., 2011. — 58 с.

ных деятельностных концепций культуры представлен в монографии В. М. Межуева, диссертации Э. Я. Есаяна, учебном пособии А. И. Шендрика⁵⁴³ и др. Апробация данного подхода в теоретическом осмыслении проблем музейной деятельности была осуществлена в диссертации Л. И. Сизинцевой, посвящённой развитию музейного дела в Костромском крае. Музееведом было выведено отличие музейного отношения и музейной деятельности как базовых инструментов музееведческого исследования. Последняя категория характеризуется такими качествами, как осознанность, целеполагание и целедостижение⁵⁴⁴. Поэтому исследования, ориентированные на неё, связаны с изучением феноменов через выявление целей, средств и результата деятельности человека в определённой музейной области. Кроме того, понимание человека как субъекта музейной деятельности позволило Л. Сизинцевой заключить, что самым важным фактором, оказывающим воздействие на активизацию музейного развития, становится наличие деятеля, способного удержать конечную цель и создать условия для её достижения.

Учитывая этот исследовательский опыт, автор монографии предлагает собственный подход к изучению музейной деятельности, а следовательно — к новой интерпретации проблемы «живого музея», ориентируясь на генезис деятельностной школы в российской науке. Напомним, что эта культурологическая концепция уходит своими корнями в философскую проблематику человека и человеческой деятельности, которая начала разрабатываться советскими философами в период «оттепели» под влиянием впервые опубликованных работ раннего К. Маркса⁵⁴⁵. Предложенное в рамках этого философского направления объяснение культуры через

⁵⁴³ Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. — М., 2006. — 408 с.; Есаян Э. А. Понимание культуры как деятельности в советской культурологии 60–80-х гг. XX в.: Из истории отечественной культурологии : дис. ... канд. культурологии. — М., 2006. — 138 с.; Шендрик А. И. Теория культуры : учеб. пособие. — М., 2002. — 519 с.

⁵⁴⁴ Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие: XIX — первая треть XX века : автореф. дис. ... канд. культурологии. — М., 1998. — С. 21.

⁵⁴⁵ Межуев В. М. Идея культуры... С. 287.

категорию деятельности (Г. С. Батищев)⁵⁴⁶, позволило преодолеть узость «суммативного» определения культуры, сводившего её к эмпирически фиксируемой совокупности результатов материальной и духовной деятельности людей. Данный подход, общепринятый в 1960-е гг.⁵⁴⁷, не мог рассматриваться как основа теоретического изучения культурных феноменов, так как охватывал лишь объективированные результаты деятельности человека и не выражал в них того общего, что придаёт им качество предметов культуры. Этим выгодно отличалось деятельностное определение, воспринятое первым поколением культурологов как базовое⁵⁴⁸.

Множество вариантов деятельностного подхода, сложившихся в российской науке, принято разделять на две основных модели — статическую и динамическую (трактовка Н. С. Злобина)⁵⁴⁹. Их главное отличие заключается в том, что культура понимается в первой модели как специфический человеческий способ деятельности; во второй — как процесс творческой деятельности (трактовка Э. С. Маркаряна)⁵⁵⁰. Поэтому в центре внимания исследователей, придерживающихся статической интерпретации, оказываются про-

⁵⁴⁶ Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. — М., 1969. — С. 73–144.

⁵⁴⁷ Подобное определение можно встретить в «Философской энциклопедии» в 5 т. (1960–1970 гг.): «Культура — совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, используемых обществом, составляющих культурные традиции и служащих дальнейшему прогрессу человечества. ... Понятие К. включает в себя два аспекта, соответствующие двум органически взаимосвязанным сторонам трудовой деятельности человека: материальную К. — достижения, показывающие гл. обр. уровень овладения обществом человеком силами природы; и духовную К. — достижения, показывающие уровень и глубину познания природы и общества, широту достигнутого кругозора, внедрение в общество жизни прогрессивных идей и положит. знаний». См.: Электронный ресурс [сайт]. — URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/566/kultura.htm> (дата обращения: 17.09.2025).

⁵⁴⁸ Межсуев В. М. Идея культуры... С. 283.

⁵⁴⁹ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. — М., 1980. — С. 20–28.

⁵⁵⁰ Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ // Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи: научное издание. — М. [и др.], 2014. — С. 225–226.

блемы функционирования культуры как подсистемы целостной общественной системы, направленной на приспособление последней к окружающей среде. Философы, опирающиеся на динамическую интерпретацию, видят в культуре развитие человеческой личности, осуществляемое путём создания и последующего освоения людьми результатов деятельности (трактовка В. М. Межуева)⁵⁵¹.

Настоящее исследование базируется на динамической модели, основными разработчиками которой являются А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев⁵⁵² и др. Схематически эта интерпретация представляется в следующем виде: культура определяется «в двух формах — предметной (результаты деятельности) и личностной (умения и способности индивида). Если переход от личностной формы культуры к предметной (опредмечивание) в процессе творчества означает расширение предметного богатства культуры, то обратный переход (распредмечивание) в ходе ее освоения имеет своей целью и главным результатом развитие человеческой личности»⁵⁵³.

Таким образом, деятельность человека представляется как неисчерпаемый ряд «опредмечивание — распредмечивание — опредмечивание», где акт опредмечивания переходит грубо-вещественные границы, и человек, изменяя мир, изменяет самого себя⁵⁵⁴. В этом контексте музейная деятельность также может быть представлена как нескончаемый процесс:

- опредмечивания, то есть перехода личных умений и способностей человека в предметные формы культуры (в основе музея, в целом, и любого музейного проекта, в частности, находятся чьи-то идеи, умения и способности);
- распредмечивания материальных и нематериальных культурных ценностей в целях развития личности (чему соот-

⁵⁵¹ Межуев В. М. Идея культуры... С. 282–283.

⁵⁵² Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. — М., 1987. — С. 5–27; Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. — М., 1987. — 158, [2] с.; Коган Л. Н. Теория культуры : учеб. пособие. — Екатеринбург, 1993. — 160 с.

⁵⁵³ Межуев В. М. Идея культуры... С. 287.

⁵⁵⁴ Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае... С. 5.

- ветствует работа, проводимая в фондах, экспозициях, лекциях, социальных сообществах и др. с объективированными результатами человеческой деятельности, получившими музейный статус);
- вторичного опредмечивания, расширения культурного богатства за счёт создания не только новых объективированных результатов, но и культурных форм⁵⁵⁵, в том числе технологий, способов, методов музейной практики (например, музейная экспозиция сегодня воспринимается как новая форма искусства).

Особую ценность для понимания специфики деятельности «живого музея» имеет концепция Н. С. Злобина, в центре которой рассмотрение вопросов культурной динамики через дихотомию «творческого» и «репродуктивного». Разделение человеческой деятельности на творческую и репродуктивную основывается на явном отличии их целей: первая стремится к созданию нового во всех сферах общественной жизни, и, по сути, это и есть культура; вторая, репродуктивная деятельность воспроизводит готовые культурные образцы⁵⁵⁶. Этот подход, часто критикуемый за исключение из области культуры общепринятых ценностей, норм и образцов⁵⁵⁷, всё же, как нельзя лучше показывает противоречивость традиционной модели музейной деятельности. Отталкиваясь от трактовки Н. С. Злобина, можно заключить, что музей на первых этапах своего существования, как и все иные социокультурные формы, являл со-

⁵⁵⁵ Кратко обозначим: культурная форма — это совокупность наблюдаемых признаков и черт всякого культурного объекта (явления), отражающих его утилитарные и символические функции; следует отличать культурную форму от самого объекта, взятого в его конкретно-исторической реальности, который, как правило, представляет собой артефакт в культуре использования и интерпретации данной культурной формы. Понятие культурной формы касается не только материальных продуктов человеческой деятельности, но и продуктов духовного (символического) производства, видов коллективной самоорганизации и разделения людей, средств коммуникации и пр. результатов человеческой деятельности. См.: Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие. — М., 2000. — С. 144–145.

⁵⁵⁶ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс... 303 с.

⁵⁵⁷ Например, см.: Межуев В. М. Идея культуры... С. 288–290.

бой творческую, новаторскую деятельность, а поэтому был частью нескончаемого процесса культурного опредмечивания и распредмечивания. Однако, превратившись в норму общественной жизни (социокультурный институт), он утратил своё новаторское значение и превратился в репродуктивную практику общества. Музейное творчество, ориентированное на создание нового, а поэтому выражающее неисчерпаемый процесс «очеловечивания» мира (опредмечивания — распредмечивания — опредмечивания), оказалась его антитезой...

Таким образом, автор предлагает следующую культурологическую модель «живого музея». Привычное для музееведческих исследований противопоставление «мертвого хранилища» и «живого музея» (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский и др.) трансформируется в противопоставление двух подходов к пониманию культуры в музее — как совокупности культурных ценностей, норм, практик и как нескончаемого процесса творчества. Первый подход лежит в основе устоявшейся модели музейной деятельности, репродуктивной по содержанию и поэтому практически сводимой к процессу распредмечивания культуры (или, в привычных терминах, — освоения наследия). Второй подход — творческий, не ограниченный воспроизведением образцов и расширяющий предметное богатство культуры («опредмечивающий»), реализуется в различных проектах и практиках «живого музея».

Безусловно, категория «творчество» сложно определяема, но Н. С. Злобиным вводится следующая отличительная характеристика: «тот или иной продукт творческой деятельности приобретает значение факта и фактора культуры только тогда, когда он... продолжает жить (а следовательно, и развиваться) в социальных деяниях других людей, в их взаимном общении», когда сохраняет в своем бытии «процессуальный характер той творческой деятельности, в результате которой впервые получил жизнь»⁵⁵⁸. Это же качество определяет главную черту любого проекта или объекта «живого музея», целью которого становится формирование активного отношения посетителя к своему наследию.

⁵⁵⁸ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс... С. 37.

Резюмируем вышеизложенное:

«Живой музей» понимается автором как особый динамичный, творческий подход к сохранению наследия или модель музейной деятельности, не ограниченная воспроизведением образцов и поэтому расширяющая предметное богатство культуры. В основе «живого музея» — творческая деятельность его создателей и посетителей, сохраняющая в акте коммуникации свой процессуальный, развивающийся, творящий характер.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ИНТЕРАКТИВНОЙ МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ: СОПОСТАВЛЕНИЕ

Деятельностный подход к определению понятия «живой музей» позволяет не просто дополнить существующие трактовки ещё одним вариантом. Его задача — уточнить их, конкретизировать и развить. Аргументируем этот тезис на примерах из музейной практики и теории.

Как уже отмечалось, наибольшее распространение в современной музейной сфере получила реализация идей «живого музея» в формате мягкой музеефикации. Особую группу «живых музеев», связанных с этим принципом, составляют музеи-монастыри и музеи-храмы, где совмещение религиозных и охранных функций рассматривается как обязательное (Троице-Сергиева Лавра, Новодевичий монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь и др.). Но чаще всего мягкая музеефикация реализуется в сфере государственно-частного партнёрства в области актуализации наследия, где весьма популярной формой стала музей-гостиница. Яркий пример подобного проекта — Лесной терем Асташово⁵⁵⁹. Наблю-

⁵⁵⁹ Музей-гостиница «Лесной терем Асташово» образован на основе усадьбы крестьянина Мартьяна Сазонова в Костромской области (Чухломский район). В интерьерах музея-гостиницы выставляются предметы музейного значения, связанные с усадьбой и её владельцами; значительное место в деятельности новых хозяев отводится изучению истории местности и актуализации ее наследия. См.: URL: <https://astashovo.com/?ysclid=1vv7kx3wf2558683179> (дата обращения: 20.09.2025).

даются и более удивительные сочетания, такие как музей-фабрика (музеи «Золотой хохломы»⁵⁶⁰) или даже музей-депо (Паровозное депо «Подмосковная»⁵⁶¹). Применение творческой трактовки «живого музея» для анализа деятельности и проектирования подобных учреждений позволяет подчеркнуть общую для них проблему. Это необходимость проработки на уровне концепции долгосрочных направлений развития, позволяющих избежать «умерщвляющего» однообразия и утраты творческого, новаторского характера данной практики.

Можно сказать, что в этом плане деятельностьная модель «живого музея» согласуется с положениями культурно-ландшафтного и этноэкологического подходов, уделяющих большое внимание стратегическому планированию. В то же время авторская концепция отличается от этих методик областью применения: она ориентирована на отдельные, самостоятельные музейно-туристические объекты, способные выполнять интегративные культурные функции. Поучительный опыт такой музейной работы можно обнаружить в этномузее Сибири и Дальнего Востока, создаваемых

⁵⁶⁰ Музейно-туристические комплексы «Золотой хохломы» (Нижегородская обл., г. Семёнов) позволяют гостям наблюдать «рождение» традиционных расписных изделий, основные этапы их изготовления. В число музеев входят: Ассортиментный кабинет АО «Хохломская роспись», где собраны и бережно хранятся образцы-эталоны продукции известного предприятия, проходят художественные советы и конкурсы; Музейно-туристический центр «Золотая хохлома» с постоянными и временными выставками, посвящёнными истории промысла; Музей народного быта «Дом Семена — ложкаря», предлагающий интерактивные программы; Салон-магазин «Жар-птица», где можно принять участие в художественных мастер-классах, продегустировать блюда из меню в русских традициях или приобрести оригинальные изделия лучших российских предприятий. См.: URL: <https://goldenholoma.com/> (дата обращения: 20.09.2025).

⁵⁶¹ Историческая площадка «Паровозное депо “Подмосковная”» — музейно-производственный объект РЖД (Москва), состоящий из двух частей: 1) музей-депо (включает комплекс исторических построек станции «Подмосковная» Рижского направления Московской железной дороги и действующее паровозное депо веерного типа); 2) современное депо, где обслуживаются комфортабельные поезда («Сапсан», «Ласточка» и др.). См.: URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/11454> (дата обращения: 20.09.2025).

этническими общинами самостоятельно (или по их инициативе) с целью демонстрации традиционного образа жизни (например, Этнокультурный центр «Нюлтен»⁵⁶²). В актуальной практике развиваются и русские национальные музеи-сёла (например, Историко-культурный комплекс «Вятское»⁵⁶³). Нередко основу их рассредоточенных экспозиций составляют отдельные объекты музеиного показа, интегрированные в живую среду современных поселений. К слову, чаще всего данные музеи и учреждения музеиного типа (культурные центры, микромузеи и т. п.) рассматриваются в отечественном музееведении как один из вариантов эко-музея⁵⁶⁴. С точки зрения авторской концепции, этномузеи — это «живые музеи», деятельность которых должна быть направлена на расширение этнокультурного богатства и творческое переосмысление наследия малых народов, чем и объясняется своеобразный характер их работы.

Одна из наиболее интересных тем — это соотнесение культурологической модели «живого музея» и концепции средового подхода М. Е. Каулен. Широкое распространение данного концепта в музейной рефлексии сопровождается терминологической путаницей, окружающей понятия «средовой музей», «живой музей», «музей традиции» — они используются в современных публикациях и как самостоятельные термины, и как синонимы. Деятельностная трактовка «живого музея», подчёркивающая его процессуальный, поисковый, творческий характер, позволяет упростить выделение подобных учреждений среди всех музеев, тяготеющих к средово-

⁵⁶² Этнокультурный центр РО «Нюлтен» (Камчатский край, Мильковский р-н, с. Мильково) включает эвенское стойбище и питомник ездовых собак; в центре знакомят жителей и гостей Камчатки с традиционными видами деятельности коренных народов. См.: URL: <https://nulten.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

⁵⁶³ Историко-культурный комплекс «Вятское» имени Е. А. Анкудиновой (Ярославская обл., Некрасовский район) — частное учреждение культуры, основанное в одноимённом селе в 2008 г. Включает более 30 отреставрированных памятников архитектуры, 15 музеев, гостиницу, ресторан и пр. объекты. См.: URL: <https://vyatskoe-selo.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

⁵⁶⁴ Например, см.: Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия... С. 59–63.

му подходу. Средовые музеи, музеи традиции и их разнообразные «живые экспозиции» будут реализовывать репродуктивную модель деятельности, если ориентированы только на воспроизведение культурных традиций (норм, образцов). «Живые» музеи, эко-номузеи и схожие учреждения музейного типа будут стремиться к поиску «живого в старом» (по выражению Д. С. Лихачёва), предлагающая оригинальные музейные проекты.

Перейдём к другому актуальному музейному концепту. Многие положения деятельностиной модели имеют прямую связь с концепцией «живого музея» Т. П. Полякова. Опираясь на теорию культуры, автор монографии переосмысляет и дополняет разработанную известным музейным проектировщиком методику музейной работы. В частности, предложенная модель учитывает основные понятия, введённые Поляковым для анализа и проектирования динамичных экспозиционных объектов («технологии, зоны и объекты живого музея», «зоны свободного общения», «технологии интерпретации экспозиции» и др.). В то же время, ориентируясь на творческий подход, понимаемый как основу «живого музея», автор пересматривает проблемное поле концепции. Деятельностная трактовка охватывает не только различные формы интерактивных экспозиционных зон (это — настояще «живого музея»), но и те феномены музейной деятельности, которые традиционно остаются за рамками, как нечто не системное и исключительное (это — будущее «живого музея»). К слову, таким является феномен «авторского музея», разрабатываемый Поляковым⁵⁶⁵, а также другие перспективные практики.

Наконец, завершая обзор теоретического применения культуры-рологической модели «живого музея», покажем перспективность её использования при анализе деятельности музеев под открытым небом. Вносимое ими разнообразие в формы «живого музея» связано не только с актуальными российскими методиками, но и с освоением зарубежных техник представления наследия. Неслучайно в настоящее время под «живыми музеями» часто понимаются те учреждения, которые тяготеют к реализации принципов «живой

⁵⁶⁵ Например, см.: Поляков Т. П. Музейная экспозиция... С. 365–379.

истории»⁵⁶⁶. Применение деятельностной трактовки позволяет подчеркнуть важные отличия этого широко известного подхода от российской концепции «живого музея».

Прежде всего, прокомментируем подробнее формат «живой истории», так как ранее не уделяли этому значительного внимания. Приверженцам передовых мировых практик будет интересно узнать, что американский исследователь данного феномена Дж. Андерсон (Jay Anderson), выявляя основные характеристики «живой истории» как техники музейной интерпретации⁵⁶⁷, использовал такие определения, как «путешествие во времени» и «имитация жизни других эпох»⁵⁶⁸. Его анализ ранних практик «оживления истории» показал, что археологи, фольклористы и предприниматели начали массово экспериментировать с этой техникой для проверки археологических исследований («экспериментальная археология») и разработки новых, аттрактивных принципов демонстрации объектов материальной культуры. Объединяющим фактором для разных заинтересованных лиц было стремление к развитию рекреационной деятельности музеев в познавательно-развлекательном формате.

Чтобы лучше понять этот тезис, следует обратиться к обзорным и методическим материалам, выпускавшимся в ежегодных сборниках американской, а затем международной Ассоциации музеев «живой истории», музеев-ферм и музеев сельского хозяйства

⁵⁶⁶ Например, см.: *Прокудина Д. А., Прокудина Е. К. Живой музей: трансформация музея в контексте экономики впечатлений (зарубежный опыт)* // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — № 6 (98). — С. 34–48; *Прокудина Д. А. Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории* // Культура и образование. — 2020. — № 4 (39). — С. 23–31.

⁵⁶⁷ Понятие «интерпретация», или «медиация», используется в западной музеологии для общего обозначения тех музейных практик, которые в российском музееоведении принято рассматривать как формы экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музеев. Значение термина «медиация (интерпретация)» см.: Ключевые понятия музеологии / Сост.: А. Девалье, Ф. Мересс ; пер. А. В. Урядниковой. — М., 2012. — С. 38.

⁵⁶⁸ *Living History Reader / ed. J. Anderson. Vol. I: Museums.* — Nashville, 1991. — 240 p.

(ALHFAM)⁵⁶⁹. Наиболее значимые статьи и методические рекомендации, вышедшие за четверть века существования этой серии, были вновь опубликованы в 2019 г.⁵⁷⁰ В одной из таких работ, подготовленной К. Бордман (Kathryn Boardman), отмечается, что в центре всех дискуссий о «живой истории» находятся проблемы auténtичности и истинности воссоздаваемых явлений. Она пишет, что точность исследований и информации, представленной в формате «живой истории», необходима для образовательной эффективности этих проектов, однако вся полнота сведений об исторических явлениях в принципе недостижима. Как подчёркивает Бордман, преодолеть эту методологическую проблему в рамках «живой истории» практически невозможно. Поэтому нарастающая популярность образовательно-развлекательного формата работы приводит к распространению стереотипных представлений об исторических фактах в подобных музеях⁵⁷¹.

Отталкиваясь от российской практики и деятельностной трактовки «живого музея», можно прийти к следующему выводу. Познавательно-развлекательные учреждения «живой истории», всё чаще появляющиеся на музейной карте России, нередко ориентируются на репродуктивную модель деятельности, а творчество в них подменяется типовой интерактивностью. В то же время освоение практик «живой истории» в России связано с открытием экспериментальных центров, которые превращают данные идеи в основу своей исследовательской деятельности, придавая ей ярко выраженный

⁵⁶⁹ В 1970-е гг. в США сформировалась целая сеть ферм «живой истории», сельскохозяйственных музеев, исторических территорий и домов-музеев, исторических мельниц, фабрик и мастерских, которые образовали Ассоциацию живых исторических ферм и сельскохозяйственных музеев. Постепенно к ней присоединялись музеи «живой истории» из других стран. С 1998 г. организация носит современное название — Ассоциация музеев живой истории, ферм и музеев сельского хозяйства (Association for Living History, Farm, and Agricultural Museums).

⁵⁷⁰ The living history anthology: perspectives from ALHFAM / Ed. M. B. Katz-Hyman, C. Jones, S. J. McCabe and M. Seelhorst. — New York, 2019. — 262 p. Электронная версия (EPUB).

⁵⁷¹ Boardman K. Revisiting Living History: A Business, An Art, A Pleasure, An Education // Там же.

творческий, поисковый характер. Пример подобного проекта — Духовно-культурный кремль «Богатырская слобода»⁵⁷² (илл. 48–51). Словом, применение деятельностного подхода к осмыслиению «живого музея» позволяет снять вопрос о его схожести / отличии от музея «живой истории»⁵⁷³, и показать, что противоречие выражается не в конфликте зарубежной и отечественной терминологии, а в двух принципиально разных позициях, связанных с воспроизведением культуры, либо её творением. В тех же музеях «живой истории» мы можем встретить приверженцев как первой позиции, так и второй.

В заключение ещё раз подчеркнём: деятельностная трактовка «живого музея» не противоречит существующим определениям, она призвана дополнить и синтезировать их основные смыслы. В зону её влияния попадают самые разные музейные проекты и объекты, имеющие творческий, динамичный, процессуальный характер и стремящиеся к обновлению привычных представлений о музейной деятельности.

ВАРИАНТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МОДЕЛИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» И ЕЁ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Завершив определение теоретических аспектов, характеризующих творческую модель музейной деятельности, следует обговорить особенности её практического применения. Поэтому,

⁵⁷² Духовно-культурный кремль «Богатырская слобода» — это развивающийся архитектурный комплекс, созданный в традициях древнерусского деревянного зодчества в живописном месте Жигулёвских гор на берегу р. Усы (Национальный парк «Самарская Лука»). Центральный объект — уникальная Ладейная Верфь — «Живой музей Древнерусского Флота», где мастера деревянного судостроения возрождают и изучают традиции строительства древнерусских парусно-вёсельных ладей. См.: *Иеромонах Феоктист (Петров)*. Экспедиция на варяжское море «Путь Рюрика». Открытие острова русов на ладье «Змей Горыныч» // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. — Т. 3. — М., 2023. — С. 225–357.

⁵⁷³ Об этом, в частности, автор писал ранее, см.: *Зотова Т. А.* «Оживление» истории как одна из тенденций развития современных исторических и военно-исторических музеев-заповедников в России // Культурный код. — 2022. — № 3. — С. 36–48.

используя метод моделирования, или мысленного эксперимента, поочередно рассмотрим несколько гипотетических концепций развития существующих и перспективных музейных объектов.

Первый объект нашего экспериментирования — Музей крестьянского быта, входящий в структуру современного Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские» (Московская обл.). В истории этого музейного объекта, расположенного на Каширском шоссе, выделяется несколько значительных событий. Главное из них относится к 1921 г., когда в доме, принадлежавшем крестьянам В. А. и М. Ф. Шульгиным, проходила встреча В. И. Ленина с местными жителями, в результате которой д. Горки получила электричество одной из первых в России⁵⁷⁴. Эта история и внутренняя обстановка дома сохранялась семьёй, и в 1970-е гг. участок с движимым и недвижимым имуществом был передан формирующемуся музею-заповеднику. На основе дома в 1982 г. открылся Музей В. И. Ленина в д. Горки. Первая экспозиция включала два блока — историко-документальный, посвящённый истории электрификации деревни, и историко-бытовой, представляющий обстановку крестьянского дома начала XX в. В 1992 г. музей был переименован в Музей крестьянского быта, и основным направлением его развития стало историко-бытовое.

После ребрендинга музея сформировалась ансамблевая экспозиция, предлагающая историко-культурную реконструкцию быта крестьянской семьи начала XX в. — середины XX в. Сегодня отдельные её фрагменты выглядят скорее, как открытые фонды, например, в этом качестве воспринимается народная одежда, вывшенная в ряд, или находящаяся рядом «выставка» сундуков и прялок. Но приоритетное внимание привлекает обеденный стол, за которым размещаются участники мастер-классов и программ, и возвышающийся над ними мемориальный артефакт — первая электрическая лампа деревни, использующаяся поныне по своему назначению. Эта группа — смысловое ядро всего экспозиционного пространства.

⁵⁷⁴ Горки Ленинские / Авт.-сост. В. И. Здесенко. — М., 1985. — 159 с. См. с. 35–37.

Можно сказать, что несмотря на отдельные недостатки в экспозиции, обновлённой в 1990-е гг., была реализована достаточно современная концепция. В центре экспозиции находился её посетитель, чаще всего — это родитель, пришедший с ребенком познакомиться с национальной культурой. Он становился участником особого культурного процесса, в котором с помощью игровых культурно-образовательных программ предлагалась реконструкция отдельных элементов крестьянской обрядовой культуры. Эти программы зачастую не имели установленного «тайминга» и жёсткого регламента, а проводились в творческой и свободной обстановке, созданной заведующей музеем И. И. Маст. Гостей праздников встречали караваем и блинами, вкусным чаем и весёлыми песнями. Неудивительно, что Музей крестьянского быта воспринимался как культурный центр деревни, где можно провести время с интересом в непринуждённой обстановке живой народной культуры⁵⁷⁵. В изданиях музея-заповедника 2000-х гг. отмечалось, что аудитория музея растёт из года в год⁵⁷⁶.

К сожалению, дальнейшего развития данная перспективная концепция не получила. После ухода создателя экспозиция и культурно-образовательные программы обновлялись и приводились в соответствие со стандартами, но отдел по-прежнему не получал желанных цифр в квартальной и годовой отчётности. В качестве одного из объяснений этих неудач рассматривалась оторванность Музея крестьянского быта от других объектов показа⁵⁷⁷. В период работы автора в музее-заповеднике обсуждались даже такие фантастические варианты увеличения количества посещений, как перевозка избы (!) на основную территорию. Иными словами, в то время, когда другие музеи-заповедники постепенно осваива-

⁵⁷⁵ Об этом можно узнать изличных бесед со старыми смотрителями музея-заповедника «Горки Ленинские».

⁵⁷⁶ Музей и время: вехи истории Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские» в документах и фотографиях / [авт.-сост. Г. А. Наумова, Е. Н. Савинова, Т. В. Шубина]. — М., 2009. — С. 216.

⁵⁷⁷ Зотова Т. А., Власов Б. В., Хромов О. В. О новой «Концепции развития...» в контексте экспозиционно-выставочной деятельности Музея-заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник (№ 17). — М., 2021. — С. 168.

ли прилегающие земли, связанные единой историей (настоящим и будущим) с их достопримечательными местами и ансамблями⁵⁷⁸, «Горки Ленинские» размышляли о закрытии последнего филиала, интегрированного в пространство исторической деревни, а ныне — живого и развивающегося населённого пункта...

Отталкиваясь от деятельностной трактовки «живого музея», представим перспективный путь развития выбранного музейного объекта. Напомним, что в таком случае речь идёт о полном изменении модели деятельности музея — с репродуктивного и статичного формата сохранения наследия, то есть его распредмечивания-освоения, на творческий и процессуальный формат, то есть его опредмечивание и возвращение в виде новых артефактов культуры в культурогенез. С учётом этого цель создания и развития «живого музея» будет связана с представлением культуры и наследия как процессов человеческой деятельности (развивающихся и изменяющихся), а также с активизацией их творческого потенциала. Главными средствами достижения цели станут технологии «живого музея» и интерактивные формы культурно-образовательной деятельности, которые объединяются в единую стратегию музейной работы, включающую планирование в пространственном и временном аспектах. Результатом реализации такого подхода будет динамичное музейно-экспозиционное пространство, провоцирующее посетителей на поиск «живого в старом» и активное отношение к наследию, его изучение и переосмысление.

Таким образом, переход от репродуктивной к творческой модели деятельности предполагает преобразование привычного Музея крестьянского быта в Музей крестьянского образа жизни. Целью деятельности учреждения в формате «живого музея» будет актуализация культурных процессов развития и изменения образа жизни крестьян д. Горки и ближайших населённых пунктов, которые проходили на протяжении XX в. Это — изменения в формах обыденной жизнедеятельности людей, порядках и способах их повседневного

⁵⁷⁸ Например, см.: Шульгин П. М. Ясная Поляна: опыт использования историко-культурного наследия // Россия и современный мир. — 2005. — № 3 (48). — С. 235–240.

существования, в том числе в устройстве жилища и домашнего обихода, в традициях хозяйствования и природопользования, в семейных отношениях и нормах социального поведения и др. Сверхзадачу данной работы можно сформулировать, вспоминая наставления И. И. Маст⁵⁷⁹, как «мягкое» обучение местных жителей и гостей заповедника умению видеть прошлое в настоящем.

Как говорится, лучший пример — личный, а поэтому главным объектом показа в данном музее будет работа его коллектива, сплочённого общей задачей — изучением и показом крестьянского образа жизни, его материальных и духовных форм. В состав творческого коллектива должны войти не только музейные специалисты — кураторы и хранители, но и помощники по хозяйственной работе, мастера-ремесленники и участники этнографического кружка (предпочтительно — из местных жителей). Казалось бы, такое количество сотрудников излишне для небольшого этнографического отдела. Однако в нашей концепции, ориентированной на представление бытовых, фольклорных, семейных и других традиций крестьянской жизни, предполагается, что сотрудники музея будут проводить научную и экспериментально-показательную работу на всей территории музея-заповедника, возрождая исторические традиции хозяйствования и природопользования.

Основным средством реализации этой концепции являются технологии «живого музея», то есть приёмы и способы создания в экспозиции историко-культурных моделей (исторических интерьеров, ландшафтных объектов и пр.), внутри которых для коммуникации используются предметы, нормы общения и действия, бывшие привычными для исходных прототипов. Напомним, что внедрение подобных технологий в музейное пространство приводит к формированию в нём зон и объектов «живого музея», имеющих игровую или функциональную направленность, а также постоянный или временный характер.

В нашем случае речь идёт о создании целой системы условно-постоянных и временных зон «живого музея» в пределах филиала и усадебной территории. В основу данной системы, реализую-

⁵⁷⁹ Музей крестьянского быта / Сост. И. И. Маст. — М., 2004. — С. 108–109.

щейся как в пространственном, так и временном аспектах, будут положены основные события из русского церковно-народного месяцеслова, советского революционного календаря, а затем — настольного календаря колхозника. Конкретные динамичные объекты и сроки их ежегодной работы предстоит определить на этапе проработки ключевых документов стратегического планирования — расширенной тематической структуры, календаря экспериментально-показательных работ и цикличного плана выставочной деятельности. Не вызывает сомнения, что среди данных объектов окажутся популярные в музеях этнографического профиля экспозиционные огороды, зоны демонстрации ремёсел, ретромастерские, этнографические перформансы и т. п. Кроме того, для реализации намеченного плана можно использовать такие оригинальные технологии «живого музея», разработанные Т. П. Поляковым, как «театр вещей», «сеансовые игротеки», «экспозиционные киоски», «музеи-школы» и т. д.

Предполагается, что центральная условно-постоянная зона «живого музея» развернётся на основе существующего Музея крестьянского быта. В данном пространстве предстоит организовать музейно-образную экспозицию-лабораторию «День в крестьянской семье» с обновляемыми выставочными блоками. Эти блоки будут наполняться новыми предметными, документальными и изобразительными свидетельствами в зависимости от ежегодного календаря показательных работ и выставок. В качестве музейного оборудования рассматриваются предметы обычной крестьянской обстановки — типовые и новодельные, преобразованные в условные витрины-образы. Подобные идеи использовалась в старой экспозиции, но нам предстоит их развить, превратив в условные витрины все объекты интерьера, не имеющие мемориального характера.

Следует отметить и особенности экскурсионной работы Музея крестьянского образа жизни. Коллектив откажется в общении с посетителями от привычных понятий «экскурсия», «музейная программа», «мастер-класс» и др. (оставим их для статистических документов). Это — маркеры репродуктивного подхода к актуализации наследия, его творческая модель предполагает другие решения. Посетители музея должны приходить не на обзорную экскурсию,

а «в гости» — к музеиному хранителю, куратору или помощнику, своего рода «дежурному» по объекту. В зависимости от графика этих сотрудников будет меняться содержание и направленность музеиного посещения, что придаст будничной работе филиала из-менчивый и динамичный характер. Новая концепция музея предполагает, что исследовательская, собирательская и просветительская деятельность коллектива окажется тесно связанной с реализацией ежегодного календаря показательных работ и выставок, а поэтому «основные темы рассказа» будут плавно изменяться в зависимости от времени года и предстоящих праздников.

Местных детей и семейных посетителей музей будет приглашать не только «в гости», но и на «игры». В некотором роде подобная практика уже проводилась музеиным отделом, предлагавшим своим посетителям культурно-развлекательные программы из цикла «Забытых детских игр», разработанных И. И. Маст⁵⁸⁰. Новая концепция музея предлагает расширить и переосмыслить этот подход: каждый ребенок, приходящий в музей, должен иметь возможность поиграть — в настольные игры, в «почту», в «дочки-матери» на крестьянский манер, в трудовые занятия и др. Главная задача подобной коммуникации — не только показать ребенку, что в музее интересно и весело, но и активизировать детскую фантазию, включить в неё историко-культурный компонент. Высшей похвалой таких музеиных практик станет продолжение этих игр в домашних условиях.

Помощь музеиному коллективу в разработке конкретных форм игрового взаимодействия окажут актуальные методики из области музеиной педагогики⁵⁸¹. Будут полезными и культурологические знания. В частности, игровая концепция культуры, объясняющая свойства игры как культурной универсалии⁵⁸². Напомним, что среди

⁵⁸⁰ Маст И. И. Забытые детские игры. — М., 2012. — 48 с.

⁵⁸¹ Например, см.: Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика : учеб. пособие. — М., 2004. — 216 с.; Шляхтина Л. М. Музейная педагогика : учебно-методич. пособие. — СПб., 2021. — 60 с.; Юхневич М. Ю. Я пойду тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике. — М., 2001. — 224 с.

⁵⁸² Например, см.: Хейзинга Й. Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры. — СПб., 2011. — 416 с.

этих свойств — свободный характер, самодостаточность, временная и пространственная обособленность, повторяемость, коллективность, ритуальность, обязательность правил и др.⁵⁸³ Максимально подчеркнуть и выразить эти игровые свойства предстоит авторам оригинальных сценариев (программ) посещения постоянной экспозиции-лаборатории и временных мероприятий.

Остается отметить, что превращение одного из музеиных отделов «Горок Ленинских» в «живой музей» должно благоприятно сказаться на обновлении всего пространства музея-заповедника. Проектируемый Музей крестьянского образа жизни органично дополнит мемориальный ансамбль усадьбы «Горки», являясь творческой лабораторией по отработке новых музеиных проектов и технологий. Посетители заповедника получат уникальную возможность: увидеть не только историческое и пространственное единство усадебной и крестьянской культуры, но и живую творческую работу, воссоединяющую прошлое и будущее России.

Перейдем ко второму экспериментальному объекту. В его качестве рассматривается перспективный «Заводской музейно-парковый комплекс», образованный на основе исторической территории бывшего стекольного завода и прилегающего посёлка. Прообразом этого гипотетического музейно-туристического объекта является одно из старейших стекольных предприятий Судогодского уезда Владимирской губернии — Болотский завод, основанный в 1835 г. купцом 2-й гильдии Ф. Л. Безбородовым в принадлежавшей ему Заболотской пустоши⁵⁸⁴. Производство, имевшее длительную историю и носившее разные наименования (Воробьевский стеклянный завод, Завод «Красный Богатырь», ЗАО «Стеклозавод «Богатырь»), окончательно закрылось в середине 2000-х гг. Сегодня заводская территория пустует, если не считать некоторых руин и завалов, оставшихся после демонтажа комплекса. Однако, что в большей

⁵⁸³ Иконникова С. Н. История культурологических теорий : учеб. пособие. — М. [и др.], 2005. — С. 367–389.

⁵⁸⁴ Путешествуем по родному краю #КультураВдоме33# // Официальное сообщество МУК КДО «Родина» Краснобогатырский Дом Культуры. Запись от 28.04.2020. — URL: https://m.ok.ru/group/55579957854458/topic/151525217960954?__dp=y (дата обращения: 13.09.2025).

степени привлекает внимание проектировщика, сохраняется большой заводской посёлок Красный Богатырь (первоначально — Воробьёвка), прилегающий к бывшему заводу и выступающий центром социальной и культурной жизни для ближайших деревень и сёл. Туристский ресурс проекта также связан с работающим рядом комплексным природным Дюкинским заказником со скалодромом, неизменно привлекающим молодую аудиторию, и с некоторыми другими «живыми» историко-культурными объектами⁵⁸⁵.

Ещё раз подчеркнём, что это — гипотетический объект проектирования. Он выбран по той причине, что история данной местности знакома автору монографии, а судьба — типична для российской глубинки. Похожих исторических мест или руинированных объектов с прилегающими посёлками и многочисленными урочищами вокруг — можно насчитать не один десяток. В них не ожидается восстановление производства, поэтому одним из перспективных вариантов социально-экономического развития считается их переориентация на культурно-туристический сектор. Понимая масштабы задач, связанных с проектированием любого нового музеиного комплекса, автор не стремится к разработке в рамках эксперимента «примерной» концепции и показательного плана, который мог бы восприниматься как образец для проектов реновации и развития подобных исторических районов. Но ставится не менее важная задача: сформулировать и описать экспозиционный замысел, показывающий возможности и перспективы создания «живого музея» в таких условиях.

Для начала — кратко охарактеризуем сложившуюся практику «омузееования» заводских территорий. Наиболее широкую известность получило культурное перерождение предприятий-гигантов, утративших утилитарное значение и трансформирующихся в городские молодёжные арт-кластеры (например, Винзавод⁵⁸⁶, Музей

⁵⁸⁵ Например, рядом находится исчезающее с. Милиново — бывшая вотчина московского Новодевичьего монастыря.

⁵⁸⁶ Центр современного искусства Винзавод (Москва) открылся в 2007 г. на территории старейшего московского комбината виноградных и десертных вин, бывшего пивоваренного завода «Московская Бавария». См.: URL: <https://winzavod.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

русского импрессионизма⁵⁸⁷, Севкабель Порт⁵⁸⁸). Опираясь на классическую терминологию, этот подход, с некоторыми оговорками, можно назвать музеификацией «под музей». В современных работах, посвящённых индустриальному наследию, он получил обозначение «арт-осмысление». Второе направление, не теряющее актуальности, связано с сохранением *in situ* исторических производственных комплексов, ценных с точки зрения истории, науки, культуры. Оно тяготеет к классической модели «как музей», и к нему относятся такие учреждения, как музей-заповедник «Красная Горка»⁵⁸⁹, Экоиндустримальный технопарк «Старый Демидовский завод»⁵⁹⁰ и др. Наконец, наш экспериментально-мыслительный объект относится к третьей модели сохранения индустриального наследия, актуальной в случае утрат. Подобный объект, реконструированный в пределах (на периферии) мемориального пространства, М. Е. Каулен назвала бы «средовым музеем», В. В. Тихонов — «музеем реконструкцией-резерватом»⁵⁹¹, а Т. П. Поляков — музейно-парковым комплексом. Воспользуемся последней категорией, в концептуализации которой автор монографии принимал непосредственное участие⁵⁹².

⁵⁸⁷ Музей русского импрессионизма (Москва) — частное учреждение культуры, открывшееся в 2016 г. на территории бывшей кондитерской фабрики «Большевик». См.: URL: <https://www.rusimp.su/> (дата обращения: 18.09.2025).

⁵⁸⁸ Севкабель Порт (Санкт-Петербург) — культурно-деловое общественное пространство, открывшееся в 2018 г. на исторической части территории завода «Севкабель», а ранее — «Сименс и Гальске» (Кожевенная, 40). См.: URL: <https://sevcableport.ru/ru> (дата обращения: 18.09.2025).

⁵⁸⁹ Музей-заповедник «Красная Горка» (Кемерово) — историко-архитектурный музей, созданный на месте открытия Кузнецкого угольного бассейна (1991). См.: URL: <https://redhill-kemerovo.ru/> (дата обращения: 18.09.2025).

⁵⁹⁰ Экоиндустримальный технопарк «Старый Демидовский завод» (завод-музей) входит в структуру Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (Нижний Тагил, Свердловская обл.). Музей был образован в 1989 г. на базе Нижнетагильского завода им. Куйбышева, основанного династией Демидовых в 1725 г. См.: URL: https://museum-nt.ru/content/visit/museum/museum.php?ELEMENT_ID=39 (дата обращения: 18.05.2025).

⁵⁹¹ См.: Тихонов В. В. Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом. — Иркутск, 2013. — 80 с.

⁵⁹² См.: Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы : коллективная монография / Т. П. Поляков и др. — Москва, 2023. — 556 с.

Музейно-парковый комплекс — одна из перспективных форм физического и духовного хранения историко-культурных объектов и памятников на исторической территории. Этот термин распространяется на формальные или неформальные объединения традиционных парков (городских, природно-исторических и др.) с музеем под открытым небом, включающим ряд архитектурных или иных объектов с интерьерными музейными экспозициями⁵⁹³. Кроме того, с данной формой, не обременённой юридическими сложностями создания музеев-заповедников, связано музейное освоение историко-культурных районов и мест, где утрачены значимые материальные (архитектурные) свидетельства социальной, политической, военной истории, но сохраняются образы прошлого в местной культурной памяти.

Представим, какую структуру и направленность мог бы иметь подобный музейно-туристический объект, созданный на основе предложенного прототипа — Болотского стекольного завода. Вероятно, проектировщики Заводского музейно-паркового комплекса стремились бы к реконструкции в пределах исторической территории основных объектов стекольного производства. В значительной степени их бы интересовала структура предприятия и его внешний вид в XIX столетии, потому как данный период — золотой век для стекольной промышленности Владимирской губернии, лидировавшей по количеству таких предприятий. Обратившись к губернскому Списку населенных мест Российской империи 1863 г., изданному Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, можно обнаружить только по Судогодскому уезду более 10 посёлков, получивших название от существовавших заводов. В дополнение к нашему предприятию купца Ф. Безбородова в Заболотской пустоши Милиновской волости, принадлежавшему в 1863 г. его дочери А. Ф. Воробьёвой (поэтому ставшему Воробьёвским), в уездный список входили: Горбунихинский, Александровский, Онопинский, Дубасовский, Богословский стеклянные заводы и Александровский, Фёдоров-

⁵⁹³ Там же. С. 17–24.

ский, Тасовский, Иванищевский, Воковский, Новоселивановский, Нечаевский хрустальные заводы⁵⁹⁴.

Также мы можем предположить, что в результате научно-исследовательской работы и архивных поисков обнаружились бы только отдельные упоминания о Болотском — Воробьевском заводе Судогодского уезда. Отталкиваясь от этого, в основу экспозиции под открытым небом были бы взяты общие сведения о структуре и наполнении производственных отделов стекольного предприятия XIX в. В результате чего местные жители и посетители открытой экспозиции увидели бы типичные бревенчатые сараи, построенные из хвойной древесины, с воссозданными внутри них стеклодувными мастерскими — гутами (от нем. «*hutte*»). Внутреннее наполнение мастерских могло бы представить традиционную технологию изготовления стеклянных изделий — от варки стекла из «шихты» в глиняных горшках у большой круглой печи до выдувки шарообразных заготовок и их распределения по формам штофов, графинов, бокалов и т. п. Кроме того, по соседству с гутами разместились бы другие деревянные постройки, предназначенные для кузниц, слесарных и ящичных мастерских, складов для сырья и готовой продукции, привычные для подобных заводов XIX в.⁵⁹⁵ Данные локации, скорее всего, стали бы использоваться как интерактивные площадки во время проведения мероприятий, где местные умельцы проводили бы мастер-классы и исторические демонстрации. Наконец, можно предположить, что на окраине посёлка появился бы небольшой гостевой комплекс, а также сцена, где проходил бы главный праздник — «Фестиваль судогодских стеклодувов» с ожидаемой культурно-развлекательной программой.

⁵⁹⁴ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — СПб., 1861–1885. [Вып. 6]: Владимирская губерния ... по сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. М. Раевским. — 1863. — С. 171–172, 175–178, 180–182.

⁵⁹⁵ Барское Д., Кожевников А. Хроника развития Мишеронского завода Костеревых. Архивная ссылка // The Wayback Machine [сайт]. — URL: <https://web.archive.org/web/20101010041257/http://www.shaturyane.ru/settlements-misheronsky-glassworks.php> (дата обращения: 14.09.2025).

Вышеописанный образ характеризует достаточно перспективный подход, предлагающий понятные инструменты экономического, социального и культурного преобразования территории. Он вполне эффективно используется в некоторых регионах, создающих новые туристические бренды на основе давно утраченных достопримечательностей разных эпох (например, Парк живой истории «Федюхины высоты»⁵⁹⁶). Но существенный недостаток этого подхода, ограничивающий возможности культурного возрождения населённого пункта, — репродуктивный характер, ориентация на стандартные и типовые решения. Используя неограниченные возможности мысленного экспериментирования, представим особенности и перспективы внедрения творческой модели музеиной деятельности в наш Заводской музейно-парковый комплекс.

В таком случае речь идёт о проектировании не музея-завода, а музея заводского посёлка, в центре внимания которого окажется история местности и её освоение людьми. Рассредоточенная экспозиция необычного музея будет начинаться на территории бывшего предприятия и расходиться культурно-экологическими тропами по ближайшей окрестности. Она включит статичные и динамичные, «живые» объекты, объединённые тремя ключевыми направлениями или научно-производственными отделами. Каждый из них будет иметь свою специфику, организационную форму и структуру, позволяющую изучать и показывать местные историко-культурные темы и явления как неисчерпаемые процессы, связывающие историю, настоящее и будущее местности.

Первое направление — «Заболотская пустошь Милиновской волости». Из названия понятно, что в его рамках предстоит заняться исследованием истории культурного района, которая предшествовала созданию здесь завода и посёлка. Научно-производственным объединением, выполняющим эту работы, станет эксперименталь-

⁵⁹⁶ Парк живой истории «Федюхины высоты» (Севастополь) — масштабный туристический объект семейного отдыха, объединяющий три комплекса-реконструкции: римский военный форт Каструм I–III вв. н. э., генуэзскую усадьбу Loco Cimbalii XV в., а также укрепления русской армии и её противников в годы Крымской войны. См.: URL: <https://vk.com/feduhy.park> (дата обращения: 14.09.2025).

ная Музей-школа культурного эколога, а главным объектом показа будет деятельность музейных кураторов и их учеников-краеведов и экскурсоводов, постепенно разрабатывающих широкую краеведческую тематику. В зону их внимания войдут не только факты, рассказывающие о судьбе Заболотской пустоши до её приобретения купцом Фёдором Безбородовым, но и невероятно интересная история окружающих сёл, молчаливых урочищ и исчезнувших дворянских имений (илл. 52–53). Среди них — село-призрак Милиново, давшее название исторической волости и относящееся ныне к Ковровскому району, а также живые деревни и сёла, ведущие историю с XVII в. — с. Картмазово с действующим Воскресенским храмом XIX в., д. Бахтино с перспективным «Музеем самого глубокого колодца» и д. Васильево с современным фермерским хозяйством. Кроме того, следует сказать, что не менее важным направлением исследований станет изучение местных ремёсел и промыслов, уходящих корнями в древнюю историю края.

Музей-школа, которой предстоит спроектировать основные культурно-экологические тропы по округе, может первоначально базироваться в Краснобогатырской средней школе, предлагая её ученикам принять самое активное участие в новом социокультурном проекте и стать хранителями своего историко-культурного наследия. Это соседство окажется полезным не только музейным специалистам, но и школьному коллективу, если продумать механизмы, позволяющие засчитывать данную работу как внеклассическую деятельность. Однако музей-школа краеведа и экскурсовода не будет иметь ограничений по возрасту, приглашая родителей, бабушек, дедушек, а также многочисленных дачников и потомков местных жителей к совместной деятельности. Можно представить, как в летнее время наш научно-производственный отдел, используя туристические ресурсы, будет расширяться и трансформироваться в музей — летний лагерь. Формы проживания в таком лагере разнообразны — от коллективного размещения в палатах и модульных блоках до индивидуального проживания «в гостях у бабушки», то есть в настоящих деревенских домах, владельцы которых поддержат инициативу музея. В зимнее время музей-школа станет активнее использовать технологии «удалённого музея», обеспечивая

своих учеников и городских волонтёров интересными задачами, решаемыми в онлайн-режиме. Кроме всего перечисленного, на основе данного научно-производственного отдела могут реализоваться такие зоны и объекты «живого музея», как музей-библиотека (с удалённым доступом к НЭБ), этнографический театр, ремесленные мастерские и др.

Перейдём ко второму направлению работы, объединённому темой «Болотский — Воробьёвский стекольный завод и его посёлок». В его рамках предстоит изучить и показать не только первый этап развития местного предприятия, находящегося во владении купцов Безбородовых и Воробьёвых до революции 1917 г., но и историю других стекольных и хрустальных заводов Судогодского уезда и их владельцев. Кроме того, неменьшее внимание предстоит уделить первым жителям посёлка Воробьёвки, ещё отсутствовавшего на уездной карте 1808 г.⁵⁹⁷, а в 1860-е гг. имевшего уже 18 дворов⁵⁹⁸. Потребуется серьёзная архивная работа, чтобы обнаружить не только имена первых жителей, место рождения, но и предположительное расположение их усадеб относительно современной заводской территории. В случае удачи создатели Заводского музейно-паркового комплекса смогут организовать на этом месте (поблизости от него) полноценный парк-отель «Новая Воробьёвка». Он может реконструировать (в отдельных чертах) внешний облик первоначального заводского посёлка и некоторые традиции его повседневной жизни.

Однако главным научно-производственным объектом второго направления станет, конечно же, реконструированный Стекольный завод второй половины XIX — начала XX вв. К плану его территории, описанному выше, следует добавить самый важный отдел для «живого музея» — экспериментальный. Предполагается, что на карте воссозданного предприятия он появится первым и разместит-

⁵⁹⁷ Карта Владимирской губернии Судогодского уезда 1808 года. Масштаб — 5 верст в дюйме // RETROMAP: Старые карты России и Зарубежья [сайт]. — URL: https://retromap.ru/14180814_55.941091,41.178131 (дата обращения: 14.09.2025).

⁵⁹⁸ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел... С. 180.

ся в стилизованном корпусе-ангаре, где будут созданы выставочное пространство, зона демонстрации и конференц-зал. Основная цель этого научно-производственного отдела — открытое строительство завода-реконструкции XIX в. и отработка на практике традиционной технологии стекольного производства. Поэтому главный объект показа данного музейного отдела — процессы изучения, проектирования и воссоздания исторических производственных объектов и технологий. Словом, это — научное исследование и практическое экспериментирование на глазах у посетителей.

Наконец, третье направление деятельности Заводского музеино-паркового комплекса — «Завод и посёлок Красный Богатырь». Несложно догадаться, что в его рамках планируется изучение и актуализация советского периода истории предприятия, посёлка и его округи. По мнению автора, нет смысла в восстановлении заводских пристроек второй половины XX в., остатки которых были демонтированы в недавнем прошлом. Вероятно, будет интересным создать музейно-интерактивную зону, представляющую жизнь предприятия в период Великой Отечественной войны, когда к работе приступили местные жительницы всех возрастов, производившие стекольную продукцию для фронта и тыла. Но преимущественными в третьем направлении станут другие приёмы и технологии.

Основой этой «живой» экспозиции может являться современный посёлок, в усадьбах которого ещё живут работники завода и их дети. Привлекая коллектив музея-школы, можно распланировать основные объекты показа — условные дома «деда Жени-кочегара», «инженера Василия Ивановича», «техника Любови Валентиновны» и т. п. Через их отдельные, но взаимосвязанные семейные и профессиональные истории можно будет реконструировать и представить советский период развития предприятия и поселка. Научно-производственный отдел, который займётся этой важной работой, — историко-культурный центр «Красный Богатырь», организованный на основе местного Дома культуры. В его структуру предстоит включить множество «живых отделов»: лавку коллекционера — своеобразный обменный пункт, который будет использоваться для комплектования экспозиций; небольшой «Музей богатырского стекла» с зоной продажи современных изделий эксперименталь-

ного цеха; кинозал современных «культурфильмов», посвящённых различным аспектам открытия своего культурно-туристического дела и др. Остаётся отметить, что важной частью работы историко-культурного центра будет подготовка передвижных выставок о заводе и посёлке «Красный Богатырь», которые могут быть развернуты в местных ДК и муниципальных музеях.

Представляя горизонты возможного развития нашего идеального Заводского музейно-паркового комплекса, следует отметить, что среди его филиалов могли бы появиться такие «живые музеи», как исторические трактиры и чайные с условными названиями на тему «старая дорога на Ковров», как Музей коллективного хозяйства с экспозиционными коровниками и полями или динамичный «Музей сенокоса», посвящённый главному историческому промыслу всех судогодцев — заготовке сена.

Завершая данную главу, следует отметить одну важную деталь. В представленных выше экспериментальных проектах недостаточное внимание уделялось важнейшей категории для музееведения — музейному предмету. Между тем тот же Т. П. Поляков, один из самых активных инициаторов создания «живых музеев», всегда уточняет: музей начинается и заканчивается там, где начинается и заканчивается музейный предмет⁵⁹⁹. Интерпретируя принцип «живого музея» как технологию проектирования экспозиции, он выстраивает свою концепцию именно вокруг музейного предмета, создавая условия для реализации лозунга «руками трогать» и других интерактивных приемов. Словом, возникает вполне оправданный вопрос: если музейный предмет является основой музейного языка, то каким образом эта аксиома соотносится с предложенной автором творческой моделью музейной деятельности?

На наш взгляд, это важная и глубокая тема, которая требует отдельного исследования и осмысления. Но очевидно, что серьёзных противоречий здесь нет. Безусловно, в творческой модели «живого музея» предмет — объективированный результат человеческой деятельности, получивший музейный статус, — не рассматривается как самоцель. Однако он является органичной частью музейной

⁵⁹⁹ Например, см.: Поляков Т. П. Музейная экспозиция... С. 388.

среды, в которой реализуется творческая деятельность, выполняя разные роли, зависимые от его музейной ценности. Говоря иначе, в «живом музее» можно обнаружить самые разные музейные предметы — статичные и охраняемые историко-культурные артефакты, включённые в образные или «живые» экспозиции; предметы музейного значения, выявление и изучение которых превращается в объект показа; новые предметы и культурные ценности — результаты творческих и научных экспериментов, проходящих в открытом или закрытом музейном пространстве.

Таким образом, деятельностная, процессуальная модель сохранения наследия не призвана оспорить аксиому о предметном характере музея и не стремится к переносу акцентов музейной работы (и рефлексии) на акты коммуникации, культурные процессы, направления культурогенеза и другие теоретические категории. С точностью до наоборот, авторская концепция уважает эту традицию, как и иные, поэтому направлена на поиск актуальных форм хранения исторических предметов и объектов, имеющих социальную значимость. Эти формы, по мнению автора, должны не только распредмечивать-осваивать музейные фонды, но и опредмечивать их, то есть эффективно передавать посетителям заложенную в них информацию, превращая её в их новые личные способности, умения, знания. В конечном итоге, деятельностный музей обращён к тому, чтобы культура развивалась, а музейных предметов и их хранителей становилось только больше.

Следует отметить, что творческие процессы, осуществляемые социумом в «живом музее», практически всегда сопровождаются предметными результатами, получающими вполне обоснованный статус «свидетелей историко-культурных событий», а значит, согласно классикам музейного дела, и статус предметов музейного значения в контексте конкретного «живого музея». В общем, осуществление творческой модели музейной деятельности потребует более детального изучения целого спектра вопросов, касающихся соотношения подлинника и новодела, копии и нового культурного артефакта. Но в данной работе автор практически не касается этой сложной и неоднозначной для современного музея проблемы, оставляя её для своих будущих исследований.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Данная глава является основным результатом теоретического исследования автора⁶⁰⁰. В ней представлен новый взгляд на актуальную проблематику «живого музея». В основе данной трактовки — проведённое историко-генетическое и сравнительное исследование прообразов, идей, проектов и методик организации «живых музеев», предложенных разными российскими теоретиками и практиками за длительный период с конца XIX в. до начала XXI в. Автор монографии продолжает сложившиеся традиции, рассматривая проблему «живого музея» в контексте внутренних, смысловых противоречий музейной деятельности. Новизна подхода заключается в использовании культурологического инструментария, который позволяет увидеть привычное противопоставление «живого музея» и «мертвого хранилища» (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский и др.) в более широком культурологическом срезе.

Актуализируя динамическую модель деятельностной концепции культуры (А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев и др.), автор интерпретировал противопоставление «живого музея» и «мертвого хранилища» как дихотомию «репродуктивной» (традиционной, повторяемой) и «творческой» (живой, новой) моделей музейной деятельности. В её основе противоречие между двумя подходами к пониманию культуры в музее — как совокупности культурных ценностей и как нескончаемого процесса творчества. Первый подход лежит в основе устоявшейся модели музейной деятельности, репродуктивной по содержанию и поэтому ограниченной процессом распредмечивания культуры (или, в привычных терминах, — освоения наследия). Второй подход — творческий, не ограниченный воспроизведением образцов и расширяющий предметное богатство культуры, реализуется в различных проектах и практиках «живого музея». Таким образом, была предложена новая, деятельностная трактовка изучаемой проблемы. Данная интерпретация гласит: «живой музей» — это особый творческий подход или творческая модель музейной деятельности, не

⁶⁰⁰ Зотова Т. А. Концепция «живого музея» в российском музееведении: опыт культурологического анализа : автореферат дис. ... канд. культурологии. — Краснодар, 2024. — 27 с.

ограниченная воспроизведением культурных образцов, а направленная на создание новых культурных форм и на поиск «живого в старом» (по выражению Д. С. Лихачёва). В основе любого проекта «живого музея» находится творческая деятельность его создателей и посетителей, актуализирующая процессуальный характер объектов культуры и наследия.

Данная трактовка не противоречит существующим определениям, она призвана дополнить и синтезировать их основные смыслы. Поэтому «живой», то есть творческий, динамичный, процессуальный музей может быть выражен в разных формах: «музея традиции», производственного объекта, экомузея, музея «живой истории», динамичных экспозиционных зон, созданных с помощью технологий «живого музея», авторского или семейного музея, экспериментальной музейной лаборатории, микромузея и т. п. Есть все основания надеяться, что со временем этот перечень будет только расширяться, ведь диалектика взаимодействия традиционного музея и живой культуры безгранична.

Наконец, предлагая собственную методику, автор формулирует базовые понятия, определяющие стратегию реализации творческой модели «живого музея» в непосредственной музейной практике. Охарактеризуем их:

- цель создания и развития «живого музея» будет связана с представлением культуры и наследия как процессов человеческой деятельности (развивающихся и изменяющихся, связывающих прошлое, настоящее и будущее), а также с активизацией их творческого потенциала; именно в творческой деятельности объект наследия становится актуальным для посетителя, то есть «живым»;
- главными средствами достижения этой цели являются технологии «живого музея» и интерактивные формы культурно-образовательной деятельности, которые следует объединять в единую программу музейной работы, включающую планирование в пространственном и временном аспектах; в связи с этим основными стратегическими документами, определяющими характер и направленность «живого музея», являются концепция музеефикации (развития), расширенная тематическая (сюжетно-тематическая) структура

- экспозиции, календарь экспериментально-показательных работ и цикличный план выставочной деятельности;
- результатом реализации модели «живого музея» будет динамичное музейно-экспозиционное пространство, провоцирующее посетителей на поиск «живого в старом» и активное отношение к своему наследию, его изучение и творческое переосмысление.

ГЛАВА 2.

Технологии «живого музея» в экспозиционных концепциях Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев (Институт Наследия)

Деятельностная трактовка «живого музея», трансформирующая данное понятие в технологию планирования и критического анализа целеполагания музейной деятельности, основана не только на материалах проведённого историко-генетического и историографического анализа, но и на проектном опыте, полученным автором в Центре экспозиционно-выставочной деятельности музеев (Институт Наследия)⁶⁰¹. Научный коллектив центра принимал участие в ряде оригинальных музейных проектов, для которых разрабатывались документы стратегического планирования, а именно — концепции музеификации историко-культурных объектов, концепции развития музеев и музеев-заповедников, сценарии и концепции музейных экспозиций. В данной главе кратко представляются отдельные разработки, связанные с привлечением принципа «живого музея» для решения конкретных задач актуализации культурного и природного наследия. Уточним, что если ранее были приведены примеры мысленного эксперимента, предназначенные для формулировки методических рекомендаций по развитию будущих форм «живого музея», то теперь предлагается рассмотреть вполне реальные разработки. Точ-

⁶⁰¹ Например, см.: Зотова Т. А. Продолжая лучшие традиции. Современные разработки Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Института Наследия // Культурологический журнал. — 2022. — № 2 (48). — DOI 10.34685/HI.2022.81.83.017.

нее — экспозиционные замыслы ряда объектов, проектировавшихся для музея-заповедника «Горки Ленинские», музейно-парковых комплексов «Остров фортов» и «Северное Тушино», а также для Центра развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук.

ТЕХНОЛОГИИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В ПРОЕКТАХ ЭКСПОЗИЦИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА АКТУАЛИЗАЦИЮ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ»

Музей-заповедник «Горки Ленинские» (Московская обл.) уже знаком читателю. Однако будет нелишним кратко осветить особенности его исторического развития, ведь этот музей обладает интересным опытом ребрендинга музейного пространства, проводившегося в несколько этапов с начала 1990-х гг. Прежде всего отметим, что данное учреждение, созданное в 1938 г. и открывшееся в 1949 г. в формате Дома-музея В. И. Ленина, являлось одним из главных идеологических музеев РСФСР и СССР. После изменения политического курса в России в основу обновлённой деятельности музея-заповедника был положен принцип многопрофильности, закреплённый в первой Концепции сохранения, устойчивого функционирования и развития ГИЗ «Горки Ленинские», разработанной Институтом Наследия в 1997–1998 гг.⁶⁰² Особое внимание в данном стратегическом документе было обращено на темы, связанные с усадебной культурой, традициями и бытом крестьян южного Подмосковья на рубеже XIX–XX вв., историей и археологией края. Однако на практике ленинская тематика оставалась практически единственным «брендом» музея-заповедника ещё долгое время⁶⁰³.

⁶⁰² См. Зайцева Г. А., Некрасов Р. М. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник № 5. — М., 1999. — С. 3–9.

⁶⁰³ Зотова Т. А. Экспозиционная деятельность музеев-заповедников как форма культурного брендинга // Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы брендирования территорий : Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. — М., 2022. — С. 31–51.

В 2015 г. была проведена научная реставрация Большого дома Музея-усадьбы «Горки» — центрального объекта музея-заповедника. Напомним, что данная усадьба входит в число старейших имений региона, но самую яркую страницу в истории имения открыла Зинаида Григорьевна Морозова-Рейнбот⁶⁰⁴, купившая в 1909 г. обветшалую усадьбу. По её заказу усадебный ансамбль был перестроен в духе модерна и неоклассицизма, стал включать многочисленные хозяйствственные постройки, большинство из которых сохраняется с незначительными изменениями до сих пор⁶⁰⁵.

После проведения реставрации принцип многопрофильного развития музея-заповедника получил, наконец, экспозиционное воплощение. Решение восстановить аутентичную обстановку Большого дома на период 1918 г. — времени выезда из Горок бывшей хозяйки и времени приезда в усадьбу В. И. Ленина — позволило наиболее полно раскрыть в экспозиции как усадебную, так и ленинскую тематики. Следует уточнить, что такой подход в наиболее выгодном ракурсе демонстрировал уникальную мемориальную коллекцию усадьбы, сохранившуюся, несмотря на многие перемены XX столетия. Успешность и эффективность экспозиционного решения отражались на росте количества посетителей музея-заповедника и доли его внебюджетных доходов⁶⁰⁶.

Современный Институт Наследия был приглашён к участию в подготовке новой концепции развития музея-заповедника «Горки Ленинские» в 2019 г. Данный документ разрабатывался, чтобы преодолеть, в общем-то, искусственный дуализм и противопоставление «ленинской» и «усадебной» тематики. Центральной идеей

⁶⁰⁴ Зинаида (Зиновия) Григорьевна Морозова-Рейнбот (урождённая Зимина) (1867–1947) — столичная гранд-дама и благотворительница; наследница и вдова Саввы Тимофеевича Морозова; одна из самых богатых женщин России начала XX в. Была владелицей известного особняка на Спиридовонке, имений во Владимирской, Пермской и Московской губерниях, дачи в Мисхоре. Кроме того, З. Г. Морозова — пайщица МХТ и заводов в Пермской губернии.

⁶⁰⁵ Шубина Т. В. Коммуна в Горках // Музейный сборник. Вып. 12 : Материалы научной конференции «Наше наследие. История и культура русской провинции», проходившей 22–23 октября 2008 г. — М., 2009. — С. 11–23.

⁶⁰⁶ Зотова Т. А. Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга // Культурное наследие России. — 2019. — № 4. — С. 62–68.

концепции стало равноправное развитие всех культурных брендов, отражающих историческое прошлое культурного ландшафта. Обозначим приоритетные направления развития кратко: музеефикация хозяйственных объектов усадьбы и благоустройство исторического парка, в том числе Оранжерейного комплекса усадьбы; актуализация экспозиций «Мемориального гаража» и музея-выставки «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле»; ребрендинг Научно-культурного центра «Музея В. И. Ленина»; превращение Музея крестьянского быта в полноценный историко-бытовой и интерактивный комплекс, отражающий бытовую и хозяйственную жизнь трудового крестьянства Подмосковья; актуализация археологического наследия и популяризация средневековой истории культурного ландшафта⁶⁰⁷.

Использование технологий «живого музея» для создания зон свободного общения и действия посетителей подразумевалось в различных экспозиционных объектах. Например, в помещениях Инженерного корпуса, расположенного на малом (внутреннем) хозяйственном дворе усадьбы, являющимся памятником промышленной архитектуры начала XX в. В одном из отделений корпуса предлагалось разместить экспозицию с зонами «живого музея» (синематографом с просмотром дореволюционных кинокартин, усадебным буфетом и пр.) под названием «Русская Аркадия Серебряного века». Вместе с тем в двух перспективных музейных объектах технологиям «живого музея» отводилась ведущая роль — в тематическом парке «Земля вятичей» и в Оранжерейном комплексе усадьбы Горки. В первом случае экспозиционные технологии тяготели к формату «живой истории» и имели игровой характер, во втором — к функциональному подходу. Рассмотрим эти объекты и предложения подробнее.

Экспозиционный замысел тематического парка «Земля вятичей» (автор Т. П. Поляков) был включён в концепцию развития музея-заповедника (2019). Проект разрабатывался в рамках направления «Археология в Горках», нацеленного на актуализацию многочисленных археологических памятников, территориально

⁶⁰⁷ Там же.

и тематически связанных с культурным ландшафтом. В частности, на территории заповедника находится 59 славянских курганов X–XII вв. (племени вятичей) и ряд средневековых селищ XI–XVII вв. Предполагалось, что историко-культурный парк реконструкции будет организован на периферии мемориального пространства, а сюжетной основной открытой экспозиции станут мотивы исторических легенд о вятичах и былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, являвшемся, по мнению автора, воплощенным образом непокорных и «диких» вятичей в трактовке создателей киевского былинного цикла⁶⁰⁸. Прообразом парка музея должен был стать мистический город вятичей Вантит.

Местоположение Вантита, упоминаемого средневековыми мусульманскими авторами, путешествовавшими по восточнославянской территории, определяется по-разному. Концепция парка опиралась на версию Б. А. Рыбакова, выдвинувшего оригинальную гипотезу, что под названием «Вантит» мог пониматься как город, так и земля вятичей. При реконструкции торгового пути из Булгара в Киев он локализовал город Вантит возле современного Воронежа, а в качестве возможного варианта назвал городище Михайловский Кордон. Понятно, что на периферии музея-заповедника не было необходимости в восстановлении реального города, локализованного, тем более, на воронежской земле. Перспективный парковый объект рассматривался как обобщённый образ земли вятичей. Всё-таки речь шла не об археологическом музее, а о создании познавательно-развлекательного тематического парка⁶⁰⁹, приближённого к мемориальному месту — реальному поселению вятичей.

Важно уточнить, что одним из важнейших мест расселения вятичей в XII–XIII вв. является долина р. Пахры в Москворецком регионе. При этом наибольшее количество крупных курганных кладбищ племён сосредоточены в низовьях Пахры, где в ней впадают речки Битца, Рожайка и Туровка. Считается, что с этой территории, в центре которой сейчас находится музей-заповедник «Горки Ленинские, вятичи начали своё расселение. В результате на обшир-

⁶⁰⁸ Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы / Т. П. Поляков и др. — М., 2023. — С. 32–33.

⁶⁰⁹ Там же.

ном пространстве, в том числе на месте нынешней российской столицы и южной части одноимённой области, образовалась «Земля вятичей», ставшая через несколько столетий основой для исторического формирования православной Московской Руси, постепенно объединявшей вокруг себя бывшие земли Киевской Руси⁶¹⁰.

В предварительной концепции тематического парка предлагалось продуманное зонирование пространства тематического парка, разделённого на сакральную часть (мемориальные курганы) и профаническую зону, находящуюся за пределами памятника и предназначенну для проведения исторических и былинных реконструкций, образовательных и культурно-массовых мероприятий, связанных с данной темой. Внутри профанической зоны предлагалось развернуть интерактивные экспозиции, тематические площадки и небольшие «живые музеи» (мастерские, магазины, кафе)⁶¹¹. Здесь посетители парка получали бы возможность в интерактивном формате познакомиться с историей вятичей, особенностями их быта и военных обычаев, а также с легендами и мифами, связанными с этим самым загадочным народом, точнее, племенным союзом времён Древней Руси.

Второй перспективный объект, в котором ведущую роль играют идеи и принципы «живого музея» — Оранжерейный комплекс усадьбы Горки. Концепция музеификации этого комплекса разрабатывалась отдельно в 2021 г. (авторы Т. А. Зотова, Т. П. Поляков). Главной задачей проекта стало определение принципов музеификации и музейного использования, способных превратить усадебную оранжерею с прилегающей территорией в современный многоплановый музейно-туристический центр, рассчитанный на неоднократное посещение и провоцирующий увеличение постоянной аудитории музея⁶¹².

⁶¹⁰ Зотова Т. А., Власов Б. В., Хромов О. В. О новой «Концепции развития...» в контексте экспозиционно-выставочной деятельности Музея-заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник (№ 17). — М., 2021. — С. 172.

⁶¹¹ Музейно-парковые комплексы в современной России... С. 33–34.

⁶¹² Зотова Т. А., Поляков Т. П. Концептуальные подходы к музеификации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки в Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская область) // Культурологический журнал. — 2021. — № 4 (46). — DOI 10.34685/HI.2021.45.53.028.

В этой связи авторами было предложено создать действующую оранжерею-музей, центром которой должна была стать музейно-образная экспозиция, рассказывающая о хозяйствке имения З. Г. Морозовой-Рейнбот и её оранжерейном хозяйстве в контексте флореальных мотивов и ключевых образов архитектурного и декоративно-прикладного искусства модерна. То есть того стиля, который был своеобразным мейнстримом в годы её молодости и зрелости и который повлиял на формирование её личных предпочтений и вкусов⁶¹³. Предполагалось, что экспозиция объединит три взаимодополняющие части (раздела), каждый из которых будет строиться на основе технологий, наиболее соответствующих локальной теме и идее.

В центральной части, расположенной в бывшем зимнем саду, перекрытым двускатной стеклянной кровлей, было предложено создать метафорический образ Хозяйки оранжереи как представительницы эпохи Серебряного века с его ориентирами на идею «Вечной женственности» и «Прекрасной дамы» в контексте флореальных образов модерна. Условное название раздела — «Прекрасная дама в платье Оранж». Предполагалось, что в структуру центрального раздела войдут вещественно-документальные свидетельства на тему оранжерейного дела в хозяйстве имения «Горки», фотопортреты хозяйки, костюмы-новоделы и крупные экзотические растения, которые будут «оживляться» с помощью технологий витрины-образа и мультимедиа⁶¹⁴. Кульминация первого раздела — московская «Выставка цветов», прошедшая в 1914 г. Её роскошному убранству и основным экспонентам, среди которых была З. Г. Рейнбот, прессы уделила особое место. В частности, журнал «Столица и усадьба» сравнил её с «Flowers Show» в Лондоне и ежегодной выставкой цветов в Нью-Йорке⁶¹⁵. Раздел предлагалось завершить рассказом о том, что усадебное «Садоводство З. Г. Рейнбот» в 1914-

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Там же.

⁶¹⁵ Савинова Е. Н. Садоводство З. Г. Морозовой-Рейнбот // Русская усадьба : сб. Общества изучения русской усадьбы. — Вып. 13–14 [29–30]. — М. : Улей, 2008. — С. 314–322.

1916 гг. являлось поставщиком для двадцати двух цветочных магазинов Москвы⁶¹⁶.

Второй раздел перспективной экспозиции был назван «Путешествие по Европе и России в цветочную эпоху модерна». Планировалось, что этот раздел будет располагаться в двух оранжерейных крыльях, по краям от центрального Зимнего сада, и расскажет о наиболее ярких и известных флореальных образах, запечатлённых в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве эпохи модерна в России и в Европе. Точнее, в тех российских и европейских городах, где бывала или могла бывать Зинаида Морозова-Рейнбот, бывшая одной из наиболее богатых женщин предреволюционной России, много путешествовавшая и получавшая эстетический опыт для создания своего домашнего мира модерна. Основной метод — музейно-образный; технологии — мультимедиа и витрины-образы, строящиеся на базе символических архитектурных объектов и выполняющие функции нетрадиционных экранов⁶¹⁷.

Третью часть экспозиции «Цветы для Прекрасной дамы» предлагалось разместить в пространстве бывших двускатных теплиц. Это — действующая оранжерея, где планировалось демонстрировать реальные цветы, которые выращивались в имении «Горки» и шли на продажу в цветочные магазины Москвы (бегонии, цинерарии, гортензии, аспарагусы, папоротники, розы, гвоздики, пеларгонии, резеда, цикламены, хризантемы, гелиотропы или др.)⁶¹⁸. Ключевой экспозиционный метод — ансамблевый (ландшафтный), сочетающийся с технологиями «живого музея». Отметим, что основой для достоверной реконструкции ассортимента является документация хозяйства, хранящаяся в фонде З. Г. Морозовой-Рейнбот в РГАДА⁶¹⁹. Более того, предполагалось, что цветы будут выращиваться так же, как и в предреволюционном хозяйстве, — для соб

⁶¹⁶ См.: Там же.

⁶¹⁷ Зотова Т. А., Поляков Т. П. Концептуальные подходы к музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки...

⁶¹⁸ Полный список цветов см.: Савинова Е. Н. Садоводство З. Г. Морозовой-Рейнбот... С. 314–322.

⁶¹⁹ Российский государственный архив древних актов (Ф. 1615).

ственных нужд (экспозиций музея-заповедника) и на продажу посетителям в качестве сувениров через музейную лавку, открытую в том же Оранжерейном комплексе⁶²⁰.

Дополнительно планировалось, что в экспозиционных целях могут быть использованы и другие функциональные зоны будущего «живого» музея-оранжереи. Например, небольшая иллюстративная (планшетная) выставка на экологическую тематику прекрасно дополнила бы антураж интерактивного класса для культурно-образовательной деятельности. В музейном магазине стал бы актуальным рассказ о торговых партнёрах З. Г. Морозовой-Рейнбот. В пространстве прилегающего сада — о его истории, начинающейся в 1820-е гг. Кроме того, по мере развития садовой территории планировалось воссоздать традиционный для данной усадьбы цветочно-растительный декор и плодовые культуры. В том числе установить еловые крашеные кадки с цветами, восстановить посадки кустов чёрной и красной смородины и разбить небольшие ягодные плантации клубники, крыжовника и малины⁶²¹.

ТЕХНОЛОГИИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В КОНЦЕПЦИЯХ ВОЕННО-МОРСКИХ КОМПЛЕКСОВ «ОСТРОВ ФОРТОВ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, КРОНШТАДТ) И МУЗЕЙ ИСТОРИИ ВМФ (МОСКВА)

Технологии «живого музея» используются и в других современных музейных проектах, разрабатываемых Центром экспозиционно-выставочной деятельности музеев. Среди них — серия концепций, созданных для Военно-исторического музеяно-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов», и концепция системы экспозиций Музея истории ВМФ России (Музейно-парковый комплекс «Северное Тушино»). Отличительной чертой этих концепций стало включение технологий «живого музея» в замысел практически каждой экспозиционной темы или объекта.

⁶²⁰ Зотова Т. А., Поляков Т. П. Концептуальные подходы к музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки...

⁶²¹ Там же.

Прежде всего представим оригинальные решения, предложенные в рамках взаимодействия с проектом «Кронштадт. Остров фортов» (Санкт-Петербург, 2020)⁶²². Кратко отметим, что данный проект реализуется по поручению Президента Российской Федерации и нацелен на развитие Кронштадта в качестве города-музея. Он предполагает создание нового городского кластера образовательной и рекреационной направленности в районе Каботажной гавани Кронштадта. В структуру этого кластера входит ряд исторических и музеиных объектов, для которых Институт Наследия разрабатывал научные (литературные) концепции.

Особое место среди подготовленных документов занимает Концепция музеификации трех фортов г. Кронштадта («Петр I», «Александр I» и «Кроншлот»), имеющих статус ЮНЕСКО, но пребывающими в руинированном состоянии. Авторами документа (Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, О. Ю. Нельзина) были определены основные принципы музеификации уникальных исторических объектов. Во-первых, это формирование единой экспозиционно-тематической системы, учитывающей историко-культурный потенциал каждого объекта, его роль в истории Кронштадта и военно-морского флота России. Во-вторых, это интегративный подход к проекти-

⁶²² Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция музеификации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства трех фортов г. Кронштадта — «Петр I», «Александр I» и «Кроншлот»: (часть военно-исторического музеиного-паркового комплекса «Кронштадт. Остров фортов») / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, О. Ю. Нельзина]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — М., 2020. — 109 с.; Сценарий (сценарная концепция и сюжетно-тематическая структура) стационарной экспозиции «Военно-морской флот России» в центральном здании Военно-исторического музеиного-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин) / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — М., 2020. — 216 с.; Концепция музеификации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства береговой (уличной) территории военно-исторического музеиного-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин, Цитадельское шоссе). / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — М., 2020. — 91 с.

рованию экспозиций, т. е. использование в комплексе всех типов иммерсивных технологий (витрины-образы, мультимедиа, «живого музея»), направленных на эффективное раскрытие информационного поля подлинных артефактов культуры. В-третьих, это мягкая музеефикация, т. е. создание взаимосвязанной, сложноустроенной структуры общественного пространства, где сочетаются экспозиционные и дополнительные функциональные зоны.

Остановимся на последнем принципе, имеющем непосредственное отношение к проблематике монографии. Среди дополнительных функциональных зон, расширяющих рекреационные возможности исторических объектов, обычно рассматриваются рестораны, магазины, центры творчества, мини-гостиницы и т. д. Обычной проблемой подобных проектов становится преобладание экономической и торговой составляющей деятельности над приоритетами сохранения наследия. Поэтому на этапе научного (литературного) проектирования были сформулированы тематические акценты, которые рекомендуется учитывать при создании «вспомогательных учреждений» в музеефицируемых фортах Кронштадтской крепости. К тому же следует отметить, что именно тематические акценты на исторической специфике дополнительных функциональных зон способны превратить их в зоны «живого музея». Например, трансформировать современный ресторан в зону «живого музея», представляющую кулинарную историю флота.

Для более подробного объяснения данного принципа воспользуемся своими рабочими материалами и приведём концептуальный замысел тематической гостиницы, предложенной в первоначальном варианте экспозиционного пространства форта «Кроншлот». Речь идёт об «адмиральской гостинице», разрабатываемой в бывшей Николаевской батарее, возведённой на насыпном острове в 1850–1860-е гг. Предполагалось создать именные номера, рассказывающие об известных российских флотоводцах и устроителях флота XVIII — начала XIX вв. (К. И. Крюйсе, А. Д. Меншикове, Ф. М. Апраксине, И. Ф. Боцисе, А. И. Остермане и др.), а также ресторан с историческим банкетным залом, предназначенный для интерактивных мероприятий на военно-морскую тематику. В то же время по соседству с адмиральской гостиницей планировалось со-

здать более традиционный музейный комплекс, рассказывающий об истории батареи во второй половине XIX в. и в середине XX в., когда на ней действовала станции безобмоточного размагничивания кораблей⁶²³.

Кроме исторических форта, в структуру комплекса вошёл музеино-исторический парк «Остров фортов», работающий с 2020 г., и Музей военно-морской славы России, открытый в 2023 г. Охарактеризуем подробнее центральный музейный объект, в экспозиции которого в качестве зон «живого музея» проектировались полномасштабные макеты небольших военно-морских судов, фрагменты корабельных интерьеров — кают, кубриков, палуб, трюмов, артиллерийских башен и т. п. отсеков, демонстрирующих боевую и бытовую среду военно-морского флота России на разных этапах его развития⁶²⁴.

Остановимся на одной из тем, где применялся не сложный, но эффективный приём. В процессе проектирования было принято решение о включении в музейное пространство крупногабаритного объекта — первой советской атомной подводной лодки К-3 «Ленинский комсомол» проекта 627, долгое время ожидавшей своей музеефикации. Для активизации интереса посетителя к этому объекту разработчиками сценария экспозиции (Т. П. Поляковым, Т. А. Зотовой, С. А. Мозговым) была определена «экспозиционная пара» к данному уникальному свидетельству военно-морской истории СССР. Рассматривались два варианта. В качестве первого варианта зоны «живого музея» предлагалась реконструкция-инсталляция фрагмента экспериментального стенда 27/ВМ, являвшегося прототипом ядерной энергетической установки представленной подводной лодки (АПЛ). В контексте этой зоны посетителю предлагалась роль исследователя, изучавшего, к примеру, вопросы вывода реактора на минимально контролируемый уровень мощности, или члена экипажа корабля, когда-то проходившего обучение на подоб-

⁶²³ Война и Музей... С. 308.

⁶²⁴ Поляков Т. П. Война и музей: актуальные методы и технологии создания музейных экспозиций с военно-исторической тематикой // Культурологический журнал. — 2023. — № 4. — С. 52–62.

ном стенде. Второй вариант, изложенный в сценарии, предполагал создание интерактивного макета обучающего стенда управления оборудованием подводной лодки, устроенного по принципу аналогичных стендов Учебного центра ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Обнинске. В контексте этих зон «живого музея» предполагалось экспонирование отдельных документальных и вещественных источников, рассказывающих об истории создания и использования, о разработчиках, исследователях и личном составе АПЛ первого поколения⁶²⁵.

Уточним, что структура постоянной экспозиции Музея военно-морской славы России претерпела значительные изменения во время архитектурно-художественного проектирования, но многие идеи и принципы внедрения иммерсивных технологий были сохранены. Практически в каждой экспозиционной теме посетителей встречают элементы образного оформления, раскрывающие тематику, зоны реконструкции, провоцирующие активное поведение посетителя, и мультимедийные инсталляции, значительно увеличивающие информативность экспозиции. Правда, в некоторых фрагментах встречается самое небольшое количество исторических артефактов, чего разработчики сценария избегают в своих проектах, но этот недостаток преодолим в процессе постепенного комплектования собрания и экспозиции нового музея.

Перейдём ко второму военно-морскому проекту — Концепции системы экспозиций Музея истории ВМФ России и сюжетно-тематическая структура стационарной экспозиции «Московская летопись Военно-морского флота России» в московском Музеино-парковом комплексе «Северное Тушино» (авторы Т. П. Поляков, Ю. В. Ермаков, Т. А. Зотова)⁶²⁶. Данный проект позволил по-новому

⁶²⁵ Война и Музей... С. 288.

⁶²⁶ Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция системы экспозиций Музея истории ВМФ России и сюжетно-тематическая структура стационарной экспозиции «Московская летопись Военно-морского флота России»: (Москва, Музеино-парковый комплекс «Северное Тушино») / [Ю. В. Ермаков, Т. П. Поляков, Т. А. Зотова]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — М., 2021. — 302 с.

взглянуть на военно-морскую историю России, а также развить отдельные методические аспекты в интегративном подходе к проектированию современной музейной экспозиции.

Этот сценарий, ожидающий своей реализации, требовал разработки оригинальной сюжетной идеи, а также принципов её экспозиционно-художественного воплощения. Если лейтмотивом предыдущего проекта был образ Кронштадта, ставшего колыбелью российского флота, то в данном случае предстояло впервые в музейно-экспозиционной практике раскрыть «московский след» в создании и развитии ВМФ. Сценарный замысел проводил посетителя через череду сменяющих друг друга историко-культурных моделей, которые в своём образном оформлении и предметном наполнении должны были воспроизвести знаковые события или места из истории создания и развития нашего флота. Среди этих известных исторических образов — условные «Дединово», «Преображенская верфь», «Парусная и канатная фабрики», «Управление ВМС», «Кабинет наркома ВМФ СССР Н. Г. Кузнецова», «КБ по разработке крылатых ракет» и др., а также знакомые виды современных столичных проспектов и улиц, названных в честь известных флотоводцев, или палубы и интерьеры героических кораблей, носящих имя российской столицы.

Внутри этих историко-культурных моделей разрабатывались зоны для свободного общения и действия посетителей. Например, в теме, посвящённой Великой Отечественной войне, посетитель должен был оказаться в зоне «живого музея», воспроизведившей рубку лидера эсминцев «Москва» проекта 1. Его могла встретить обстановка, воссозданная по документальным и изобразительным источникам, а также дополненная рядом интегрированных симуляторов, позволяющих в интерактивном режиме продемонстрировать технические особенности корабля и реализовать принцип «руками трогать!». Планировалось, что динамичные мультимедийные инсталляции, активируемые по мере прохождения игровых задач, будут воспроизводить информацию об истории проектирования корабля, о его вооружении и трагичной судьбе.

Другая интерактивная зона рассматривалась как своеобразная рифма к кронштадтскому проекту и его крупногабаритному экспо-

нату — первой атомной подводной лодке проекта 627. В московской экспозиции также нельзя было обойти стороной развитие атомного подводного флота и в соответствующем разделе предлагалось установить реконструкцию деревянной модели реакторного отсека. Данная реконструкция должна была воспроизвести аналогичный деревянный объект, использовавшийся в лаборатории НИИ-8, где под руководством Н. А. Доллежаля велась разработка и проектирование первых советских ядерных реакторов⁶²⁷. Предполагалось, что данная модель-макет займёт центральное место в инсталляции, став своеобразной зоной «живого музея». Здесь будет реализован принцип «руками трогать!», а отдельные технические элементы будут выполнены в продольном разрезе, демонстрирующем внутреннее строение объектов. Кроме того, в это условное пространство предстояло интегрировать мультимедийные комплексы и симуляторы, объясняющие принципы работы ядерной энергетической установки корабля, а также музейные предметы и документы, раскрывающие эту историю с помощью музеиного языка.

В перспективной экспозиции «Московская летопись Военно-морского флота России» предлагались и отдельные функциональные зоны «живого музея», направленные на провокацию посетителей на реальные действия. Например, в заключительном зале экспозиции планировалось создать музейную инсталляцию на тему «Будущее Военно-морского флота». Предполагалось, что в ней войдёт несколько небольших функциональных зон, рассчитанных на проведение цикла тематических мероприятий. В частности, небольшой конференц-зал, рассчитанный на мероприятия, связанные с профориентационными программами ВМФ и оборонно-промышленного комплекса. Ещё одна функциональная зона планировалась вокруг интерактивного стенда научно-образовательного комплекса ВМФ. Данные объекты были рассчитаны на молодых посетителей, заинтересованных в знакомстве с соответствующей профессией и карьерой⁶²⁸.

⁶²⁷ Доллежаль Н. А. У истоков рукотворного мира (записки конструктора). — М. : Изд-во ГУП НИКИЭТ, 1999. — С. 152.

⁶²⁸ Война и Музей... С. 304.

Игровой и функциональный характер имели многочисленные интерактивные зоны, планируемые в открытом пространстве музейно-паркового комплекса, прилегающего к Музею истории ВМФ. В настоящее время здесь расположены крупные объекты военно-морского наследия (подводная лодка Б-396 «Новосибирский Комсомолец», корабль-экраноплан «Орленок», десантно-штурмовой катер «Скат», образцы вооружения и др.).

Новым центром открытой экспозиции должна стать Аллея Морской Славы, в целом характерная для военно-морских музеев и посвящённая известным флотоводцам, деятелям военно-морской науки и техники, первоходцам и первооткрывателям, так или иначе связанным с Москвой. Продолжением этой аллеи в концептуальном замысле авторов стали дополнительные познавательно-игровые площадки. Предполагалось, что они будут включать механические аттракционы, ростовые игры или спортивные тренажёры. Причём тематика и внешнее оформление этих игровых зон должно рифмоваться с биографией героев, представленных на Аллее славы, а также с основными вехами военно-морской истории России и её «порта пяти морей» — Москвы, рассказанными в стационарной экспозиции⁶²⁹. Такой подход позволил бы создать единую систему экспозиций, повествующих с помощью различных средств о героическом военно-морском прошлом страны, преобразующемся в её будущее.

ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО МИКРОМУЗЕЯ НА БАЗЕ ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ ГУСЕЛЬНОГО ИСКУССТВА «КУПИНА» ИМЕНИ Л. Я. ЖУК

Немало актуальных проблем музейной практики, связанных с концепцией «живого музея», возникают в сфере общественных и частных инициатив по сохранению культурного наследия. Уточним сразу, что речь идёт не о частных (негосударственных) музеях, имеющих соответствующий статус и музейное собрание, а о тех многочисленных проектах малого формата, которые даже не имеют своего обобщающего, видового обозначения. Отметим, что в совет-

⁶²⁹ Там же. С. 293.

ское время существовали близкие понятия «самодеятельный музей» (в 1930-е гг.)⁶³⁰, а также «народный музей» (в послевоенные годы)⁶³¹. В современности для обозначения подобных проектов используются такие маркеры, как «квази-музей», «эрзац-музей» и пр., имеющие выраженную эмоциональную коннотацию. Иногда применяется термин «учреждение музейного типа», который по своему значению охватывает все пограничные формы социокультурной деятельности, частично выполняющие одну из музейных функций (к ним могут относиться тематические парки, историко-культурные центры, исторические гостиницы, выставочно-производственные объединения и др.). Иными словами, этот термин намного шире указанного феномена.

Исходя из опыта наблюдения и участия в современной музейно-проектной деятельности, насыщенной различными общественными и частными инициативами, не имеющими музейного статуса (или даже какой-либо организационно-правовой формы), автор предлагает использовать понятие «микромузей» для восполнения данной нормативной и научной лакуны⁶³². Следует отметить, что это понятие не обладает чётким, устоявшимся значением в российском музееведении, но основой для его разработки может являться статья О. С. Сапанжи⁶³³, где для определения его границ проводится аналогия с термином «микропредприятие».

⁶³⁰ Например, см.: Топоров А. Школьный самодеятельный музей // Советский музей. — 1937. — № 2. — С. 21–24.

⁶³¹ В 1965 г. Министерством культуры СССР было разработано Положение о народном музее. Народные музеи создавались при промышленных предприятиях, колхозах, совхозах, сельсоветах, школах и др. организациях по решению исполнительного комитета местного Совета депутатов трудящихся и регистрировались в краевом (областном) управлении культуры либо в министерствах культуры союзной или автономной республики. Методическое руководство деятельностью народных музеев осуществлял ближайший к нему государственный музей соответствующего профиля. См.: Анощенко А. И. Народные музеи // Большая советская энциклопедия. — URL: https://gufo.me/dict/bse/Народные_музеи (дата обращения: 14.09.2025).

⁶³² Война и Музей... С. 337.

⁶³³ Сапанжи О. С. Феномен малого музея и микро-музея в современном культурном пространстве // Музей. Памятник. Наследие. — 2018. — № 1 (3). — С. 5–11.

Свободные от нормативных, часто сложно выполняемых требований, музейные проекты малого формата, или микромузеи, очень тесно связаны с современными воплощениями «живого музея», наполнены творческой энергией общественных деятелей и аудитории, желающей принимать активное, непосредственное участие в сохранении наследия. Развитие этих практик связано в том числе с тем, что далеко не все объекты, имеющие социальное значение, уже включены в музейный фонд страны. Постоянно появляются новые предметы и объекты, которые формируют так называемые предмузейные собрания, сохраняющиеся как частные и учебные коллекции, использующиеся в просветительных и туристских целях. Проходя определённую эволюцию и «проверку временем», эти предметы и коллекции могут стать музейными (в контексте постепенной научной атрибуции, первичного и государственного музейного учёта), либо же остаться фактом семейной или ведомственной истории.

Нередко проблемы развития микромузеев находятся на периферии профессионального внимания. Придерживаясь позиции, что их необходимо учитывать и исследовать, автор стремится быть исторически корректным. Нельзя забывать, что частные инициативы являлись предтечей всех музейных учреждений. Если рассматривать «живой музей» как некий культурный феномен, то он охватывает многочисленные протомузейные формы, в которых априори совмещались музейные и другие функции. Институализация музея привела в том числе к тому, что многие частные инициативы стали восприниматься как не «музейный формат». Поэтому нередко встречаются рассуждения о необходимости защитить настоящие музеи от подобных практик. В таком отношении содержится противоречие, ведь всё-таки желание сохранить наследие должно поддерживаться, а не запрещаться.

Однако деятельность подобных «живых музеев» нуждается в особом методическом сопровождении. К этому выводу автор пришёл благодаря непосредственному участию в одном из микромузейных проектов, реализующемся в Центре развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук (пос. Нахабино, Московская обл.). Повседневная задача, связанная с разработкой концепции

скромной тематической выставки, обернулась большим количеством концептуальных, документальных и организационных сложностей, порождённых отсутствием понимания и реализации базовых принципов работы с музейной коллекцией. Словом, задача оказалась интересной, требующей оригинального решения, и об этом опыте следует рассказать подробнее.

Прежде всего уточним, что центр «Купина» был основан в 2008 г. по инициативе Любови Яковлевны Жук (1955–2016) — музыканта-исполнителя, педагога и просветителя, посвятившего свою жизнь возрождению отечественных традиций гусельной музыки⁶³⁴. Особенностью деятельности центра стало обучение детей и взрослых исполнительству на гуслях звончатых, и данное учреждение с полным правом можно считать хранителем нематериального культурного наследия народов России. Обучение в центре проходит по оригинальной методике, которая позволяет соединить в единое целое традиции и новации гусельного исполнительства. В основе методики лежит четыре основных элемента: коллективное музицирование, «инструментальный театр», певческо-декламационная традиция и импровизация⁶³⁵. Эти принципы обучения были разработаны и внедрены Л. Я. Жук, а сегодня применяются и развиваются её учениками, выпускниками Российской академии музыки им. Гнесиных, педагогами центра и солистами Народного ансамбля гусляров «Купина».

В процессе осуществления основной деятельности в центре сформировалась историко-просветительская выставка, рассказывающая о гуслях в истории России, о создании и развитии ансамбля гусляров «Купина». В основу выставки легла коллекция инструментов Л. Я. Жук, а также её личные вещи. После смерти основателя выставочное пространство и экспонатурный ряд перестраивались

⁶³⁴ См.: Имханицкий М. И. Неутомимый пропагандист звончатых гуслей // Народник. — 2005. — № 2. — С. 41–44; Кинарская Д., Волков Д., Кукушкин Д. О гуслях, академии и Любови Жук // Гусли. — Спецвыпуск'2016. — С. 2–9; Варавина Л. Совпасть со временем // Гусли. — Спецвыпуск'2016. — С. 10–15; и др.

⁶³⁵ См.: Старшинова А., Мельниченко Е. Детский образцовый ансамбль гусляров «Купина» // Гусли. — Спецвыпуск'2016. — С. 62–67.

и дополнялись администрацией культурного центра, которая в итоге пришла к выводу о необходимости привлечения специалиста по музейной работе.

Первом делом этому специалисту пришлось разобраться с терминологическими вопросами, определив для необычного заказчика отличия между музейной и выставочной деятельностью, которые для музейного работника очевидны, а для других — нет. Также были проанализированы экспозиционные решения и ресурсы, имеющаяся коллекция и документация. Итогом работы стала концепция выставочной деятельности (2023 г.), объяснявшая цели, задачи и перспективы центра «Купина» в области представления своего предмузейного собрания, а также ряд иных документов, призванных систематизировать сложившуюся работу⁶³⁶.

Отметим, что характер предмузейного собрания центра соответствует уровню общественного музея. Его основу составляют предметы, не обладающие высокой исторической и художественной ценностью, большинство из которых относится ко второй половине XX в. По профильной принадлежности собрание может быть отнесено к группе искусствоведческих музеев, подгруппе музыкальных музеев. Причём оно включает как коллекцию музыкальных инструментов (нач. XX–XXI вв.), так и мемориальную коллекцию видного гусляра, педагога и просветителя Л. Я. Жук. Кроме того, значительную часть собрания составляют характерные для музыкальных музеев фонды — пластинок и иных музыкальных записей на материальных носителях (середины XX — начало XXI вв.), учебных пособий (начала XX — начало XXI вв.), афиш, фестивальной и концертной продукции, а также подарочный фонд.

Коллекция музыкальных инструментов включает гусли звончные, гусли щипковые, карело-финское кантеле, каннель, канклес, шлемовидные кюсле, цитры, аккордовые цитры, гармоники, гар-

⁶³⁶ Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция выставочной деятельности Центра развития гусельного искусства «Купина» имени Любови Яковлевны Жук / Т. А. Зотова. — М., 2023. — 23 с.; Расширенная тематическая структура постоянной выставки «Традиции и новации в исполнительстве на гусях (Музей гуслей)» / Т. А. Зотова. — М., 2023. — 37 с.; и др.

мошки-черепашки, ударные народные инструменты и другие предметы. Данная коллекция, несмотря на современный характер, имеет явный просветительский потенциал. Во-первых, гусли и родственные им инструменты не являлись продуктом массового производства, многие из них делались и делаются на заказ (в т. ч. кустарно). Во-вторых, гусли — это инструмент, формообразование и использование которого происходило в России на протяжении многих столетий; это своеобразная «времен связующая нить». Поэтому данные музейные предметы обладают высокой экспрессивностью (вызывают эмоции), аттрактивностью (привлекают внимание), ассоциативностью, имеют широкое информационное поле и презентативные качества (представляют аналогичные объекты).

Также следует отметить свойства второй большой коллекции центра «Купина» — мемориальной коллекции Любови Жук. Она включает предметы, как характеризующиеся высокой аттрактивностью, экспрессивностью и ассоциативностью (например, её музыкальные инструменты, концертные костюмы, видео- и фотоисточники), так и скромные по своим свойствам предметы письменного фонда (личные записи, дарственные адреса, афиши) и вещевого фонда (очки, молитвословы, уникальные учебники). Их главным свойством является мемориальность, но для понимания значимости этих предметов необходимо быть знакомым с личностью и работой Л. Я. Жук. Если для сотрудников центра эти вещи дорогие, понятные и важные, то для сторонних посетителей — в большей степени непонятные, лишённые высокого смысла и экспрессивности. При проектировании экспозиции данная категория музейных предметов особенно нуждается в продуманном подходе к выбору методов и технологий экспонирования, которые смогут подчеркнуть и раскрыть их важнейшие качества.

Вместе с тем в основе выбора принципов проектирования экспозиций лежит не только качества музейного собрания, но и видение, понимание будущих результатов проекта. Миссией выставочной деятельности центра «Купина» стала популяризация гусельного исполнительства как важнейшей исторической традиции, а гуслей — как основы музыкальной культуры России. Историческими и теоретическими основаниями данного подхода стали

идеи и концепции, сложившиеся в этнографических и искусствоведческих работах, посвящённых гуслям в истории культуры России (К. А. Верткова⁶³⁷, Д. В. Волкова⁶³⁸, М. И. Имханицкого⁶³⁹ и др.). Их можно кратко выразить в виде нескольких тезисов, составляющих идейное поле выставочной деятельности микромузея: история гуслей и гусельной музыки прослеживается на протяжении тысячетелетия; региональные вариации этого инструмента встречаются у разных народов исторической России; гусли неразрывно связаны с эпическими и духовными песнями, смеховой и народной культурой, усадебным и городским музенированием; на современном этапе гусли становятся частью академической и авторской музыки; исполнительство на гуслях на протяжении длительного времени имеет неизменный певческо-декламационный характер, т. е. неразрывность музыкального и голосового интонирования, равенство Слова и Звука; образ гуслёра, сформированный по мере изучения памятников древнерусской литературы и фольклора, стал символом национальной самобытности отечественной культуры.

Реализация этих идей в формате выставочной деятельности определяла её отличие от других форматов работы центра. Целью выставочной деятельности стало создание общественного пространства, которое будет определять историю и современность гусельного исполнительства, выполнять просветительские функ-

⁶³⁷ *Вертков К. А. Русские народные музыкальные инструменты* / [Предисл. С. Левина]. — Л., 1975. — 280 с.; *Вертков К. А. Типы русских гуслей* // Славянский музыкальный фольклор: статьи и материалы / [Сост. и ред. И. И. Земцовского]. — М., 1972. — С. 275–286.

⁶³⁸ *Волков Д. В. Развитие национальных традиций в современном концертно-академическом исполнительстве на русских гуслях* : дис. ... канд. искусствоведения. — М., 2019. — 262 с.

⁶³⁹ *Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах* : учебное пособие для музыкальных вузов и училищ. — М., 2002. — 351 с.; *Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах* : учебное пособие для высших и средних учебных заведений искусств и культуры. — Изд. 2-е, переработ. и дополн. — М., 2018. — 640 с.; *Имханицкий М. И. Становление струнно-щипковых народных инструментов в России* : учебное пособие для музыкальных вузов и училищ. — М., 2008. — 367 с.

ции и выступать самодостаточным объектом регионального туризма, формирующим современный культурный бренд «Нахабино — центр притяжения гусляров».

Для создания подобного общественного пространства можно воспользоваться методами и технологиями, характерными для музыкальных музеев, в которых чаще всего применяются два метода организации экспозиции — коллекционный (коллекционно-тематический) и ансамблевый. К первому методу прибегают в случае, когда музей располагает значительной коллекцией сопоставимых или однотипных предметов⁶⁴⁰. Ко второму — если есть необходимость рассказать об историко-бытовой среде, в контексте которой жил, рос, творил тот или иной музыкант, композитор, деятель⁶⁴¹. В случае, если экспозиция создаётся на основе небольшой коллекции и площади, может быть более уместным иллюстративно-тематический метод, ставший основным для многих российских музеев и позволяющий рассказывать историю на ту или иную тему, в том числе историко-культурологическую. Либо же — музейно-образный метод, направленный на раскрытие символического значения музейных предметов посредством средств функционально-декоративного оформления пространства⁶⁴².

На первом этапе реализации микромузейного проекта был выбран наиболее простой и доступный вариант, связанный с созданием иллюстративно-тематической выставки. Главной темой экспозиционного рассказа стало исполнительство на гуслях. Такой широкий подход позволил концептуально объединить самые разные аспекты в истории бытования древнейшего музыкального инструмента, представить традиции гусельной музыки, конструктивные особенности, развитие форм гуслей во времени и т. д. Более того, акцент на исполнительстве дал возможность лаконично перейти в экспозиции к деятельности Л. Я. Жук, к особенностям

⁶⁴⁰ Например, Российский национальный музей музыки, Музей «Гармони Деда Филиона» в Туле, Центр музыкальных древностей В. И. Поветкина в Новгороде и др.

⁶⁴¹ Например, Музей П. И. Чайковского в Клину, Мемориальный музей А. Н. Скрябина в Москве, Музей-усадьба М.И. Глинки в Новоспасском и др.

⁶⁴² Поляков Т. П. Музейная экспозиция... С. 34–39.

её авторской методики, к современным проектам культурного центра.

Таким образом, небольшая экспозиция «Традиции и новации в исполнительстве на гуслях» (или Музей гуслей) включила три темы, представляющие как предметы из музыкальной коллекции, так и личные вещи основательницы центра. Первая тема посвящалась историческим традициям исполнения на гуслях (в отечественной культуре XI — начала XX вв.). Вторая тема рассказывала о сохранении традиций исполнительства на гуслях в XX столетии. Третья тема была обращена к новациям в исполнительстве на гуслях в конце XX — начале XXI вв., непосредственно связанным с созданием и развитием центра «Купина».

Этот вариант к тому же рассматривался как наиболее перспективный в отношении экспозиционной работы микромузея, которая по сути является приоритетным направлением деятельности для подобных учреждений. Трёхчастная иллюстративно-тематическая выставка позволяет проводить в одном экспозиционном пространстве и обзорную экскурсию, и различные краткие тематические экскурсии и лекции, в том числе для учеников, и биографическую или краеведческую экскурсии, акцентирующие внимание на деятельности Л. Я. Жук и нахабинского центра «Купина».

Вместе с тем в современности применение иллюстративно-тематического метода связано с затратами значительных ресурсов, направленных на оформление экспозиционного пространства. Обязательными элементами подобных экспозиций, предполагающих прямое комментирование экспонатурного ряда, являются яркий экспозиционный цвет, красочные «фальшстены», красиво оформленные тексты-экспликации, мультимедийные экраны и проекции, индивидуальные аудиальные устройства и пр. Всё это используется для информационного сопровождения вещественных и документальных экспонатов, акцентирует ключевые точки в экспозиционном рассказе, без которых посетителю будет сложно понимать замысел экспозиционера. Понятное дело, что у небольшого микромузея нет средств на оплату серьёзных работ, и поэтому было необходимо предложить другие варианты акцентирования и сопровождения экспонатов в витринах.

Одним из таких решений стало использование минимального, но обязательного количества баннеров, рассказывающих о структуре выставки, деятельности центра и его основательницы, а также обозначающих краткие названия экспозиционных тем. Кроме того, было разработано бесплатное дирбетто (буклет), включающее описание каждого экспозиционного комплекса. К экспозиции был создан краткий аудиогид, дающий краткий комментарий к комплексам (не более 2 минут) и размещённый на популярной платформе для свободного использования. Для его активации посетителю было необходимым навести камеру телефона на соответствующий QR-код. С помощью аудиогида в экспозицию также включались видео, необходимые для более подробного знакомства с той или иной темой. Второй ряд QR-кодов в экспозиции выводил посетителей на тематические плейлисты с классическими и современными записями гусельной музыки. Кроме того, был подготовлен визуальный ряд фотографий из медиархива центра «Купина», который воспроизводился в экспозиции с помощью ТВ-экрана.

Наконец, немалая роль в экспозиции отводилась тактильным экспонатам. В этом качестве предлагались на усмотрение заказчика: современные гусли или кантеле небольшого формата; для детских экскурсий — гусли-игрушки, гармошки-игрушки (цимбалы и др.), которые могли размещаться вне витрин или приноситься экскурсоводом; новоделы археологических инструментов, которые могли изготовить современные гусельные производства; образцы материалов, из которых изготавливались инструменты в разные периоды; репринтные издания дореволюционных книг, упоминаемых в экскурсиях или аудиогиде.

Одним из основных экспозиционных материалов в учебном центре являются различные издания, поэтому было предложено организовать библиотечную зону «живого музея», своеобразную «Библиотеку Гусляра». Это — пространство, где принцип «трогать руками!» становится определяющим и даёт возможность посетителю погрузиться в информационное поле профессионального музыканта, учителя, ученика и т. д. Главная идея данной зоны — позволить всем посетителям экскурсии познакомиться с учебными материалами самостоятельно (для этого — задержаться, прийти

ещё раз и т. п.), а также, как вариант, прикоснуться своими руками к струнам инструмента, ставшего тактильным экспонатом.

Кроме того, для реализации принципа «живого музея» предлагалось составить цикл просветительских мероприятий открытого формата. Например, проводить отдельные открытые уроки студий по коллективному музицированию или встречи с коллегами из партнёрских организаций, студентами, учителями, коллегами Л. Я. Жук и др. Ещё одной перспективной формой могли стать давно забытые беседы (экскурсии, проходящие в виде свободных вопросов и ответов), а также «музыкальные чаепития», приуроченные к избранным дням.

Завершая рассказ об опыте проектирования музыкального микромузея, перечислим основные документы, разработанные автором для этого проекта:

- концепция выставочной деятельности Центра развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук;
- расширенная тематическая структура (РТС) постоянной выставки «Традиции и новации в исполнительстве на гусях» (Музей гуслей);
- ряд приложений к РТС, в том числе: тематико-экспозиционный план; сопроводительные тексты к выставке; комплексный этикетаж; методическая разработка обзорной экскурсии «Традиции и новации в исполнительстве на гусях»;
- топографические описи к постоянной выставке «Традиции и новации в исполнительстве на гусях»;
- базовая учётно-фондовая документация, включающая методические рекомендации по учётно-фондовой работе и перечень фондов и коллекций Центра развития гусельного искусства «Купина» им. Л. Я. Жук.

Этот список может отличаться в том или ином случае, но важно подчеркнуть основную мысль, обращённую к практикам, создающим свои микромузеи: нацелены вы на получение официального статуса или нет, осуществление музейной деятельности предполагает освоение профессионального минимума в проведении работы и фиксацию этой работы в документации, формализующей характеристики предметов в коллекции, а также определяющей цель и принципы их публичного представления.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Во второй главе был представлен проектный опыт, полученный автором в Центре экспозиционно-выставочной деятельности музеев (Институт Наследия) и оказавший влияние на предложенную в монографии трактовку «живого музея». Кратко рассматривалась специфика и отдельные экспозиционные приёмы, разработанные для музея-заповедника «Горки Ленинские», музейно-парковых комплексов «Остров фортов» и «Северное Тушино» (Музея истории ВМФ России), а также для Центра развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук.

В музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская обл.), для которого был подготовлен ряд проектных документов в 2019–2021 гг., технологии «живого музея» рассматривались как один из основных приёмов организации двух экспозиционных объектов — тематического парка «Земля вятичей» и Оранжерейного комплекса усадьбы Горки. В первом случае экспозиционные технологии тяготели к формату «живой истории» и имели игровой характер, во втором — к функциональному подходу, реализующемся в процессе создания действующей оранжереи-музея. Данный «живой музей» был нацелен на рассказ о хозяйке усадьбы З. Г. Морозовой-Рейнбот в контексте, с одной стороны, ключевых фloreальных образов и мотивов модерна, с другой — реальных цветов, воспроизводящих исторические практики хозяйствования в усадьбе Горки.

В музейно-парковых комплексах «Остров фортов» (Санкт-Петербург, Кронштадт) и «Северное Тушино» (Музей истории ВМФ России, Москва), бывшими объектами проектирования в 2020–2021 гг., технологии «живого музея» использовались практически в каждой экспозиционной теме и локации. Особенно ярко это проявилось в концепциях центральных экспозиций, разработанных для данных комплексов, где в качестве зон «живого музея» предлагались полномасштабные макеты небольших военно-морских судов, фрагменты корабельных интерьеров — кают, кубриков, палуб, трюмов, артиллерийских башен и т. п. отсеков, демонстрирующих боевую и бытовую среду военно-морского флота России на разных этапах его развития.

В Центре развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук (Московская обл.), с которым автор сотрудничал в 2023 г., создавался общественный проект, реализующий идею «живого музея» в формате совмещения музейных и образовательных функций. В авторских разработках подобные практики малого формата получили название «микромузея». В тексте параграфа рассматривались основные вопросы, возникающие при организации выставки в культурном центре и их возможные решения. Был предложен перечень проектных документов, рекомендуемых к подготовке в процессе организации экспозиций и выставок микромузеев.

ГЛАВА 3.

Актуальная типология технологий «живого музея» в контексте экспозиционной интерпретации естественно-научной (естественно-исторической) тематики

Последняя глава представляет авторскую типологию технологий «живого музея», которые применяются в актуальной музейной практике в России. Отметим, что включение данной типологии в текст монографии призвано решить несколько задач. Во-первых, компенсировать недостаток эмпирических материалов, характеризующих современную работу российских музеев, которой уделяется недостаточное внимание в предшествующих исторических и теоретических разделах монографии. Во-вторых, представить актуальные научные разработки Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев (Института Наследия), связанные с проведением сравнительных и научно-методических (прикладных) исследований в области музейного дела России. В-третьих, данная типология позволяет обратиться к проблемной области, малохарактерной для тематики «живого музея» — актуализации природного наследия и представлению естественно-научной тематики. Такой поворот исследования, с точки зрения автора, может способствовать преодолению стереотипности и узости современных представлений об этой

технологии, которые связывают её исключительно с этнографической тематикой и театрализацией экспозиционного пространства. Всё-таки «живой музей» — это динамичный подход к представлению разного наследия.

Следует отметить, что материалы данной главы были подготовлены в рамках новой научно-исследовательской работы «Природное наследие в культурном контексте: оригинальные проекты музеиных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемы их реализации» (рег. № 125021001831-0), начавшейся в 2025 г. Эту исследовательскую работу планируется завершить в 2027 г. выпуском коллективной монографии, в которой будет рассматриваться целый спектр вопросов, определяемых методологическими и методическими проблемами актуализации природного наследия в культурном контексте музейно-экспозиционными средствами. Публикуемые материалы были собраны в рамках одного из направлений комплексного исследования — определения перспективных иммерсивных технологий экспозиционной интерпретации объектов и предметов природного наследия в павильонном и открытом пространстве.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЕХНОЛОГИЙ И ЗОН «ЖИВОГО МУЗЕЯ»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Предлагаемая типология опирается, в первую очередь, на серию авторских исследований концепции «живого музея» в российском музееведении. Большое значение для данной главы имел сравнительно-типологический анализ, производившийся в отношении экспозиционных проектов военно-исторических музеев. В результате этого анализа была предпринята первая попытка систематизировать разнообразие практических решений, опираясь на культурологическую трактовку «живого музея»⁶⁴³. Настоящая глава развивает предложенный поход, обращаясь к современным интерактивным практикам естественно-научных и комплексных музеев.

Во вторую очередь исследование опирается на отдельную совокупность научных работ, рассматривающих проблематику инте-

⁶⁴³ Война и Музей... С. 276–279.

рактивности в естественно-научной (естественно-исторической) экспозиции. Данная совокупность не характеризовалась ранее в монографии, поэтому её следует кратко прокомментировать. Первую группу исследований этого направления составляют публикации, рассматривающие вопросы интерактивности в контексте культурно-образовательной деятельности и работы с детской аудиторией (И. С. Астахова; М. В. Вильямс, Ю. В. Стребелева, М. О. Матлаева; Е. Е. Кирик, В. Н. Алиясова; А. И. Клюкина; П. А. Кулямина, Д. А. Гилева, Е. В. Порохина; Т. Лю; Г. А. Мельникова; И. П. Таранец и др.)⁶⁴⁴. В данных публикациях преимущественно содержатся ценные сведения о современных проектах, подходах и технологиях, использующихся в естественно-научных и естественно-исторических (комплексных) экспозициях для интерактивного взаимодействия с аудиторией разных возрастов и междисциплинарной интерпретации природного наследия.

Во второй группе публикаций рассматриваются вопросы интерактивности в контексте музейной экспозиции. К ней относятся работы, посвящённые внедрению в естественно-научную

⁶⁴⁴ Астахова И. С. Экологическое воспитание дошкольников и младших школьников с помощью сказок в Геологическом музее // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. — 2022. — № 4 (53). — С. 5–12; Вильямс М. В., Стребелева Ю. В., Матлаева М. О. Образовательные программы для школьников в естественнонаучном музее // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — М., 2024. — С. 35–36; Кирик Е. Е., Алиясова В. Н. Использование потенциала естественно-научных коллекций музеев в педагогической деятельности // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Педагогика. Психология. Социология. — 2023. — № 2 (143). — С. 186–194; Клюкина А. И. Методология и практика реализации педагогического потенциала музея (на примере музеев естественно-научного профиля) : дис. ... док. пед. наук. — СПб., 2014. — 949 с.; Лю Т. Организация работы с детской аудиторией в Ляонинском Палеонтологическом музее в Китае // Наука в вузовском музее... С. 100–102; Мельникова Г. А. Естественно-научный музей «Лесные тропы» как мотиватор к научно-практической и исследовательской деятельности // Познавательный естественно-научный туризм: образовательные возможности и воспитательный потенциал : сб. науч. тр. X Всерос. педагогическ. науч.-практ. конф., Самара, 05–09 августа 2024 г. — Тольятти, 2024. — С. 37–39.

экспозицию электронных и мультимедийных технологий (В. М. Васильев, Е. К. Синицына; Н. Е. Каленов, Г. И. Савин, И. Н. Соболевская, А. Н. Сотников; И. А. Куклинова; Л. В. Попова, И. П. Таранец, М. М. Пикуленко и др.)⁶⁴⁵. В ряде публикаций поднимаются вопросы включения в музейную экспозицию живых растений, животных и организмов, а также создания ландшафтных зон в пространстве под открытым небом и в специальных павильонах (Е. В. Пятина, М. А. Булгакова, М. В. Куликова и др.)⁶⁴⁶.

Ещё одна подгруппа исследований представляет общие вопросы из области разработки и реализации актуальных концепций музейных экспозиций, имеющих естественно-научную направленность и вместе с тем интерактивный и экспериментальный характер (О. Ю. Крицкая, А. А. Остапенко; И. А. Куклинова; Г. В. Матюшков, Е. А. Пашенцева; О. А. Мысина, А. Ю. Салыкина; М. В. Рахчеева; В. В. Черненко, В. Ф. Резников, Ю. В. Миронов и др.)⁶⁴⁷. Наконец, в не-

⁶⁴⁵ Например, см.: *Васильев В. М., Синицына Е. К. Естественно-научные экспозиции в музее БНЦ со РАН. Опыт создания и подготовки* // Вестник ИрГСХА. — 2013. — № 57–1. — С. 86–91; *Каленов Н. Е., Савин Г. И., Соболевская И. Н., Сотников А. Н. Цифровые музейные коллекции и представление объектов естественно-научного музейного хранения в электронной библиотеке* // Научные основы и практика реализации цифровых проектов в сфере культуры и образования : сб. науч. тр. / Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. — СПб., 2016. — С. 35–46; *Куклинова И. А. Цифровые технологии в экспозиционной деятельности отечественных естественно-научных музеев* // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2024. — № 3 (31). — С. 95–103; *Попова Л. В., Таранец И. П., Пикуленко М. М. Цифровые образовательные технологии в естественнонаучных музеях* // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — М., 2024. — С. 149–153.

⁶⁴⁶ Например, см.: *Пятина Е. В., Булгакова М. А. Использование живых беспозвоночных животных в экспозициях естественно-научного музея* // Концептуальные и прикладные аспекты научных исследований и образования в области зоологии беспозвоночных : сб. статей V Междунар. конф., Томск, 26–28 октября 2020 г. — Томск, 2020. — С. 203–206.

⁶⁴⁷ Например, см.: *Крицкая О. Ю., Остапенко А. А. Геологическая летопись Западного Кавказа и Предкавказья в естественно-научной коллекции музея им. Е. Д. Фелицына* // Вестник Краснодарского регионального отделения русского географического общества : сб. ст. — Краснодар, 2024. — С. 499–502; *Матюшков Г. В., Пашенцева Е. А. Научная концепция новой естественно-*

которых исследованиях рассматриваются вопросы создания в естественно-научной экспозиции интерактивных зон с минимальным использованием цифровых средств (О. М. Бальжитова; М. А. Лизунова; Е. Г. Мирлин, Е. В. Хотченков, И. А. Черевковская и др.)⁶⁴⁸. Подчеркнём, что многие публикации из этой группы представляют практический опыт музейных специалистов.

Последняя группа, косвенно связанная с заявленной проблематикой, объединяет работы, посвящённые истории профильных музеев (Е. П. Зайцева, И. Г. Бухарова, О. Т. Русинек; А. В. Крахмалева; А. И. Клюкина; М. В. Куликова; Ю. Н. Малышев, И. А. Стародубцева, А. В. Титова, С. В. Черкасов; А. Е. Мурзинцева; С. К. Савченко; М. М. Шахнович и др.)⁶⁴⁹. Уточним, что вопросы организации экспозиции в этих исследованиях чаще всего отходят на второй план.

научной экспозиции Холмского историко-культурного центра «Музей фауны моря» (проект) // Вестник Сахалинского музея. — 2023. — № 4 (45). — С. 219–252; *Мысина О. А., Салыкина А. Ю.* Интеллект-центр в Музее геологии, нефти и газа как место популяризации естественно-научных и технических знаний // Музей. — 2022. — № 2. — С. 30–33; *Черненко В. В., Резников В. Ф., Миронов Ю. В.* Опыт модернизации экспозиции «Земля и ее геосфера» // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2010. — № 15 (58). — С. 242–249.

⁶⁴⁸ Например, см.: *Бальжитова О. М.* Проектная деятельность музея как способ экологического просвещения (на примере естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия») // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2022. — № 4 (24). — С. 141–148; *Лизунова М. А.* Опыт организации интерактивного пространства в естественно-научных экспозициях на примере Архангельского краеведческого музея // Познавательный естественно-научный туризм: образовательные возможности и воспитательный потенциал : сб. науч. тр. Х Всерос. пед. науч.-практ. конф., Самара, 05–09 августа 2024 г. — Тольятти, 2024. — С. 33–36.

⁶⁴⁹ Например, см.: *Клюкина А. И.* Музей естественно-научного профиля в духовной жизни общества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 27. — С. 23–29; *Крахмалева А. В.* Основные группы естественно-научных музеев в России // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сб. науч. ст. междунар. конф., Барнаул, 20–24 октября 2015 г. — Барнаул, 2015. — С. 248–252; *Мурзинцева А. Е.* Сеть естественно-научных музеев Сибирского отделения Российской академии наук // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2022. — № 60. — С. 64–72;

Тем не менее эти и другие исследования могут составить музеографическую (описательную, фактологическую) основу для аналитических построений. Для сопоставления и сравнительного анализа интерактивных приёмов и способов организации экспозиции, который позволяет превращать практический опыт в методические инструменты, а также выявлять проблемы и перспективы развития практики, следует применить один из теоретических инструментов. Например, деятельностную трактовку «живого музея» и соответствующую ей типологию интерактивных технологий. Представим её наиболее общую характеристику.

К настоящему времени в экспозиционной практике российских музеев выделилось два направления (группы) и несколько ведущих типов, составляющих актуальную типологию технологий «живого музея».

К группе 1 относятся технологии создания постоянных зон «живого музея». В неё входят следующие типы и разновидности:

- Тип 1: имитационные (игровые) технологии «живого музея», которые позволяют посетителю нарушать одно из главных музеиных правил («руками не трогать!»); их разновидности, востребованные в пространстве естественно-научной, естественно-исторической или комплексно-исторической экспозиции — тактильные экспонаты и механические устройства для опытов, симуляторы, интерактивные игровые модули, имитационные модели и пр.; цель использования этих технологий — организовать пространство игрового взаимодействия, погружающее посетителя в контекст того или иного явления или события.

Савченко С. К. Научно-вспомогательный материал в контексте истории экспозиционно-выставочной деятельности музея // Музей. Памятник. Наследие. — 2022. — № 2 (12). — С. 120–128; Шахнович М. М. История науки в антирелигиозных экспозициях Ленинграда 1920–1950-х гг. // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : труды III Всерос. науч. конф., Нижний Новгород, 26–28 ноября 2021 г. / Русское общество истории и философии науки. — М., 2021. — С. 419–423; Естественно-научный музей на Байкале / Е. П. Зайцева, И. Г. Бухарова, О. Т. Русинек [и др.] // Фундаментальные исследования в Восточной Сибири: к 75-летию академической науки в Восточной Сибири. — Новосибирск, 2023. — С. 572–595.

- Тип 2: функциональные технологии «живого музея», которые предлагают совершить реальные действия (например, изучить образцы с помощью микроскопа, посадить растения и пр.); внедрение этих приёмов в экспозицию любого профиля тяготеет к одной из разновидностей: создание локальных зон «не-музейного» действия или же масштабных моделей (историко-хозяйственных, ландшафтных, научных и пр.); цель использования — организовать в экспозиции пространство реального взаимодействия, обучающее и рассказывающее посетителям об особенностях той или иной деятельности, а также позволяющее получить реальный практический опыт (пусть и небольшой).

К группе 2 относятся технологии создания временных зон «живого музея». Данные зоны и технологии могут иметь как имитационный, так и функциональный характер. Особенность и цель использования этих приёмов и средств заключается в том, что они позволяют постоянно трансформировать и обновлять экспозиционное пространство. В группу входят такие типы, как:

- Тип 3: иммерсивные программы, т. е. интерактивные формы культурно-образовательной деятельности, осуществляемые в контексте музейной экспозиции и предполагающие активное поведение посетителей, направленное на познание природно-исторических объектов (мастер-классы, иммерсивные экскурсии, партнёрские программы и пр.).
- Тип 4: мероприятия типа «день открытых дверей», которые расширяют просветительские возможности музея за счёт привлечения дополнительных фондов, технологий работы и взаимодействия.
- Тип 5: совместные события и акции, демонстрирующие включённость учреждения и хранимого им природного наследия в актуальные формы социальной и научной жизни.

Охарактеризовав в целом типологию технологий «живого музея», рассмотрим подробнее каждый из обозначенных типов, обращаясь к современной практике естественно-научных, естественно-исторических и комплексных музеев России.

ИМИТАЦИОННЫЕ (ИГРОВЫЕ) И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ ПОСТОЯННЫХ ЗОН «ЖИВОГО МУЗЕЯ»

В первую очередь представим опыт создания постоянных зон «живого музея». Следует отметить, что тактильные экспонаты и механические устройства, симуляторы и интерактивные модули, составляющие основную группу игровых технологий (тип 1), широко используются в современных музейных учреждениях.

Характерный пример из современной практики как естественно-исторических музеев, так и иных, — превращение мультимедийной интерактивной зоны в своеобразный игровой модуль, объединяющий компьютерный симулятор с образным оформлением и имитационными приёмами. Подобная зона «живого музея» расположена в палеонтологическом отделе Музея естественной истории Татарстана, являющегося структурным подразделением Музея-заповедника «Казанский Кремль». В экспозиции затрагиваются многие вопросы — строение Солнечной системы, астрофизические явления, проходящие в космосе, происхождение планет, история планеты, геологическая история Татарстана и палеонтология региона. Среди уникальных экспонатов — физические приборы XIX в., раскрывающие историю освоения космического пространства, метеориты, коллекции драгоценных и полудрагоценных минералов, образцы нефти, скелеты древних рыб, ящеров, динозавров, мамонтов и др.⁶⁵⁰ Зона «живого музея», о которой шла речь выше, представляет собой своеобразную «капсулу времени», отправляющую посетителя в любую эру в геологической истории Земли⁶⁵¹.

Многочисленные иммерсивные приемы используются в пространстве интерактивной экспозиции «Таежная, озерная, степная» Естественно-научного центра Национального музея Республики

⁶⁵⁰ Музей естественной истории Татарстана // Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль» [официальный сайт]. — URL: <https://kremlin.tatarstan.ru/muzey-estestvennoy-istorii-tatarstana.htm> (дата обращения: 21.11.2025).

⁶⁵¹ Кукилнова И. А. Цифровые технологии в экспозиционной деятельности отечественных естественно-научных музеев // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2024. — № 3 (31). — С. 95–103.

Бурятия (г. Улан-Удэ). Данная экспозиция, занимающая площадь в 200 кв. м и представляющая более 400 экспонатов, рассказывает о природе Бурятии, об уникальном озере Байкал, о важных экопри-вычках, о традициях экологического волонтёрства и пр.⁶⁵² Для этого используются многочисленные дизайнерские, световые, звуковые, сенсорные и мультимедийные приёмы, призванные «погружать» посетителя в контекст природно-исторической и современной экологической тематики. Гости слышат звуки тайги, вдыхают аромат хвойных деревьев, наблюдают демонстрацию извержения вулкана с аудиосопровождением, изучают возраст Байкала с помощью интерактивной выдвижной карты-схемы, в интерактивной зоне «Батискаф» знакомятся с редкими кадрами, сделанными международной исследовательской экспедицией «Мирры» под водой⁶⁵³ и пр.

Немаловажная роль отводится в этой экспозиции игровым технологиям «живого музея», рассчитанным, в особенности, на активацию детского интереса к естественно-исторической и научной тематике. В частности, в музее установлены специальные меховые этикетки, благодаря которым можно погладить мех медведя и других диких животных. Также применяются тактильные и увеличенные макеты некоторых экспонатов — морских членистоногих, головоногих моллюсков, зубов мамонта и представителей байкальской фауны (рака эпишурьи, голомянки)⁶⁵⁴. Кроме того, маленьким посетителям предлагается раскопать скелет динозавра с помощью интерактивной зоны «Юный палеонтолог» или «покормить» других архозавров на специальной магнитной доске. Призвана удивить юных исследователей интерактивная зона «Найди нас», которая позволяет познакомиться с разнообразием птиц, используя бинокль. Сравнить и пред-

⁶⁵² Экспозиция «Таежная, озерная, степная» // Национальный музей Республики Бурятия [официальный сайт]. — URL: <https://muzeyrb.ru/vyistavki/muzej-istorii-buryati-ii-im.-m.n.-xangalova/tayozhnaya,-ozyornaya,-stepnaya> (дата обращения: 17.11.2025).

⁶⁵³ Гуржапова Т. Д. Из опыта использования интерактивных технологий в экспозиционной деятельности Национального музея Республики Бурятия // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2021. — № 1 (17). — С. 72–81.

⁶⁵⁴ Там же.

ставить размеры крупных птиц и рыб помогает игровая фотозона «Размах крыльев» и «рыбный» ростомер. Наконец, в экспозиции создана интерактивная зона «Прыгни и сравни кто дальше!», где детям предлагается посоревноваться в прыжках с кузнецом и зайцем⁶⁵⁵. Важно отметить, что применение этих и других интерактивных технологий встречает положительную оценку у родителей, которые не только отмечают востребованность такого подхода у детей, но и сами с удовольствием участвуют в познавательных играх⁶⁵⁶.

В дополнение к этой экспозиции в Национальном музее Республики Бурятия была организована внешняя интерактивная площадка, или «Музейный дворик». Этот музейно-образовательный комплекс начинается с тактильной пешеходной дорожки, которая разделена на сегменты, состоящие из разнообразных материалов по форме и текстуре. Среди материалов — спилы и бруски дерева, кусочки гранита и мрамора, пластиковые крышечки. Предполагается, что часть тактильной дорожки юные гости пройдут шагом, где-то преодолеют препятствия с помощью прыжков. Маршрут дорожки завершается в зоне, рассказывающей о древней природе Бурятии. Здесь установлена интерактивная песочница «Палеонтологические раскопки», где посетители знакомятся с профессией учёного-палеонтолога в практико-игровом формате. Сведения об объектах, обнаруженных в песке, представлены на информационной доске, где, помимо прочего, показана карта животного и растительного мира Бурятии. Рядом с картой установлена грифельная доска, на которой юные посетители цветными мелками могут нарисовать понравившееся животное, растение или другие объекты. Также на территории дворика есть искусственный пруд, имитирующий водный ландшафт региона⁶⁵⁷.

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ См.: Отзывы: «Художественный музей им. Ц. С. Сампилова», Республика Бурятия // Яндекс-карты [сайт]. — URL: https://yandex.ru/maps/org/khudozhestvenny_muzey_imeni_ts_s_sampilova/1003170369/reviews/?ll (дата обращения: 17.11.2025).

⁶⁵⁷ Бальжитова О. М. Проектная деятельность музея как способ экологического просвещения (на примере естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия») // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2022. — № 4 (24). — С. 141–148.

Можно привести дополнительные примеры интерактивных экспозиций, призванных актуализировать природу в культурном контексте. В частности, игровой характер имела выставка «Всё о медведе», работавшая в 2010-е гг. в Музее природы Великоустюгского музея-заповедника. Данная выставка знакомила с основными видами медведей, делая акцент на буром мишке — любимом герое русских сказок. В то же время экспозиционный рассказ обращал значительное внимание на физические показатели — размер, вес и силу бурого медведя, с которым опасно встречаться в лесу. Выставка напоминала взрослым и детям, что медведь быстро бегает, хорошо плавает, лазает по деревьям, обладает прекрасным обонянием и слухом. Экспозиция показывала устройство медвежьей берлоги, особенности вкусовых пристрастий хозяина леса⁶⁵⁸. Дети могли познакомиться с его рационом, взять в руки муляжи образцов пищи, которой питается медведь. Кроме того, маленькие посетители, которые ещё не начали изучать курс биологии в школе, с помощью небольшого игрового модуля могли «зайти в гости» к «Трем медведям», заглянуть в «Теремок», посмотреть старые и новые мультфильмы, где одним из персонажей является мишка⁶⁵⁹, а также зажечь на ночном небе Большую и Малую Медведицу.

Перейдем к следующему проблемному блоку. Функциональные технологии «живого музея» (тип 2), которые предлагают совершить реальные действия в контексте музейной экспозиции (на её периферии), применяются для создания интерактивных зон реже игровых приёмов. Это в целом соответствует практике разных профильных групп музеев⁶⁶⁰. Вместе с тем есть несколько базовых подходов, встречающихся в практике естественно-исторических и комплексных музеев.

В частности, один из распространённых приёмов — организация в экспозиции исследовательской зоны «живого музея». По-

⁶⁵⁸ Куклинова И. А. Особенности презентации естественно-научных коллекций в региональных отечественных музеях // Культурный ландшафт регионов. — 2022. — Т. 4. — № 4. — С. 89–109.

⁶⁵⁹ Всё о медведе // Социальная сеть «ВКонтакте» [сайт]. — URL: <https://vk.com/event30807242?w=club30807242> (дата обращения: 17.11.2025).

⁶⁶⁰ Например, см.: Война и Музей... С. 297–309.

добная зона была создана на выставке «Летопись в камне: геологический очерк Западного Кавказа и Предкавказья», работавшей в 2024–2025 гг. в главном здании Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына (г. Краснодар). Данная иллюстративно-тематическая выставка посвящалась основным вопросам геологического строения и истории Краснодарского края, а также Западного Кавказа и Предкавказья. В числе редких экспонатов, представленных жителям и гостям Краснодара, был череп фанагорийского слона, а также фрагменты скелета мамонта, мастодонта, кита-цетотерия, разнообразные аммониты и другие морские беспозвоночные. Кроме того, в экспозицию вошли минералы, характерные для региона⁶⁶¹. В контексте этих экспонатов была устроена интерактивная зона, включающая рабочее место, микроскоп, планшет и коллекцию образцов для изучения. Воспользоваться этим рабочим местом мог любой посетитель, желающий практически попробовать себя в научном изучении уникальных свидетельств геологической истории.

Похожая функциональная зона «живого музея» была оборудована на экспозиции «Геология и палеонтология Северного края» в Архангельском краеведческом музее. Данная экспозиция знакомит посетителей с окаменелостями, горными породами и минералами из музеиных коллекций, собранных на территории региона. В экспозицию также вошли значимые палеонтологические находки и реконструкции, в том числе кости и бивни мамонтов, различные части ящеров пермского периода, реплика скелета иностраницевии, которая являлась первым крупным наземным хищником, обитавшим в этих краях сотни миллионов лет назад. Наиболее редкий музейный предмет, представленный гостям, — плита вендского периода с отпечатками полностью вымерших существ, обитавших на планете более 500 млн лет назад⁶⁶². Музейные специалисты отмечают, что в такой насыщен-

⁶⁶¹ В Краснодаре открылась выставка «Каменная летопись Кубани» // ООО «Газпром добыча Краснодар» [сайт]. — URL: <https://krasnodar-dobycha.gazprom.ru/press/news/2015/01/42/> (дата обращения: 17.11.2025).

⁶⁶² Геология и палеонтология Северного края // Архангельский краеведческий музей [официальный сайт]. — URL: <https://kraeved29.ru/vystavki/geologiya-i-paleontologiya-severnogo-kraya/> (дата обращения: 17.11.2025).

ной природно-исторической экспозиции было необходимо активизировать посетительский интерес и любопытство, поэтому «в углу зала между витринами и палеонтологическим панно оборудован уголок исследователя, который включает в себя небольшой стол, микроскоп, инструкцию, вспомогательные инструменты и набор предметов для изучения (речной песок, гранатовый песок, разные виды слюды)»⁶⁶³. Словом, создание исследовательских зон «живого музея» — достаточно универсальный и доступный приём, способный расширить функционал естественно-исторической экспозиции.

Другая функциональная технология, так или иначе развивающаяся в естественно-научных музеях с эпохи Возрождения, связана с включением в экспозицию живых экспонатов, представителей флоры и фауны⁶⁶⁴. В настоящее время в их числе встречаются как растения, насекомые и аквариумные рыбки, так и более крупные представители живой природы. В частности, более 35 лет на территории Ярославского музея-заповедника (Рубленого города) в вольере жила медведица Маша, недавно ушедшая на заслуженный отдых. Будучи медвежонком, она была найдена и спасена лесниками в заброшенной берлоге. После её «усыновил» музей-заповедник, и медведица стала живым символом Ярославля⁶⁶⁵.

Следует отметить, что наиболее распространёнными функциональными зонами, реализующими принцип «живого музея» и органично связывающими природную и культурную тематику, являются музейные оранжереи и сады, которые работают во многих музеях-заповедниках и музеях-усадьбах в России⁶⁶⁶. Отметим, что

⁶⁶³ Лизунова М. А. Опыт организации интерактивного пространства в естественно-научных экспозициях на примере Архангельского краеведческого музея // Познавательный естественно-научный туризм: образовательные возможности и воспитательный потенциал : сб. науч. тр. — Тольятти, 2024. — С. 33–36.

⁶⁶⁴ Куклинова И. А. Особенности презентации естественно-научных коллекций в региональных отечественных музеях... С. 89–109.

⁶⁶⁵ Медведица Маша — живой символ Ярославля // Ярославский музей-заповедник [официальный сайт]. — URL: <https://yarkremlin.ru/museum/medveditsa-masha/tel:84852329649> (дата обращения: 17.11.2025).

⁶⁶⁶ Например, см.: Ляшко А. В., Гаркуша О. М. К вопросу о музеефикации теплично-оранжерейных комплексов. Современная отечественная практика // Вопросы музеологии. — 2024. — Т. 15. — № 1. — С. 46–61.

свои отличительные методы и приёмы используются для создания оранжерей и открытых ландшафтных экспозиций в естественно-научных музеях. В качестве показательного примера можно привести состоявшиеся ботанические проекты Биологического музея имени К. А. Тимирязева (Москва).

Эти проекты, реализованные на приусадебной территории, призваны компенсировать недостаток ботанической тематики в стационарной экспозиции. Живые экспозиции музея располагаются в новой оранжерее (1998–2000 гг. постройки) и в пространстве под открытым небом. Здание оранжереи площадью 110 кв. м разделено на две секции: экскурсионную, где проводятся экскурсии по ботанической тематике, и рабочую, в которой находятся растения для живой экспозиции в залах музея и для проведения ботанических опытов⁶⁶⁷. Всего выращивается 400 видов растений. В основу тематического комплектования экспозиций в оранжерее Биомузея был положен биогеографический принцип, предполагающий показ растений из различных биотопов (тропического и субтропического леса, околоводных пространств и субтропических пустынь)⁶⁶⁸.

На участках открытого грунта, одновременно с созданием новой оранжереи, была сформирована ландшафтная экспозиция. В ней входят отдельные деревья старого сада, в том числе 25 лип сердцевидных, 11 клёнов остролистных и 2 ясения обыкновенного. Но основным объектом показа стала новая ландшафтная экспозиция, посвящённая растительным сообществам, редким и исчезающим видам лесных, луговых и околоводных растений природного комплекса Москвы. Музейными сотрудниками было высажено около 200 дикорастущих растений, в том числе более 40 видов растений, занесённых в Красную книгу города⁶⁶⁹. Данная экспозиция построена по биотопическому принципу, предполагающему показ охраняемых ви-

⁶⁶⁷ Куликова М. В. Усадебный комплекс Биологического Музея имени К. А. Тимирязева: в преддверии столетия Музея // Жизнь Земли. — 2020. — Т. 42. — № 2. — С. 204–214.

⁶⁶⁸ Там же.

⁶⁶⁹ Среди них вереск обыкновенный, купена лекарственная, ландыш майский, лобка двулистная, медуница неясная, можжевельник обыкновенный, волчеягодник обыкновенный и др.

дов в родных природных сообществах. Она воссоздаёт на небольшой территории фрагменты хвойного, смешанного и широколиственного леса, опушки и луговых растений, болота и околоводных растительных групп⁶⁷⁰.

Другая живая экспозиция древесных и травянистых растений формируется с 2007 г. Государственным Дарвиновским музеем (Москва) на своей прилегающей территории. К настоящему времени сложилась экологическая тропа протяжённостью 260 м, которая представляет 75 видов растений древесно-кустарникового яруса и 66 видов многолетних травянистых растений. Будет нeliшним уточнить, что в этой искусственно-созданной природной среде встречается свыше 40 видов птиц и около 100 видов беспозвоночных. В пространстве экотропы также установлен домик для зимовки насекомых, которые опыляют музейные растения — одиночных пчёл и ос, златоглазок, божьих коровок, шмелей и др.⁶⁷¹

В дополнение к живым представителям флоры и фауны в открытой экспозиции устроен палеопарк со скульптурами древних животных, обитавших на территории России, представленными в натуральную величину. Этот тематический блок продолжают живые насаждения древних растений (гinkго, тсуга и псевдотсуга), северная граница распространения которых проходила по правому берегу Москвы-реки, где сегодня расположен музей. Рассказывает об этом информационное сопровождение выставки, посвящённое истории, основным растениям и жителям экотропы⁶⁷².

Также, развивая функциональный поход в работе с посетителями, Дарвиновский музей формирует арт-пространство на крыше музея-ного здания. В 2023 г. здесь начал работу художественно-экологический проект «ДеревА». Цель проекта — напомнить жителям городов о роли деревьев в повышении качества урбанизированной жизни,

⁶⁷⁰ Кулкова М. В. Усадебный комплекс Биологического Музея имени К. А. Тимирязева: в преддверии столетия Музея... С. 204–214.

⁶⁷¹ Экологическая тропа: Живая коллекция древесных и травянистых растений // Государственный Дарвиновский музей [официальный сайт]. — URL: <https://www.darwinmuseum.ru/projects/separate-exp/ekologicheskaya-tropa> (дата обращения: 14.11.2025).

⁶⁷² Там же.

рассказать о том, как город заботится о деревьях, а также познакомить ближе с деревьями, которые их окружают на улицах Москвы⁶⁷³. Просветительская выставка, рифмующаяся с городскими видами и комментирующая их, представляет виды деревьев, которые используются в озеленении города или произрастают в парках и лесопарках столицы. Она трансформирует колонны выставочного пространства в своеобразные «дерева», представляющие гербарные материалы и ботанические рисунки из фондов музея, а также натурные объекты с музейной экологической тропы. С помощью аудиогида «Послушай дерево» каждый объект предлагает услышать историю его прототипа и понять, зачем это растение так необходимо городским жителям⁶⁷⁴.

ЭКСПОЗИЦИОННЫЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕННЫХ ЗОН «ЖИВОГО МУЗЕЯ»

Теперь перейдём к опыту создания временных зон «живого музея, которые могут иметь как имитационный, так и функциональный характер. В музеях любого профиля наиболее распространенной технологией в данной группе является проведение интерактивных и иммерсивных занятий в музейных экспозициях (тип 3). Естественно-научные экспозиции не являются исключением. Иногда для превращения экспозиционного пространства в интерактивную зону достаточно самых минимальных средств. Например, специальных фонарей, которые используются в Музее минералов имени В. А. Гриценко (Краснодар, компания «Сервис-Юг-КММ»). В этом частном музее, открывшемся в 2023 г., представлена минералогическая коллекция В. А. Гриценко, основателя компании, включающая более 500 предметов — редкие и эксклюзивные камни со всего мира, раковины моллюсков и окаменелости⁶⁷⁵. Коллекционная экспозиция

⁶⁷³ На крыше музея // Государственный Дарвиновский музей [официальный сайт]. — URL: <https://www.darwinmuseum.ru/projects/separate-exp/pa-kryshe-muzeya> (дата обращения: 14.11.2025).

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Музей минералов // Социальная сеть «Telegram» [сайт]. — URL: <https://t.me/s/mineralkrd> (дата обращения: 20.11.2025).

оборудована современными витринами и профессиональным экспозиционным светом, превращающим образцы минералов в настоящие эстетические объекты.

Однако во время экскурсий, проводящихся, в особенности, для детских групп, этот экспозиционный свет выключается для того, чтобы показать явления люминесценции и флуоресценции⁶⁷⁶. Экскурсовод или посетители освещают экспонаты специальными фонариками с ультрафиолетовым светом, и минералы, способные поглощать небольшое количество света и мгновенно выпускать его с другой длиной волны, преображаются и кардинально меняют цвет. Словом, используется весьма простое, но очень эффективное решение.

В большинстве случаев музеиные учреждения разрабатывают целый ассортимент иммерсивных и интерактивных занятий, проходящих в естественно-научных и комплексно-исторических экспозициях. Например, программа «История одной науки» реализуется в Почвенно-агрономическом музее имени В. Р. Вильямса Российской государственной аграрного университета — Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Она рассчитана на школьников старших классов — будущих абитуриентов вуза. Следует отметить, что в экспозиции этого вузовского музея находится около 900 почвенных монолитов, представляющих разнообразие почв от Северного Ледовитого океана до тропиков и субтропиков. Причём возраст многих образцов более 100 лет, и они являются экологическими памятниками природы. Фонды музея насчитывают свыше 2 тыс. почвенных монолитов, более 35 тыс. рассыпных коробочных образцов, тысячи листов гербария, различные архивные материалы экспедиций и личных вещей учёных⁶⁷⁷.

⁶⁷⁶ Подробнее об явлениях люминесценции и флуоресценции см.: Меньшинина Д. О флуоресценции минералов // Государственный исторический музей Южного Урала [официальный сайт]. — URL: <https://chelmuseum.ru/science/articles/o-fluorescentsii-mineralov/> (дата обращения: 20.11.2025).

⁶⁷⁷ Почвенно-агрономический музей им. В. Р. Вильямса // Центр образовательного туризма — музейный комплекс «Петровское-Разумовское» (РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева) [сайт]. — URL: <https://museum.timacad.ru/почвенно-агрономический-музей-им-в-р-в/> (дата обращения: 20.11.2025).

Программа «История одной науки», тесно связанная с формированием данной коллекции, состоит из интерактивной лекции, рассказывающей об истории земледелия, предыстории и истории наук о почве, и серии квестов по материалам экспедиций В. Р. Вильямса, стоявшего у истоков советского почвоведения. Другая программа «В гостях у дождевого червячка» рассчитана на учеников младшей и средней школы (3–5 классы). Она включает просмотр образовательного мульти фильма, изучение первичного процесса почвообразования, знакомство с разными обитателями почвы, в том числе с героем программы, а также мастер-класс по рисованию почвой. Остается сказать, что в музее реализуется множество иных программ с элементами игры и практического изучения тематики⁶⁷⁸.

Одна из непривычных иммерсивных программ для естественно-научного профиля была разработана в Музее торфа Томского государственного педагогического университета — это интерактивная театрализованная экскурсия «Таинственное болото, или между сушей и водой». Создатели программы исходили из задачи преодоления множества стереотипов, формирующих представления людей разных возрастов о болотах. Поэтому театрализованная экскурсия, целевой аудиторией которой были школьники младшего подросткового возраста (10–12 лет), посвящалась наиболее распространённым мифам о бескрайних болотах, торфе и болотной нечисти. Гости музея выступали в роли путешественников, которым предстояло отгадать, что из мифов о болоте правда, а что — вымысел.

Путешественникам выдавали маршрутные листы, а также их сопровождали героини — Болотница и Девушка селькупка, в роли которых выступали студенты биолого-химического факультета университета. Они помогали посетителям ориентироваться в загадках и экспонатах, а также формулировать основные выводы. Взаимодействуя с экспозицией, посетители узнавали, что торфяные болота — это летопись природы; они знакомились с процессом образования болотных блуждающих огней и с культурой народов, которые проживают на заболоченных территориях. Заключительная часть программы —

⁶⁷⁸ Вильямс М. В., Стребелева Ю. В., Матлаева М. О. Образовательные программы для школьников в естественнонаучном музее // Наука в вузовском музее... М., 2024. — С. 35–36.

это мастер-класс по изготовлению талисманов «На удачу» на основе сухого торфа, которые отсылают к культуре селькупов, одного из малочисленных народов Сибири, проживающих в Томской области⁶⁷⁹.

В этой связи отметим, что в настоящее время для проведения интерактивных занятий по естественно-научной и природно-исторической тематике всё чаще используются художественные мастер-классы. Они объединяют особую эстетику природных объектов с вопросами экологического просвещения и сохранения биоразнообразия планеты. Достаточно характерный пример можно обнаружить в современной деятельности Музея-заповедника «Остров-Град Свияжск» (Республика Татарстан), где подобный мастер-класс проводился на выставке «Исчезающая Красота России» (2023 г.). Занятие посвящалось «Венериному башмачку настоящему» (*Cypripedium calceolus*), являющемуся редким растением Красной книги Республики Татарстан и Российской Федерации.

В первой части мастер-класса (образовательной) участники знакомились с несколькими ключевыми темами: строением растения вообще и Венерина башмачка в частности; интересными фактами, связанными с данным цветком; целями устойчивого развития России; средой обитания редкого растения; биоразнообразием и его сокращением, охраной растений и Красными книгами регионов Российской Федерации. Отдельное внимание уделялось вопросу вторичного использования материалов. После этого начиналась творческая часть мастер-класса, где участники учились на практике вторично использовать материалы и создавали свои «Венерины башмачки настоящие» из макулатуры (старых журналов, брошюр, газет, картонных упаковок и т. д.). Этот подход делал ознакомление с экологическими темами практико-ориентированным, учит важному выводу, что «из ненужных бумажек можно создать красивую и достоверную картину с краснокнижным растением»⁶⁸⁰.

⁶⁷⁹ Куламина П. А., Гилева Д. А., Порохина Е. В. Интерактивная экскурсия в музее торфа как средство расширения знаний о родном крае // Наука в вузовском музее... М., 2024. — С. 189–192.

⁶⁸⁰ Голубева А. И. Популяризация ботанических знаний на примере мероприятий проекта «Бумажки — я вижу мир» в музее-заповеднике «Остров-Град Свияжск» // Наука в вузовском музее... М. : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 172–175.

Одна из наиболее обширных программ в проведении интерактивных и иммерсивных занятий разработана в Государственном геологическом музее имени В. И. Вернадского РАН (ГГМ РАН, Москва). Интерактивные занятия проводятся здесь при участии Межвузовского академического центра навигации по специальностям горно-геологического профиля. Для этих занятий, знакомящих детей и подростков с научной деятельностью геологов, формируются специальные учебные коллекции по основным темам и направлениям современных наук о земле, в том числе: «Горные породы», «Минералы», «Органические остатки» и «Полезные ископаемые».

Во время занятий даётся подробная характеристика образцов, которые можно изучать не только визуально, но и тактильно. Закрепление знаний происходит в практической форме, предполагающем участие в игровых раскопках, поиск золота и пр.⁶⁸¹ Для этого с 2016 г. открылась детская интерактивная игровая, на площадях которой расположились экспозиции: «Биосфера живого и косного», «Человек и биосфера», «Миры Вернадского», «Минералы — символы регионов России», интерактивные тренажёры, зона кинозала для демонстрации тематических кинофильмов. Одна из экспозиций имеет инклюзивный характер и предназначена для работы со слабовидящими и слабослышащими детьми⁶⁸².

Приведём несколько примеров интерактивных занятий ГГМ РАН. Во время программы «Изучаем горные породы и минералы» дети узнают, в чём разница между горной породой и минералом, как они рождаются, из чего состоят, где встречаются, какими свойствами обладают и почему их называют «полезными ископаемыми». Занятие предполагает непосредственное изучение и тактильное взаимодействие с настоящими геологическими образцами, после которого юные посетители понимают, насколько может быть

⁶⁸¹ Мирлин Е. Г., Хотченков Е. В., Черевковская И. А. Геологический музей как инновационная площадка просветительской работы с молодым поколением // Инноватика и экспертиза: научные труды. — 2019. — № 3 (28). — С. 132–142.

⁶⁸² Малышев Ю. Н., Стародубцева И. А., Титова А. В., Черкасов С. В. Геологическому музею им. В. И. Вернадского РАН — 260 лет // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. — 2019. — № 2. — С. 75–80.

интересным «мир под ногами»⁶⁸³. Другая программа «Секреты Данилы-мастера» обращается к сюжетам известного сказа П. П. Бажова «Каменный цветок». Интерактивное занятие знакомит детей с дико-винными минералами Урала, их свойствами и особенностями. Гости музея учатся различать минералы по форме кристаллов, цвету, весу и даже по вкусу и запаху. В конце занятия участники программы получают задание от сказочного персонажа — Хозяйки медной горы, которая отправляет их в путешествие по экспозиции в поисках знакомых уральских самоцветов⁶⁸⁴.

Наиболее иммерсивные программы проводятся музеем в специальной интерактивной экспозиции — «Шахте Академической». Данное пространство, организованное с помощью различных методов, традиционных и иммерсивных технологий (витрины-образа, мультимедиа, «живого музея»), отправляет посетителей в необычное и познавательное историческое путешествие. Экспозиция представляет, как выглядела угольная шахта столетия назад, знакомит с историей шахтного освещения и эволюцией рабочих инструментов, а также показывает, как действовала шахтная техника на основе действующих моделей. Причём в процессе осмотра экспозиции дети одеваются в рабочую экипировку (спецовки и каски) и совершают «спуск» в шахтной клети. Оказавшись внизу, в условном подземелье, они изучают угольную выработку в воспроизведённых условиях работы шахтёров⁶⁸⁵.

Продолжая знакомство с деятельностью Межвузовского академического центра навигации по специальностям горно-геологического профиля, действующего на базе геологического музея, можно найти несколько показательных примеров мероприятий формата

⁶⁸³ Изучаем горные породы и минералы: интерактивное занятие // Государственный геологический музей имени В. И. Вернадского РАН [официальный сайт]. — URL: https://sgm.ru/VISITORS/interactive_view_pr.php (дата обращения: 20.11.2025).

⁶⁸⁴ Секреты Данилы-мастера: интерактивное занятие // Там же. — URL: https://sgm.ru/VISITORS/danila_master.php (дата обращения: 20.11.2025).

⁶⁸⁵ Экспозиция «Шахта Академическая»: совместно с Политехническим музеем // Там же. — URL: https://sgm.ru/EXPOSITION/interactive_expo.php (дата обращения: 20.11.2025).

«день открытых дверей» (тип 4), которые позволяют расширить просветительские возможности музея за счёт вовлечения фондовых и научно-исследовательских резервов. Отметим, что в естественно-научных и естественно-исторических музеях данные мероприятия преимущественно связаны с организацией тематических клубов. В частности, в ГГМ РАН они проходят на базе Клуба юных геологов, в который зачисляются наиболее заинтересованные слушатели и участники лекций и интерактивных занятий.

Этот клуб представляет собой постоянно действующее объединение, занятия которого проходят в оборудованном помещении с микроскопами, интерактивными досками и макетами, практическими учебными экспозициями, кинозалом и пр. Участники клуба организовано посещают музеи, близкие по тематике к геологическому музею, а также лаборатории в профильных вузах. Кроме того, они могут отправиться в специальные «геологические экспедиции». Имеется опыт проведения таких выездов с целью изучения строения геологических разрезов, сбора образцов минералов, горных пород и органических остатков в пойму Москвы-реки, в Щелковский, Домодедовский, Воскресенский карьеры (Московская область). Центром также проводилась «геологическая практика» участников клуба на Урале, в Донецком угольном бассейне, в Крыму, в Адыгее и др.⁶⁸⁶

Многие десятилетия работает Палеонтологический кружок при Палеонтологическом музее имени Ю. А. Орлова РАН (Москва). Напомним, что первые участники этого кружка собрались в 1948 г. В настоящее время в тематическом клубе проходят лекции об эволюции животного мира, о работе палеонтологов в экспедициях и лабораториях. Участники более глубоко и подробно, чем обычные посетители, знакомятся с экспозицией, а также с фондами Палеонтологического музея, и выезжают на местные раскопки. Дети и подростки, становящиеся палеонтологами-любителями, приглашаются в Палеонтологический институт РАН. Они посещают препараторскую, изучают технологии и правила очистки находок, осматривают мастерские и монтажный зал, где происходит монтировка или подготовка объ-

⁶⁸⁶ Мирлин Е. Г., Хотченков Е. В., Черевковская И. А. Геологический музей как инновационная площадка просветительской работы с молодым поколением... С. 132–142.

ектов к демонстрации в залах музея. Участники кружка могут посетить научные лаборатории института, где учёные исследуют остатки растений и животных, которые жили на Земле десятки и сотни миллионов лет назад⁶⁸⁷. Всё это провоцирует интерес детей к исследовательской работе и направляет их в выборе будущей профессии.

Перейдём к другому примеру, в котором органично объединяется культурная и природная тематика. Речь идёт о просветительском клубе «Голос Севера», который действует в Дарвиновском музее. Особенность этого неформального объединения заключается в том, что он формирует сообщество москвичей, имеющих различный возраст, разные профессии, но объединяющихся любовью и интересом к природе и культуре северных регионов. Благодаря работе клуба в музее встречаются единомышленники, погружающиеся в исторические и современные северные культуры, желающие активно влиять на важные процессы вблизи и за Полярным кругом. Целью клуба является изучение и поддержка российской северной идентичности, распространение знаний о Русской Арктике, о работе заповедников, о сохранении памятников деревянной архитектуры и о жизни коренных малочисленных народов России⁶⁸⁸.

В этой связи актуально перейти к последнему типу иммерсивных технологий, способствующих реализации принципа «живого музея», — проводению совместных событий и акций (тип 6). Они объединяют музеиные и иные учреждения (коллективы), а также демонстрируют востребованность и включённость наследия в актуальные формы социальной и научной жизни.

Отметим, что совместные события и акции могут иметь различный характер в естественно-научном музее. Например, в 2018 г. Биологический музей имени К. А. Тимирязева и Русское общество любителей ботанической иллюстрации обратилось к Департаменту транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры

⁶⁸⁷ Палеонтологический кружок // Палеонтологический музей имени Ю. А. Орлова [официальный сайт]. — URL: <https://www.paleo.ru/museum/paleokruzhok/> (дата обращения: 20.11.2025).

⁶⁸⁸ Проект «Голос Севера» // Государственный Дарвиновский музей [официальный сайт]. — URL: <https://www.darwinmuseum.ru/projects/separate-exp/golos-severa#close> (дата обращения: 20.11.2025).

Москвы с предложением о создании экспозиции «Растения Красной книги города Москвы» в поезде-галерее «Акварель» Московского метрополитена⁶⁸⁹. В рамках этой тематической выставки каждый вагон был посвящён определённой группе краснокнижных растений («Луговые растения», «Водные и околоводные растения», «Колокольчики», «„Ягодные“ растения», «Первоцветы»). Специально для экспозиции современные художники выполнили акварельные «портреты» редких растений Москвы. Всего в поезде демонстрировались 35 акварельных рисунков, причём каждая работа сопровождалась экспликациями, из которых можно получить информацию о научном названии растения, категории редкости и местах произрастания в московском регионе⁶⁹⁰.

Безусловно, данная выставка не является музейной в строгом смысле этого слова, так как не включает музейных предметов. Однако это ожидаемо для проектов типа «музей на улице», главная цель которых так или иначе связана с привлечением общественного внимания и максимально широким охватом незаинтересованной (перспективной) аудитории.

Совместная акция другого плана была реализована в недавнем прошлом в Дарвиновском музее. На музейной крыше, где организована выставка «ДеревА», уже охарактеризованная ранее, дополнительно была создана релакс-зона «Эмоционариум». Проект стал результатом взаимодействия естественно-научного музейного учреждения и Московского института психоанализа. Цель эмоционариума — помочь посетителям отвлечься от повседневного вихря событий, погрузиться в своё мироощущение и внутреннее состояние. В рамках проекта на музейной крыше также проводились психологические лекции и занятия, знакомящие гостей Дарвиновского музея с практикой арт-терапии⁶⁹¹.

⁶⁸⁹ Данный поезд курсировал до августа 2025 г., после чего был преобразован в «Поезд будущего».

⁶⁹⁰ Куликова М. В. Усадебный комплекс Биологического Музея имени К. А. Тимирязева: в преддверии столетия Музея... С. 204–214.

⁶⁹¹ На крыше музея // Государственный Дарвиновский музей [официальный сайт]. — URL: <https://www.darwinmuseum.ru/projects/separate-exp/na-kryshe-muzeya> (дата обращения: 21.11.2025).

Перейдём к более традиционному примеру, объединившему целую группу московских естественно-научных музеев. В октябре 2025 г. совместный проект «Музейная тропа» соединил в единое научно-интерактивное пространство музейные учреждения, расположенные в университете квартале на Моховой. В проекте, имевшем обобщающую тему «Происхождение и развитие жизни», приняли участие Геологический музей имени В. И. Вернадского РАН, Мемориальный музей-кабинет И. М. Сеченова при Первом Московском государственном медицинском университете, Зоологический музей МГУ совместно с Музеем антропологии МГУ, а также парк «Зарядье». Каждое из учреждений разработало свою лекционную и интерактивную программу, способную привлечь и удовлетворить запросы посетителей разных возрастов, решивших пройти по «музейной тропе».

В частности, в Геологическом музее имени В. И. Вернадского РАН проводилась интерактивная программа «История Земли, или история о том, как космическая пыль превратилась в планету людей». Участники программы знакомились с основными этапами развития планеты и изучали процессы её формирования. Особые акценты в рассказе были расставлены на событиях, которые сделали Землю единственной планетой, пригодной для жизни. В числе прочего, маленькие гости имели возможность тактильно взаимодействовать с веществом, которое старше нашей планеты, а также изучить геологический «календарь» и каменные свидетельства тех давних времен, когда людей ещё не было⁶⁹².

Наконец отметим, что совместные проекты музеев и других организаций могут являть собой даже инструменты дипломатии. В частности, в 2022 г. Ассоциация содействия развитию культуры и искусства «Творческий союз» в сотрудничестве с Научно-образовательным центром — Ботаническим садом Петра I биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и рядом музеев инициировала просветительский проект «Флора и фауна стран БРИКС».

⁶⁹² Музейную тропу представляют в Москве на фестивале «Наука 0+» // Портал открытых данных Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского РАН [официальный сайт]. — URL: <http://data.sgm.ru/blog/museum-trail> (дата обращения: 21.11.2025).

Важной частью проекта, включившего целую серию мероприятий, прошедших в течение 2022–2024 гг.⁶⁹³, стала совместная исследовательская работа, создание художественно-просветительских и естественно-научных выставок, проведение интерактивных программ и мастер-классов. К примеру, для Государственного Дарвиновского музея был разработан мастер-класс, посвящённый южноафриканскому жирафу, являющемуся одним из символов ЮАР. Из старых журналов и газет участники занятия создавали не только самих жирафов, но и их среду обитания. Через творчество они рассказывали ту или иную историю, представляя свои новые знания, полученные на музейном занятии, про это удивительное животное, его место обитания, трудности, с которыми ему приходится сталкиваться в современном мире, и про удивительную страну, в которой он живёт⁶⁹⁴.

В завершение обзора, рассмотрев основные типы современных технологий «живого музея» и их реализацию в экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной практике естественно-научных и комплексных музеев, следует кратко коснуться деятельности учреждений музейного типа. Данные учреждения не соответствуют нормативному определению музея в Российской Федерации⁶⁹⁵ и находятся на периферии профессионального внимания. Вместе с тем в работе учреждений музейного типа происходит органичное сочетание игровых и функциональных технологий, использующихся для создания временных и постоянных зон свободного общения и взаимодействия. Неудивительно, что эти объекты иногда так и называют — «живыми музеями»⁶⁹⁶. Естественно-научную направленность

⁶⁹³ Основные мероприятия проекта «Флора и фауна стран БРИКС» представлены на сайте Ассоциации содействия развитию культуры и искусства «Творческий союз». См.: Флора и фауна стран БРИКС // Творческий союз [сайт]. — URL: <https://www.union-of-art.ru/projects/flora-i-fauna-stran-briks/> (дата обращения: 20.11.2025).

⁶⁹⁴ Голубева И. В. Наука, искусство и дипломатия в музейной педагогике // Наука в вузовском музее... М. : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 50–54.

⁶⁹⁵ См. нормативное определение «музей» (ст. 3, Федеральный закон № 54-ФЗ).

⁶⁹⁶ Словарь актуальных музейных терминов // Музей. — 2009. — № 5. — С. 63.

имеют многочисленные музеи занимательных наук и научных опытов, набирающие популярность в крупных российских городах.

Современные аналоги «Дэ Зэ эН», имеющие разный масштаб и размах деятельности, работают в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Ярославле, Казани, Ижевске, Иркутске и других городах. Постоянно происходит разработка новых занимательных проектов и экспозиций⁶⁹⁷. Одним из наиболее влиятельных в этой области является московский Музей занимательных наук «Экспериментариум», где проходят увлекательные научные шоу, мастер-классы и образовательные программы для исследователей и любопытствующих всех возрастов.

В экспозиции частного музея науки, открывшегося в 2011 г., представлено более 300 интерактивных устройств, демонстрирующих законы точных наук и явлений окружающего мира. Интерактивная экспозиция занимает три этажа общей площадью 3,5 тыс. кв. м и поделена на 7 разделов: анатомия, механика, оптика, акустика, гидравлика, электромагнетизм и автомобилестроение. В данных разделах представлены образцы машин, механизмов и устройств, многие из которых приводятся в действие в процессе взаимодействия с ними посетителей. Причём около 80% этих действующих экспонатов и загадок были разработаны и изготовлены в самом музее. Кроме того, экспонаты регулярно пополняются и обновляются, в том числе приборами и образцами из аналогичных мировых центров популяризации науки⁶⁹⁸.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Таким образом, не только этнографические и военно-исторические музеи применяют технологии «живого музея» для представления культурного наследия. Актуальная практика естествен-

⁶⁹⁷ Павлова М. А., Лукина В. С., Шабанова М. В. Интерактивная экспозиция «Эксперименты в математике» для музея занимательных наук // Университеты в системе поиска и поддержки математически одаренных детей и молодежи : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. — Майкоп, 2018. — С. 58–66.

⁶⁹⁸ Музей занимательных наук «Экспериментариум» // Культура.рф [официальный сайт]. — URL: <https://www.culture.ru/institutes/35719/muzei-zanimatelnykh-nauk-eksperimentarium> (дата обращения: 21.11.2025).

но-научных и комплексных (краеведческих) музеев насыщена многочисленными примерами интерактивных технологий экспозиционного проектирования и интерпретации экспозиции. Автором были рассмотрены современные музейные, внемузейные и совместные выставочные и просветительские проекты, в которых применяются технологии «живого музея» различных типов для актуализации природного наследия посредством обращения к активному поведению посетителей. Отметим кратко, что типовое разнообразие технологий «живого музея» включает:

- приёмы и средства создания постоянных зон «живого музея» (группу 1), в том числе имитационные (игровые) технологии (тип 1) и функциональные технологии (тип 2); разница в этих приёмах заключается в цели использования; первые позволяют организовать пространство игрового взаимодействия, погружающее посетителя в контекст того или иного явления или события; вторые — пространство реального взаимодействия, обучающее и рассказывающее посетителям об особенностях той или иной деятельности;
- приёмы и средства создания временных зон «живого музея», среди которых находятся иммерсивные программы, проходящие в музейной экспозиции или на её периферии (тип 3), наполняющие посещение музеев игровым взаимодействием и реальными действиями; мероприятия типа «день открытых дверей», обеспечивающие доступ к уникальному опыту посещения фондов, лабораторий, экспедиций (тип 4); совместные события и акции между музейными и иными учреждениями (тип 5), демонстрирующие включённость учреждения и хранимого им природного наследия в актуальные формы социальной и научной жизни; цель использования обозначенных технологий заключается в постоянной трансформации и обновлении экспозиционного пространства музея.

Следует подчеркнуть, что проекты, использующие приёмы игрового взаимодействия или предлагающие совершить посетителям реальные действия в музейной экспозиции, приближают природное наследие и тематику в целом к человеку, делают её понятнее

и доступнее. Однако это не означает, что данная музейная практика лишена проблем и недостатков. Дальнейшее развитие технологий «живого музея» в российских музеях различных профилей связано с расширением тематического диапазона и форм интерактивного показа, а также с уходом от применения типовых и тиражируемых приемов в сторону создания 的独特ных моделей — игровых и функциональных, историко-культурных и природно-исторических. Причём наиболее перспективными и востребованными должны стать те экспозиционные решения, которые смогут органично объединить показ музейных предметов с возможностью творческой самореализации посетителей и активизацией их интереса к изучению социальной и естественной истории как части коэволюции человека и природы.

Кроме того, немалое значение имеет становление методики подобной работы, разработка и применение новых приёмов и средств, способных обучать через новаторство, «благодетельное искусство удивления» и возможность совместного творчества. Хочется надеяться, что исторический и современный опыт поиска и реализации принципа «живого музея» в российском музейном деле, изложенный в настоящей монографии, может стать источником вдохновения для новых, не типовых проектов и подходов.

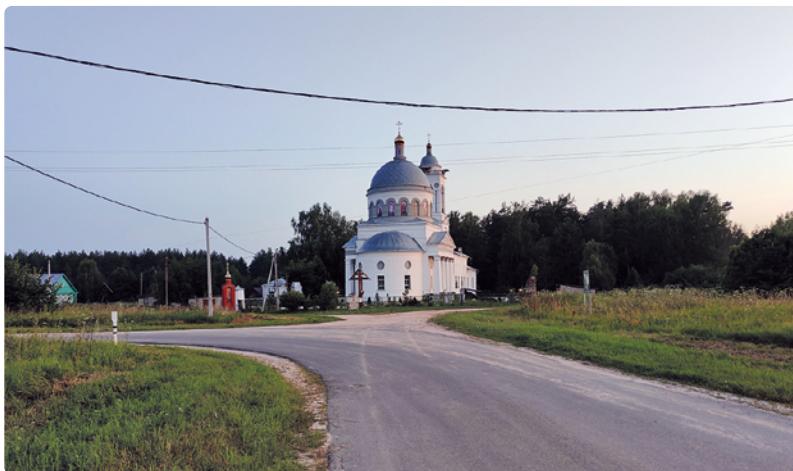
Приложение 3

Илл. 48, 49. Достопримечательности в окрестностях пос. Красный Богатырь. Музей-усадьба Танеевых в с. Маринино Ковровского района (Владимирская обл.). 2025 г. Фотографии Т. А. Зотовой. Личный архив автора

Илл. 50, 51. Достопримечательности в окрестностях пос. Красный Богатырь. Музей-усадьба Танеевых в с. Маринино Ковровского района (Владimirская обл.). 2025 г. Фотографии Т. А. Зотовой. Личный архив автора

Илл. 52. Окрестности пос. Красный Богатырь в Судогодском районе (Владимирская обл.). Воскресенский храм XIX в. в с. Картмазово. 2025 г.
Фотография Т. А. Зотовой. Личный архив автора

Илл. 53. Достопримечательности в окрестностях пос. Красный Богатырь. Заказник «Дюкинский» в Судогодском районе (Владимирская обл.).
Фотография М. Фроловой. 2025 г. Источник: <https://vk.com/public203622084>
(дата обращения: 29.12.2025)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование — первый опыт комплексного анализа идей и принципов «живого музея», сложившихся в российском музейном деле на разных этапах его становления. Этим обстоятельством обусловлен выбор основных направлений исследовательской работы.

Первым приоритетным направлением стал поиск и систематизация прообразов «живого музея», зафиксированных в отечественных письменных источниках конца XIX — первой трети XX вв. Традиционно считается, что появление идей «живого музея» исторически связано с музейными концепциями Н. Ф. Фёдорова и П. А. Флоренского. В редких исследованиях также упоминаются строки Н. К. Рериха о сохранении исторических памятников, которые относятся к 1909 г. и включают этот оксюморон. Автором было обнаружено множество других примеров использования выражения «живой музей» в последней трети XIX — первой трети XX вв. Анализ данных источников позволил выявить основные прообразы «живого музея». Среди прочих вариантов наиболее часто встречались значения:

- «живой музей» как поселение или территория, где в естественных условиях сохраняются памятники и самобытная традиционная культура;
- «живой музей» как коллекция объектов живой природы, парк, сад или заповедник.

Синтез этих значений лёг в основу контекстного определения: «живой музей» — это культурные и природные объекты, которые сохраняются в своём естественном состоянии — в динамике и развитии. Данная дефиниция характеризует идею «живого музея» в моменте её проявления в первых философских и прикладных проектах конца XIX — первой трети XX вв. Кроме того, она показывает удивительную эволюцию понятия: от «места — живого музея» (где объекты сохраняются в естественном состоянии), привычного для публикаций рубежа XIX–XX вв., к «живому музею — театру людей», характерному для современных дискуссий (здесь акценты перево-

дятся с объектов наследия на театрально-игровые практики). Настоящая монография попыталась найти баланс между этими значениями, показать независимость первого, исторического понимания и направленность второго, современного значения.

Вторым направлением исследования было выявление и сопоставление наиболее известных исторических идей, проектов, методик «живого музея», возникших в культурном контексте России в конце XIX — первой трети XX вв. Поиск и анализ источников показал, что в истории музейного дела России наиболее влиятельными оказались идеи и проекты «живого музея», сформулированные Н. Ф. Фёдоровым, П. А. Флоренским, В. Н. Всеволодским-Гернгросом и Б. М. Соколовым. Каждый из этих авторов конца XIX — первой трети XX вв. внёс свой вклад в современную концепцию «живого музея». Кратко его охарактеризуем.

В «Философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова впервые прозвучало противопоставление «пассивного музея» (хранилища) и музея активного, деятельного, сохраняющего прошлое для будущего. В концепции П. А. Флоренского, пытавшего оградить Троице-Сергиеву Лавру от тотальной («умерщвляющей») музеефикации, была сформулирована идея создания «живого музея», способного сохранять культурный объект в его развитии и деятельности. В этнографических проектах В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова были впервые предложены ясные и понятные формы внесения «народной жизни» в музейное пространство: посредством организации живого этнографического музея-театра или комплексного этнопарка. Оставшись нереализованными, данные проекты стали своеобразными эталонами, на которые ориентируются современные российские музееведы, стремящиеся развить идеи и образы «живого музея» в технологию музейной работы.

Третье направление исследования заключалось в анализе и проблематизации советской музейной практики 1930–1980-х гг. как периода развития прототипов и форм «живого музея». Автор пришёл к выводу, что в 1930-е гг. концептуальные и методические поиски принципа «живого музея» потеряли актуальность. Борьба с «музеем-хранилищем» превратилась в главный приоритет практической работы, трансформировавшей его в «культпросветкомбинат». В этом

контексте началось развитие новых массовых методов музейно-просветительской работы, которые в российском музееведении часто оцениваются негативно по причине ряда перегибов и утраты музеем предметного характера. В то же время новаторские музейные практики, связанные с организацией в музее вспомогательных учреждений публичного характера, являются прототипами современных «живых музеев» — учреждений музейного типа: музеев-библиотек, музеев-лабораторий, музеев-депо и т. п.

В начале 1950-х гг. на первый план вышли другие задачи. В их основе лежали не только горькие утраты Великой Отечественной войны, но и тенденции предвоенного времени, отмеченного возрождением интереса к национальной российской истории. Стало преобладать традиционное понимание музеев как основных государственных хранилищ коллекций памятников культуры, и вместе с тем началось становление государственных норм охраны культурного наследия. Одним из результатов этого процесса является формирование с конца 1950-х гг. сети новых учреждений — музеев-заповедников и архитектурно-этнографических музеев под открытым небом (скансенов). Эволюция принципов их экспозиционной работы — от выставок архитектуры до создания микромоделей традиционных поселений — принесла в отечественную музейную сферу различные формы представления народной культуры (воссоздание звукового ландшафта, проведение семинаров народных умельцев и др.). В контексте подобных деятельности практик началось становление и распространение современных динамичных подходов к сохранению наследия.

Четвёртое направление исследования составляло изучение процесса трансформации образов и идей «живого музея» в соответствующее музееведческое понятие. Хронологический и типологический историографический анализ показал, что понятие «живой музей» начало употребляться в российском музееведении в 1980–1990-е гг., прошло три этапа становления, и к рубежу 2010–2020-х гг. сложилась практика его постоянного использования. На первом этапе оно преимущественно применялось для обозначения концепции П. А. Флоренского, но смысловое поле понятия достаточно быстро расширялось, включая новые персоналии и формы музейной деятельности.

В контексте более чем тридцатилетнего использования сложилось **несколько устойчивых значений** (концептов, трактовок), актуальных для современного российского музеиного дела:

- «живой музей» П. А. Флоренского;
- музейная концепция Н. Ф. Фёдорова;
- «живой музей» как особая технология проектирования музеиной экспозиции (Т. П. Поляков);
- «живой музей» как мягкая музеефикация (средовой музей у М. Е. Каулен; уникальная историческая территория у С. И. Сотниковой; этноэкологический музей у В. М. Кимеева и др.);
- «оживший» этнографический музей-театр (В. Н. Всеволодский, Б. М. Соколов, О. Г. Севан, Е. А. Полякова, В. Г. Пушкарёв и др.);
- «живой музей» как аналог зарубежных техник актуализации наследия (музея-парка «живой истории», тематического парка, экомузея; А. С. Богатырева, К. О. Бондарь, О. Ю. Нельзина, Д. А. Прокудина и др.).

Безусловно, в выявленных работах употребление искомого термина носило различную теоретическую нагрузку — от простого упоминания до полноценных концепций музеиной деятельности. Поэтому следующее, пятое приоритетное направление исследования заключалось в выявлении и характеристике наиболее **влиятельных современных методик**, стремящихся к реализации принципов «живого музея».

Наибольшее значение на современном этапе имеют два концепта, развивающих идеи «живого музея» в методику сохранения наследия. Первый концепт — «живой музей» как **мягкая музеефикация**. Он объединяет влиятельные концепции уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов; Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, П. М. Шульгин и др.), средового подхода (М. Е. Каулен) и этноэкологического подхода (В. М. Кимеев). Каждая из них предлагает своё решение задачи **сохранения** историко-культурных и природных объектов **без их изъятия** из хозяйственной деятельности человека.

Второй концепт — «живой музей» как **иммерсивная технология проектирования музеиной экспозиции** (Т. П. Поляков). Глав-

ную роль в данной трактовке играет понятие «технологии живого музея». Это — приёмы, способы и средства воссоздания в экспозиции интерактивной модели интерьера (максимально приближённой к оригиналу), внутри которой выделяются и используются для коммуникации предметы, правила и нормы, бывшие актуальными в её историческом прототипе. Использование данных технологий приводит к появлению в музейной экспозиции историко-культурных моделей, или зон и объектов «живого музея», где происходит максимально полное общение посетителей, как на вертикальном уровне (музейный предмет — экспозиция — посетитель), так и на горизонтальном уровне (посетитель — посетитель). Таким образом, в данной методике разрабатываются универсальные инструменты для проектирования и анализа динамичных музейных объектов, а также формулируется важный принцип, гласящий: «живым» может быть любой музей, использующий соответствующие технологии при организации экспозиции.

Шестым направлением исследования, подводящим итоги под его исторической и историографической частью, стало определение основных этапов становления концепции «живого музея» как динамичного подхода к сохранению историко-культурного наследия. На основе комплексного исследования исторических и современных идей, проектов, практик «живого музея», а также их взаимосвязей, автор предлагает выделять три ключевых этапа развития данной концепции:

- формирование основных прообразов и принципов «живого музея» (конец XIX — первая треть XX вв.);
- возникновение прототипов «живого музея» в непосредственной музейной практике (середина — последняя треть XX в.);
- концептуализация идей «живого музея» и превращение их в методику сохранения наследия (конец XX — первые десятилетия XXI вв.).

Подведению итогов теоретической части исследования посвящалось седьмое направление — разработка обобщающего определения «живого музея», способного не только охватывать исторические и актуальные трактовки этого принципа, но и представлять возможности прогнозирования будущих форм. Автор, продолжая сложив-

шиеся традиции, рассматривает проблему «живого музея» в контексте внутренних, смысловых противоречий устоявшейся модели музейной деятельности. Новизна подхода заключается в использовании культурологического инструментария, который позволяет увидеть привычное противопоставление «мертвого хранилища» и «живого музея» в более широком культурологическом срезе.

Актуализируя динамическую модель деятельностной концепции культуры, автор интерпретирует это противопоставление как дихотомию «репродуктивной» (традиционной, повторяемой) и «творческой» (живой, новой) моделей музейной деятельности. В основе этой дихотомии — противоречие между двумя подходами к пониманию культуры в музее: как совокупности культурных ценностей и как нескончаемого процесса творчества. Первый подход лежит в основе устоявшейся модели музейной деятельности, репродуктивной по содержанию и поэтому ограниченной процессом распредмечивания культуры (или, в привычных терминах, — освоения наследия). Второй подход — творческий, не ограниченный воспроизведением образцов и поэтому расширяющий предметное богатство культуры, реализуется в различных проектах и практиках «живого музея».

Таким образом, была предложена новая, деятельностная трактовка изучаемой проблемы. Данная интерпретация гласит: «живой музей» — это особый творческий подход или творческая модель музейной деятельности, не ограниченная воспроизведением культурных образцов, а направленная на создание новых культурных форм и на поиск, по выражению Д. С. Лихачёва, «живого в старом». В основе любого проекта «живого музея» находится творческая деятельность его создателей и посетителей, актуализирующая процессуальный характер объектов культуры и наследия.

Данная трактовка не противоречит существующим определениям, она призвана дополнить и синтезировать их основные смыслы. Поэтому «живой», то есть творческий, динамичный, процессуальный музей может быть выражен в самых разных форматах: «музея традиции» или производственного объекта, экомузея, музея / парка «живой истории», динамичных экспозиционных зон, созданных с помощью технологий «живого музея», авторского музея, семейного музея, экспериментальной музейной лаборатории, микромузея

и т. п. Есть все основания надеяться, что со временем этот перечень будет только расширяться, ведь диалектика взаимодействия традиционного музея и живой культуры безгранична.

Определяя методические аспекты своей концепции, актуальные для современного этапа, автор сформулировал предложения к созданию «живых музеев» на основе двух музейных объектов – реального Музея крестьянского быта в музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская обл.) и идеального Заводского музейно-паркового комплекса на основе территории бывшего стекольного завода в с. Красный Богатырь Судогодского района (Владимирская обл.). Мысленное моделирование позволило предложить базовые понятия, определяющие стратегию реализации творческой модели «живого музея»:

- цель создания и развития «живого музея» связана с представлением культуры и наследия как процессов человеческой деятельности (изменчивых, связывающих прошлое, настоящее и будущее), а также с активизацией их творческого потенциала; именно в совместной творческой деятельности объект наследия становится актуальным для посетителя, то есть «живым»;
- главными средствами достижения этой цели являются технологии проектирования (т. е. технологии «живого музея») и интерпретации экспозиции (т. е. интерактивные формы культурно-образовательной деятельности), которые следует объединять в единую программу музейной работы, включающую планирование в пространственном и временном аспектах; в связи с этим основными стратегическими документами, определяющими характер и направленность «живого музея», являются концепция музеификации (развития), расширенная тематическая (сюжетно-тематическая) структура экспозиции, календарь экспериментально-показательных работ и цикличный план выставочной деятельности;
- результатом реализации модели «живого музея» будет динамичное музейно-экспозиционное пространство, провоцирующее посетителей на поиск «живого в старом» и активное отношение к своему наследию, его изучение и творческое переосмысление.

Последнее, восьмое направление исследования было связано с представлением проектного опыта Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Института Наследия в области разработки зон и объектов «живого музея», а также с выявлением актуального типологического разнообразия интерактивных приёмов и средств, использующихся в российских музеях для решения подобных задач.

В монографии кратко рассматривалась специфика и отдельные экспозиционные приёмы, разработанные для музея-заповедника «Горки Ленинские», музейно-парковых комплексов «Остров фортов» и «Северное Тушино» (Музей истории ВМФ России), а также для Центра развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук. Кратко отметим, что в музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская обл.) технологии «живого музея» рассматривались как один из основных приёмов организации двух экспозиционных объектов — тематического парка «Земля вятичей» и Оранжерейного комплекса усадьбы Горки. В первом случае экспозиционные технологии тяготели к формату «живой истории» и имели игровой характер, во втором — к функциональному подходу, реализующемуся в процессе создания действующей оранжереи-музея.

В музейно-парковых комплексах «Остров фортов» (Санкт-Петербург, Кронштадт) и «Северное Тушино», где работает Музей истории ВМФ России (Москва), бывшими объектами проектирования в 2020–2021 гг., технологии «живого музея» использовались практически в каждой экспозиционной теме и локации. Особенно ярко это проявилось в концепциях центральных экспозиций, разработанных для данных комплексов, где в качестве зон «живого музея» предлагались полномасштабные макеты небольших военно-морских судов, фрагменты корабельных интерьеров — кают, кубриков, палуб, трюмов, артиллерийских башен и т. п. отсеков, демонстрирующих боевую и бытовую среду военно-морского флота России на разных этапах его развития.

В Центре развития гусельного искусства «Купина» имени Л. Я. Жук (Московская обл.) создавался общественный проект, реализующий идею «живого музея» в формате совмещения музейных и образовательных функций. В тексте параграфа рассматривались

основные вопросы, возникающие при организации выставки в культурном центре и их возможные решения. Был предложен перечень проектных документов, рекомендуемых к подготовке в процессе организации микромузейных экспозиций и выставок.

Наконец, выявляя актуальное типологическое разнообразие интерактивных технологий, использующихся в практике российских музеев, автор обратился к проблемной области, малохарактерной для исследований «живого музея» — к актуализации природного наследия и представлению естественно-научной тематики. Такой ракурс может способствовать преодолению стереотипности и узости современных представлений о технологиях «живого музея», которые часто связываются исключительно с этнографической тематикой и приёмами театрализации экспозиционного пространства.

Исследование показало, что актуальная практика российских естественно-научных и комплексных музеев насыщена многочисленными примерами интерактивных технологий экспозиционного проектирования и интерпретации экспозиции. Автором были рассмотрены современные музейные, внемузейные и совместные выставочные и просветительские проекты, в которых применяются технологии «живого музея» различных типов для актуализации природного наследия посредством активного поведения посетителей. Отметим кратко, что типовое разнообразие технологий «живого музея» включило:

- приёмы и средства создания постоянных зон «живого музея» (группу 1), в том числе имитационные (игровые) технологии (тип 1) и функциональные технологии (тип 2); разница в этих приёмах заключается в цели использования; первые позволяют организовать пространство игрового взаимодействия, погружающее посетителя в контекст того или иного явления или события; вторые — пространство реального взаимодействия, обучающего и рассказывающего посетителям об особенностях той или иной деятельности;
- приёмы и средства создания временных зон «живого музея», среди которых находятся иммерсивные программы, проходящие в музейной экспозиции или на её периферии (тип 3), наполняющие посещение музеев игровым взаимодействием.

и реальными действиями; мероприятия типа «день открытых дверей», обеспечивающие доступ к уникальному опыту посещения фондов, лабораторий, экспедиций (тип 4); совместные события и акции (тип 5), демонстрирующие включённость учреждения и хранимого им природного наследия в актуальные формы социальной и научной жизни; цель использования обозначенных технологий заключается в постоянной трансформации и обновлении экспозиционного пространства музея.

Дальнейшее развитие технологий «живого музея» в российских музеях различных профилей связано с расширением тематического диапазона и форм интерактивного показа, а также с уходом от применения типовых и тиражируемых приёмов в сторону создания 的独特ных моделей — игровых и функциональных, историко-культурных и природно-исторических. Причём наиболее перспективными и востребованными должны стать те экспозиционные решения, которые смогут органично объединить показ музеиных предметов с возможностью творческой самореализации посетителей и активизацией их интереса к изучению социальной и естественной истории как части коэволюции человека и природы.

В завершение монографии следует наметить некоторые перспективные направления в дальнейшем изучении проблематики «живого музея» и её методическом сопровождении. Среди них:

- проработка ряда теоретических вопросов, традиционных для российского музееведения; таких как роль и трансформация музеиного предмета в учреждениях, реализующих творческую модель деятельности, особенности научно-исследовательской и научно-фондовой работы, коммуникационные и аксиологические аспекты «живых музеев» и др.;
- более глубокая проработка ряда исторических вопросов, связанных со становлением и развитием идей и практик «живого музея» в российском музейном деле, в особенностях в период 1920–1950-х гг., содержащий немало необычных и требующих осмыслиения решений;
- разработка комплекса методических рекомендаций, направленных на освещение современных подходов к созданию

«живых музеев», а также механизмов взаимодействия практиков в этой области;

- дальнейшая концептуализация и теоретическая проработка введённых терминов — «динамичный подход», «творческая и репродуктивная модель музейной деятельности» — в лоне ключевых отечественных и зарубежных теорий в области культурологии и культурной антропологии (в особенности — в контексте игровой концепции культуры Г. Гессе, Х. Ортеги-и-Гассета, О. Финка, Й. Хёйзинги и др.);
- сравнение и интерпретация модели «живого музея», выраженной в творческом преодолении устоявшегося музейного подхода, в контексте распространённых зарубежных концептов «музея без границ», «музея-контекста», «партicipаторного музея», «инклюзивного музея» и др.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Абрамова П. В.* Роль В. М. Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе / П. В. Абрамова (Глушкова), Т. И. Кимеева // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». — 2021. — Вып. 13. — С. 41–49. — DOI 10.24412/2411-7838-2021-13-41-49; EDN DVEIUR.
2. *Аксеничев О. А.* Философия музея Н. Ф. Фёдорова / О. А. Аксеничев // Музейное дело. — [Вып. 21]: Музей — культура — общество / [Сост. М. Б. Гнедовский, О. Л. Климашевская]. — 1992. — С. 91–101.
3. *Алексеева Л. С.* Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Алексеева Лариса Сергеевна; Кемеров. гос. ин-т культуры. — Кемерово, 2022. — 23 с.
4. *Алексеева Л. С.* Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия / Л. С. Алексеева, А. В. Горбатов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2018. — № 32. — С. 101–108. — DOI 10.17223/22220836/32/11; EDN YSQYRV.
5. *Алексеева Л. С.* Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев / Л. С. Алексеева, Л. В. Оленич // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств = Vestnik of Kemerovo state university of culture and arts: журнал теоретич. и прикладн. исследований / учред. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. — Кемерово, 2006-. — 2017. — № 41–2. — С. 111–121. — EDN YKHIZB.
6. *Алексеева Л. С.* Музееведческие идеи священника Павла Флоренского в современной деятельности музеев Кемеровской области / Л. С. Алексеева // Актуальные проблемы социокультурных исследований : сб. науч. ст. по итогам Межрегиональной науч.-практич. конф. аспирантов и соискателей, Кемерово, 17–21 февраля 2014 г. — Вып. 10. — Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2014. — С. 292–299.
7. *Алешина Т. А.* Музей как феномен культуры: 24.00.01 : дис. ... канд. филос. наук / Алешина Татьяна Александровна; Южно-рос. гос. технич. ун-т (НПИ). — Ростов-на-Дону, 1999. — 142 с.
8. *Ан С. А.* Музей как феномен культуры в философской и общественной мысли России рубежа XIX–XX вв. / С. А. Ан, С. Р. Хмырова // Акту-

- альные проблемы философской антропологии и философии культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Липецк, 27–28 января 2023 г. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. — С. 3–9. — EDN JUYNHZ.
9. *Ананьев В. Г.* История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты : [монография] / В. Г. Ананьев. — Москва : Памятники ист. мысли, 2018. — 390, [1] с.
 10. *Андреева И. В.* Музеология в дискурсе документности: опыты философской рефлексии конца XIX — первой трети XX века / И. В. Андреева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2021. — № 54. — С. 32–42. — DOI 10.31773/2078-1768-2021-54-32-42; EDN ZXNHJN.
 11. *Андреева Т.* Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра) / Т. Андреева, О. Сомова // Советская этнография. — 1985. — № 2. — С. 83–90.
 12. *Анощенко А. И.* Народные музеи / А. И. Анощенко // Большая советская энциклопедия. — 2025. — URL: https://gufo.me/dict/bse/Народные_музеи (дата обращения: 14.09.2025).
 13. *Антипович М. С.* Владимирская вишня / М. С. Антипович, при участ. П. И. Неволина. — // Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия. — 1913. Г. 7. — Петроград : тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. — С. 588–620.
 14. *Антуфьева О. А.* Архитектурно-градостроительные основы экспонирования объектов археологического наследия : учеб. пособие / О. А. Антуфьева, О. В. Душко, Г. А. Птичникова; М-во науки и высш. образования РФ, Волгоградский гос. технич. ун-т. — Волгоград : ВолгГТУ, 2018. — 230 с.
 15. *Армееva Л. А.* Иконописная школа Троице-Сергиевой лавры в контексте возрождения традиционного иконописания: середина XVIII — начало XXI вв.: 17.00.09 : дис. ... канд. искусствоведения / Армееva Людмила Алексеевна; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Череповец, 2013. — 228 с.
 16. *Арнольдов А. И.* Теория культуры: историзм и вопросы методологии / А. И. Арнольдов // Культура, человек и картина мира : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т философии; Отв. ред. А. И. Арнольдов, В. А. Кругликов. — Москва : Наука, 1987. — С. 5–27.
 17. Архив Бориса Семенова // Группа «ВКонтакте» [сайт]. — 2025. — URL: <https://vk.com/semenovborisphoto> (дата обращения: 19.11.2025).
 18. *Астахова И. С.* Экологическое воспитание дошкольников и младших школьников с помощью сказок в Геологическом музее / И. С. Астахова //

- Вестник Алтайского государственного педагогического университета. — 2022. — № 4 (53). — С. 5–12. — DOI 10.37386/2413-4481-2022-4-5-12.
19. *Бакинец А.* Выставка военно-морского флота СССР / А. Бакинец // Советский музей. — 1939. — № 7. — С. 6–10.
20. *Баллер Э. А.* Социальный прогресс и культурное наследие / Э. А. Баллер; отв. ред. Н. С. Злобин. — Москва : Наука, 1987. — 158, [2] с. (Научно-популярная литература. История и современность).
21. *Бальжитова О. М.* Проектная деятельность музея как способ экологического просвещения (на примере естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия») / О. М. Бальжитова // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2022. — № 4 (24). — С. 141–148. — DOI 10.31443/2541-8874-2022-4-24-141-148.
22. *Барсков Д.* Хроника развития Мишеронского завода Костеревых / Д. Барсков, А. Кожевников. — Архивная ссылка: The Wayback Machine [сайт]. — 10.10.2010–16.09.2016. — URL: <https://web.archive.org/web/20101010041257/http://www.shaturyane.ru/settlements-misheronsky-glassworks.php> (дата обращения: 14.09.2025).
23. *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии / Ред. кол.: И. Ф. Балакина [и др.]. — Москва : Наука, 1969. — С. 73–144.
24. *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых: (Достоинство и превратности науч. знания) / В. А. Бахтина; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наследие, 2000. — 334, [1] с.
25. *Бенедиктов Н. А.* Музей как транслятор ценностей / Н. А. Бенедиктов, А. А. Трусов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. — 2008. — № 3 (11). — С. 121–129. — EDN KPSYBV.
26. *Березин А. Д.* К вопросу об использовании опыта работы технико-экономических музеев Германии / А. Д. Березин // Советский музей. — 1931. — № 2. — С. 70–84.
27. *Беркутов Н.* Опыт создания сети музейных корреспондентов / Н. Беркутов // Советский музей. — Москва, 1931–1940, 1983–1992. — 1931. — № 1. — С. 26–30.
28. *Бестужев-Лада И.* Власть и культура (Социальная организация труда в сфере науки и культуры требует перемен) / И. Бестужев-Лада // Советский музей. — № 2. — 1991. — С. 2–7.
29. *Библер В. С.* От наукоучения — к логике культуры: Два филос. введ. в двадцать первый век / В. С. Библер. — Москва : Политиздат, 1991. — 412, [1] с.

30. *Божок Н. С. Движение военно-исторической реконструкции как феномен молодежной культуры: 22.00.06 : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Божок Николай Сергеевич; Сарат. гос. техн. ун-т им. Ю. А. Гагарина. — Саратов, 2013. — 19 с.*
31. *Бокарева О. Б. Коломенское в 1900–1920-х годах / О. Б. Бокарева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 8 (47). — С. 24–29. — DOI 10.24411/2500-1000-2020-10924.*
32. *Болотов В. И. Финляндские общества родиноведения / В. И. Болотов // Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1912 год (Г. 1-й). — Кострома : Типо-лит. А. Н. Чемоданова, 1913. — С. 30–34.*
33. *Бонами З. А. Незримый диалог: музейный проект Н. Ф. Фёдорова в контексте западноевропейской философии, музеологии и художественной критики / З. А. Бонами // Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) : сб. науч. ст. / РГБ, Ин-т мировой литературы, Музей-библиотека Н. Ф. Федорова; [сост.: А. Г. Гачева, М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева]. — Москва : Академический проект, 2018. — С. 565–572.*
34. *Бонами З. А. Н. Ф. Фёдоров и западная музеологическая традиция. Диалоги / З. А. Бонами // Музей — памятник — наследие. — 2017. — № 1. — С. 127–136.*
35. *Бондарь К. О. Колониальный Уильямсбург: оживший город и живой музей / К. О. Бондарь, А. С. Богатырева // Иностранные языки в современном мире : Материалы Междунар. студенч. науч.-практич. конф., Ростов-на-Дону, 25 апреля 2019 года. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2019. — С. 12–15. — EDN IXZYPC.*
36. *Боровой А. Латинский квартал. Квартал Марэ / А. Боровой // Культурные центры Европы. — Т. 4. Париж / А. Боровой, Я. Глотов, Б. Лопатинский [и др]. — 2-е изд. — Москва : тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1916. — С. 89–129.*
37. *Бострем Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корелы»: строительство и становление / Л. А. Бострем; Архангельский гос. музей деревянного зодчества и нар. искусства «Малые Корелы». — Архангельск : Музей «Малые Корелы», 2015. — 269, [1] с.*
38. *Браунер А. А. Сельско-хозяйственная зоология: с 200 рисунками и 9 картами / А. А. Браунер. — Харьков : Государственное издательство Украины, 1923. — 436 с.*
39. *Бухгейм Б. Н. По Италии [Впечатления, настроения, размышления] / Борис Бухгейм; [Обл. и виньетки работы худож. Ф. И. Захарова]. — Москва : тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1914. — 308 с.*

40. В Краснодаре открылась выставка «Каменная летопись Кубани» // ООО «Газпром добыча Краснодар» [сайт]. — 2025. — URL: <https://krasnodar-dobycha.gazprom.ru/press/news/2015/01/42/> (дата обращения: 17.11.2025).
41. В царстве растений. Очерк А. Р. Палея / А. Р. Палей // Огонек. — № 41 (289). 7 октября 1928 г. — С. 8.
42. *Варавина Л.* Совпасть со временем / Л. Варавина // Гусли. — Спецвыпуск'2016. — С. 10–15.
43. *Варин Ю.* Термин и его значение / Ю. де Варин // MUSEUM (Museum International) / ICOM. — 1985. — № 4 (148): Экомузеи. — С. 5.
44. *Василевский И.* Гамбург / И. Василевский — // Европа. Иллюстрированный географический сборник / Под ред. А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова, С. Чефранова. — Изд. IV, испр. и доп. — Москва : тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. — С. 246–255.
45. *Васильев В. М.* Естественно-научные экспозиции в музее БНЦ со РАН. Опыт создания и подготовки / В. М. Васильев, Е. К. Синицына // Вестник ИрГСХА. — 2013. — № 57–1. — С. 86–91.
46. *Вахтеров В. П.* Предметный метод обучения / В. П. Вахтёров. — 3-е изд., знач. доп. и испр. — Москва : т-во И. Д. Сытина, 1911. — [2], 349, [3] с.
47. *Веденин Ю. А.* Концепция культурного ландшафта как основа формирования системы особо охраняемых территорий / Ю. А. Веденин // Материалы III науч.-практич. конф. «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия» (Бородино, 28–29 окт. 1998 г.): сб. ст. — Москва : Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 1999. — С. 6–19.
48. *Веденин Ю. А.* Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка / Ю. А. Веденин, Д. В. Тормосов // Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — Москва : Институт Наследия; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004 (Тула: ИПП Гриф и Ко). — С. 425–445.
49. *Веденин Ю. А.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова // Известия РАН. Сер. географическая. — 2001. — № 1. — С. 7–14.
50. *Веденин Ю. А.* Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин // Известия РАН. Сер. географическая. — 1992. — № 3. — С. 90–99.
51. *Веденин Ю. А.* Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России / Ю. А. Веденин // Культурный ландшафт как объект наследия / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, РАН, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; [Андреева Е. Д. и др.]; под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М-

- ска : Институт Наследия; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004 (Тула: ИПП Гриф и К°). — С. 338–382.
52. *Веденин Ю. А.* Роль информации при формировании культурного ландшафта на охраняемых историко-культурных территориях / Ю. А. Веденин // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия : материалы Седьмой Всерос. науч. конф. (Бородино, 18–21 ноября 2002 г.) : сб. науч. ст. / [Сост. А. В. Горбунов, Г. А. Зайцева]. — Москва : Институт Наследия, 2003. — С. 5–20.
53. *Велитченко В. В.* Формат «живая история» как одно из перспективных направлений развития музеев / В. В. Велитченко // Вопросы музеологии = The Issues of museology : междунар. науч. журнал / учред. С.-Петербург. гос. ун-т, Кафедра музеологии. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2013. — 2021. — Т. 12. — № 1. — С. 88–93. — DOI 10.21638/spbu27.2021.109; EDN MV BONS.
54. *Верещагин Г. Ю.* О работах Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР в 1926 году / Г. Ю. Верещагин, нач. Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР // Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. / Бурят-Монгольское Научное общество имени Доржи Банзарова. — Верхнеудинск, 1929. — С. 34–35.
55. *Вертинский Н. С.* Организация актива при музеях / Н. С. Вертинский // Советский музей. — 1932. — № 3. — С. 31–35.
56. *Вертков К. А.* Русские народные музыкальные инструменты / К. А. Вертков; [Предисл. С. Левина]. — Ленинград : Музыка, Ленинградское отделение, 1975. — 280 с.
57. *Вертков К. А.* Типы русских гуслей / К. А. Вертков // Славянский музыкальный фольклор : Статьи и материалы / [Сост. и ред. И. И. Земцовского]. — Москва : Музыка, 1972. — 444 с. (Фольклор и фольклористика / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии; Вып. 2).
58. *Вехов В. Н.* Императорский сельскохозяйственный музей / В. Н. Вехов // Московский журнал. — 2014. — № 2 (278). — С. 29–45.
59. Виды Москвы = [Москва. Виды. Общий вид, Кремль, внешний и внутренний вид, улицы]: [Несброшюрованный альбом]. — Санкт-Петербург : А. Рейнбот и К°, [189-]. — 31 л. ил. в обл. : оригинальная фотография; 33,5 × 45,3 см.
60. *Викманис К. П.* О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом / К. П. Викманис // Советская этнография / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва : Наука, 1931–1937, 1946–1991. — 1963. — № 2. — С. 112–119.
61. *Вильямс М. В.* Образовательные программы для школьников в естественнонаучном музее / М. В. Вильямс, Ю. В. Стребелева, М. О. Матлаева // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ.

- конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 35–36.
62. *Вл. Б.* Отчеты о новых изданиях: Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под редакцией В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Том VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. СПб. 1901 / [В. В. Богданов] // Этнографическое обозрение. — Москва : издание Этнографического отд. ОЛЕАЭ, 1889–1916. — 1902. — № 1. — С. 120–127.
 63. *Власникова М. А.* Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI века: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Власникова Мария Александровна; С.-Петерб. гос. ин-т культуры. — Санкт-Петербург, 2021. — 313 с.
 64. Война и Музей: особенности экспозиционной деятельности военно-исторических музеев России на современном этапе / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Чувилькина. — Москва : Институт Наследия, 2025. — 542 с. — DOI 10.34685/HI.2024.11.99.003.
 65. *Волков Д. В.* Развитие национальных традиций в современном концертно-академическом исполнительстве на русских гуслях : дис. ... канд. искусствоведения / Волков Дмитрий Валерьевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия музыки имени Гнесиных】. — Москва, 2019. — 262 с.
 66. *Волошин М. А.* Искусство в Феодосии / М. А. Волошин // Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. — С. 449–453. — Национальная электронная библиотека [сайт]. — 2025. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (дата обращения: 04.09.2025).
 67. *Волькович А. Ю.* Музейная экспозиция как семиотическая система: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Волькович Анна Юрьевна; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусства. — Санкт-Петербург, 1999. — 23 с.
 68. *Воронкова Л. П.* Мировоззрение П. А. Флоренского / Л. П. Воронкова // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. — 1989. — № 1. — С. 70–81.
 69. *Востоков Е.* Музейный фестиваль / Е. Востоков // Советский музей. — 1937. — № 3. — С. 37–40.
 70. *Всеволодская-Голушкиевич О.* Первый Этнографический театр / О. Всеволодская-Голушкиевич // Советский балет. — 1990. — № 4. — С. 43–47.
 71. Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоявшим при Московском университете в 1867 году. — Москва : [б. и.], 1867. — 114 с.

72. Гаганова М. А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой Лавры в 1920–40-е гг.: 24.00.03 : дис. ... канд. ист. наук / Гаганова Маргарита Александровна; РГГУ. — Москва, 2016. — 261 с.
73. Гаганова М. А. Троице-Сергиева Лавра и государственная культурная политика (1918–1941 гг.) / М. А. Гаганова // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. — 2013. — № 7 (108). — С. 227–235.
74. Галинская И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» / И. Л. Галинская // Новая литература по культурологии : Дайджест. — Москва, 1995. — № 3. — С. 22–29. — Ирина Львовна Галинская [сайт]. — 2025. — URL: <http://ilgalinsk.narod.ru/articles/flor-mus.htm> (дата обращения: 14.09.2025).
75. Галкина П. И. Вопросы музейного строительства на совещании музейных работников Сибири / П. И. Галкина // Вопросы музейного дела : [Сб. ст.] / Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров РСФСР. Науч.-исслед. ин-т краевед. и музейной работы. — Москва : Госкультпросвещиздат, 1952. — С. 47–58.
76. Где жил Ильич в ссылке // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 97–99.
77. Геология и палеонтология Северного края // Архангельский краеведческий музей [официальный сайт]. — URL: <https://kraeved29.ru/vystavki/geologiya-i-paleontologiya-severnogo-kraya/> (дата обращения: 17.11.2025).
78. Герасименко Е. Е. Музей в институционализации социальной памяти: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Герасименко Елена Евгеньевна; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусства. — Санкт-Петербург, 2012. — 23 с.
79. Глидкий А. В пушкинских местах / А. Глидкий // Советский музей. — 1931. — № 4. — С. 120–121.
80. Глухарев И. В. Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен: 24.00.04 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Глухарев Игорь Владимирович; Гос. академия славянской культуры. — Москва, 1999. — 21 с.
81. Глушкова П. В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Глушкова Полина Валерьевна; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. — Кемерово, 2015. — 22 с.
82. Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия / П. В. Глушкова // Вестник Кемеровского государственного университета = Bulletin of Kemerovo state university. — 2015. — № 1–1 (61). — С. 59–63. — EDN TNKLNX.

83. Глушкова П. В. Музеи под открытым небом : учеб. пособие: направление подготовки 51.03.04 (072300.62) «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»: профиль «Культурный туризм и экскурсионная деятельность» / П. В. Глушкова, В. М. Кимеев; М-во культуры РФ, Кемеров. гос. ин-т культуры. — Кемерово : Изд-во КемГИК, 2015. — 151 с.
84. Гнедовский М. Нужны новые подходы / М. Гнедовский, М. Коник // Советский музей. — 1988. — № 5. — С. 20–27.
85. Гнедовский Б. В. Памятники деревянного зодчества России в музеях под открытым небом: 12 старейших музеев народного зодчества и быта = Monuments of Wooden Architecture in the Open Air Museums in Russia. The 12 Oldest Museums of Vernacular Architecture and Traditional Lifestyle / Борис Гнедовский. — Москва : [б. и.], 2002. — 68, [1] с.
86. Годес М. С. Что такое кемалистский путь и возможен ли он в Китае? / М. Годес. — Ленинград : Прибой, 1928. — 112 с.
87. Годунова Л. Н. Под открытым небом / Л. Н. Годунова // Музейное дело в СССР : [сб. ст.] / Музей революции. — Москва : [б. и.], 1968. — [Вып. 11]. — 1977. — С. 106–110.
88. Головнев И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова / И. А. Головнёв // Этнография = Etnografia : науч. журнал / учред. МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург, 2018-. — 2021. — № 3 (13). — С. 244–263. — DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-244-263; EDN IRDCRO.
89. Голубева А. И. Популяризация ботанических знаний на примере мероприятий проекта «Бумажки — я вижу мир» в музее-заповеднике «Остров-Град Свияжск» / А. И. Голубева // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 172–175.
90. Голубева И. В. Наука, искусство и дипломатия в музейной педагогике / И. В. Голубева // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 50–54.
91. Горбунов А. В. Предмет охраны и пути сохранения культурного ландшафта Бородинского поля / А. В. Горбунов // Культурный ландшафт как объект наследия. — Москва : Институт Наследия; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004 (Тула: ИПП Гриф и К°). — С. 503–531.
92. Гордлевский В. А. Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Ак-шехиром / В. А. Гордлевский // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание / Ред.-изд.: П. Б. Струве. — Париж, 1880–1918, 1921–1927. — Г. 33. Кн. XII [Декабрь]. — Москва и Петербург : тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. — С. 119–133.

93. Горки Ленинские: [Фотокнига] / [Авт.-сост. В. И. Здесенко; Фотосъемка В. Салеева]. — Москва : Московский рабочий, 1985. — 159 с.
94. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, О. Е. Штelle [и др.] // Экологические проблемы развития музеев-заповедников : материалы Десятой Всерос. науч. конф. (Москва, 15–17 ноября 2005 г.) : [сб. науч. тр.]. / [отв. ред. Н. В. Вехов]. — Москва : [Институт Наследия], 2008. — С. 5–34.
95. Государственный геологический музей имени В. И. Вернадского РАН [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://sgm.ru/> (дата обращения: 20.11.2025).
96. Государственный Дарвиновский музей [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://www.darwinmuseum.ru/> (дата обращения: 14.11.2025).
97. Государственный сельскохозяйственный музей. — Ленинград : [Госуд. сел.-хоз. музей], 1929 (гос. тип. им. Ив. Федорова). — 16 с.
98. Грицкевич В. П. История музейного дела в новейший период (1918–2000) / В. П. Грицкевич; М-во культуры РФ, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2009. — 151 с.
99. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века / В. П. Грицкевич; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, С. Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2004 (Тип. Турусл). — 406 с.
100. Грицкевич В. П. История музейного дела конца XVIII — начала XX вв. [монография] / В. П. Грицкевич; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. агентство по культуре и кинематографии, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — Санкт-Петербург : [СПбГУКИ], 2007. — 335 с.
101. Гуржапова Т. Д. Из опыта использования интерактивных технологий в экспозиционной деятельности Национального музея Республики Бурятия / Т. Д. Гуржапова // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2021. — № 1 (17). — С. 72–81. — DOI 10.31443/2541-8874-2021-1-17-72-81.
102. Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества / А. Н. Давыдов // Советская этнография. — 1982. — № 4. — С. 93–105.
103. День открытых дверей в Архитектурно-этнографическом комплексе «Новая деревня» в музее-заповеднике «Шушенское» // Музей-заповедник «Шушенское» : группа «ВКонтакте» [сайт]. — 2025. — URL: https://vk.com/album-87801473_309532478 (дата обращения: 19.11.2025).

104. *Доллежаль Н. А. У истоков рукотворного мира: (Зап. конструктора) / Н. А. Доллежаль.* — Москва : ГУП НИКИЭТ: ИздАТ, 1999. — 256 с. — (Творцы ядерного века).
105. *Дом Занимательной Науки (Ленинград).* — Ленинград : [б. и.], 1940. — 42 с.
106. *Драницкина О. С. Искусство экспонирования под открытым небом: эволюция, типология, современная трансформация формы: 17.00.04 : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Драницкина Ольга Сергеевна; Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С. Г. Строганова.* — Москва, 2015. — 39 с.
107. *Дробышев А. Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Андрей Николаевич Дробышев; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств.* — Кемерово, 2011. — 24 с.
108. *Еременко Е. Д. Аудиовизуальная коммуникация в музейной сфере : диссертация ... кандидата культурол. наук : 24.00.03.* — Санкт-Петербург, 2000. — 205 с.
109. *Есаян Э. А. Понимание культуры как деятельности в советской культурологии 60–80-х гг. XX в.: из истории отечественной культурологии: 24.00.01 : дис. ... канд. культурологии / Есаян Эдгар Арамович; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ.* — Москва, 2006. — 138 с.
110. *Естественно-научный музей на Байкале / Е. П. Зайцева, И. Г. Бухарова, О. Т. Русинек [и др.] // Фундаментальные исследования в Восточной Сибири: к 75-летию академической науки в Восточной Сибири.* — Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2023. — С. 572–595.
111. *Живой Сельскохозяйственный музей : [Учебно-показательный питомник Всерос. с.-х. музея].* — Москва; Петроград : Гос. изд-во, 1923. — 82 с.
112. *Жиляев А. А. Музей Николая Федоровича Федорова / А. А. Жиляев // Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) : сб. науч. ст. / [сост.: А. Г. Гачева, М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева].* — Москва : Академический проект, 2018. — С. 206–211.
113. *Завадовский Б. М. Естественно-научные музеи капиталистического Запада / Б. М. Завадовский // Советский музей.* — 1931. — № 1. — С. 76–95.
114. *Завадовский М. М. Строительство Московского Зоопарка. Краткая историческая справка / М. М. Завадовский // Строительство Москвы.* — 1926. — № 9 (сентябрь). — С. 15–21.
115. *Загурский Л. П. По поводу трудов Е. Д. Фелицына о горцах Кубанской области / Л. П. Загурский // Известия Кавказского отдела Русского географического общества.* — Тифлис : [б. и.], 1872–1917. — Т. VIII. — 1884. — Вып. 2. — С. 363.

116. Зайцева Г. А. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» / Г. А. Зайцева, Р. М. Некрасов // Музейный сборник № 5. — Москва : [б. и.], 1999. — С. 3–9.
117. Зайцева Г. А. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» / Г. А. Зайцева, Р. М. Некрасов // Музейный сборник / учред. Гос. ист. заповедник «Горки Ленинские». — Москва : [б. и.], 1997. — Вып. 5. — 1999. — С. 3–9.
118. Зайцева Г. А. Управление культурными и экологическими проектами музеев-заповедников: особенности, проблемы, перспективы / Г. А. Зайцева // Материалы V Всерос. науч. конф. «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия» : сб. ст. — Москва : Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2001. — С. 40–45.
119. Закс А. Б. Источники по истории музеяного дела в СССР (1917–1941) / А. Б. Закс // Очерки истории музеяного дела в СССР : [сб. работ] / М-во культуры СССР, Науч.-исслед. ин-т культуры. — Москва : Советская Россия, 1957–1971. — Вып. VI. — 1968. — С. 5–53.
120. Земцов В. Н. Российское движение военно-исторической реконструкции: основные тенденции последних десятилетий (на опыте Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит») / В. Н. Земцов // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории 2020. — Вып. 23: Историческая память: генезис и проблемы преемственности. — С. 342–354. — DOI 10.26170/vvi20-01-29.
121. Златоустова В. И. Государственная политика в области музеяного дела (1945–1985 гг.) / В. И. Златоустова // Музей и власть : сб. науч. тр. [в 2 ч. / НИИ культуры] / Отв. ред. С. А. Каспаринская. — Москва : НИИК, 1991. — [Ч. 1: Государственная политика в области музеяного дела (XVIII–XX вв.)]. — С. 226–298.
122. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс / Н. С. Злобин. — Москва : Наука, 1980. — 303 с.
123. Золотарев Д. А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях [Доклады 1921, 1923 гг.] / Д. А. Золотарёв // Известия Российской академии истории материальной культуры. — Петроград : [б. и.], 1921–1925. — Т. III. — 1924. — С. 1–32.
124. Зоологический парк Фальц-Фейна [По статье Семенова Тян-Шанского «Из задач природоохранения»] // Родник: ежемесячный иллюстрированный журнал для детей. — Санкт-Петербург: 1882–1917. — 1914. — Февраль (№ 2). — С. 257–259.

125. Зотова Т. А. Заповедник Ф. Э. Фальц-Фейна «Аскания-Нова» как исторический прообраз «живого музея» / Т. А. Зотова // Донецкие чтения — 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). — Т. 10: Культура и искусство. Библиотечное дело / Под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. — Донецк : Изд-во ДонГУ, 2025. — С. 32–35.
126. Зотова Т. А. Концепция «живого музея» в российском музееведении: опыт культурологического анализа : автореферат дис. ... кандидата культурологии: 5.10.2. / Зотова Татьяна Анатольевна; [Место защиты: ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва»; Диссовет 99.0.131.03 (99.0.131.03)]. — Краснодар, 2024. — 27 с.
127. Зотова Т. А. Отечественный и зарубежный опыт в создании музеев под открытым небом и музейно-парковых комплексов / Т. А. Зотова // Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы : коллективная монография [Электронное сетевое издание] / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина. — Москва : Институт Наследия, 2023. — С. 108–178. — DOI 10.34685/HI.2023.33.60.002.
128. Зотова Т. А. Продолжая лучшие традиции. Современные разработки Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев Института Наследия / Т. А. Зотова // Культурологический журнал. — 2022. — № 2 (48). — DOI 10.34685/HI.2022.81.83.017. — EDN PNEDTR.
129. Зотова Т. А. «Оживление» истории как одна из тенденций развития современных исторических и военно-исторических музеев-заповедников в России / Т. А. Зотова // Культурный код = Cultural Code: журнал Пермского гос. ин-та культуры. — Пермь, 2018. — 2022. — № 3. — С. 36–48. — DOI 10.36945/2658-3852-2022-3-36-48; EDN RWZALH.
130. Зотова Т. А. Генезис концепции «живого музея» в российском музееведении / Т. А. Зотова // Культурологический журнал. — 2025. — № 1. — С. 23–32. — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/639.html&j_id=59 (дата обращения: 20.09.2025). — DOI 10.34685/HI.2024.49.61.003.
131. Зотова Т. А. Зоны «живого музея» в военно-исторических экспозициях: теоретические аспекты и современная музейная практика / Т. А. Зотова, А. В. Окороков // Культурное наследие России. — 2023. — № 4. — С. 120–130. — DOI 10.34685/HI.2023.43.4.016.
132. Зотова Т. А. Концептуальные подходы к музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки в Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская область) / Т. А. Зотова, Т. П. Поляков // Культурологический журнал / учред. Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. насле-

- дия им. Д. С. Лихачёва. — Москва, 2010. — 2021. — № 4 (46). — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/559.html&j_id=49 (дата обращения: 20.09.2025). — DOI 10.34685/HI.2021.45.53.028; EDN KULLTS.
133. Зотова Т. А. Музеи под открытым небом и музейно-парковые комплексы: генезис и подходы к классификации / Т. А. Зотова // Журнал Института Наследия / учред. Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва, 2015. — 2022. — № 1 (28). — URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/487.html> (дата обращения: 20.09.2025). — DOI 10.34685/HI.2022.38.36.009; EDN JFMJRE.
134. Зотова Т. А. Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга / Т. А. Зотова // Культурное наследие России : науч.-информ. журнал / учред. Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; Русский культурный центр. — Москва, 2013-. — 2019. — № 4 (27). — С. 62–68. — DOI 10.34685/HI.2019.27.4.009; EDN FJFCYY.
135. Зотова Т. А. О новой «Концепции развития...» в контексте экспозиционно-выставочной деятельности Музея-заповедника «Горки Ленинские» / Т. А. Зотова, Б. В. Власов, О. В. Хромов // Музейный сборник (вып. № 17) : сб. науч. тр. / Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские»; [под. ред. Власова Б. В., Зотовой Т. А.]. — Москва : Гос. ист. музей-заповедник «Горки Ленинские»; Типография Печатных Дел Мастер, 2021. — С. 148–175.
136. Зотова Т. А. Основные подходы к деятельности «живого музея»: культурологический анализ / Т. А. Зотова // Культурное наследие России. — 2023. — № 1 (40). — С. 85–93. — DOI 10.34685/HI.2023.40.1.011; EDN XNIDPB.
137. Зотова Т. А. Особенности и перспективы создания исторических (военно-исторических, культурно-исторических и т. п.) музейно-парковых комплексов / Т. А. Зотова // Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы : коллективная монография [Электронное сетевое издание] / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина. — Москва : Институт Наследия, 2023. — С. 179–266.
138. Зотова Т. А. Особенности экспозиционно-выставочной деятельности современных музеев-заповедников: проблемы брендирования территории и пути их решения / Т. А. Зотова, О. Ю. Нельзина // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» : коллективная монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2021. — С. 261–325. — DOI 10.34685/HI.2020.11.84.020.

139. Зотова Т. А. Технологии «живого музея» в современной музейной деятельности: постановка проблемы и задач исследования / Т. А. Зотова // Культурологический журнал. — 2021. — № 4 (46). — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/557.html&j_id=49 (дата обращения: 20.11.2025). — DOI 10.34685/HI.2021.22.26.029; EDN ZMSYHA.
140. Зотова Т. А. Экспозиционная деятельность музеев-заповедников как форма культурного брендинга / Т. А. Зотова // Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы брендирования территорий : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. — Электронное сетевое издание, Москва, 26–27 ноября 2020 г. — Москва : Институт Наследия, 2022. — С. 31–51. — EDN LTOCVX.
141. Зотова Т. А. Экспозиционные технологии «живого музея» как динамичная форма реконструкции исторически сложившихся видов деятельности / Т. А. Зотова // Культурное наследие России. — 2022. — № 2 (37). — С. 66–73. — DOI 10.34685/HI.2022.37.2.008; EDN HRGTLK.
142. Зыков А. В. Музейные взгляды Н. Ф. Фёдорова и современное музееведение: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Зыков Андрей Викторович; Кемер. гос. акад. культуры и искусств. — Кемерово, 2004. — 23 с.
143. Иваницкий И. П. Сельскохозяйственные музеи капиталистической России (1861–1917 гг.) / И. П. Иваницкий // Очерки истории музеиного дела в СССР. — Вып. V. — 1963. — С. 276–326.
144. Иванова И. На приём к доктору Чехову / И. Иванова // Российская газета; RG.RU [сайт]. — 28.07.2006. — URL: <https://rg.ru/2006/07/28/melihovo.html> (дата обращения: 19.09.2025).
145. Иванова О. А. Всероссийская этнографическая выставка 1867 года (исторический очерк) / О. А. Иванова // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок : сб. [статей] / [Ред.-сост. д-р ист. наук А. И. Михайлова]. — Москва : [б. и.], 1972. — С. 99–142.
146. Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 — первая половина 1941 гг. : монография / Т. Г. Иванова; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009 (СПб. : ИПП Искусство России). — 799 с.
147. Ивасенко П. Этнографический театр Государственного Русского музея / П. Ивасенко // Советский Музей. — 1931. — № 2. — С. 102–104.
148. Ивашов. Вагон-музей по оздоровлению и безопасности на железнодорожном транспорте / Д-р Ивашов // Советский музей. — 1932. — № 1. — С. 108–113.

149. *Иеродиакон Андроник*. К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского. Указатель печатных трудов / Иеродиакон Андроник (А. С. Трубачёв) // Богословские труды / Московская патриархия. — Москва : Изд-во Московской Патриархии, 1960. — Сб. 23. — 1982. — С. 264–309.
150. *Иеромонах Феоктист*. Экспедиция на варяжское море «Путь Рюрика». Открытие острова русов на ладье «Змей Горыныч» / Иеромонах Феоктист (А. Петров) // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России / Под общ. ред. А. В. Окорокова; М-во культуры РФ; Южный филиал Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2021. — Т. 3. — 2023. — С. 225–357. — DOI 10.34685/HI.2022.44.81.002.
151. *Иконникова С. Н.* История культурологических теорий : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020600 «Культурология» / С. Н. Иконникова. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва [и др.] : Питер, 2005 (ГП Техн. кн.). — 473 с. — (Учебное пособие).
152. *Ильковский М. С.* Агитавтомобиль на службу культурному строительству / М. С. Ильковский // Советский музей. — 1932. — № 3. — С. 85–87.
153. *Именнова Л. С.* Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы: 24.00.01 : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Именнова Любовь Сергеевна; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. — Москва, 2011. — 40 с.
154. *Имханицкий М. И.* История исполнительства на русских народных инструментах : учебное пособие для музыкальных вузов и училищ / М. И. Имханицкий. — Москва : РАМ им. Гнесиных, 2002. — 351 с.
155. *Имханицкий М. И.* История исполнительства на русских народных инструментах : учебное пособие для высших и средних учебных заведений искусств и культуры / М. И. Имханицкий. — Издание 2-е, переработанное и дополненное. — Москва : Российская академия музыки им. Гнесиных, 2018. — 640 с.
156. *Имханицкий М. И.* Неутомимый пропагандист звончатых гуслей / М. И. Имханицкий // Народник. — 2005. — № 2. — С. 41–44.
157. *Имханицкий М. И.* Становление струнно-щипковых народных инструментов в России : учебное пособие для музыкальных вузов и училищ / М. И. Имханицкий. — Москва : РАМ им. Гнесиных, 2008. — 367 с.
158. *Ионова О. В.* Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.) / О. В. Ионова // Очерки истории музеиного дела в СССР. — Вып. V. — 1963. — С. 84–118.
159. *Ипполитова А. Б.* История музея народов СССР в Москве / А. Б. Ипполитова // Этнографическое обозрение = Etnograficheskoe obozrenie: жур-

- нал / учред. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — Москва, 1992. — 2001. — № 2. — С. 144–160.
160. Историко-культурный комплекс «Вятское» [сайт]. — 2025. — URL: <https://vyatskoe-selo.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).
161. Историческая площадка «Паровозное депо “Подмосковная”» (РЖД) [сайт]. — 2025. — URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/11454> (дата обращения: 20.09.2025).
162. Исторический парк «Белгородская черта» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://history-park.ru/?ysclid=lvv41bjw2e525702352> (дата обращения: 01.09.2025).
163. *Каган М. С. Философия культуры* / М. С. Каган; Акад. гуманитар. наук и др. — Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1996. — 414, [1] с.
164. *Каган М. С. Музей в системе культуры* / М. С. Каган // Вопросы искусствознания : журнал Международной ассоциации искусствоведов. — Москва, 1993–1998. — 1994. — № 4. — С. 445–460.
165. *Каленов Н. Е. Цифровые музейные коллекции и представление объектов естественно-научного музейного хранения в электронной библиотеке* / Н. Е. Каленов, Г. И. Савин, И. Н. Соболевская, А. Н. Сотников // Научные основы и практика реализации цифровых проектов в сфере культуры и образования : сб. науч. тр. / Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 35–46.
166. *Калинин Ф. Роль и значение актива в строительстве музея* // Ф. Калинин // Советский музей. — 1937. — № 3. — С. 14–16.
167. *Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры* / Т. П. Калугина. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2008. — 242, [1] с.
168. *Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтования* : учеб. пособие / В. Н. Калуцков; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Географический фак. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 96 с.
169. *Камский В. Зал научной самодеятельности* / В. Камский // Советский музей. — 1940. — № 4. — С. 47–48.
170. *Каплунов В. А. Архитектурный историко-этнографический комплекс «Русские Притомья» как новый социокультурный проект музея-заповедника «Томская Писаница»* / В. А. Каплунов, Л. А. Скрябина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 32. — С. 57–64.
171. *Карпова Г. Н. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»* / Г. Н. Карпова, К. С. Самохвалова // Символ науки. — 2016. — № 10–3. — С. 186–187.
172. Карта Владимирской губернии Судогодского уезда 1808 года. Масштаб — 5 верст в дюйме. — RETROMAP: Старые карты России и Зарубежья

- [сайт]. — 2025. — URL: https://retromap.ru/14180814_55.941091,41.178131 (дата обращения: 14.09.2025).
173. Каулен М. Е. Музей-заповедник как единый экспозиционный комплекс (на материале концепции музеефикации территории и памятников музея-заповедника «Коломенское») / М. Е. Каулен // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники : сб. науч. тр. / Междунар. ком. по нар. архитектуре ИКОМОСа, Европ. ассоц. музеев под открытым небом; Отв. ред. Н. А. Никишин, О. Г. Севан. — Москва : НИИК, 1991 (1992). — С. 168–172. (Музееведение. М-во культуры РФ, РАН, НИИ культуры)
174. Каулен М. Е. Храм как объект музеиного показа: опыт и перспективы / М. Е. Каулен // Памятники в изменяющемся мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. и сост. Э. А. Шулепова. — Москва : Рос. ин-т культурологии, 1993. — С. 77–83.
175. Каулен М. Е. Идеи Николая Фёдорова в современном мире / М. Е. Каулен // Музей. — 2010. — № 6. — С. 14–25.
176. Каулен М. Е. Концепция музея в философии Н. Ф. Фёдорова / М. Е. Каулен // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения / РГБ, Информкультура. — 1990. — Вып. 6. — С. 82–87.
177. Каулен М. Е. Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев / М. Е. Каулен // Теория и практика музеиного дела в России на рубеже XX–XXI веков : Труды Государственного исторического музея. — Москва : Гос. ист. музей, 1926. — Вып. 127. — 2001. — С. 86–98.
178. Каулен М. Е. Моделирование истории в военно-исторических музеях-заповедниках / М. Е. Каулен // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ [и др.]; отв. ред. И. В. Чувилова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. — С. 123–128.
179. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. — Москва : Этерна, 2012. — 430, [1] с.
180. Каулен М. Е. Музеефикация объектов наследия: от предмета до традиции / М. Е. Каулен // Культура российской провинции: век XX — XXI веку : материалы Всерос. науч.-практич. конф., Калуга, 23–26 мая 2000 г. — Калуга : Издательский дом «Эйдос», 2000. — С. 199–209.
181. Каулен М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти / М. Е. Каулен. — Москва : Луч, 2001. — 163 с. — (Страницы истории музеиного дела / Акад. переподгот. работников культуры и искусства).
182. Каулен М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри России : каталог-справочник / М. Е. Каулен. — Москва : Рипол-классик, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). — 766, [1] с.

183. *Каулен М. Е.* Музей и наследие / М. Е. Каулен // Музей. — 2009. — № 5. — С. 10–19.
184. *Каулен М. Е.* Музей или храм? / М. Е. Каулен // Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции : сб. науч. тр. / Отв. ред.-сост. М. Т. Майстровская. — Москва : [б. и.], 1996 (1997). — С. 87–107. — (Музееоведение: На пути к музею XXI века / М-во культуры РФ, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии).
185. *Каулен М. Е.* Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития / М. Е. Каулен // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия : материалы Девятой Всерос. науч. конф., (Бородино, 16–17 ноября 2004 г.) : сб. науч. ст. / [сост. А. В. Горбунов, Г. А. Зайцева]. — Москва : Институт Наследия, 2005 (Тула: Гриф и К). — С. 37–54.
186. *Каулен М. Е.* Экспозиционный показ интерьеров памятников культовой архитектуры: 24.00.03 : дис. ... канд. ист. наук / Каулен Мария Елисеевна; Рос. ин-т культурологии. — Москва, 1997. — 221 с.
187. Кафе // Музей-заповедник «Прохоровское поле» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://прохоровское-поле.рф/кафе.html> (дата обращения: 19.05.2025).
188. *Керимова М. М.* Б. М. Соколов — первый директор Центрального музея народоведения в Москве, организатор журнала «Этнография» / М. М. Керимова // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы : сб. материалов, Ижевск, 03–06 июля 2017 г. — Ижевск : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. — С. 45–46. — EDN ZNSIKP.
189. *Керимова М. М.* Эпистолярное наследие Б. М. Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.) / М. М. Керимова // Три века российской этнографии: страницы истории. — Вып. 2 / Отв. ред. М. М. Керимова, А. А. Сирина, сост. М. М. Керимова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — Москва : Наука — Восточная литература, 2020. — С. 149–199. — (Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии). — EDN CCVTFA.
190. *Кимеев В. М.* Истоки модернизации этнокультурного наследия шорцев в постсоветский период / В. М. Кимеев // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации = Culture in the Eurasian space: traditions and innovations : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, Россия, 24–25 ноября 2020 г.). — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ин-та культуры, 2020. — С. 62–67. — EDN AJEWDC.
191. *Кимеев В. М.* Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции : [монография] / В. М. Кимеев; М-во

- образования и науки РФ, Кемеров. гос. ун-т, Экомузей-заповедник «Тюльберский городок». — Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. — 452 с.
192. Кимеев В. М. Экомузеи Притомья и сохранение этнокультурного наследия: генезис, архитектоника, функции: 07.00.07 : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Кимеев Валерий Макарович; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. — Санкт-Петербург, 2009. — 40 с.
193. Кимеев В. М. Экомузеи Притомья на рубеже XX–XXI веков / В. М. Кимеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 28. — С. 31–43. — EDN SNEZFJ.
194. Кимеев В. М. Экомузеи-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Кузбасса / В. М. Кимеев // Экологические проблемы развития музеев-заповедников : Материалы Десятой Всерос. науч. конф. (Москва, 15–17 ноября 2005 г.) : сб. науч. тр. / [отв. ред. Н. В. Вехов]. — Москва : [Институт Наследия], 2008. — С. 553–561.
195. Кимеев В. М. Экомузеология: Нац. экомузеи Кузбасса / В. М. Кимеев, А. Г. Афанасьев; Кемер. гос. ун-т, Кузбас. лаб. археологии и этнографии СО РАН. — Кемерово : КемГУ, 1996. — 135 с.
196. Кимеева Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе интерпретации материалов собраний музеев России: 24.00.03 : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Кимеева Татьяна Ивановна; С.-Петербург. гос. ин-т культуры. — Санкт-Петербург, 2019. — 41 с.
197. Кинарская Д. О гусях, академии и Любови Жук / Д. Кинарская, Д. Волков, Д. Кукушкин // Гусли. — Спецвыпуск'2016. — С. 2–9.
198. Кирик Е. Е. Использование потенциала естественно-научных коллекций музеев в педагогической деятельности / Е. Е. Кирик, В. Н. Алиясова // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Педагогика. Психология. Социология. — 2023. — № 2 (143). — С. 186–194. — DOI 10.32523/2616-6895-2023-143-2-186-194.
199. Китова Л. Ю. Деятельность В. М. Кимеева на кафедре археологии Кемеровского государственного университета / Л. Ю. Китова // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». — 2021. — Вып. 13. — С. 59–67. — DOI 10.24412/2411-7838-2021-13-59-67; EDN GQYHBO.
200. Кликс Р. Художественное проектирование экспозиций / Р. Р. Кликс. — Москва : Высш. школа, 1978. — 368 с.
201. Клюкина А. И. Методология и практика реализации педагогического потенциала музея : на примере музеев естественнонаучного профиля : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.05 / Клюкина

- Анна Иосифовна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств]. — Санкт-Петербург, 2014. — 408 с. + Прил. (541 с.).
202. Клюкина А. И. Музей естественно-научного профиля в духовной жизни общества / А. И. Клюкина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 27. — С. 23–29.
203. Ключевский В. О. И. Н. Болтун (6 октября 1792 г.) / В. О. Ключевский // Русская мысль. — Г. 13. Кн. 11. [Ноябрь]. — Москва : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1892. — С. 107–130.
204. Ключевые понятия музеологии: перевод / Сост.: André Desvallées [А. Девалье], François Mairesse [Ф. Мересс]; пер. на рус. А. В. Урядниковой. — Москва : ИКОМ России, 2012. — 101 с.
205. Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни / Г. С. Кнабе. — Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. — 751 с.
206. Ковриков Р. В. Музейная коммуникация в сохранении культурного наследия в музеях-заповедниках / Р. В. Ковриков // Педагогика искусства. — 2019. — № 3. — С. 178–185. — EDN VNWXOG.
207. Коган Л. Н. Теория культуры : учеб. пособие / Л. Н. Коган. — Екатеринбург : УрГУ, 1993. — 160 с.
208. Козлов П. К. Аскания-Нова (Чапли): Первые опыты акклиматизации животных в России / П. К. Козлов. — Петроград : Постоян. комис. нар. чтений, 1915. — 43 с.
209. Коломенская пастила — музей истории со вкусом [сайт]. — 2025. — URL: <https://kolomnapastila.ru/> (дата обращения: 19.05.2029).
210. Концепция «живого музея» в творчестве П. Флоренского (доклад Л. П. Воронковой; 22–29 апреля 1997, Ломоносовские чтения, Москва). — «ИСТИНА»: Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных [сайт] / НИИ механики МГУ, Лаборатория 404. — 2025. — URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/3143950/> (дата обращения: 14.09.2025).
211. Концепция развития Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (в редакции 2016 года) / Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»; отв. ред. А. Н. Наумов; (утв. решением Ученого совета Государственного музея-заповедника «Куликово поле» 28 февраля 2017 г.). — Тула : [б. и.], 2017. — 96 с.
212. Концепция развития музея-заповедника «Кижи» в 2017–2027 гг. 28 с. // Музей-заповедник «Кижи» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://site.kizhi.karelia.ru/media/info/files/attached/1512/kizhi-konsepcia-2015.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).
213. Копировский А. М. «Живой музей» свящ. Павла Флоренского: утопия или антиутопия? / А. М. Копировский // Философия в полицентрич-

- ном мире : сб. науч. ст., Москва, 28–30 мая 2020 года. — Москва: Новые печатные технологии, 2020. — С. 882–885. — EDN ATWPNU.
214. Кордес В. Работа музеев с детьми / В. Кордес // Советский музей. — 1937. — № 6–7. — С. 36–39.
215. Корольков А. А. Синтез культуры и науки в творчестве П. А. Флоренского / А. А. Корольков // Флоренский П. А.: философия, наука, техника / Сов. фонд культуры; [Ред.-сост. В. А. Росов, П. В. Флоренский]. — Ленинград : [б. и.], 1989. — С. 26–29. — (Препр. АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории естествознания и техники; № 4).
216. Котосина В. А. Театрализация этнографических праздников и обрядов в рамках концепции «живого» музея (на примере АЭМВО «Семёновко») / В. А. Котосина // Диалоги и встречи: русский и американский театр XX века : сб. материалов конф., Вологда, 25–26 февраля 2012 г. / [редкол.: Е. В. Юшкова, Л. А. Якушева]. — Вологда : Вологодский государственный педагогический институт, 2012. — С. 109–114. — EDN VRXDOL.
217. Краснов А. Н. Возможная будущность природы Батумского края / А. Н. Краснов // Батумское побережье: «Русские тропики» : сб. ст. / Под ред. С. А. Анисимова. — Батум : Типография Г. С. Таварткиладзе, 1911. — С. 103–120.
218. Крахмалева А. В. Основные группы естественно-научных музеев в России / А. В. Крахмалева // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сб. науч. ст. междунар. конф., Барнаул, 20–24 октября 2015 г. — Барнаул : Алтайский государственный университет, 2015. — С. 248–252.
219. Крицкая О. Ю. Геологическая летопись Западного Кавказа и Предкавказья в естественно-научной коллекции музея им. Е. Д. Фелицына / О. Ю. Крицкая, А. А. Остапенко // Вестник Краснодарского регионального отделения русского географического общества : сб. ст. — Краснодар : «Русское географическое общество» Краснодарское отделение, 2024. — С. 499–502.
220. Кротов Ф. Г. О задачах совершенствования экспозиций исторических и краеведческих музеев / Ф. Г. Кротов // Музейное дело в СССР. — [Вып. 13]: Актуальные проблемы архитектурно-художественного проектирования экспозиций исторических и краеведческих музеев. — 1983. — С. 9.
221. Крылова М. С. Понятие «памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. / М. С. Крылова // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). — 2017. — № 3. — С. 91–107.
222. Крынина О. А. Музей-заповедник «Старина Сибирская» — музей живой истории (из опыта работы) / О. А. Крынина // Аношинские чтения :

- материалы III Всерос. науч.-практич. конф., Большеречье, Омская область, 12–14 октября 2022 г. / Отв. ред. Т. Н. Золотова. — Омск : Издатель-Полиграфист, 2022. — С. 57–61. — EDN MHYQUA.
223. Крюкова Т. А. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти / Т. А. Крюкова, Е. Н. Студенецкая // Очерки истории музейного дела в СССР. — Москва : Советская Россия, 1957–1971. — Вып. VII. — 1971. — С. 9–120.
224. Кубанкина О. А. Музей глазами Б. М. Соколова / О. А. Кубанкина // История и историческая память. — 2020. — № 20. — С. 92–98. — EDN KDPPLH.
225. Куклинова И. А. Особенности презентации естественно-научных коллекций в региональных отечественных музеях / И. А. Куклинова // Культурный ландшафт регионов. — 2022. — Т. 4. — № 4. — С. 89–109. — DOI 10.17748/2686-8814-2022-4-4-89-109.
226. Куклинова И. А. Цифровые технологии в экспозиционной деятельности отечественных естественно-научных музеев / И. А. Куклинова // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2025. — № 3 (31). — С. 95–103. — DOI 10.31443/2541-8874-2024-3-31-95-103.
227. Куклинова И. А. Экомузей — музей времени и пространства: западно-европейский образец и восточная модель / И. А. Куклинова // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств / учред. С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусства. — Санкт-Петербург, 2003–2014. — 2010. — Т. 190. — С. 263–269. — EDN RYMBSR.
228. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление: 24.00.03 : дис. ... д-ра культурол. наук / Кулемзин Анатолий Михайлович; Кемеров. гос. акад. культуры и искусств. — Томск, 2001. — 403 с.
229. Кулешова М. Е. Монастырский культурный ландшафт: закономерности формирования (на примере о. Анзер Соловецкого архипелага) / М. Е. Кулешова // Материалная база сферы культуры : науч.-информ. сб. / РГБ, Информкультура. — Москва : РГБ, 1995–2004. — 1997. — Вып. 2: Монастыри — культурные центры Отечества / [сост. и науч. ред. Т. В. Барсегян, С. Г. Колесниченко]. — С. 20–30.
230. Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках / М. Е. Кулешова. — Москва : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. — 46 с. — (Дополнительные материалы к стратегии управления национальными парками России / Благотвор. фонд «Центр охраны дикой природы»; Вып. 6).
231. Куликова М. В. Усадебный комплекс Биологического Музея имени К. А. Тимирязева: в преддверии столетия Музея / М. В. Куликова //

- Жизнь Земли. — 2020. — Т. 42. — № 2. — С. 204–214. — DOI 10.29003/m1390.0514-7468.2020_42_2/204-214.
232. Культурология : учебник / [В. П. Большаков и др.]; под ред. С. Н. Иконниковой и В. П. Большакова; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусства, Каф. теории и истории культуры. — Москва : Проспект, 2011. — 527 с.
233. Кулямина П. А. Интерактивная экскурсия в музее торфа как средство расширения знаний о родном крае / П. А. Кулямина, Д. А. Гилева, Е. В. Порохина // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 189–192.
234. Кунсткамера. Коллекции онлайн [официальный сайт]. — 2025. — URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ/> 36712?fund=37&index=23 (дата обращения: 13.09.2025).
235. Кучин И. Роль музеев в реконструктивный период развития рыбного хозяйства / И. Кучин // Советский музей. — 1932. — № 3. — С. 36–43.
236. Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1930–1931. — [Ленинград] : [Этногр. театр Гос. рус. музея], [1931] (тип. им. Котлякова). — 8, [8] с.
237. Лесной терем Асташово [сайт]. — 2025. — <https://astashovo.com/?ysclid=lvv7kx3wf2558683179> (дата обращения: 20.09.2025).
238. Лизунова М. А. Опыт организации интерактивного пространства в естественно-научных экспозициях на примере Архангельского краеведческого музея / М. А. Лизунова // Познавательный естественно-научный туризм: образовательные возможности и воспитательный потенциал : сб. науч. тр. Х Всерос. пед. науч.-практ. конф., Самара, 05–09 августа 2024 г. — Тольятти : Самарский федеральный исследовательский центр РАН, 2024. — С. 33–36.
239. Лихачёв Д. С. Экология культуры // Прошлое — будущему : статьи и очерки / Д. С. Лихачёв. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 49–63. — (Наука, мировоззрение, жизнь).
240. Личный архив Т. П. Полякова. — «Дом Гоголя» или «Загадки Гения»: (сценарий музейной экспозиции Центральной городской библиотеки-мемориального центра «Дом Гоголя») / Отв. исп. Т. П. Поляков. — Москва : [б. и.], 2008. — 55 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 402 Кб).
241. Личный архив Т. П. Полякова. — «Дом Паустовского»: Сценарная концепция экспозиции Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского: (Москва, ул. Кузьминская, дом 8) / [Т. П. Поляков]; ГБУК г. Москвы «Московский литературный музей-центр К. Г. Паустовского». — Москва : [б. и.], 2011. — 26 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 191 Кб).

242. Личный архив Т. П. Полякова. — «Звездный путь Александра Чижевского» или «Возвращение в Калугу»: (сценарий стационарной экспозиции в доме-музее А. Л. Чижевского, г. Калуга) / Отв. исп. Т. П. Поляков; ФГУК «Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского». — Калуга; Москва : [б. и.], 2008. — 33 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 171 Кб).
243. Личный архив Т. П. Полякова. — Сценарная концепция системы экспозиций Культурного центра «Дом Булата Окуджавы»: (Арбат, Плотников переулок, дом 21) / Т. П. Поляков; Региональный общественный фонд Булата Окуджавы. — Москва : [б. и.], 2008. — 25 с. Электрон. текстовые дан. (объем 132 Кб).
244. Львов К. И. Рабочее место посетителя в технико-экономическом музее / К. И. Львов // Советский музей. — 1933. — № 3. — С. 17–32.
245. Лю Т. Организация работы с детской аудиторией в Ляонинском Палеонтологическом музее в Китае / Т. Лю // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 100–102.
246. «Любовью за любовь. Памятники русской культуры в Грузии». Андрей Краснов // Координационный совет российских соотечественников Грузии (КСОРСГ) [сайт]. — 2025. — URL: <https://korsovet.ge/ksorsg/krasnov/> (дата обращения: 07.09.2025).
247. Ляшко А. В. К вопросу о музеефикации теплоично-оранжерейных комплексов. Современная отечественная практика / А. В. Ляшко, О. М. Гаркуша // Вопросы музеологии. — 2025. — Т. 15. — № 1. — С. 46–61. — DOI 10.21638/spbu27.2024.104.
248. Майстровская М. Т. Музей как объект культуры. XX век: искусство экспозиционного ансамбля / М. Т. Майстровская; [Рос. академия художеств и др.]. — Москва : Прогресс-Традиция, 2018. — 678, [1] с.
249. Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи / И. В. Маковецкий // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 7–18.
250. Малышев Ю. Н. Геологическому музею им. В. И. Вернадского РАН — 260 лет / Ю. Н. Малышев, И. А. Стародубцева, А. В. Титова, С. В. Черкасов // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. — 2019. — № 2. — С. 75–80. — DOI 10.32454/0016-7762-2019-2-75-80.
251. Мансуров А. Место научно-исследовательской работы в музеях / А. Мансуров // Советский музей. — 1931. — № 3. — С. 32–37.
252. Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи : научное издание / Э. С. Маркарян; отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. — Москва [и др.] : Центр гуманитарных инициатив, 2014. — 655 с. — (Культурология. XX век / гл. ред. С. Я. Левит).

253. *Маст И. И.* Забытые детские игры / И. И. Маст; Гос. ист. заповедник «Горки Ленинские». — Москва : ГИМЗ «Горки Ленинские», 2012. — 48 с.
254. *Мастеница Е. Н.* Музеификация городской среды: подходы и методы / Е. Н. Мастеница // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 10–1 (36). — С. 137–141. — EDN RDQDRN.
255. *Мастеница Е. Н.* Музейная интерпретация истории как культурологическая проблема / Е. Н. Мастеница // Вопросы культурологии. — 2009. — № 9. — С. 39–43. — EDN MNHOYJ.
256. *Мастеница Е. Н.* Музейные заповедники : учеб. пос. для студентов бакалавриата, направление 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» / Е. Н. Мастеница; М-во культуры РФ, С.-Петербург. гос. ин-т культуры, фак-т мировой культуры, каф. музеологии и культурного наследия. — Санкт-Петербург : СПбГИК, 2015. — 131 с.
257. *Мастеница Е. Н.* Социальные функции музея в глобальном мире / Е. Н. Мастеница // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Т. 210. — С. 229–236. — EDN VQWNON.
258. *Мастеница Е. Н.* Феномен музея в философском наследии Н. Ф. Фёдорова / Е. Н. Мастеница // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 3. — С. 137–142.
259. *Матюшков Г. В.* Научная концепция новой естественно-научной экспозиции Холмского историко-культурного центра «Музей фауны моря» (проект) / Г. В. Матюшков, Е. А. Пашенцева // Вестник Сахалинского музея. — 2023. — № 4 (45). — С. 219–252.
260. *Медведева Е. Б.* Становление музейной педагогики в Германии и России: 24.00.03 : дис. ... канд. ист. наук / Медведева Елена Борисовна; Рос. ин-т культурологии. — Москва, 1999. — 193 с.
261. Медведица Маша — живой символ Ярославля // Ярославский музей-заповедник [официальный сайт]. — URL: <https://yarkremlin.ru/museum/medveditsa-masha>; tel:84852329649 (дата обращения: 17.11.2025).
262. *Межуев В. М.* Идея культуры: очерки по философии культуры / В. М. Межуев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — Москва : Прогресс-Традиция, 2006. — 408 с.
263. *Мельникова Г. А.* Естественно-научный музей «Лесные тропы» как мотиватор к научно-практической и исследовательской деятельности / Г. А. Мельникова // Познавательный естественно-научный туризм: образовательные возможности и воспитательный потенциал : сб. науч. тр. X Всерос. педагогическ. науч.-практ. конф., Самара, 05–09 августа 2024 г. — Тольятти : Самарский федеральный исследовательский центр РАН, 2024. — С. 37–39.

264. *Мени П.* К методологии музеологии / Петер ван Менш; [пер. с англ. В. Г. Ананьева]. — Москва : Перспектива, 2018. — 447 с.
265. *Меньшинина Д.* О флуоресценции минералов // Государственный исторический музей Южного Урала [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://chelmuseum.ru/science/articles/o-fluorestentsii-mineralov/> (дата обращения: 20.11.2025).
266. *Меньшой А.* Об «Обряде русской народной свадьбы» / А. Меньшой // Жизнь искусства: художественно-литературный театральный журнал / глав. ред. Г. Адонц. — Ленинград : Тea-кино-печать, 1918–1929. — 1924. — № 9. — С. 5–7.
267. *Мертваго А. П.* В чужих краях: [Поездка на Париж. выставку] / А. П. Мертваго. — Санкт-Петербург : тип. И. Гольдберга, 1901. — 76 с.
268. Метеопост «Мелихово» [сайт]. — 2025. — URL: <http://meteomelikhovo.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
269. *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры / П. Милюков. — Ч. I. Население, экономический, государственный и сословный строй. — 3-е изд., исп. и доп. — Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1898. — 228 с.
270. *Мирлин Е. Г.* Геологический музей как инновационная площадка просветительской работы с молодым поколением / Е. Г. Мирлин, Е. В. Хотченков, И. А. Черевковская // Инноватика и экспертиза : научные труды. — 2019. — № 3 (28). — С. 132–142. — DOI 10.35264/1996-2274-2019-3-132-142.
271. *Миронов А. А.* Из жизни археологических учреждений / А. А. Миронов // Исторический вестник: ежемесячный историко-литературный журнал. — Санкт-Петербург, 1880–1917. — 1909. — Т. 116. — № 6. — С. 1027–1036.
272. *Михайловская А. И.* Из истории промышленных музеев и выставок капиталистической России / А. И. Михайловская // Очерки музеиного дела в СССР. — Москва : Советская Россия, 1957–1971. — Вып. VI. — 1968. — С. 312–380.
273. *Михайловская А. И.* Музейная экспозиция: [Организация и техника] / А. И. Михайловская; под ред. проф. Ф. Н. Петрова и проф. К. Г. Митяева; М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т музееведения. — 2-е изд., доп. — Москва : Советская Россия, 1964. — 518 с.
274. *Михайловская А. И.* Приемы показа этнографических коллекций в музеях / А. И. Михайловская // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок : сб. [ст.]. — Москва : [б. и.], 1972. — С. 6–34.
275. *Морозов К. К.* Из практики создания опытного примузейного участка с живыми коллекциями растений и о культурно-массовой работе на

- участке / К. К. Морозов, К. М. Бухарина // Вопросы музейного дела. — Москва : Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1952. — С. 81–93.
276. Морозов М. Н. Скансен — этнографический музей Швеции под открытым небом / М. Н. Морозов // Советская этнография. — 1960. — № 5. — С. 102–109.
277. Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) : сб. науч. ст. / [сост.: А. Г. Гачева, М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева]. Москва : Академический проект, 2018. — 912 с. — (Философские технологии: философия космизма I).
278. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; [авт.-сост.: Э. А. Шулепова и др.]; отв. ред. Э. А. Шулепова. — Москва : Этерна, 2010. — 957, [1] с.
279. Музеи и выставки Москвы и Подмосковья / Сост. К. А. Ворчинская; НИИ краеведческой и музейной работы. — 3-е изд. — Москва : Тип. «Кр. Печатник», 1947. — 128 с.
280. Музей естественной истории Татарстана // Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль» [официальный сайт]. — URL: <https://kremlin.tatarstan.ru/muzey-estestvennoy-istorii-tatarstana.htm> (дата обращения: 21.11.2025).
281. Музей занимательных наук «Экспериментаниум» // Культура.рф [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://www.culture.ru/institutes/35719/muzei-zanimatelnykh-nauk-eksperimentanium> (дата обращения: 21.11.2025).
282. Музей и время. Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»: вехи истории Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские» в документах и фотографиях: к 70-летию решения о создании Дома-музея В. И. Ленина в Горках и 60-летию его открытия для массового посещения / [авт.-сост. Г. А. Наумова, Е. Н. Савинова, Т. В. Шубина]. — Москва : [б. и.], 2009. — 224 с.
283. Музей Ивановской промышленной области // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 110–112.
284. Музей крестьянского быта / Сост. И. И. Маст. — Москва : Городец, 2004. — 112 с.
285. Музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков (Рига). [Путеводитель] / М-во культуры Латв. ССР. Гос. музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX вв. — Рига : [б. и.], 1958. — 33 с.
286. Музей русского импрессионизма [сайт]. — 2025. — URL: <https://www.rusimp.su/> (дата обращения: 18.09.2025).

287. Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет / Гос. ист.-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»; [текст: Б. А. Гущин и др.]. — Петрозаводск : Scandinavia, 2006. — 197, [4] с. — Музей-заповедник «Кижи» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhi-40/413.html> (дата обращения: 17.09.2025).
288. Музей-заповедник «Красная Горка» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://redhill-kemerovo.ru/> (дата обращения: 18.09.2025).
289. Музейное дело и охрана памятников: обзорная информация / РГБ, Информкультура. — Москва, 1984–1989. — 1986. — Вып. 1: Современные тенденции развития музеиной коммуникации в капиталистических странах: теория и практика / М. Б. Гнедовский 1986. — 39, [2] с.
290. Музейное дело России : [монография] / [Е. А. Воронцова и др.]; под общ. ред. М. Е. Каулен (отв. ред.), И. М. Коссовой, А. А. Сундневой; Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма; Рос. ин-т культурологии М-ва культуры РФ. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : ВК, 2010. — 676 с.
291. Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы : коллективная монография [Электронное сетевое издание] / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина. — Москва : Институт Наследия, 2023. — 556 с. — DOI 10.34685/HI.2023.33.60.002.
292. Музейные коллекции традиционного русского костюма: формирование и проблемы хранения. Систематическое описание русской коллекции Дашковского этнографического музея, 2-я половина XIX века / Сост. Т. Р. Валькова, О. Н. Климова. Отв. за выпуск А. В. Ефимов. — Москва : Институт Наследия, 2019. — 186 с.
293. Музейный комплекс «Бугрово» // Музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://www.pushkinland.ru/2018/reserve/res4.php> (дата обращения: 19.09.2025).
294. *Муратов П. П.* Образы Италии / П. П. Муратов. — Москва : Научное слово, 1911–1912. — [Ч. 1]. Венеция; Путь к Флоренции; Флоренция; Города Тосканы. — 1911. — 265 с. — [Ч. 2]. Рим; Неаполь и Сицилия. — 1912. — 159 с.
295. *Мурзинцева А. Е.* Сеть естественно-научных музеев Сибирского отделения Российской академии наук / А. Е. Мурзинцева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2022. — № 60. — С. 64–72. — DOI 10.31773/2078-1768-2022-60-64-72.
296. *Мурзинцева А. Е.* Музеи российской академии наук: историко-культурологический анализ: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Мурзинцева Александра Евгеньевна; Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. — Улан-Удэ, 2006. — 22 с.

297. *Мысина О. А.* Интеллект-центр в Музее геологии, нефти и газа как место популяризации естественно-научных и технических знаний / О. А. Мысина, А. Ю. Салыкина // Музей. — 2022. — № 2. — С. 30–33.
298. *Нагибина М. П.* Королевский ботанический сад в Кью / М. П. Нагибина // Русская мысль. — Г. 32. Кн. II. — Москва : тип. Т-ва Кушнерев и К°, 1911. — С. 161–172.
299. *Налимов В.* К этнографии Коми (наброски) / В. Налимов // Коми Му — Зырянский Край: экономический и краеведческий журнал. — 1924. — № 3. Май. — С. 43–50.
300. Наука глазами гуманитария / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. В. А. Лекторский]. — Москва : Прогресс-Традиция, 2005. — 687 с.
301. На Куликовом поле отпраздновали 639 годовщину Куликовской битвы // Музей-заповедник «Куликово поле» [официальный сайт]. — 23.09.2019. — URL: <https://kulpole.ru/news/na-kulikovom-pole-otprazdnovali-639-godovshchinu-kulikovskoj-bitvy> (дата обращения: 19.09.2025).
302. *Нельзина О. Ю.* Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы / О. Ю. Нельзина, А. В. Окороков, Т. П. Поляков; М-во культуры РФ, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2019. — 287 с.
303. *Никитин В. А.* Храмовое действие как синтез искусств: П. А. Флоренский и Н. Ф. Федоров / В. А. Никитин // Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы : сб. науч. тр. / М-во культуры РФ, Рос. акад. наук, НИИ культуры, Центр гуманит. исслед. и прогр. «Путь»; Отв. ред. О. И. Генисаретский. — Москва : НИИК, 1991-. — Вып. 1. — 1992. — С. 16–30.
304. *Никитин В. А.* Храмовое действие как синтез искусств. Священник Павел Флоренский и Николай Федоров / В. А. Никитин // Вестник русского христианского движения / Отв. ред. Н. А. Струве. — Москва, 1926–2004. — № 153. — С. 40–56.
305. *Никишин Н. А.* Музей или уникальная историческая территория? / Н. А. Никишин // Тезисы докладов II Междунар. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий / Науч. ред. Ю. А. Веденин. — Москва : [б. и.], 1992. — С. 36–39.
306. Новая деревня // Музей-заповедник «Шушенское» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://shush.ru/newvillage/> (дата обращения: 19.09.2025).
307. О задачах «Советского музея» / Редкол. // Советский музей. — 1931. — № 1. — С. 5.
308. Обзор Московской Политехнической Выставки 1872 года [приложение № 1] // Всеобщий календарь: 1873. — Санкт-Петербург : изд. Германа Гоппе, [1872]. — LXIV, 554, 24 с.

309. *Оборин А.* Антифашистская выставка / А. Оборин // Советский музей. — 1938. — № 8. — С. 3–6.
310. *Овсянникова С. А.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917 гг.) / С. А. Овсянникова // Очерки истории музеиного дела в России. — Вып. II. — 1960. — С. 66–144.
311. *Ожогин В. П.* Музеи живой истории как объекты рекреационно-туристического значения / В. П. Ожогин; науч. рук. М. А. Слепнев // Дни студенческой науки : сб. докладов науч.-технич. конф. по итогам науч.-исслед. работ студентов института строительства и архитектуры, Москва, 13–17 марта 2017 г. — Москва : Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2017. — С. 82–84. — DOI 10.22227/978-5-7264-1604-5.2017; EDN YLXRXX.
312. *Окороков А.* Подводный исторический парк в системе музеиного комплекса / А. В. Окороков, О. Ю. Нельзина // Музей. — 2018. — № 12. — С. 44–50. — EDN LQCFIE.
313. *Ополовников А. В.* Музеи деревянного зодчества / А. В. Ополовников; Гос. ком. по гражд. строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Науч.-исслед. ин-т теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. — [Москва] : [Стройиздат], [1968]. — 119 с.
314. *Ополовников А. В.* Музеи народного зодчества / А. В. Ополовников // Архитектура СССР. — 1965. — № 12. — С. 22–28.
315. *Ополовников А. В.* Музеи под открытым небом как метод сохранения памятников деревянного зодчества и их значение для города / А. В. Ополовников // Памятники архитектуры и современная городская застройка : [Сб. ст.] / [Ред. коллегия: П. Н. Максимов (отв. ред.) и др.]; Науч.-исслед. ин-т теории, истории и перспективных проблем сов. архитектуры. — Москва : Стройиздат, 1973. — С. 93–101.
316. *Орлова А. Н.* Опытный плодово-ягодный участок Кяхтинского краеведческого музея и его массовая агротехническая пропаганда / А. Н. Орлова, Р. Ф. Тугутов // Вопросы музеиного дела. — Москва : Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1952. — С. 94.
317. *Орлова Э. А.* Введение в социальную и культурную антропологию / Э. А. Орлова. — Москва : Изд-во МГИК, 1994. — 214 с.
318. *Османова М. Н.* Послевоенное законодательство СССР об охране памятников истории, культуры и искусства / М. Н. Османова, Е. В. Бабошина // Образование и право. — № 2. — 2023. — С. 397–402. — DOI 10.24412/2076-1503-2023-2-397-402.
319. Основы культурологии : [учеб. пособие] / [Е. Я. Александрова и др.]. — Москва : Едиториал УРСС, 2005 (ППП Тип. Наука). — 492, [1] с. — (Academia XXI / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер.

- агентство по культуре и кинематографии, Гос. ин-т искусствознания, Рос. ин-т культурологии). (Учебники и учебные пособия по культуре и искусству).
320. Основы музееведения : [учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052800 «Музейное дело и охрана памятников»] / [Т. В. Абанкина и др.]; отв. ред. Э. А. Шулепова. — Москва : Едиториал УРСС, 2005. — 501, [1] с. — (Academia XXI: учебники и учебные пособия по культуре и искусству).
321. Основы советского музееведения / [Ред. коллегия: П. И. Галкина и др.]; М-во культуры РСФСР; НИИ музееведения. — Москва : Госкультпросвещиздат, 1955. — 375 с.
322. Остров Кижи, фольклорный праздник с участием Виолы Мальми. 1980 г. // Музей-заповедник «Кижи»: группа «ВКонтакте» [сайт]. — 2025. — URL: https://vk.com/wall-50943719_15339 (дата обращения: 20.11.2025).
323. Павлова М. А. Интерактивная экспозиция «Эксперименты в математике» для музея занимательных наук / М. А. Павлова, В. С. Лукина, М. В. Шабанова // Университеты в системе поиска и поддержки математически одаренных детей и молодежи : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. — Майкоп, 2018. — С. 58–66.
324. Палеонтологический музей имени Ю. А. Орлова [официальный сайт]. — URL: <https://www.paleo.ru/museum/> (дата обращения: 20.11.2025).
325. Парк живой истории «Федюхины высоты» [сайт]. — 2025. — URL: <https://vk.com/feduhy.park> (дата обращения: 14.09.2025).
326. Партизанская деревня // ЦВППКиО ВС РФ «Патриот» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://parkpatriot.ru/obekty/partizanskaya-derevnya/> (дата обращения: 19.09.2025).
327. Пермиловская А. Б. «Живая» среда музея под открытым небом как форма организации памяти в современной культуре России и Западной Европы / А. Б. Пермиловская // Обсерватория культуры / РГБ. — Москва, 2004. — 2011. — № 1. — С. 78–81. — EDN OBNPXD.
328. Пермиловская А. Б. Историко-культурный заповедник — новая форма создания живого музея под открытым небом (на примере уникального исторического поселения с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) / А. Б. Пермиловская // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях : материалы науч.-практич. конф. (Иркутск, 6–9 авг. 2006 г.). — Иркутск : Тальцы, 2006. — С. 15–27.
329. Пермиловская А. Б. Музеи под открытым небом в современной культуре России и Западной Европы) / А. Б. Пермиловская // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность : сб. материалов Все-

рос. науч.-практич. конф., посвящ. 45-летию музея «Малые Корелы», (Архангельск, 8–11 июля 2009 г.) / М-во культуры РФ; Федер. гос. учреждение культуры «Архангельский гос. музей деревянного зодчества и народного искусства “Малые Корелы”»; [редкол.: А. М. Шаев др.]. — Архангельск : Музей «Малые Корелы», 2010. — С. 39–49.

330. *Перова Е. Ю.* Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века / Е. Ю. Перова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (843). — С. 220–228. — DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_220; EDN GNKTNT.
331. Письма и записки / К. П. Победоносцев и его корреспонденты; с предисловием М. Н. Покровского. — Москва; Петроград : Государственное изд-во, 1923. — 439 с.
332. Питомник єздовых собак и этнокультурный центр «Нюлтен» [сайт]. — 2025. — URL: <https://nulten.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).
333. Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Окороков, Д. В. Бабекин, Т. П. Поляков, О. Ю. Нельзина; М-во культуры РФ, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва, Центр подводного культурного наследия. — Москва : Институт Наследия, 2018. — 140 с.
334. Политехническая выставка 1872 года Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Альбом видов [Несброшюрованный альбом] / Составлен по распоряжению комитета выставки председателем комиссии по изданиям Н. К. Миляевым и членом общества и фотографической комиссии комитета В. В. Левитским. — Москва : Русская фотография: (тип. И. Н. Кушнерева), [1872]. — тит. л., 71 л. ил. в папке: альбумин. отпечаток; 40,5 × 52,5 см.
335. *Поляков Т. П.* «Дом Булата Окуджавы» на Арбате: сценарная концепция системы экспозиций культурного центра / Т. П. Поляков // Вестник РГГУ = RGGU bulletin: ежемесячный науч. журнал / Российский гос. гуманитарный ун-т. — Москва : РГГУ, 1996–2015. — 2009. — № 15 (9). — С. 316–332.
336. *Поляков Т. П.* Актуальные проблемы отношения содержания и формы музеиной экспозиции: 17.00.07 : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Поляков Тарас Пантелеимонович; АН СССР; НИИ культуры. — Москва, 1988. — 16 с.
337. *Поляков Т. П.* В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» / Т. П. Поляков // Музей и новые технологии [сост. и науч. ред. Н. А. Никишин]. — Москва : Прогресс-Традиция, 1999. — С. 58–81. — (На пути к музею XXI века).

338. Поляков Т. П. Война и музей: актуальные методы и технологии создания музейных экспозиций с военно-исторической тематикой / Т. П. Поляков // Культурологический журнал. — 2023. — № 4. — С. 52–62. — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/632.html&j_id=58 (дата обращения: 20.11.2025). — DOI 10.34685/HI.2023.46.19.029.
339. Поляков Т. П. Двадцать лет работы, или Шесть уроков музея Маяковского / Т. П. Поляков // Музей. — 2009. — № 12. — С. 44–51. — EDN TMJOGT.
340. Поляков Т. П. Из истории отечественной экспозиционной мысли: идеи и предложения Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.) в области «музейного языка» и их отражение в экспозициях начала 1930-х годов / Т. П. Поляков // Культурологический журнал. — № 2018/3 (33). — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/448.html&j_id=36 (дата обращения: 14.09.2025).
341. Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции) : [учеб. пособие для студентов и аспирантов, обучающихся по специальности «Музееведение»] / Т. П. Поляков. — Москва: Рос. ин-т культурологии, 1997. — 253 с.
342. Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» — 2 : монография / Т. П. Поляков; М-во культуры РФ; Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма; Рос. ин-т культурологии. — Москва : Рос. ин-т культурологии, 2003 (Люберцы (Моск. обл.): ПИК ВИНИТИ). — 456 с.
343. Поляков Т. П. Музеификация нематериального культурного наследия России: методы, формы и системы представления / Т. П. Поляков, Ю. В. Пустовойт // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России / М-во культуры РФ, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; науч.-ред. совет: Житенёв С. Ю., председатель [и др.]. — Москва : Институт Наследия, 2022. — С. 484–502. — DOI 10.34685/HI.2022.58.44.003.
344. Поляков Т. П. Музей будущего: проблема выбора модели / Т. П. Поляков // Теория и практика музейного дела в России на рубеже ХХ–XXI веков : Труды ГИМ. — Вып. 127. — Москва, 2001. — С. 76–85.
345. Поляков Т. П. Музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории / Т. П. Поляков, Т. В. Смирнова // Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII — XX век / Рос. ин-т культурологии; отв. ред. Э. А. Шулепова. — Москва : РОССПЭН, 2011. — С. 423–465.
346. Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия / Т. П. Поляков; М-во культуры РФ, Рос.

- науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2018; Вече, 2019. — 588 с.
347. *Поляков Т. П.* Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 1) / Т. П. Поляков // Музей : журнал / учред. Некоммерческое партнерство «Издательский дом “Просвещение”». — Москва : Наука и культура, 2005–2009. — № 7. — С. 60–67.
348. *Поляков Т. П.* Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 2) / Т. П. Поляков // Музей. — 2009. — № 11. — С. 28–37.
349. *Поляков Т. П.* Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) / Т. П. Поляков // Музей. — 2007. — № 3. — С. 7–12.
350. *Поляков Т. П.* Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) / Т. П. Поляков // Музей. — 2007. — № 5. — С. 74–80.
351. *Поляков Т. П.* Сценарий экспозиции «Сокровища Успенского монастыря» / Т. П. Поляков // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения : информ. сб. / РГБ, Информкультура. — Москва : РГБ, 1990–2003. — 1990. — Вып. 6. — С. 72–82.
352. *Поляков Т. П.* Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы / Т. П. Поляков // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» : колл. монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2021. — С. 113–162. — DOI 10.34685/HI.2020.11.84.020.
353. *Поляков Т. П.* Учение академика Д. С. Лихачёва об экологии культуры в контексте современного «живого музея» / Т. П. Поляков // Экология культуры — учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачёва : науч. сб. по материалам Междунар. юбилейной науч. конф. «Экология культуры — учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва / Отв. ред. С. Ю. Житенёв. — Москва : Институт Наследия, 2017. — С. 113–128. (Труды Института наследия).
354. *Полякова Е. А.* Музейно-этнографические программы как способ сохранения национальной идентичности (на примере деятельности Омского государственного музея-заповедника «Старина Сибирская») / Е. А. Полякова // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — 2020. —

- № 10. — С. 350–357. — DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-350-357; EDN AEBFRY.
355. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 021000 «Музеология», 052800 «Музейн. дело и охрана памятников» / М. А. Полякова. — Москва : Дрофа, 2005. — 270, [1] с. — (Высшее образование).
356. Померанцева Э. Борис Матвеевич Соколов / Э. Померанцева, В. Чичеров // Советская этнография. — 1955. — № 4. — С. 97–105.
357. Пономарев Б. Б. Музей как коммуникационная система: проблемы гармонизации историко-культурного и информационно-деятельностного компонентов: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Пономарев Борис Борисович; Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. — Краснодар, 2002. — 225 с.
358. Попов Д. А. Опыт осмыслиения музейного пространства в концепциях П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова / Д. А. Попов // Научный аспект. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 445–453. — EDN SPOHPQ.
359. Попова Л. В. Цифровые образовательные технологии в естественнонаучных музеях / Л. В. Попова, И. П. Таранец, М. М. Пикуленко // Наука в вузовском музее : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Москва, 19–21 ноября 2024 г. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 149–153.
360. Потапова С. А. Живые музеи. Проблемы взаимодействия музейно-развлекательных центров и туристических компаний / С. А. Потапова // Туризм и музеи: синергетический эффект взаимодействия. — Москва : Знание-М, 2020. — С. 132–150. — DOI 10.38006/907345-32-1.2020.132.150; EDN AZMVLQ.
361. Почвенно-агрономический музей им. В. Р. Вильямса // Центр образовательного туризма — музейный комплекс «Петровское-Разумовское» (РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева) [сайт]. — URL: <https://museum.timacad.ru/почвенно-агрономический-музей-им-в-р-в/> (дата обращения: 20.11.2025).
362. Продолжаем разговор: «Нужны новые подходы» / Редкол. // Советский музей. — 1989. — № 6. — С. 30–32.
363. Прокудина Д. А. Живой музей: трансформация музея в контексте экономики впечатлений (зарубежный опыт) / Д. А. Прокудина, Е. К. Прокудина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств = The Bulletin of Moscow state University of culture and arts : науч. журнал / учред. Московский гос. ин-т культуры. — Химки : МГУ-КИ, 2003-. — 2020. — № 6 (98). — С. 34–48. — DOI 10.24412/1997-0803-2020-698-34-48; EDN RVSSQV.

364. Прокудина Д. А. Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории / Д. А. Прокудина // Культура и образование. — 2020. — № 4 (39). — С. 23–31. — DOI 10.24412/2310-1679-2020-439-23-31; EDN RBQXAY.
365. Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею / Моск. публич. и Румянцев. музеи. — Новое, испр. и доп. изд. — Москва : Тип. К. Л. Меньшова, 1905. — 64 с.
366. Путеводитель по Московской этнографической выставке. — Москва : [б. и.], 1867. — 35 с.
367. Путешествуем по родному краю #КультуроВдоме33# // Официальное сообщество МУК КДО «Родина» Краснобогатырский Дом Культуры [сайт]. — Запись от 28.04.2020. — URL: https://m.ok.ru/group/55579957854458/topic/151525217960954?__dp=y (дата обращения: 13.09.2025).
368. Пушкарев В. Г. «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) / В. Г. Пушкарёв // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — № 120/2010. — С. 339–344.
369. Пушкарев В. Г. В. Н. Всеволодский-Гернгресс и его концепция «живого музея» / В. Г. Пушкарёв // Рябининские чтения — 2007 : материалы V науч. конф. «Традиционная культура Русского Севера: история и современность» / Отв. ред. Т. Г. Иванова. — Петрозаводск, 2007. — С. 486–489. — Музей-заповедник «Кижи» [официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/506.html#note-id6962951> (дата обращения: 29.08.2025).
370. Пушкарев В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Пушкарёв Василий Георгиевич; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. — Санкт-Петербург, 2011. — 179 с.
371. Пчелянская Т. М. Социально-культурная детерминация музеиной экспозиции. Культурологические аспект: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Пчелянская Татьяна Михайловна; С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2005. — 164 с.
372. Пшеничная С. В. Музей как информационно-коммуникативная система: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Пшеничная Светлана Викторовна; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. — Санкт-Петербург, 2000. — 220 с.
373. Пятина Е. В. Использование живых беспозвоночных животных в экспозициях естественно-научного музея / Е. В. Пятина, М. А. Булгакова // Концептуальные и прикладные аспекты научных исследований и образования в области зоологии беспозвоночных : сб. статей V Междунар.

- конф., Томск, 26–28 октября 2020 г. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. — С. 203–206. — DOI 10.17223/978-5-94621-931-0-2020-52.
374. *Равикович Д. А.* Организация музеиного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) / Д. А. Равикович // Очерки истории музеиного дела в СССР. — Вып. VI. — 1968. — С. 97–145.
375. *Равикович Д. А.* Социальные функции и типология музеев / Д. А. Равикович // Музееведение: вопр. теории и методики / [Редкол.: В. Ю. Дукельский (отв. ред.) и др.]. — Москва : НИИК, 1987 (1988). — С. 10–24. — (Сб. науч. тр. АН СССР, НИИ культуры).
376. *Разгон А. М.* Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) / А. М. Разгон // Очерки истории музеиного дела в СССР. — Вып. V. — 1963. — С. 189–275.
377. *Размустова Т.* Требуется личность... / Т. Размустова // Советский музей. — 1991. — № 3. — С. 2–5.
378. Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 623. — Л. 2. [Письмо Ю. М. Соколова В. Н. Всеволодскому, 1931].
379. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Ед. хр. 2845. — Л. 1–24. [Фотографии экспонатов выставки народного поэтического творчества, организованной Государственным литературным музеем в Центральном парке культуры и отдыха им. А. М. Горького. 1939 г.]
380. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 3101. — 5 л. [Соколов Б. М. Народные русские верования, культ и обряды, как предмет музейной экспозиции].
381. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 3121. — 49 л. [Доклад «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании»].
382. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 3137. — 10 л. [Проспект книги. «Музеи под открытым небом в Скандинавии и будущее этнопарк в Москве» и одноимённая статья].
383. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 3172. — 1 л. [Проект организации продажи кустарных изделий народов СССР в парке «Культуры и отдыха»].
384. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 3381. — 12 л. [Григорьев С. П. Объяснительная записка к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха].
385. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 3120. — 24 л. [Соколов Б. М. О Московском этнопарке].
386. РГАЛИ. — Ф. 483. — Оп. 1. — Д. 3411. — 22 л. [Материалы к путеводителю по этнопарку].
387. РГАЛИ. — Ф. 1018. — Оп. 1. — Ед. хр. 267. — Л. 1–10. [Новорусский М. В. Ручной труд как необходимый элемент образования].

388. РГАЛИ. — Ф. 2640. — Оп. 1. — Ед. хр. 255. — 127 л. [Кадры исполнителей произведений фольклора и народных танцев, обрядов, костюмов, жилищ, памятников архитектуры и др., выполненные участниками экспедиции в Архангельскую губернию в 1927 г.]
389. *Перих Н.* По старине / Н. К. Перих // Городское дело. — Санкт-Петербург, 1909—1918. — 1909. — № 6 (15 марта). — С. 41—44.
390. *Решетников Н. И.* Музей и проектирование музейной деятельности : учеб. пособие / Н. И. Решетников; Федер. гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Московский гос. ун-т культуры и искусств»; Каф. истории культуры и музееведения; Отд-ние музееведения. — Москва : МГУКИ, 2014. — 160 с.
391. *Ривьер Ж. А.* Эволюционное определение экомузея / Ж. А. Ривьер // MUSEUM. — 1985. — № 4 (148): Экомузеи. — С. 2—3.
392. *Рихтер В. А.* Музей живых бактериальных культур при Пермском Бактериологическом Институте / В. А. Рихтер // Пермский Бактериологический Институт. 1897—1922 г. : сб. работ и исторический очерк развития и деятельности за двадцатилетие. — Пермь : 1-я Государственная типография, 1922. — С. 19—24.
393. *Родионов С. Г.* Музеефикация историко-культурного наследия шорцев: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Родионов Семён Григорьевич; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. — Кемерово, 2018. — 150 с.
394. *Родоман Б. Б.* Культурный ландшафт и судьба России / Б. Б. Родоман; под ред. Т. И. Герасименко (Ин-т географии РАН). — Москва : Директ-Медиа, 2023. — 488 с.
395. *Розенблум Е.* Время и пространство в музейной экспозиции / Е. А. Розенблум // Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции. — Москва : [б. и.], 1996 (1997). — С. 177—194.
396. *Розенблум Е. А.* Искусство экспозиции / Е. А. Розенблум // Музейное дело в СССР. — [Вып. 13]. — 1983. — С. 23—29.
397. *Розенталь И.* Что и как «пропагандировать»? (Обсуждаем статью «Нужны новые подходы») / И. Розенталь // Советский музей. — 1990. — № 1. — С. 10—16.
398. *Розин В. М.* Культурология : учеб. для вузов / В. М. Розин. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Москва : Гардарики, 2005. — 462 с. — (Disciplinae).
399. *Романов Н. И.* Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов, Сов. Всерос. кооп. съездов. — Москва : [Ком. по охране художественных сокровищ], 1919. — 110, [1] с.
400. Российская музейная энциклопедия : в 2 т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН; редкол.: В. Л. Янин (пред.) [и др.]. — Москва : Прогресс,

- «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. — Т. 1 : А — М. — 416 с. — Т. 2 : Н — Я. — 435 с.
401. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». Федер. закон № 19-ФЗ от 23.02.2011. — КонсультантПлюс [сайт]. — 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110917/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 06.09.2025).
402. Российская Федерация. Законы. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федер. закон № 54-ФЗ от 26.05.1996 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). — КонсультантПлюс [сайт]. — 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ca87cf187048d9e8949248e19b86b9273a38778/ (дата обращения: 06.09.2025).
403. Российская Федерация. Законы. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 (последняя редакция). — КонсультантПлюс [сайт]. — 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 20.06.2025).
404. Рябко В. М., Туринский В. М. Истоки, достижения и перспективы науки в Аскании-Нова / В. М. Рябко, В. М. Туринский. — Киев : Аграрна наука, 2001. — 257, [1] с.
405. Савинова Е. Н. Садоводство З. Г. Морозовой-Рейнбот / Е. Н. Савинова // Русская усадьба : сб. Общества изучения русской усадьбы. — Вып. 13–14 [29–30]. — Москва : Улей, 2008. — С. 314–322.
406. Савченко С. К. Научно-вспомогательный материал в контексте истории экспозиционно-выставочной деятельности музея / С. К. Савченко // Музей. Памятник. Наследие. — 2022. — № 2 (12). — С. 120–128.
407. Саймон Н. Партиципаторный музей / Нина Саймон; [пер. А. Глебовской]. — Москва : АД МАРГИНЕМ Пресс, 2017. — 439 с.
408. Самойлова Е. С. Живой музей как среда формирования ценностных ориентаций личности / Е. С. Самойлова // Язык и культура : Ежегодный альманах, Челябинск, 06 апреля 2021 г. / Сост., главн. ред. В. Б. Мещеряков. — Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2021. — С. 177–181. — EDN JRKYXF.
409. Сапанжа О. С. Феномен малого музея и микро-музея в современном культурном пространстве / О. С. Сапанжа // Музей. Памятник. Наследие. — 2018. — № 1 (3). — С. 5–11.
410. Сапанжа О. С. Культурологическая теория музеиности: 24.00.01 : авт-реф. дис. ... д-ра культурологии / Сапанжа Ольга Сергеевна; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2011. — 58 с.

411. *Сапанжса О. С.* Основы музейной коммуникации : [учебное пособие] / О. С. Сапанжса. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2007. — 114, [1] с.
412. *Севан О. Г.* «Живой музей» в реальной сельской среде / О. Г. Севан // Обсерватория культуры. — 2007. — № 3. — С. 68–71. — EDN KBBKMF.
413. *Севан О. Г.* «Малые Карелы». Архангельский музей деревянного зодчества: история создания, методология проектирования, современное состояние / О. Г. Севан; Рос. ин-т культурологии М-ва культуры РФ. — Москва : Прогресс-Традиция, 2012. — 367 с.
414. *Севан О. Г.* Дух места между материальным и нематериальным наследием / О. Г. Севан // Экология культуры. — 2009. — № 2. — С. 94.
415. *Севан О. Г.* Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми / О. Г. Севан // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. — Москва : НИИК, 1991 (1992). — С. 63–85.
416. *Севан О. Г.* Музеи под открытым небом Европы / О. Г. Севан // Обсерватория культуры. — 2006. — № 3. — С. 60–69. — EDN KVNQIL.
417. *Севан О. Г.* Российские музеи под открытым небом / О. Г. Севан // Обсерватория культуры. — 2006. — № 6. — С. 66–75. — EDN KVTNNND.
418. Севкабель Порт [сайт]. — 2025. — URL: <https://sevcableport.ru/ru> (дата обращения: 18.09.2025).
419. Сельский туризм в Кенозерье // Кенозерский национальный парк [официальный сайт]. — 2025. — URL: <http://www.kenozero.ru/mestnym-zhitelyam/mestnym-zhitelyam/vozmozhnosti-dlya-razvitiya/selskiy-turizm-v-kenozere/> (дата обращения: 16.05.2025).
420. *Семёнов. Хохломская роспись* [сайт]. — 2025. — URL: <https://goldenhohloma.com/> (дата обращения: 20.11.2025).
421. *Семенова С. Г.* Философ будущего века Николай Федоров / С. Г. Семёнова. — Москва : Пашков дом, 2004. — 583 с.
422. *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* Географическое изучение природы СССР / В. П. Семёнов-Тян-Шанский // Наука и техника СССР, 1917–1927 = Science et technique dans L'URSS, 1917–1927 / Под ред. А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановского, М. Я. Лапирова-Скобло, А. Е. Ферсмана. — Т. 3. — Москва : Работник Просвещения, 1928. — С. 385–407.
423. *Сергеева Г. П.* Семантическая структура музейной экспозиции: цикл и цикличность: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Сергеева Галина Петровна; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — Санкт-Петербург, 2001. — 176 с.
424. Сергей Лавров поблагодарил Институт Наследия за номинацию «Культурный ландшафт Кенозерья» // Институт Наследия [официальный сайт]. — 28.01.2025. — URL: https://heritage-institute.ru/?tribe_

- events=sergej-lavrov-poblagodaril-institut-naslediya-za-nominacziyu-kulturnyj-landshaft-kenozerya (дата обращения: 01.11.2025).
425. Сивохина А. В музее-заповеднике «Томская Писаница» открылся необычный архитектурный комплекс / А. Сивохина // Региональное информационное агентство «Кузбасс» [сайт]. — 26.05.2023. — URL: <https://kuzbass.media/2023/05/26/9684.html?ysclid=1vv45tqtzt96535102> (дата обращения: 01.09.2025).
426. Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие: XIX — первая треть XX века: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Сизинцева Лариса Ивановна; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва, 1998. — 22 с.
427. С-кий. Из опыта массовой работы Артиллерийского исторического музея РККА в Ленинграде / С-кий // Советский музей. — 1931. — № 6. — С. 97–100.
428. Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каulen, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова [и др.] // Музей. — 2009. — № 5. — С. 47–68.
429. Смирнов В. Население Костромского края в прошлом и настоящем / В. Смирнов // Прошлое и настоящее Костромского края : [сб. ст.] / Костромск. губ. испол. ком.; Предисл.: И. Черняев. — Кострома : [б. и.], 1926 (типо-лит. «Северная правда»). — С. 59–90.
430. Смирнов И. Н. Обrusение инородцев и задачи обrusительной политики / И. Н. Смирнов // Исторический вестник. — 1892. — Г. 13. Март [Т. 47]. — С. 752–765.
431. Смирнова Т. В. Доклад о. Павла Флоренского «Храмовое действие как синтез искусств» и современное музейное дело / Т. В. Смирнова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — Сер. «Гуманитарные науки»: Энтелехия. — 2007. — Т. 13. — № 16. — С. 28–30.
432. Смирнова Т. М. Фольклорный театр В. Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде) / Т. М. Смирнова // Клио = Klio: журнал для ученых. — 2016. — № 10 (118). — С. 154–174. — EDN WWXDQN.
433. Соколов Б. М. Этнография в СССР / Б. М. Соколов // Известия. — 1927. — № 8. — С. 3.
434. Соловей Т. Д. Всероссийской этнографической выставке 1867 года в Москве — 155 лет / Т. Д. Соловей // Культурное наследие России. — 2022. — № 1 (36). — С. 62–68. — DOI 10.34685/HI.2022.36.1.009.
435. Сотникова С. И. Музей в меняющемся мире / С. И. Сотникова // Обсерватория культуры. — 2007. — № 2. — С. 60–66. — EDN KVMQAF.
436. Сотникова С. И. Музеология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 021000 «Музеоло-

- гия» и 052800 «Музейное дело и охрана памятников» / С. И. Сотникова. — 2-е изд., стер. — Москва : Дрофа, 2010. — 190 с. — (Высшее образование).
437. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. — [Вып. 6]: Владимирская губерния ... по сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. М. Раевским. — 1863. — LIII, 283 с.
438. Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами = En Sammenlignende analyse av lovgivning og forvaltning av kulturlandskap = Comparative analysis of cultural Landscape management / [Э. Гаукстад, Э. Моен (Норвегия), М. Кулешова, В. Столяров (Россия)]. — Москва; Осло : [б. и.], 1999. — 96 с.
439. СССР. ВЦИК и СНК РСФСР. — Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20/VIII 1928 г. «О музейном строительстве в РСФСР» // Известия ЦИК и ВЦИК от 3/X 1928 г. № 230. — Электронная библиотека исторических документов [сайт] / Российское историческое общество. — 2025. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136669-o-muzeynom-stroitelstve-v-rsfsr-postanovlenie-vtsik-i-snk-rsfsr-ot-20-viii-1928-g> (дата обращения: 30.09.2025).
440. СССР. Совет Министров. — Постановление Совета Министров СССР № 3898 [от 14 октября 1948 г.]. «О мерах улучшения охраны памятников культуры». — Москва : типолит. Музгиза, 1949. — 12 с.
441. Старшинова А. Детский образцовый ансамбль гусляров «Купина» / А. Старшинова, Е. Мельниченко // Гусли. — Спецвыпуск'2016. — С. 62–67.
442. Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. — 511 с. — (Сер. КА «Кунсткамера — Архив» = KA Series «Kunstkamera — Archives» / Российской академии наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Абердинский ун-т (Шотландия, Великобритания); т. 7).
443. Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика : учеб. пособие для студентов пед. и гуманитар. вузов. — Москва : Высш. шк., 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). — 215, [1] с. — (Образование через искусство).
444. Суздалецев А. Краткий обзор истории Туркестана (Турана) / А. Суздалецев // Туркестан и сопредельные страны (Бухара, Кашгар, Афганистан, Персия и Хива) / Под ред. Ю. Ю. Рустейко и П. М. Войтик. — Самара : Типография политотдела Туркфронта, 1919. — С. 88–98.

445. Сундиева А. А. Музейный мир России: к обоснованию понятия / А. А. Сундиева // Вопросы музеологии. — 2013. — № 1 (7). — С. 3–11.
446. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. — Концепция музеификации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства береговой (личной) территории военно-исторического музеино-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин, Цитадельское шоссе). / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : [б. и.], 2020. — 91 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 319 Кб).
447. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. — Концепция музеификации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства трех фортов г. Кронштадта — «Петр I», «Александр I» и «Кроншлот»: (часть военно-исторического музеино-паркового комплекса «Кронштадт. Остров фортов») / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, О. Ю. Нельзина]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : [б. и.], 2020. — 109 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 368 Кб).
448. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. — Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей-заповедник “Горки Ленинские”» до 2025 года / Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские»; [авторский колл.]. — Горки Ленинские : Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские», 2019. — 143 с.
449. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. — Концепция системы экспозиций Музея истории ВМФ России и сюжетно-тематическая структура стационарной экспозиции «Московская летопись Военно-морского флота России»: (Москва, Музейно-парковый комплекс «Северное Тушино») / [Ю. В. Ермаков, Т. П. Поляков, Т. А. Зотова]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : [б. и.], 2021. — 302 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 640 Кб).
450. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. — Общая концепция музеификации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки (Музей-заповедник «Горки Ленинские», Московская область) / Авт. Зотова Т. А., при участ. Полякова Т. П.; Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские». — Горки Ленинские : [б. и.], 2021. — 46 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 915 Кб).

451. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. — Сценарий (сценарная концепция и сюжетно-тематическая структура) стационарной экспозиции «Военно-морской флот России» в центральном здании Военно-исторического музеяно-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин) / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : [б. и.], 2020. — 216 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 727 Кб).
452. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция выставочной деятельности Центра развития гусельного искусства «Купина» имени Любови Яковлевны Жук / Т. А. Зотова. — Москва : [б. и.], 2023. — 23 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 98 Кб).
453. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Расширенная тематическая структура постоянной выставки «Традиции и новации в исполнительстве на гусялях (Музей гуслей)» / Т. А. Зотова. — Москва : [б. и.], 2023. — 37 с. — Электрон. текстовые дан. (объем 79 Кб).
454. Теребилов М. Г. Реконструкция повседневной культуры средневекового общества в музейной экспозиции / М. Г. Теребилов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2021. — № 2 (47). — С. 96–100. — DOI 10.30725/2619-0303-2021-2-96-100.
455. Терентьев Н. Музей учит защите от врага / Н. Терентьев // Советский музей. — 1939. — № 2. — С. 26–29.
456. Тихонов В. В. Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом / В. В. Тихонов. — Иркутск : Репроцентр А 1, 2013. — 80 с.
457. Тихонов В. В. Особенности и перспектива формирования методической базы этнографических музеев под открытым небом в СССР и России / В. В. Тихонов // Омский научный вестник. — 2012. — № 5 (112). — С. 251–254.
458. Тихонов В. В. Особенности музеевификации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Владимир Викторович Тихонов; Кемеров. гос. акад. культуры и искусств. — Кемерово, 2004. — 197 с.
459. Томилов Н. А. Музееведение и музеи России = Museology and museums of Russia: избранные научные работы : в 2 ч. / Н. А. Томилов; М-во образования и науки РФ, Федер. гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, Омский фил. Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН. — Ч. 1:

- Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2016. — 368 с.
460. *Топоров А.* Школьный самодеятельный музей / А. Топоров // Советский музей. — 1937. — № 2. — С. 21–24.
461. Троице-Сергиева лавра : [сб.] / Р.С.Ф.С.Р. Народный комиссариат по просвещению. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. — Сергиев Посад : Типография И. Иванова, 1919. — 155 с.
462. *Трубачева М. С.* Из истории охраны памятников в первые годы советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры 1918–1925 годов / М. С. Трубачёва // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб. / Редкол.: И. А. Антонова и др.]. — Москва : Сов. художник. [Сб.] 5 / [Сост. Л. М. Срибнис]. — Москва : Сов. художник, 1984. — С. 152–164.
463. Труды Первого Всероссийского музейного съезда. — Москва; Ленинград : Наркомпрос РСФСР. Гос. учебно-педагог. изд-во, 1931. — Т. 1: Протоколы пленарных заседаний 1–5 декабря 1930 г. — 241 с.
464. *Тульпе И. А.* Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского) / И. А. Тульпе // Музей — хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества : материалы V Санкт-Петербургских религиоведческих чтений, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 1997 года. — Санкт-Петербург : Государственный музей истории религии, 1997. — С. 14–16. — EDN YSGJXZ.
465. *Туровский Р. Ф.* Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский; М-во культуры РФ; РАН; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия, 1998. — 208 с.
466. *Турусов В. П.* Особенности военно-исторического движения в России (по опыту ряда отечественных клубов) / В. П. Турусов // Рейтар : военно-исторический журнал / учред. Таланов А. И. — Москва, 2003. — 2005. — № 23. — С. 158–167.
467. *Турынская Х. М.* Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX — начале XXI вв. / Х. М. Турынская // Вопросы музеологии. — 2012. — № 1 (5). — С. 43–51. — EDN OYLGQX.
468. *Усепян Л. Х.* Средневековое ритуальное городище тюльберов — археологический памятник экомузея-заповедника «Тюльберский городок» / Л. Х. Усепян, В. М. Кимеев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — 2013. — № 18–19. — С. 51–56.
469. *Успенский Л. В.* «Дэ Зэ эн» / Л. В. Успенский // Искусство удивлять: научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Дома Занимательной Науки на Фонтанке. — СПб., 2010. — С. 164–169.

470. Учанева Л. С. Храмовое действие: религиозно-художественный катарсис / Л. С. Учанева // Из истории русской эстетической мысли : межвузовский сб. науч. тр. — Санкт-Петербург : «Образование», 1993. — С. 4–14.
471. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собрание сочинений : в 4-х тт. / Н. Ф. Фёдоров; сост., подготовка текста и comment. А. Г. Гачевой и С. Г. Семёновой. — Москва : Издат. группа «Прогресс», 1995–1999. — Т. II. — 1995. — С. 370–437. — (Библиотека журнала «Путь»).
472. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Собрание сочинений : в 4-х тт. / Н. Ф. Фёдоров; сост., подготовка текста и comment. А. Г. Гачевой и С. Г. Семёновой. — Москва : Издат. группа «Прогресс», 1995–1999. — Т. I. — 1995. — С. 35–308. — (Библиотека журнала «Путь»).
473. Федотова Р. А. Икона в литургическом пространстве храма: по материалам псковской иконописи: 17.00.09 : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Федотова Римма Александровна; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2010. — 23 с.
474. Фигнер В. Н. Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925) / В. Н. Фигнер. — Москва : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1925. — 16 с. — (Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка»; № 33).
475. Филиппов А. И. Принципы организации местных музеев / А. И. Филиппов // На новых путях краеведной работы : сб. ст. под ред. А. И. Дзенс-Литовского и К. П. Ягодовского. — Ленинград : Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1926. — С. 68–90.
476. Филякова А. К. Технический музей в формировании научного мировоззрения : диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Филякова Александра Константиновна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств]. — Санкт-Петербург, 2017. — 194 с.
477. Фирсов Н. Д. О типе музея новостройки / Н. Д. Фирсов // Советский музей. — 1933. — № 3. — С. 8–16.
478. Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А. Я. Флиер. — Москва : Академический Проспект, 2000. — 496 с. — (Gaudamus). (Учебное пособие для высшей школы).
479. Флора и фауна стран БРИКС // Творческий союз [сайт]. — URL: <https://www.union-of-art.ru/projects/flora-i-fauna-stran-briks/> (дата обращения: 20.11.2025).

480. *Флоренский П. А. Собрание сочинений. У водоразделов мысли.* — [Т.]. I. Статьи по искусству / Свящ. Павел Флоренский; под общ. ред. Н. А. Струве. — Paris : YMCA-PRESS, 1985. — 398, [1] с.
481. *Флоренский П. Храмовое действие как синтез искусств / П. А. Флоренский // Советский музей.* — 1989. — № 4 (108). — С. 65–69.
482. *Флоренский П. А. Проект музея Троице-Сергиевой Лавры, составленный членами Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, профессорами П. А. Флоренским и П. Н. Каптеревым по поручению комиссии // Собрание сочинений / священник Павел Флоренский; [сост. игумена Андроника (А. С. Трубачёва)].* — Москва : Мысль, 2000. — [Т. 1] : Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. — Т. 131. — 2000. — С. 52–65. — (Философское наследие).
483. *Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. / священник Павел Флоренский; [сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачёва) и др.].* — Москва: Мысль, 1994–1999. — Т. 2. — 1996. — 878, [1] с. — (Философское наследие: ФН).
484. *Флоренский П. А. Храмовое действие как синтез искусств / П. А. Флоренский // Маковец : журнал искусств.* — Москва : «Млечный путь», 1922. — № 1. — С. 28–32.
485. *Флоренский П. А. Храмовое действие как синтез искусств / П. А. Флоренский // Архитектура и строительство Москвы : науч.-популярный журнал.* — Москва : АиСМ, 1952-. — 1988. — № 6. — С. 18–20.
486. *Фролов А. И. Живой российский музей: от прошлого к будущему / А. И. Фролов // Музей и демократия: сер. электронных изд. MUSEUM PRO.* — Вып. 1.0 / [Отв. ред. Н. А. Никишин]. — Москва : [б. и.], 1997. — С. 109–114.
487. *Фролов А. И. Из истории становления музееведческих центров России / А. И. Фролов // Музей и власть : сб. науч. тр. — [Ч. 2: Из жизни музеев].* — 1991. — С. 62–103.
488. *Хадсон К. Влиятельные музеи / Кеннет Хадсон; пер. Л. Мотылева.* — Новосибирск : Сиб. хронограф, 2001. — 194 с.
489. *Харбедия В. В. Исторические реконструкции как метод создания «живого» музея / В. В. Харбедия, Я. Д. Лычак // Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма : материалы науч.-практич. конф. студентов и аспирантов, Калининград, 14 апреля 2007 г.* — Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2007. — С. 56–61. — EDN ZTFWWB.
490. *Харитонова С. А. «Живой музей» как форма инновационной деятельности музея / С. А. Харитонова // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития : материалы Всерос. с меж-*

дунар. участ. науч.-практич. конф., Улан-Удэ, 18 апреля 2019 года. — Т. 1. — Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2019. — С. 139–141. — DOI 10.31443/978-5-89610-289-2-2019-139-141; EDN UQTFVI.

491. *Харузин Н. Н.* Среди новоселов (от Барнаула до Костина Лога) / Н. Н. Харузин // Русская мысль. — Г. 18. Март. — Москва : тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1897. — С. 18–44.
492. *Хёйзинга Й.* Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры / Йохан Хёйзинга; сост., предисл. и пер. Д. В. Сильвестрова; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 416 с.
493. *Храпов П. Н.* Музей на улице / П. Н. Храпов // Советский музей. — 1931. — № 4. — С. 40–47.
494. *Цветков М.* Красная авиация / М. Цветков // Советский музей. — 1939. — № 2. — С. 23–25.
495. *Цветнов В. А. П. Д. Барановский.* Эволюция взглядов: от музеев под открытым небом к охране культурных ландшафтов Русского Севера (1920–1970-е годы) / В. А. Цветков // Academia. Архитектура и строительство. — 2018. — № 2. — С. 35–39. — DOI 10.22337/2077-9038-2018-2-35-39.
496. Центр «Винзавод» [сайт]. — 2025. — URL: <https://winzavod.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).
497. *Чайковский Е.* Музеям под открытым небом — 100 лет / Е. Чайковский // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. — Москва : НИИК, 1991 (1992). — С. 10–25.
498. *Черненко В. В.* Опыт модернизации экспозиции «Земля и ее геосфера» / В. В. Черненко, В. Ф. Резников, Ю. В. Миронов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2010. — № 15 (58). — С. 242–249.
499. *Чернявская Е. Н.* Тематический парк как феномен современной культуры / Е. Н. Чернявская, Э. Л. Базарова // Вопросы культурологии. — 2014. — № 4. — С. 51–58.
500. *Чеснокова М. Н.* Эволюция музеиной экспозиции как знаковой системы: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Чеснокова Мария Николаевна; С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2010. — 29 с.
501. *Чувилова И.* Классификация музеев и проблемы наследия / И. Чувилова // Музей. — 2009. — № 5. — С. 20–25.
502. *Чуклина Т. И.* Метод погружения как актуальный метод построения музеиной экспозиции: 24.00.03 : автореф. дис. ... канд. культурологии / Чуклина Татьяна Изосимовна; С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2011. — 24 с.

503. Чурсин Г. Ф. Население / Г. Ф. Чурсин // Закавказье. Советские республики: Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Аджаристан, Юго-Осетия, Наг. Карабах, Нахичевань : статистико-экономический сб. — Издание высшего экономического совета З.С.Ф.С.Р., 1925. — С. 141–158.
504. Шагжина З. А. Музеи «in situ» в музейной сети Республики Бурятия: к постановке проблемы музеификации новых объектов / З. А. Шагжина // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2017. — № 4 (4). — С. 93–97. — EDN YLZWQN.
505. Шангина И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX века / И. И. Шангина // Советская этнография. — 1991. — № 2. — С. 71–81.
506. Шатковская Е. Ф. «Заповеданное Кенозерье» в научном и личном пространстве Ю. А. Веденина / Е. Ф. Шатковская, М. Н. Мелютина // В фокусе наследия : сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт географии РАН, 2017. — С. 577–594.
507. Шахнович М. М. История науки в антирелигиозных экспозициях Ленинграда 1920–1950-х гг. / М. М. Шахнович // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : труды III Всерос. науч. конф., Нижний Новгород, 26–28 ноября 2021 г. / Русское общество истории и философии науки. — Москва : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. — С. 419–423.
508. Шварова М. В. Концепция «живого музея» П. А. Флоренского / М. В. Шварова // П. А. Флоренский и современность : материалы науч. конф., 9–12 октября 2007 г., Калининград. — Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2007. — С. 73–77. — EDN WZPEJU.
509. Шендрек А. И. Теория культуры : учеб. пособие для студентов вузов по дисциплине «Культурология» / А. И. Шендрек. Москва : ЮНИТИ : Единство, 2002. — 519 с. — (Cogito ergo sum. Urbi et orbi).
510. Шиляев А. П. Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» в организации «Живого музея» средневековой истории / А. П. Шиляев // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: традиции и модернизация современного высшего образования : материалы респ. науч.-методич. конф. : в 4 ч., Гомель, 10–11 марта 2016 г. — Ч. 1. — Гомель : Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2016. — С. 363–366. — EDN TEVBFR.

511. *Шиляев А. П.* Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» с одаренной молодежью при организации мероприятия «Музей живой истории» / А. П. Шиляев // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа — университет — предприятие» : материалы XI междунар. науч.-методич. конф., Гомель, 23–24 ноября 2017 г. — Гомель : Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2017. — С. 714–717. — EDN NIYPOG.
512. *Шляхтина Л. М.* Музейная педагогика : учеб.-методич. пособие / Л. М. Шляхтина. — Санкт-Петербург : СПбГИК, 2021. — 60 с.
513. *Шляхтина Л. М.* Музейно-педагогическая мысль в России : исторические очерки: [монография] / Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. агентство по культуре и кинематографии, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2006. — 271 с.
514. *Шляхтина Л. М.* Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей / Л. М. Шляхтина // Вопросы музеологии. — 2010. — № 1 (1). — С. 44–49. — EDN OOATHF.
515. *Шмелев В. Г.* Музеи под открытым небом : очерки истории возникновения и развития / В. Г. Шмелев. — Киев : Наук. думка, 1983. — 119 с.
516. *Шмит Ф. И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции / Ф. И. Шмит; Гос. ин-т истории искусств. — Ленинград : Academia, 1929. — 245, [1] с.
517. *Шнеерсон Н. А.* Об опытно-показательных учреждениях при краеведческих музеях / Н. А. Шнеерсон // Советский музей. — 1931. — № 4. — С. 48–52.
518. *Шола Т. С.* Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музеиных грехов / Томислав С. Шола. — Тула : Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. — 356, [1] с.
519. *Шубина Т. В.* Коммуна в Горках / Т. В. Шубина // Музейный сборник. — Вып. 12 : Материалы научной конференции «Наше наследие. История и культура русской провинции», проходившей 22–23 октября 2008 г. — 2009. — С. 11–23.
520. *Шулепова Э. А.* Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: 24.00.02, 24.00.03 : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Шулепова Элеонора Александровна; Рос. ин-т культурологии. — Москва, 1998. — 42 с.
521. *Шульгин П. М.* Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории / П. М. Шульгин // Тезисы докладов II Междунар. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий / Науч. ред. Ю. А. Веденин. — Москва : [б. и.], 1992. — С. 18–32.

522. Шульгин П. М. Перспективы создания природного парка «Пунси» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа / П. М. Шульгин // Болота и люди : материалы междунар. семинара «Болота и археология» (01.09.1998–09.09.1998). — Москва : Институт Наследия, 2000. — С. 193–204.
523. Шульгин П. М. Ясная Поляна: опыт использования историко-культурного наследия / П. М. Шульгин // Россия и современный мир. — 2005. — № 3 (48). — С. 235–240.
524. Щепеткова И. А. Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями: 24.00.03 : дис. ... канд. культурологии / Щепеткова Ирина Анатольевна; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — Санкт-Петербург, 2006. — 249 с.
525. Экоиндустриальный технопарк «Старый Демидовский завод» // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» [официальный сайт]. — 2025. — URL: https://museum-nt.ru/content/visit/museum/museum.php?ELEMENT_ID=39 (дата обращения: 18.05.2025).
526. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» : монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2021. — 438 с. — DOI 10.34685/HI.2020.11.84.020.
527. Эстетические воззрения П. А. Флоренского : науч.-аналит. обзор / [И. Л. Галинская]. — Москва : ИНИОН, 1991. — 67 с. — (Сер. «Наследие отечественного обществоведения». АН СССР, ИНИОН).
528. Этнографическая выставка 1867 года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшего при Имп. Московском университете: Этнографическая выставка тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшего при Имп. Московском университете: Ист. очерк устройства Выст., описание и перечень предметов, бывших на Выст. и протоколы заседаний Ком. по устройству Выст.: Изд. Ком. Антропол. выставки. — Москва : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. — [4], II, 93 с., 19 л. ил.; 32. — (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; Т. 29 [вып. 1]).
529. Юренева Т. Ю. Музееоведение : учебник для подготовки кадров высшей квалификации / Т. Ю. Юренева; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва : Институт Наследия, 2020. — 438 с.
530. Юренева Т. Ю. Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция: 24.00.01 : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Юренева Тамара Юрьевна; Моск. пед. гос. ун-т. — Москва, 2004. — 36 с.

531. *Юренева Т. Ю.* Музей в мировой культуре / Т. Ю. Юренева. — Москва : Рус. слово, 2003. (Вологда : ПФ Полиграфист). — 532 с.
532. *Юхневич М. Ю.* Я поведу тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич; М-во культуры РФ; Рос. ин-т культурологии. — Москва : Рос. ин-т культурологии, 2001. — 224 с.
533. *Candlin F.* Micromuseology: An Analysis of Small Independent Museums / Fiona Candlin. — Bloomsbury : London, 2016. — 224 p.
534. *Dana J. C.* A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it Will Profit a City to Maintain: No. 4 of the New Museum Series / John Cotton Dana. — Woodstock, Vermont : ElmTree Press, 1920. — 57 p.
535. *Dana J. C.* Installation of a Speaker and Accompanying Exhibits: No. 3 of the New Museum Series / John Cotton Dana. — Woodstock, Vermont : ElmTree Press, 1917. — 25 p.
536. *Dana J. C.* The Gloom of the Museum: No. 2 of the New Museum Series / John Cotton Dana. — Woodstock, Vermont : ElmTree Press, 1917. — 45 p.
537. Economusee Network Society. — 2025. — URL: <https://artisansaloeuvre.com/en/economusee-network-society/> (дата обращения: 19.09.2025).
538. *Laporte M. V.* Genèse de l'économuséologie / Marie Vaillancourt Laporte // Material Culture Review. — Vol. 80–81, 2014–2015. — P. 123–133. — Érudit Consortium [сайт]. — 2025. — URL: https://id.erudit.org/iderudit/mcr80_81art09 (дата обращения: 06.11.2025).
539. Living History Reader / ed. J. Anderson; American Association for State and Local History. — Vol. I: Museums. — Nashville : Rowman & Littlefield Publishers, 1991. — 240 p.
540. *McNeil T. J.* A Site for Convergence and Exchange: Designing the Twenty-first-century University Art Museum / Timothy J. McNeil // The Future of Museum and Gallery Design: Purpose, Process, Perception / ed. S. MacLeod, T. Austin, J. Hale, O. H. Hing-Kay. — London and New York : Routledge, 2018. — Pp. 100–115.
541. *Simard C.* Économuséologie, comment rentabiliser une entreprise culturelle / Cyril Simard. — Montréal : Centre Éducatif et Culturel inc., 1989. — 170 p.
542. The living history anthology: perspectives from ALHFAM / Ed. Martha B. Katz-Hyman, Cliff Jones, Susan J. McCabe and Mary Seelhorst; Association for Living Historical Farms and Agricultural Museums (U.S.). — New York, NY : Routledge, 2019. — 262 p. (EPUB).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ЗОТОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

Старший научный сотрудник Центра экспозиционно-выставочной деятельности музеев, кандидат культурологии. В 2012 г. окончила Московский государственный университет дизайна и технологии (РГУ имени А. Н. Косыгина) по специальности «Социальная антропология». В 2024 г. окончила аспирантуру Института Наследия по специальности 5.10.2 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов». Работала в Историко-этнографическом кабинете-музее им. Н. Н. Чебоксарова в Институте этнологии и антропологии РАН (2013 г., Москва), в Государственном историческом музее-заповеднике «Горки Ленинские» (2017–2020 гг., Московская обл.).

Сфера научных интересов: культурологические и музееведческие исследования; история и школы российской культурологии; проблемы научных исследований; история музейного дела и музееведения в России; история и тенденции развития музеев под открытым небом и музеев-заповедников; концепция «живого музея»; методы, технологии и тенденции экспозиционно-выставочной деятельности российских музеев; проектирование музейных экспозиций и планирование музейной деятельности; разработка концепций развития музеев и концепций музеификации историко-культурных объектов.

В 2019–2025 гг. участвовала в разработке концепций развития музеев, сценариев музейных экспозиций, концепций музеификации объектов культурного наследия, в том числе: Концепции перспективного развития особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации «Ансамбль Новодевичьего монастыря» как объекта культурного наследия и как объекта музейного показа

(Москва); ряда концептуальных документов для военно-исторического музеино-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов» (Санкт-Петербург); Концепции системы экспозиций Музея истории ВМФ России и сюжетно-тематической структуры стационарной экспозиции «Московская летопись Военно-морского флота России» (Москва, МПК «Северное Тушино»); Концепции музееификации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки (Музей-заповедник «Горки Ленинские», Московская область); Сценария стационарной экспозиции «Политическая история России» (Музей политической истории России, Санкт-Петербург). С 2024 г. ведёт курс для аспирантов и соискателей Института Наследия по дисциплине «Научно-исследовательская деятельность и подготовка диссертации к защите».

Научное издание

Зотова Татьяна Анатольевна

**КОНЦЕПЦИЯ
«ЖИВОГО МУЗЕЯ»
в российском музееоведении**

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Корректура: *И. А. Птицын*

Компьютерная вёрстка: *О. В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Тираж 40 экз. Заказ № 223680.
Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.